

**ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ДРУЖБЫ НАРОДОВ
СЕРИЯ:
СОЦИОЛОГИЯ**

2024 Том 24 № 2

**Научный журнал
Издается с 2001 г.**

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61214 от 30.03.2015 г.
Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

**RUDN JOURNAL
OF SOCIOLOGY**

2024 Volume 24 No. 2

**Founded in 2001
by the Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba**

DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-2

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: СОЦИОЛОГИЯ

ISSN 2408-8897 (online); 2313-2272 (print)

4 выпуска в год.

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Публикует статьи по научным специальностям согласно номенклатуре ВАК РФ: 22.00.00 — социологические науки и 09.00.11 — социальная философия. Журнал включен в ядро РИНЦ, RSCI, Scopus, ERICH PLUS, Directory of Open Access Journals (DOAJ), Ulrich's Periodicals Directory, EBSCOhost, Google Scholar, WorldCat, Electronic Journals Library Cyberleninka. Журнал индексируется в базе данных Web of Science — Emerging Sources Citation Index (Clarivate Analytics). Подписной индекс издания в каталоге агентства Роспечать 20826.

Цели и тематика

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология» — периодическое международное рецензируемое научное издание в области социологических исследований. Журнал является международным как по составу редакционной коллегии и экспертного совета, так и по авторам и тематике публикаций.

Цели журнала: публикация результатов фундаментальных и прикладных научных исследований по актуальным вопросам социологической науки, широкий обмен результатами теоретических и эмпирических исследований между специалистами, работающими в различных областях социально-гуманитарного знания. На страницах журнала публикуются материалы по историографии мировой социальной мысли как классического, так и современного периода; статьи по результатам фундаментальных и прикладных исследований по проблематике специальных социологических теорий, по методологии и методике социологических исследований и др. В журнале выступают специалисты, представляющие ведущие научные социологические центры, институты, организации, а также вузы России и зарубежных стран. Широкая тематика журнала представляет возможность публиковаться в нем представителям смежных специальностей (политологам, историкам, экономистам и т.д.), опирающимся в своих исследованиях на эмпирические социологические данные. Кроме научных статей публикуется хроника научной жизни, включающая рецензии, научные обзоры, информацию о конференциях, научных проектах.

Журнал строго придерживается международных стандартов публикационной этики, обозначенных в документе COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org>.

Полные сведения о журнале и его редакционной политике, требования к подготовке и публикации статей, архив (полнотекстовые выпуски с 2008 года) и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/sociology>.

Электронный адрес: socioj@rudn.ru.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

RUDN JOURNAL OF SOCIOLOGY

ISSN 2408-8897 (online); 2313-2272 (print)

4 issues per year.

Languages: Russian, English.

Indexed/abstracted in RSCI, Scopus, ERICH PLUS, Directory of Open Access Journals (DOAJ), Ulrich's Periodicals Directory, EBSCOhost, Google Scholar, WorldCat, Electronic Journals Library Cyberleninka. The journal is indexed and abstracted in the Web of Science — Emerging Sources Citation Index (Clarivate Analytics).

Aims and Scope

Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia (RUDN Journal of Sociology) is a peer-reviewed international academic journal publishing research in sociology and related fields. It is international with regard to its editorial board, contributing authors and thematic foci of the publications.

The aims of the journal: to publish the results of fundamental and applied research on the topical issues of sociology, and to ensure a broad exchange of the results of theoretical and empirical studies between scientists from different fields of social sciences and humanities. In the journal one can find papers on the historiography of the classical and modern periods of the world social thought; on the results of fundamental and applied research devoted to the problems considered by special sociological theories; on the difficulties in choosing methodological approaches and techniques for the study of complex social phenomena, etc. The journal publishes papers of the authors representing the leading sociological centers, institutes, organizations, and universities in Russia and abroad. The thematic 'repertoire' of the journal presents opportunities for authors from many disciplinary fields (political scientists, historians, economists, etc.) relying on the empirical sociological data in their research. The journal also welcomes book reviews, literature overviews, and conference reports.

The journal is published in accordance with the policies of COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org>.

Further information regarding the journal, its editorial board, requirements to articles for contributors, and the journal's archive (full-text issues from 2008) and additional information are available at <http://journals.rudn.ru/sociology>.

E-mail: socioj@rudn.ru.

Подписано в печать 10.06.2024. Выход в свет 20.06.2024. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 25,73. Тираж 500 экз. Заказ № 610. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» (РУДН)

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН: 115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3

© Российский университет дружбы народов, 2024

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Нарбут Н.П., доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии Российского университета дружбы народов, Россия. E-mail: narbut-np@rudn.ru

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Троцук И.В., доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии Российского университета дружбы народов, Россия. E-mail: trotsuk-iv@rudn.ru

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

Базаров А. В., доктор исторических наук, профессор, академик РАН, директор Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

Бакиров В.С., доктор социологических наук, профессор, научный руководитель Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина, академик НАН Украины, президент Украинской социологической ассоциации (Украина)

Гаспаривили А.Т., кандидат философских наук, доцент, заместитель директора Центра стратегии развития образования МГУ им. М.В. Ломоносова

Галенкова З.Т., доктор философских наук, профессор, руководитель Центра исследований социальной структуры и социального расслоения Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН

Горшков М.К., академик РАН, доктор философских наук, научный руководитель Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, директор Института социологии ФНИСЦ РАН

Данилов А.Н., доктор философских наук, член-корреспондент НАН Беларуси, заведующий кафедрой социологии Белорусского государственного университета (Белоруссия)

Диас Николас Х., доктор политологии, профессор факультета политических наук и социологии Мадридского университета Комплутенсе (Испания)

Егорышев С.В., доктор социологических наук, главный научный сотрудник Института социально-экономических исследований Уфимского федерального исследовательского центра РАН

Иванов В.Н., член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор, советник РАН

Ивченков С.Г., доктор социологических наук, профессор, декан социологического факультета Саратовского национально-исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского

Куропятник М.С., доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой культурной антропологии и этнической социологии Санкт-Петербургского государственного университета

Назарова И.Б., доктор экономических наук, заведующая лабораторией исследования здоровья населения и системы здравоохранения Института социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН

Пан Д., доктор социологических наук, профессор Института социологии Шанхайской академии общественных наук (КНР)

Подвойский Д.Г., кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры социальной философии и философии истории философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Пузанова Ж.В., доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии, заведующая лабораторией социологических и фокус-групповых исследований факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов

Чамбаликова М., доктор философии (социология), профессор, научный сотрудник Института социологии Словацкой академии наук, заведующая кафедрой социологии и социальной психологии высшей школы Данубиуса (Словакия)

Шастри С., доктор философии, профессор, вице-канцлер университета Джагран Лейксити (Индия)

Шнайдер С., доктор философии (социология), профессор Федерального университета Рио-Гранде-ду-Сул (Бразилия)

Шубрт И., доктор философии (социология), профессор факультета гуманитарных исследований Карлова университета (Чехия)

Шувакович У., доктор социологических наук, профессор кафедры философии и социальных наук, Белградский университет (Сербия)

Эбзева Ю.Н., доктор социологических наук, первый проректор-проректор по образовательной деятельности Российского университета дружбы народов

Литературный редактор *К.В. Зенкин*

Компьютерная верстка: *И.А. Чернова*

Адрес редакции:

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции:

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2

Тел.: +7 (495) 434-20-12; e-mail: socioj@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

EDITOR-IN-CHIEF

Narbut N.P., D.Sc (Sociology), Professor, Head of Sociology Chair, RUDN University, Moscow, Russia.
E-mail: narbut-np@rudn.

EXECUTIVE SECRETARY

Trotsuk I.V., D.Sc (Sociology), Professor, Sociology Chair, RUDN University, Moscow, Russia.
E-mail: trotsuk-iv@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

Bakirov V.S., D.Sc (Sociology), Professor, Scientific Director of V.N. Karazin Kharkiv National University, Academician of National Academy of Sciences of Ukraine, President of Ukrainian Sociological Association (Ukraine)

Bazarov A.V., D.Sc (History), Professor, Academician of Russian Academy of Sciences, Head of Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of Siberian Branch of RAS (Russia)

Čambáliková M., PhD (Sociology), Professor, Researcher, Institute of Sociology of Slovak Academy of Sciences; Head of Sociology and Social Psychology Chair, Higher School Danubius (Slovakia)

Danilov A.N., D.Sc. (Philosophy), Corresponding Member of National Academy of Sciences of Belarus, Head of Sociology Chair, Belarusian State University (Belarus)

Díez Nicolás J., D.Sc (Political Sciences), Professor, School of Political Sciences and Sociology, Complutense University of Madrid (Spain)

Ebzeeva Yu.N., D.Sc (Sociology), First Vice-Rector for Educational Work, RUDN University (Moscow, Russia)

Egoryshev S.V., D.Sc (Sociology), Senior Researcher, Institute of Social and Economic Studies, Ufa Federal Research Centre of Russian Academy of Sciences

Gasparishvili A.T., PhD (Philosophy), Associate Professor, Deputy Director, Center for Educational Development, Lomonosov Moscow State University (Russia)

Golenkova Z.T., D.Sc (Philosophy), Professor, Head of Center for Social Structure and Social Differentiation, Federal Sociological Research Center of Russian Academy of Sciences (Russia)

Gorshkov M.K., D.Sc (Philosophy), Academician of Russian Academy of Sciences, Scientific Director of Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of Russian Academy of Sciences, Head of Institute of Sociology of FCTAS of RAS (Russia)

Ivanov V.N., D.Sc (Philosophy), Professor, Corresponding Member and Advisor, Russian Academy of Sciences (Russia)

Ivchenkov S.G., D.Sc (Sociology), Professor, Dean of Faculty of Sociology, Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky (Russia)

Kuropjatnik M.S., D.Sc (Sociology), Professor, Chair of Cultural Anthropology and Ethnic Sociology, Saint Petersburg State University (Russia)

Nazarova I.B., D.Sc (Economics), Head of Laboratory for Population Health and Health System Studies, Institute of Socio-Economic Studies of Population, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of Russian Academy of Sciences (Russia)

Pan D., D.Sc (Sociology), Professor, Sociology Institute of Shanghai Academy of Social Sciences (China)

Podvoyskiy D.G., PhD (Philosophy), Associate Professor, Chair of Social Philosophy and Philosophy of History, Lomonosov Moscow State University (Russia)

Puzanova Zh.V., D.Sc (Sociology), Professor, Head of Laboratory of Sociological and Focus-Group Research, RUDN University (Russia)

Schneider S., D.Sc (Sociology), Professor of Sociology of Rural Development and Food Studies, Federal University of Rio Grande do Sul (Brazil)

Shastri S., PhD (Philosophy), Professor, Vice Chancellor, Jagran Lakecity University (India)

Šubrt J., PhD (Sociology), Professor, Faculty of Humanities, Charles University (Czech Republic)

Šuvaković U., D.Sc (Sociology), Professor, Department of Philosophy and Social Sciences, University of Belgrade (Serbia)

Review Editor *Konstantin V. Zenkin*

Computer design: *Irina A. Chernova*

Editorial office:

Postal Address of the Editorial Board:

10 Miklukho-Maklaya str., bldg. 1, 117198 Moscow, Russian Federation

Ph. +7 (495) 434-20-12; e-mail: socioj@rudn.ru

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University), Moscow, Russian Federation

6 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russian Federation

Printed at the RUDN Publishing House: 3 Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russian Federation,

+7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ, ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

Давыдов С.А. Вертикальная дифференциация ранних незападных обществ: фактор обеспеченности ресурсами	277
Кильдюшов О.В. Отменяя Вебера: стратегии борьбы с классиком столетие назад и сегодня	293
Бродский В.И. Воинская иррегулярность и проблема социального порядка в свете «Теории партизана» Карла Шмитта: между политическим и криминальным	308

СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Алешковский И.А., Гаспаришвили А.Т., Нарбут Н.П., Крухмалева О.В., Савина Н.Е. Российские студенты о возможностях и ограничениях использования искусственного интеллекта в обучении	335
Меньшиков В., Комарова В., Болякова И., Ружа А., Ружа О. Социологическая трактовка и попытка междисциплинарного исследования искусственной социальности и искусственного интеллекта	354
Барков С.А., Цзе Чжан. Политика новой урбанизации в Китае: причины и перспективы (на англ. яз.)	379
Назаров М.М., Иванов В.Н. Популярность журналисты и блогеры в российской информационной среде: доверие и социальные представления аудитории	387
Перич Ромич Р., Милошевич Шошо Б. Восприятие сербскими студентами современного медийного освещения критических ситуаций (на англ. яз.)	404
Великая Н.М., Ирсетская Е.А. Идеологические основания конструирования образа будущего в сознании современной студенческой молодежи	414
Бараш Р.Э., Тюрина И.О. Студенческая молодежь: психоэмоциональный и социальный автопортрет (по результатам фокус-групп)	430
Мильтоевич В., Мантарова А., Петрович Я. Уехать или остаться: установки сербского и болгарского студенчества, определяющие этот выбор (на англ. яз.)	445
Еникеева И.И. Особенности восприятия и конструирования сакральных образов представителями поколения Z (на примере студентов технического вуза Республики Башкортостан)	460

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЛЕКТОРИЙ

Троцук И.В., Воронина В.А. Татуировка как предмет социологического интереса: несколько функциональных особенностей в современном обществе	477
Тев Д.Б. Высокопоставленные чиновники министерств социального блока российского правительства: каналы рекрутирования и карьера	493
Ракова К.В. Уровни и компоненты социальной идентичности современного российского общества	510
Ивлева М.Л., Нежникова Е.В., Сафронова Н.Б. Опыт исследования влияния коучинговых методов на повышение эффективности образовательного процесса в высшей школе	523
Дюдикова Е.И., Куницына Н.Н. Поляризация информационного общества: цифровая перезагрузка	539
НАШИ АВТОРЫ	555

CONTENTS

HISTORY, THEORY AND METHODOLOGY OF SOCIOLOGICAL RESEARCH

Davydov S.A. Vertical differentiation of the early non-Western societies: A factor of resource availability 277

Kildyushov O.V. Canceling Weber: Strategies of struggle with the classic a century ago and today 293

Brodskiy V.I. Military irregularity and the problem of social order in the light of Carl Schmitt's *Theory of the Partisan*: Between the political and the criminal 308

CONTEMPORARY SOCIETY: THE URGENT ISSUES AND PROSPECTS FOR DEVELOPMENT

Aleshkovski I.A., Gasparishvili A.T., Narbut N.P., Krukhmaleva O.V., Savina N.E. Russian students on the potential and limitations of artificial intelligence in education 335

Menshikov V., Komarova V., Bolakova I., Ruza A., Ruza O. Sociological interpretation and an attempt at interdisciplinary study of artificial sociality and artificial intelligence 354

Barkov S.A., Jie Zhang. New urbanization policy in China: Causes and prospects 379

Nazarov M.M., Ivanov V.N. Popular journalists and bloggers in the Russian media space: Trust and social perceptions of the audience 387

Perić Romić R., Milošević Šošo B. Serbian students' perception of the contemporary media coverage of critical situations 404

Velikaya N.M., Irsetskaya E.A. Ideological foundations of the image of the future among the contemporary student youth 414

Barash R.E., Tyurina I.O. Student youth: Psycho-emotional and social self-portrait (based on the results of focus groups) 430

Miltojević V.D., Mantarova A., Petrović J.S. Leave or stay: Serbian and Bulgarian university students' attitudes determining the decision 445

Enikeeva I.I. Features of the perception and construction of sacred images by the generation Z (on the example of the technical university in the Republic of Bashkortostan) 460

SOCIOLOGICAL LECTURES

Trotsuk I.V., Voronina V.A. Tattoo as an object of sociological interest: Some functional features in the contemporary society 477

Tev D.B. High-ranking officials of Russia's social ministries: Recruitment channels and careers 493

Rakova K.V. Levels and components of the social identity of the contemporary Russian society 510

Ivleva M.L., Nezhnikova E.V., Safronova N.B. The study of the impact of coaching on the efficiency of learning in the higher education 523

Dyudikova E.I., Kunitsyna N.N. Polarization of the information society: Digital reset 539

AUTHORS 555

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ, ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

HISTORY, THEORY AND METHODOLOGY OF SOCIOLOGICAL RESEARCH

DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-2-277-292

EDN: NQWWVN

Вертикальная дифференциация ранних незападных обществ: фактор обеспеченности ресурсами*

С.А. Давыдов

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
ул. Садовая, 21, Санкт-Петербург, 191023, Россия

(e-mail: licurg@inbox.ru)

Аннотация. Цель статьи — обоснование влияния ресурсного фактора на дифференциацию ранних незападных обществ. Автор использовал обширный исторический и антропологический материал и аналитические средства классических и современных социологических теорий и делает вывод, что в научной литературе достаточность жизненных средств рассматривается как значимый фактор социогенеза. Однако направленность и механизм действия этого фактора интерпретируются по-разному в силу качественного различия тех обществ, которые оказываются в фокусе внимания исследователей. Увеличение количества жизненных средств могло сыграть стимулирующую роль в процессе усложнения социальной структуры обществ, уже располагающих относительно развитыми производящими технологиями, делавшими возможным институциональное закрепление права частной собственности на средства производства. Здесь рост богатства приводил к активизации обмена и, соответственно, возникновению социального неравенства и в конечном счете государства. Иначе процесс социальной дифференциации протекал в обществах, вынужденных существенно повышать эффективность экономики, но не располагавших ни развитыми производящими технологиями, ни возможностью их заимствования у соседей. Здесь рост населения, не подкрепленный повышением производительности труда, приводил к дефициту жизненных средств. Для его преодоления люди были вынуждены искать более эффективные формы организации труда, предполагающие вовлечение больших масс общинников в решение общехозяйственных задач, что наилучшим образом обеспечивала иерархически организованная социально-эко-

*© Давыдов С.А., 2024

Статья поступила в редакцию 05.02.2024 г. Статья принята к публикации 13.05.2024 г.

номическая система с элементами принуждения и планирования. В некоторых местностях население осваивало технологии ирригационного земледелия, что еще более ускоряло социальную дифференциацию. В рамках новой социальной структуры родовые отношения до поры сохранялись, однако лишь как средство легитимации нового порядка. По мере укрепления вертикально-интегрированные отношения переставали нуждаться в оправдании — получали легитимацию и становились господствующими.

Ключевые слова: вертикальная интеграция; производящее хозяйство; социальная иерархия; ранние незападные общества; социальная структура, ресурсы жизнеобеспечения

В общественной науке практически сложился консенсус относительно того, что переход архаического общества от недифференцированного к иерархическому устройству был тесно связан со сменой парадигмы хозяйственной деятельности и выражал неотвратимую логику общественных изменений, которые, по мнению Г. Спенсера, «должны закончиться следующим образом: усложнением» [31. С. 80]. Многие представители классической и современной социологии усматривали источники формирования вертикально-интегрированных структур в первобытном обществе преимущественно в хозяйственной сфере, в частности, отмечая обеспеченность архаического общества жизненными средствами. Значимость этого фактора подтверждается археологическими и антропологическими материалами изучения незападных архаических обществ. Вот только направленность и механизм действия этого фактора оценивается в рамках различных методологических школ совершенно по-разному, что, вероятно, объясняется качественным различием тех обществ, что оказывались в фокусе внимания.

Влияние ресурсного фактора на социогенез незападных архаических обществ в контексте марксистской парадигмы

Несомненно, наиболее знаком отечественному социологу тот подход к объяснению влияния обеспеченности древнего общества хозяйственными благами на усложнение его социальной структуры, что был предложен основоположниками марксистской социологии — К. Марксом и Ф. Энгельсом. Этот подход основывался на методологической посылке о решающем значении материальных факторов в формировании и развитии общества. Так, Маркс в предисловии к «Критике политической экономии» писал: «Мои исследования привели меня к тому результату, что правовые отношения, так же точно, как и формы государства, не могут быть поняты ни из самих себя, ни из так называемого общего развития человеческого духа, что, наоборот, они коренятся в материальных жизненных отношениях ...и что анатомию гражданского общества следует искать в политической экономии... В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения — производственные, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производи-

тельных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальные, политический и духовный процессы жизни вообще» [50. С. 6]. «Возьмите определенную ступень развития производства, общения и потребления, и вы получите определенный общественный строй, определенную организацию семьи, сословий или классов» [49. С. 402].

В рамках марксистской парадигмы выстраивалась следующая линия объяснения социального прогресса: отношения собственности, лежащие в основе производственных отношений, порождали антагонистические противоречия между имущими и неимущими классами, прежде всего, по поводу распределения благ, что создавало ситуацию непримиримой борьбы между имущими и неимущими классами, в результате чего происходил слом прежних и установление новых, более прогрессивных производственных отношений. В этой теоретической схеме классовая борьба заняла место «локомотива истории», а социальная история стала пониматься как прежде всего история борьбы классов. Как писал Энгельс в предисловии к немецкому изданию «Манифеста коммунистической партии», «со времени разложения первобытного общинного землевладения вся история была историей классовой борьбы, борьбы между эксплуатируемыми и эксплуатирующими, подчиненными и господствующими классами» [61. С. 2].

Определяющая роль материальных факторов в формировании облика общества постулировалась Марксом и Энгельсом не только в анализе социальностей с относительно развитой экономикой и институционально оформленными отношениями собственности, но и тех, где классовая структура только зарождалась. Ключевым условием, определявшим направление и скорость общественного прогресса на ранних его этапах, объявлялся рост производительности труда и общественного богатства: «Чем меньше развит труд, чем более ограничено количество его продуктов, а, следовательно, и богатство общества, тем сильнее проявляется зависимость общественного строя от родовых связей. Между тем в рамках этой, основанной на родовых связях структуры общества все больше и больше развивается производительность труда, а вместе с ней — частная собственность и обмен, имущественные различия, возможность пользоваться чужой рабочей силой и тем самым основа классовых противоречий... Старое общество, покоящееся на родовых объединениях, взрывается в результате столкновения новообразовавшихся общественных классов; на его место заступает новое общество, организованное в государство, низшими звеньями которого являются уже не родовые, а территориальные объединения, — общество, в котором... отныне свободно развертываются классовые противоречия и классовая борьба, составляющие содержание всей писаной истории вплоть до нашего времени» [62. С. 25–26].

Тем самым, согласно марксистской традиции, именно появление излишков средств жизнеобеспечения порождало в древнем обществе частную собственность и обмен, что неизбежно приводило к социальному неравенству и формированию антагонистических классов, и, в конечном счете, вертикально-интегрированных структур и государства. Впрочем, подобные модельные представления едва ли могли обеспечить требуемую полноту описания социального развития древних обществ без учета тех ограничений, которые классики марксистской социологии вынуждены были принять при определении эмпирической основы своих выводов. Ее составляли факты о жизни наиболее изученных к середине — концу XIX века архаических обществ — как существовавших на тот момент, так и ушедших в историю. В результате в фокусе внимания классиков марксизма оказались, прежде всего, индейцы Северной Америки (преимущественно ирокезские племена), а также оставившие заметный след в европейской истории античные полиитии (Афины и Рим) и современные им варварские общества (галльские и германские племена). Конечно, Маркс и его последователи не могли не понимать, что такой эмпирический плацдарм не был надежной основой универсальной модели формирования вертикально-интегрированных обществ, которая могла быть применена к анализу становления социальной иерархии в незападных обществах.

Действительно, ирокезские племена Северной Америки к моменту встречи с европейцами не успели завершить строительство «цивилизованного общества» и потому не смогли предоставить нам эмпирических подтверждений неизбежности вырастания основанного на эксплуатации классового общества из родового строя. Успешно же преодолевшие этот путь древние племена Европы (галлы и германцы) оказывались догоняющими по отношению к более продвинутым культурам Средиземноморья, и, безусловно, находились под их сильным влиянием, а последние, в свою очередь, формировались под воздействием древних культур Востока и складывались в уникальных природно-географических условиях, во-многом определивших оригинальность их социально-экономической организации. В связи с этим в описании хронологической линейки развития древнего общества Маркс вынужден был признать существование особого «азиатского» способа производства, логика развития которого отличается от европейской [48. С. 710]. Похоже, что этим он имплицитно констатировал отсутствие интеллектуальных претензий на то, чтобы в рамках формационного подхода дать всеобъемлющее теоретическое описание некоего универсального пути формирования ранних вертикально-интегрированных обществ.

Тем не менее, многие сегодня разделяют марксистское понимание той роли, которую сыграло возрастание общественного богатства в процессе социогенеза архаического общества — в отношении не только европейских, но и незападных ранних обществ. В модифицированном виде это положение

ние отразилось в утверждении о значении концентрации богатства в руках вождей, стремящихся институционализировать верховную власть в первобытном обществе. Так, принимая введенное Р.В. Эмерсоном сравнение социальных институтов и структур «увеличенной тенью одного человека» [10. С. 3] и отталкиваясь от посылки Спенсера, что «возникновение простого политического руководства, равно как и развитие сложного политического руководства, определяется условиями, а не намерениями» [32. С. 395], исследователи делают вывод о роли заинтересованности вождей в создании таких условий и фиксируют многочисленные примеры подобной деятельности, прежде всего поощрение ремесел и торговли. В этом контексте обычно рассматриваются скифское художественное литье из бронзы [44. С. 34], технологические сооружения для выплавки железа хунну [54. С. 265–269], тюркские предприятия по производству и продаже железа, олова, серебра и золота [43. С. 74], художественные изделия из металлов [58] и ремесленно-торговая деятельность Уйгурского каганата [47. С. 5], контролировавшего производство ремесленных изделий из золота, серебра и нефрита [47. С. 59] и торговлю ими [47. С. 30], и др.

Обобщая деятельность вождей по стимулированию и организации ремесла и торговли с целью концентрации богатства в своих руках, М. Вэбб полагал, что в известных обстоятельствах она способна сыграть не только важную, но и решающую роль в росте их авторитета и увеличении числа сторонников [36]. Логическим продолжением данной аргументации стала гипотеза К. Экхольм о значении престижных товаров в становлении вертикально-интегрированных структур в архаических обществах Центральной Африки [9].

Однако в качестве примеров, подтверждающих зависимость социального прогресса от увеличения общественного богатства и его концентрации в руках верховных правителей, как правило, рассматривались общества с развитыми производящими технологиями или контролирующими их: домохозяйства могли самостоятельно обеспечивать себя жизненными ресурсами и выстраивать между собой систему экономических отношений, основанных на институционализированной частной собственности и обмене. В таких обществах хозяйственные блага действительно обретали важное значение в социальной жизни, а их концентрация становилась социальным маркером, источником власти и условием роста социальной дифференциации. В то же время история знает примеры обществ, где собственность на основные средства производства считалась «большим неудобством, так как хозяину не будет помощников в тех делах, с которыми самому ему не справиться» [42. С. 283]. Такие общества или сильно ограничивали хозяйственных агентов в правах собственности, или лишали их таких прав, но успешно выстраивали высокодифференцированные производящие хозяйства и общественную иерархию. Это были по большей

части неевропейские общества, и в отношении них утверждение об определяющей роли роста общественного богатства в процессе социальной дифференциации следовало применять со множеством оговорок.

**Дефицит хозяйственных благ
как фактор вертикальной дифференциации
ранних восточных обществ: парадигма К.А. Виттфогеля**

Учитывая это обстоятельство, исследователи не оставляли попыток предложить новое понимание связи между наличием средств жизнеобеспечения и характером социогенеза архаических обществ. Так, в фокус интереса попали первые производящие культуры, возникавшие на просторах Азии и Африки. Они оставили довольно богатый археологический материал — надежную основу для эмпирических обобщений и теоретических выводов о протекавших в них социально-экономических процессах. Одна из наиболее значимых и оригинальных теорий была предложена К.А. Виттфогелем: в отличие от марксистов, он объяснял усложнение архаического общества не ростом богатства, а, напротив, дефицитом хозяйственных благ, исходя из того, что недостаток жизненных ресурсов вынуждал людей искать более эффективные формы хозяйственной деятельности. В определенных условиях необходимая производительность труда достигалась переходом к ирригационному земледелию.

Виттфогель полагал, что на первоначальных этапах земледелия успешное сельское хозяйство требовало сочетания следующих условий: наличие подлежащих окультуриванию растений и пригодной для земледелия почвы, способствующий земледелию климат и удобный для растениеводства рельеф. На ранних этапах развития человечество не могло оказывать «компенсирующее воздействие» на эти факторы, но было способно регулировать подачу достаточного количества воды к полям, а следовательно, располагало ресурсами для управления важнейшим фактором земледелия [41. С. 11, 13]. Согласно Виттфогелю подобная ситуация сложилась в конце неолита на ландшафтах, окружавших великие реки, что открывало прямой путь к формированию хозяйственной системы, основанной на ирригационном земледелии. Ее условием было управление деятельностью большой массы работников для скоординированного сооружения и обеспечения работы каналов и дренажных систем, дамб и водохранилищ, обустройства дорог, возведения и обслуживания общественных складов и амбаров. Выполнение этого комплекса работ с неизбежностью требовало иерархической структуры под контролем слоя профессиональных функционеров, располагавших необходимыми символическими, административными и властными ресурсами для поддержания социального порядка и бесперебойной работы «гидравлического» хозяйства.

Виттфогель, конечно, отдавал себе отчет в том, что «многие архаические общества на протяжении долгих лет и эпох жили в условиях голода

и не предпринимали кардинальных усилий для перехода к земледелию, чем доказывали свою приверженность нематериальным ценностям в тех условиях, когда неизбежной ценой материального благополучия становилось политическое, экономическое и культурное угнетение» [41. С. 17]. Но он полагал, что если ирригационное хозяйство все же создавалось, то его неизбежным следствием становилось порабощение работников функционерами — теми, «кто контролировал эту систему и обладал уникальными возможностями для достижения высшей политической власти» [41. С. 27]. Правящему классу «менеджерияльного» общества обычно удавалось успешно завоевывать и укреплять вою власть над широкими массами социальных низов [58].

Отдавая должное схеме Виттфогеля, некоторые социологи и антропологи критически оценивают его утверждение о прямой связи между развитием ирригационного земледелия и усилением власти менеджерияльной аристократии. Например, Бонг Канг, анализируя ранние централизованные государства Кореи, приходит к выводу, что иерархическая структура и социальное угнетение могут возникнуть и вне ирригационной экономики: централизованная политическая власть в королевстве Силла сложилась задолго до ирригационного хозяйства, причем столицы большинства корейских государств были удалены от ирригационных сетей, что противоречит логике Виттфогеля [16]. Дополнительные аргументы против этой логики основаны на результатах исторических и антропологических исследований, указывающих на отсутствие связи между «гидравлической» экономикой и «гидравлической» социальной системой. Так, Д. Сайер отмечает, что средневековая восточная Англия вела хозяйство, которое обладало всеми признаками «гидравлического», но, по мнению самого Виттфогеля, ее социальное и политическое устройство не было «гидравлическим» [28]. В ходе этнографических исследований племен, обитавших в засушливых районах Восточной Африки и практикующих орошение, было обнаружено, что создание разветвленных ирригационных систем необязательно требовало узурпации власти менеджерияльной аристократией — они вполне успешно создавались и поддерживались органами управления родового строя (советом старейшин или общим собранием взрослых мужчин) [7. С. 17–22].

Допущение о возможности ирригационной экономики вне иерархической социальной структуры и централизованной политической системы было подтверждено тем фактом, что многие ирригационные системы создавались не целенаправленно, а стихийно. Например, многочисленным общинам, населявшим долину Зеравшана, удалось создать локальные ирригационные системы и связать их в единую сеть для доставки воды до полей общей площадью более 1000 кв. км [35. С. 78]. Важно учесть и явное несовпадение границ ранних среднеазиатских государств с контурами созданных в регионе ирригационных систем [35. С. 79].

В целом сегодня нет достаточных свидетельств прочной связи между ирригационной экономикой с одной стороны и социальной стратификацией с политической централизацией — с другой, что убедительно показала С. Лиис. Основываясь на богатом историческом и антропологическом материале, она пришла к противоречащему парадигме Виттфогеля выводу: администрирование гидравлических систем оправдано лишь на локальном уровне, а усиление централизованного контроля обычно снижает эффективность ирригационной экономики, ограничивая потенциал ее роста [20. С. 364]. Впрочем, несмотря на критику интеллектуальных построений Виттфогеля, в своей принципиальной основе они востребованы и поныне: многие специалисты принимают его идею о высокой трудоемкости работ по перемещению воды как на засушливой, так и на заболоченной местности [28. С. 145], что расширяет эмпирическую основу гипотезы о значении централизованной координации деятельности домохозяйств в ходе ирригационных работ и о связи между уровнем централизации политической власти и степенью развития ирригационного земледелия [24].

Современное осмысление роли жизнеобеспечения в дифференциации ранних незападных обществ

Сегодня историческая социология, критикуя отдельные положения теорий классического периода, не отрицает их фундаментальное утверждение о значимости влияния обеспеченности жизненными средствами на возникновение ранних форм вертикальной интеграции. Более того, в конце XX — начале XXI столетий эта тема получила новое звучание — в центре дискуссии оказалась проблема влияния природных условий на обеспеченность хозяйственными благами и, в конечном счете, на темпы социального прогресса в архаических обществах. Одни исследователи полагают, что при условии достаточности природных ресурсов развитие социальной системы было возможным даже в рамках присваивающей парадигмы хозяйствования: «для общественной эволюции особую важность имела не столько сама форма хозяйства, сколько его эффективность, способность поддерживать и стимулировать развитие сложной социальной структуры. В этом смысле потенциал развитого присваивающего хозяйства в ряде случаев был ничуть не меньше, чем у ранних форм производящего хозяйства. Вот почему общественные отношения и социальная структура высших охотников и собирателей нередко сильно напоминали соответствующие параметры в обществах ранних земледельцев и скотоводов» [60. С. 400].

В качестве примера можно рассмотреть социально-экономический строй индейцев в западной части Северной Америки — тлинкитов. Охота на морского зверя и ловля рыбы, в изобилии водившихся в ареале обитания этого племени, давали людям такое количество ресурсов, которое высвобождало время на развитие ремесел (например, ткачества) и позволяло поддерживать

довольно высокий уровень социальной дифференциации: существовала торговля и деньги в виде медных пластин, были богатые и бедные, процветало рабство (примерно четверть населения составляли рабы, и права их владельцев практически не ограничивались нормами эгалитарной морали). Часть добытого домохозяйства без ущерба для своего благополучия передавали вождю, располагавшему значительными властными полномочиями. Тем самым практиковавшие присваивающее хозяйство тлинкиты в известной мере опережали ранних земледельцев, освоивших более «прогрессивные» производящие технологии.

Впрочем, многие исследователи подвергают сомнению позитивную роль природного изобилия в формировании устойчивых трендов социального прогресса в силу неспособности «исключительных» условий стать его основой: эти условия «потому и исключительны, что они не типичны, могут исчезнуть и главное — не способны быть предметом заимствования и распространения для других, а, следовательно, по многим причинам направляют развитие в тупик» [42. С. 67]. Соответственно, считается, что рост структурной и функциональной дифференциации древних незападных обществ гораздо чаще был следствием не изобилия, а недостатка средств жизнеобеспечения вследствие повышения демографической нагрузки на вмещающий ландшафт по двум причинам. Одна из них — климатические изменения: например, дефицит жизненных ресурсов в долине и пойме Нила привел к формированию социальной иерархии в обществе древних египтян. Катализатором дефицита хозяйственных благ стали климатические изменения в Сахаре и Сахеле, которые сместили баланс обеспеченности ресурсами в пользу принильских территорий [33; 37; 52; 54]. С одной стороны, произошло иссушение и превращение в пустыни прежде комфортных для проживания бескрайних саванн Северной Африки и Аравийского полуострова. С другой стороны, ставший более стабильным сток воды из озер стабилизировал амплитуду колебаний воды в Ниле и создал условия для формирования на его берегах слоя удобряемой илом плодородной почвы [40]. Закономерно, что именно этим периодом археологи датируют первые материальные свидетельства разведения здесь сельскохозяйственных культур [59] и притока в пойму Нила населения из окружающей ее пустынной местности [14].

Рост демографической нагрузки на вмещающий ландшафт имел решающее значение для древних египтян, породив дефицит жизненных ресурсов и ожесточенную борьбу за них [38]. В этих условиях выживание людей и их мирное сосуществование могли быть обеспечены только кардинальным повышением эффективности хозяйства. Однако прогоегиптяне еще не располагали производящими технологиями, которые можно было задействовать для достижения этой цели. Так, культура Буто–Маади (IV тыс. до н.э.), предшествовавшая возникновению государства в Египте, еще не пришла к использованию серпа в хозяйственной деятельности [25]. Заметное повышение

эффективности производства могло быть обеспечено единственным путем — новой структурой общества, способствующей координации действий экономических агентов и мобилизации человеческих и хозяйственных ресурсов на социально значимых направлениях. Иным образом климатические процессы повлияли на хозяйственные уклады и социальную организацию обществ в междуречье Тигра и Евфрата, но с тем же главным результатом — привели к существенному росту демографической нагрузки на территорию с вытекающим из этого роста сокращением удельного объема ресурсов [54].

Другая причина повышения демографической нагрузки на местность и обусловленного ею дефицита ресурсов — ограниченность территории, в пределах которой происходил рост численности первобытного населения. Пример — построение вертикально-интегрированного общества на Гавайских островах, которое развивалось относительно изолированно в силу удаленности от других населенных территорий, т.е. логика социально-экономического развития здесь не была искажена заимствованиями форм хозяйственной и социальной организации у соседей, что наблюдалось в других частях света. Кроме того, экономика гавайцев ко времени появления социальной иерархии не была ирригационной, что позволяет говорить о модели социогенеза, выходящей за рамки виттфогелевской парадигмы гидравлического общества.

К началу освоения Микронезии и Полинезии общества мореходов-первооткрывателей имели родовую структуру, которая была сохранена на множестве небольших островов [2; 11; 12. С. 235; 22], однако на более крупных островах, где имелись условия для роста численности населения, родовые отношения теряли значение и уступали место новой форме социальной организации — вождеству [21; 27]. Так, изначально все население Гавайев исчислялось сотнями человек, к 800 году н.э. счет пошел на тысячи, и в это время в территориальных общинах появляются местные лидеры с властными полномочиями [5. С. 91]. В это время деятельность человека привела к уничтожению части эндемической фауны и эрозии почвенных покровов в прибрежных долинах, что вынудило людей осваивать другие экосистемы. Первыми в зону хозяйственного освоения попали засушливые прибрежные, а затем и внутренние районы островов, покрытые тропическим лесом. Открыв новые жизненные пространства и используя производящие технологии, туземцы к 1200–1400 годам существенно увеличили свою численность, и обострившаяся борьба за жизненные ресурсы вынуждала их искать такие формы политической организации, которые были бы комплементарны традиционной родовой структуре [56. С. 76] — рэмиджу [27. С. 299; 6. С. 91] — и одновременно могли обеспечить социальную стабильность и достаток для большинства.

Завершением «форматирующего периода» в истории Гавайских островов стало преобразование социальной организации из двухуровневых локальных структур в трехуровневые надлокальные иерархические образования [8]. Ряд исследователей полагает, что социальной дифференциации и территориаль-

ной интеграции на Гавайях способствовало внедрение полинезийцами новых сельскохозяйственных технологий, требовавших координации труда значительных масс людей — строительство дамб, создание и поддержание ирригационных систем, прополка полей и т.д. Частная собственность на землю, ставшая препятствием для реализации властных амбиций вождей, была делегитимирована. Это укрепило власть верховных правителей, которые присвоили право отчуждать материальные и трудовые ресурсы домохозяйств и становились полноправными руководителями масштабных общественных работ, распорядителями общественной собственности и общественного запаса [30. С. 139–140]. Собранный урожай первоначально перераспределялся между общинниками, но постепенно все большая его часть направлялась на содержание войска, поддержание работы управленческого аппарата и престижа правителя.

Гавайцам не суждено было построить ни завершённое «гидравлическое» общество, ни государство. На рубеже XIV–XV веков здесь возник ряд крупных региональных образований под властью верховных вождей [8] с населением в десятки тысяч человек каждая [15. С. 246]. Однако лидеры крупных вожеств оказались неспособны подчинить себе мелких соседей без значительного ущерба для себя. Их попытки расширения подконтрольной территории сталкивались с ожесточенным и хорошо организованным сопротивлением. В результате амбиции завоевателей всякий раз упирались в естественный потолок, устанавливаемый ресурсными возможностями их политий и амбициями соседей [6]. Пример Гавайев показывает, что формирование ранних вертикально-интегрированных социальных структур было следствием роста демографической нагрузки на территорию, что порождало дефицит хозяйственных благ и, соответственно, необходимость перехода к более производительным видам деятельности, создавая социально-экономическую систему с элементами политической централизации и хозяйственного планирования. Ирригационная экономика в данном случае не причина, а следствие социально-экономических преобразований, но с оговоркой, что функционирование такой экономики еще более укрепляло иерархические структуры и власть политического лидера.

Таким образом, можно констатировать высокую значимость обеспеченности жизненными средствами как фактора дифференциации неевропейских архаических обществ. Увеличение количества таких средств могло сыграть стимулирующую роль в усложнении социальной структуры тех обществ, что располагали относительно развитыми производящими технологиями. Процесс социогенеза в них был объяснен марксистской парадигмой: рост богатства приводит к институциональному закреплению частной собственности и формированию сначала экономических, а затем социальных классов.

Экономическая эксплуатация собственниками людей, лишенных средств производства, порождает неравенство, которое закрепляется и усугубляется возникновением государства как орудия подавления эксплуататорским меньшинством эксплуатируемого большинства.

Иначе процесс социальной дифференциации протекал в обществах, не сумевших добиться достаточного «уровня развития жизнеобеспечивающих технологий» [45. С. 269] и не имевших возможности заимствовать их в готовом виде у соседей. За исключением тех редких случаев, когда природа предоставляла неограниченные ресурсы, решающее влияние на этот уровень оказывали естественные ограничения, накладываемые пределами плодородия земли [46]. Часто эти пределы определялись демографическим давлением на территорию [3]. Недостаток средств жизнеобеспечения стимулировал активность населения по изменению своего положения к лучшему, хотя эта активность зачастую имела непредсказуемые последствия [39]. Так, увеличение плотности населения вынуждало стремящиеся к самосохранению отдельные группы покидать перенаселенные области и перемещаться в менее пригодные для жизни районы, попадая в зависимость от тех, кто оставался жить в лучших местах [18; 4; 29]. Но и в новых районах рост населения, не подкрепленный повышением производительности труда, приводил к дефициту жизненных средств.

Для его преодоления люди были вынуждены искать более эффективные формы организации труда, предполагающие вовлечение больших масс общинников в решение общехозяйственных задач. Созданию таких форм препятствовала система родства, которая долгое время действовала как превращенная форма производственных отношений [13]. Необходимость повышения производительности и интенсивности труда требовала слома родового строя и установления социально-экономической системы с элементами принуждения и планирования. В некоторых местностях население осваивало технологии ирригационного земледелия, что еще более ускорило процесс социальной дифференциации [34; 41; 23].

В рамках новой социальной структуры родовые отношения до поры сохранялись, но лишь как средство легитимации нового порядка; принадлежность к старшей линии наследования становилась социальным маркером высокого положения, и наоборот [19; 4; 17; 1]. Со временем отношения между агентами вертикально-интегрированного общества переставали нуждаться в оправдании — они могли воспроизводиться и развиваться и без него. В этих условиях неравенство «становится характеристикой всего общества, за чем следует и неравенство в потреблении» [30. С. 139–140]. С другой стороны, создание новой структуры социальных отношений требовало специального аппарата принуждения, способного «применять по ситуации негативные санкции» [51. С. 29–30], и структур символического насилия. В совокупности

они обуславливали все большую дистанцию между аристократией и основной массой простолюдинов, т.е. рост социальной дифференциации архаического общества.

Библиографический список/References

1. Bott E. Power and rank in the Kingdom of Tonga. *Journal of the Polynesian Society*; 1981 (90).
2. Burrowa E.G., Spiro M.E. *An Atoll Culture: Ethnography of Ifaluk in the Central Carolines*. New Haven; 1953.
3. Carneiro R.L. Cross-current in the theory of state formation. *American Ethnologist*. 1987; 14.
4. Claessen H.J.M. The early state in Thaiti. Claessen H.J.M., Skalnik P. (Eds.). *The Early State*. Hague; 1978.
5. Cordy R.H. Complex rank cultural systems in Hawaiian Islands: Suggested explanations for their origin. *Archeology and Physical Anthropology in Oceania*. 1974; IX (2).
6. Cordy R.H. *A Study of Prehistoric Social Change: The Development of Complex Societies in the Hawaiian Islands*. New York; 1981.
7. Davies M. Wittfogel's dilemma: Heterarchy and ethnographic approaches to irrigation management in Eastern Africa and Mesopotamia. *World Archaeology*. 2009; 41 (1).
8. Earle T. *How Chiefs Come to Power: The Political Economy in Prehistory*. Stanford; 1997.
9. Ekholm K. External exchange and transformation of Central African social systems. Friedman J., Rowlands M. (Eds.). *The Evolution of Social Systems*. London; 1977.
10. Emerson R.W. History. *Essays by Ralph Waldo Emerson*. New York; 1978.
11. Firth R. *We, the Tikopia*. Boston; 1963.
12. Force R., Force M. *Just One House. A Description and Analysis of Kingship in the Palau Islands*. Honolulu; 1972.
13. Godelier M. La notion de "production asiatique" et les schémas Marxistes d'évolution des sociétés. Garaudy R. (Ed.). *Sur le Mode de Production Asiatique*. Paris; 1969.
14. Hassan F.A., Holmes D.L. *The Archaeology of the Umm el-Dabadid Area, Kharga Oasis, Egypt*. Cairo; 1985.
15. Johnson A.W., Earle T.K. *The Evolution of Human Society: From Foraging Group to Agrarian State*. Stanford; 1987.
16. Kang B.W. Large-scale reservoir construction and political centralization: A case study from ancient Korea. *Journal of Anthropological Research*. 2006; 62 (2).
17. Korn S.R. Hunting the Ramage: Kinship and the organization of political authority in aboriginal Tonga. *Journal of Pacific History*. 1978; 13.
18. Kottak C.Ph. Ecological variables in the origin and evolution of African states. *Comparative Studies in Society and History*. 1972; 14.
19. Labby D. *The Demystification of Yap*. Chicago; 1976.
20. Lees S.H. Irrigation and society. *Journal of Archaeological Research*. 1994; 2 (4).
21. Muller J.-C. Political systems as transformations. Claessen H.J.M., van de Velde P., Smith M.E. (Eds.). *Development and Decline: The Evolution of Sociopolitical Organization*. South Hadley; 1985.
22. Nason J.-C. Political change: Another island perspective. Highes D.T., Lingenfelter S.G. (Eds.). *Political Development in Micronesia*. Columbus; 1974.
23. Price B. Shifts in production and organization: A cluster-interaction model. *Current Anthropology*. 1977; 18.
24. Price D.H. *The Evolution of Irrigation in Egypt's Fayoum Oasis: State, Village and Conveyance Loss*. University of Florida; 1993.
25. Rizkana I., Seeher J. *Maadi II: The Lithic Industries of the Predynastic Settlement*. Mainz am Rhein; 1988.
26. Sahlins M.D. Poor man, rich man, big man, chief. Political types in Melanesia and Polynesia. *Comparative Studies in Society and History*. 1963; 5.

27. Sahlins M.D. Differentiation by adaptation in Polynesian societies. *Journal of the Polynesian Society*. 1957; 66 (3).
28. Sayer D. Medieval waterways and hydraulic economics: Monasteries, towns and the East Anglian fen. *World Archaeology*. 2009; 41 (1).
29. Service E.R. *Origins of the State and Civilization*. New York; 1975.
30. Service E.R. *Primitive Social Organization: An Evolutionary Perspective*. New York; 1971.
31. Spencer H. *Social Statics*. New York; 1851.
32. Spencer H. *The Principles of Sociology*. Vol. 2. New York; 1890.
33. Stanley D.J., Warne A.G. Nile delta: Recent geological evolution and human impact. *Science*. 1993.
34. Steward J.H. Cultural causality and law. A trial formulation of the development of early civilizations. *American Anthropologist*. 1949; 51.
35. Stride S., Rondelli B., Mantellini S. Canals versus horses: Political power in the oasis of Samarkand. *World Archaeology*. 2009; 41 (1).
36. Webb M. The flag follows trade: An essay on the necessary interaction of military and commercial factors in state formation. Lamberg-Karlovski C., Sabloff J. (Eds.). *Ancient Civilization and Trade*. Albuquerque; 1975.
37. Wendorf F.A., Schild R., Haas H. A new radiocarbon chronology for prehistoric sites in Nubia. *Journal of Field Archaeology*. 1979; 6.
38. Wendorf F.A. *The Prehistory of Nubia*. Vol. 2. Dallas; 2001.
39. Wilkinson R. *Poverty and Progress. An Ecological Perspective on Economic Development*. New York; 1974.
40. Williams M.A.J. Age of alluvial clays in the Western Gezira, Republic of the Sudan. *Nature*; 1966 (211).
41. Wittfogel K.A. *Oriental Despotism: A Comparative Study of Total Power*. New Haven–London; 1957.
42. Гринин Л.Е. Философия, социология и теория истории (Опыт философско-социологического анализа некоторых общественных законов и построения теории всемирно-исторического процесса). Волгоград, 2003 / Grinin L.E. *Filosofiya, sotsiologiya i teoriya istorii (Opyt filosofsko-sotsiologicheskogo analiza nekotoryh obshchestvennykh zakonov i postroeniya teorii vsemirno-istoricheskogo protsesssa)* [Philosophy, Sociology and Theory of History (A Philosophical-Sociological Analysis of Some Social Laws and a Theory of the World-Historical Process)]. Volgograd; 2003. (In Russ.).
43. Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М., 2008 / Gumilev L.N. *Drevnie tyurki* [Ancient Turks]. Moscow; 2008. (In Russ.).
44. Коновалов П.Б. Центральназиатский очаг скифосибирского культурно-исторического единства // Историкокультурные связи народов Центральной Азии. Улан-Удэ, 1983. Konovalov P.B. *Tsentrlnoaziatsky ochag skifosibirskogo kulturno-istoricheskogo edinstva* [Central Asian center of the Scythian-Siberian cultural-historical unity]. *Istoriokulturnye svyazi narodov Tsentralnoj Azii*. Ulan-Ude; 1983. (In Russ.).
45. Коротаев А.В. Становление и развитие государственных структур в Евразии и Северной Африке (VI–I тыс. до н.э.): мир-системный контекст // Раннее государство, его альтернативы и аналоги. Волгоград, 2006 / Korotaev A.V. *Stanovlenie i razvitie gosudarstvennykh struktur v Evrazii i Severnoj Afrike (VI–I tys. do n.e.): mir-sistemny kontekst* [Formation and development of state structures in Eurasia and North Africa (VI–I millennium BC): A world-system context]. *Ranee gosudarstvo, ego alternativy i analogi*. Volgograd; 2006. (In Russ.).
46. Мальтус Т. Опыт о законе народонаселения. Т. 4. Петрозаводск, 1993 / Malthus T. *Opyt o zakone narodonaseleniya* [An Essay on the Principle of Population]. Vol. 4. Petrozavodsk; 1993. (In Russ.).
47. Мальявкин А.Г. Материалы по истории уйгуров в IX–XII вв. Новосибирск, 1974 / Malyavkin A.G. *Materialy po istorii ujugurov v IX–XII vv.* [Materials on the History of the Uighurs in the 9th — 12th Centuries]. Novosibirsk; 1974. (In Russ.).

48. Маркс К. Введение (Из экономических рукописей 1857–1858 годов) // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 12. М., 1959 / Marx K. Vvedenie (Iz ekonomicheskikh rukopisej 1857–1858 godov) [Introduction (From Economic Manuscripts of 1857–1858)]. Marx K., Engels F. *Sochineniya*. Vol. 12. Moscow; 1959. (In Russ.).
49. Маркс К. Письмо В.П. Анненкову, 28 декабря 1846 года // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 27. М., 1959 / Marx K. Pismo V.P. Annenkovu, 28 dekabrya 1846 goda [Letter to V.P. Annenkov dated December 28, 1846]. Marx K., Engels F. *Sochineniya*. Vol. 27. Moscow; 1959. (In Russ.).
50. Маркс К., Энгельс Ф. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 13. М., 1959 / Marx K., Engels F. K kritike politicheskoy ekonomii [Critique of political economy]. Marx K., Engels F. *Sochineniya*. Vol. 13. Moscow; 1959. (In Russ.).
51. Парсонс Т. Система современных обществ. М., 1997 / Parsons T. *Sistema sovremennyh obshchestv* [The System of Modern Societies]. Moscow; 1997. (In Russ.).
52. Прусаков Д.Б. О причине «позднего» перехода к неолиту // История и современность. 2005. № 2 / Prusakov D.B. O prichine “pozdnego” perekhoda k neolitu [On the reason for the “late” transition to the Neolithic]. *Istoriya i Sovremennost*. 2005; 2. (In Russ.).
53. Салинз М. Экономика каменного века. М., 1999 / Sahlins M. *Ekonomika kamennogo veka* [Stone Age Economics]. Moscow; 1999. (In Russ.).
54. Скотт Дж. Против зерна: глубинная история древнейших государств. М., 2022 / Scott J. *Protiv zerna: glubinnaya istoriya drevnejshih gosudarstv* [Against the Grain: A Deep History of the Earliest States]. Moscow; 2022. (In Russ.).
55. Старова О.В. Культура художественной обработки металла в эпоху племенных союзов и ранних государств Забайкалья // Вестник Бурятского государственного университета. 2010. № 14 / Starova O.V. Kultura khudozhestvennoj obrabotki metalla v epokhu plemennyh soyuzov i rannih gosudarstv Zabajkaliya [The culture of the artistic metal processing in the era of tribal unions and early states of Transbaikalia]. *Vestnik Buryatskogo Gosudarstvennogo Universiteta*. 2010; 14. (In Russ.).
56. Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003 / Tishkov V.A. *Rekviem po etnosu: Issledovaniya po sotsialno-kulturnoj antropologii* [Requiem for Ethnicity: Studies in Social-Cultural Anthropology]. Moscow; 2003. (In Russ.).
57. Тумаркин Д.Д. Гавайский народ и американские колонизаторы. М., 1971 / Tumarkin D.D. *Gavajsky narod i amerikanskije kolonizatory* [Hawaiian People and American Colonialists]. Moscow; 1971. (In Russ.).
58. Хрестоматия по истории древнего мира / Под ред. В.В. Струве. Т. 1: Древний восток. Введение. М., 1950 / Khrestomatiya po istorii drevnego mira [Reader on the History of the Ancient World]. Pod red. V.V. Struve. Vol. 1. Drevny vostok. Vvedenie. Moscow; 1950. (In Russ.).
59. Цултэм Н.-О. Искусство Монголии с древнейших времен до начала XX века. М., 1982 / Tsultem N.-O. *Iskusstvo Mongolii s drevnejshih vremen do nachala XX veka* [Mongolian Art from Ancient Times to the Early 20th Century]. Moscow; 1982. (In Russ.).
60. Шницерльман В.А. Возникновение производящего хозяйства: проблема первичных и вторичных очагов. М., 1989 / Shnirelman V.A. *Vozniknovenie proizvodnyashchego khozyajstva: problema pervichnyh i vtorichnyh ochagov* [Origins of the Productive Economy: Primary and Secondary Centers]. Moscow; 1989. (In Russ.).
61. Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 21. М., 1959 / Engels F. Manifest kommunisticheskoy partii [Manifesto of the Communist Party]. Marx K., Engels F. *Sochineniya*. Vol. 21. Moscow; 1959. (In Russ.).
62. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 21. М., 1959 / Engels F. Proiskhozhdenie semiy, chastnoj sobstvennosti i gosudarstva [The origin of the family, private property and the state]. Marx K., Engels F. *Sochineniya*. Vol. 21. Moscow; 1959. (In Russ.).

Vertical differentiation of the early non-Western societies: A factor of resource availability*

S.A. Davydov

Saint Petersburg state University of Economics,
Sadovaya St., 21, Saint Petersburg, 191023, Russia

(e-mail: licurg@inbox.ru)

Abstract. The article aims at explaining the influence of the resource factor on differentiation in the early non-Western societies. The author uses extensive historical and anthropological data and analytical tools of classical and contemporary sociological theories to prove that scientific works consider the sufficiency of life support resources as a significant factor in sociogenesis. However, the direction and mechanism of this factor are interpreted differently due to the qualitative features of societies under study. An increase in the number of life support resources could play a stimulating role in the complication of those social structures that had relatively developed production technologies, which allowed to institutionalize private ownership of the means of production, i.e., the growth of wealth led to an increased exchange and, accordingly, to social inequality and, ultimately, to the state. Social differentiation developed differently in societies that were forced to significantly increase their economic efficiency but did not have developed production technologies or could not borrow them from their neighbors, i.e., the population growth, not supported by an increase in labor productivity, led to a shortage of life support resources. Thus, people were forced to look for more effective forms of labor organization, such as the involvement of large masses of community members in solving general economic problems, which was best ensured by a hierarchical social-economic system with elements of coercion and planning. In some areas, population mastered irrigation farming technologies which further accelerated social differentiation. Within this new social structure, clan relations were preserved for some time but only as a means of legitimizing the new order. As vertically integrated relations strengthened, they ceased to need justification due to achieving legitimation and dominance.

Key words: vertical integration; productive economy; early non-Western societies; social hierarchy; social structure; life support resources

DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-2-293-307

EDN: NYXCWB

Отменя Вебера: стратегии борьбы с классиком столетие назад и сегодня*

О.В. Кильдюшов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
ул. Мясницкая, 20, Москва, 101000, Россия

(e-mail: kildyushov@mail.ru)

Аннотация. Статья посвящена малоисследованной теме — принципиально оспариваемой классике: когда канонические фигуры в истории социальной мысли регулярно оказываются в центре интенсивной дискурсивной борьбы, выходящей за пределы нормальной научной критики. Вначале автор фиксирует амбивалентную рецепцию идейного наследия М. Вебера в качестве базового элемента социологического канона, обусловленную ее крайне фрагментарным характером даже в рамках позитивного восприятия идей классика. Далее в статье схематично реконструируется длительная традиция интеллектуальной борьбы как с Вебером лично, так и с корпусом его идей. Автор выдвигает гипотезу о наличии лакуны в мировом вебероведении, в которое до сих пор эксплицитно не отрефлексирован феномен антивеберизма как значимой интеллектуально-культурной практики, и предлагает аналитическую схему для систематизации перманентных атак на Вебера на разных уровнях (персональном, дискурсивном и институциональном). В рамках первой полемической стратегии, направленной против личности классика, акцент сделан на некогерентности его научно-теоретических взглядов и способа собственной жизнедеятельности. Второй вид программной критики концентрируется на содержательных моментах, пытаясь под видом академической полемики опровергнуть основные положения веберовской социологии как несостоятельной для продуктивной работы в рамках актуальных социологических исследований (как правило, ведущие мотивы такой стратегии лежат вне поля научной дискуссии). Третья антивеберовская стратегия носит открыто политический/мировоззренческий характер и направлена не столько на разоблачение научной ошибочности тезисов великого теоретика, сколько на идеологическое их осуждение, формальный запрет или «отмену» как вредных и опасных для целей того или иного общественного движения. В заключении отмечены отдельные попытки борьбы с Вебером в России — как внутри академического пространства, так и в среде идеологических ангажированных публицистов и интернет-блогеров.

Ключевые слова: классическая социология; Макс Вебер; история идей; история рецепции; вебероведение; борьба за признание; культура отмены; левые интеллектуалы

*© Кильдюшов О.В., 2024

Статья поступила в редакцию 04.02.2024 г. Статья принята к публикации 13.05.2024 г.

Макс Вебер как (бес) спорный классик

Макс Вебер воспринимается широкой академической общественностью как безусловный классик социальной мысли XX века, в целом не достижимый для конкретно-предметной научной критики. Его упоминания в социологических работах обычно сопровождаются такими эпитетами, как основоположник, отец-основатель, корифей дисциплины и т.д. Его имя связано прежде всего с позитивной исследовательской повесткой в общей социологии и смежных дисциплинах — значительные элементы веберовского наследия активно переосмысляются, т.е. принимаются, одобряются и развиваются. В первую очередь это касается тезиса о протестантизме как этико-культурной «родине» капитализма, знаменитой типологии легитимного господства и не менее известного постулата о свободе от ценностных суждений. Для одних исследователей он является автором теории модернизации как «рационализации» (Вебер-1), для других — основоположником оригинальной теории действия под названием «понимающая социология» (Вебер-2), для третьих — классиком экономической социологии (Вебер-3) и т.д. вплоть до более маргинального статуса пионера в области социологии музыки (Вебер-4).

Таким образом, для рецепции наследия Вебера как социологического классика присуща высокая селективность в адаптации его идей, что вполне объяснимо — его труды содержат в себе множество концепций разного уровня, рабочих гипотез и полемических тезисов, структурная и содержательная связь которых далеко не однозначна. Именно с этим связана устоявшаяся оценка веберовского творчества как фрагментарного: считается, что великий «социолог» не сформулировал «систематической» социальной теории, не открыл ни новой предметной области, ни нового социологического «метода», а его исследования в разных областях знания характеризуются «фрагментарностью», согласно К. Ясперсу [18. С. 553–566]. Превращение трудов Вебера в своеобразную междисциплинарную «теоретическую каменоломню» для юристов, историков культуры, религиоведов, политологов и др. легко объясняется отсутствием в них строгой систематики, противоречиями и разным уровнем разработки исследуемых проблем. Несмотря на это (или благодаря), устойчивый интерес к наследию Вебера не просто сохраняется, но и возрастает. Причина — своеобразное веберовское понимание сути и направления развития той цивилизации, что возникла на Западе в Новое время и постепенно стала судьбой всего человечества. Критический, внутренне амбивалентный и в то же время (само-) утверждающийся диагноз эпохи модерна, фрагментированной и непримиримой с самой собой современности, делает фигуру Вебера как социального мыслителя ключевой не только для архивирующей истории людей и идей, но и для самокритического прояснения логики развития современной цивилизации [10. С. 161–162].

Между тем после Второй мировой войны для определенной части читателей, прежде всего из числа левых догматиков, Вебер оказался пророком

тоталитаризма XX века, выступив в качестве теоретика тоталитарного вождизма (Вебер-5). Однако вряд ли можно говорить об активной рецепции или успешном освоении трудов Вебера, посвященных политической проблематике, например демократизации Германии после Первой мировой войны. В целом Вебер как политический социолог безнадежно уступает в популярности таким мощным конкурентам, как его собственные амбициозные исследовательские программы в области социологии религии, теории науки или концепции рационализирующегося модерна, в том числе и по причине амбивалентных оценок его политических работ (1).

Ю. Каубе, автор популярной биографии Вебера, вышедшей на русском в 2016 году [9], в заключительной части книги под говорящим названием «Как рождается классика: благородный нигилист, его влияние и его проблемы» приводит остроумное высказывание известного социолога Н. Лумана, что все классики засаленные и закопченные: засаленные потому, что их часто трогают немытыми руками, а закопченные — от жертвенного дыма, которым их окуривают последователи и поклонники. В этом смысле Вебер — один из наиболее «затасканных» представителей социальных наук: мало о ком из социологических классиков написано столько, сколько о нем. Кажется, что уже исследована буквально каждая страница его работ, все его труды тщательно проработаны со всех сторон, и каждый аспект его жизни и творчества проанализирован со всевозможных точек зрения. Так, опубликованы работы о том, что Вебер думал о квакерах, кем были его прадеды, почему Голландия не играет практически никакой роли в «Протестантской этике», о его манере цитировать Шекспира, как он относился к Периклу, к Р.М. Рильке и к сионизму и т.д. [9. С. 565–566]. Однако, кажется, есть одна неисследованная лакуна — способы и даже стратегии борьбы с великим социальным теоретиком, который вызывал резкое неприятие вплоть до отторжения у поразительно большой части как социологов, так и публичных интеллектуалов и ученых из других областей научного знания, например, у историков, юристов, религиоведов и теологов (2).

А.Ф. Филиппов в статье о проблеме социологической классики [16. С. 51] приводит два красноречивых примера разгромной оценки трудов Вебера со стороны его именитых современников. Так, старший коллега и соратник Вебера Ф. Теннис в 1904 году, прочитав работу о кальвинизме и капитализме, отметил в своей записной книжке: «цепляется за внешнее» [35. S. 338]. Крупный социальный мыслитель О. Шпанн в 1923 году, уже после смерти Вебера, говорил, что тот намеревался соединить историю и систематику, но методологически был плохо подготовлен к такой работе [32. S. 22]. Не менее амбивалентна история взаимоотношений «основателя социологии» с другим выдающимся социальным ученым — Й. Шумпетером. В экспертном заключении для юридического факультета Венского университета, подготовленном в рамках процедуры замещения вакантной кафедры, Вебер настаивал на приглашении Шумпетера как выдающегося теоретика в области национальной экономики, требовал

включения молодого коллеги в список кандидатов под номером один, используя свой типичный аргумент, что тот был обойден по ненаучным соображениям [30. С. 165–166]. При этом Шумпетер был не просто оппонентом Вебера по многим вопросам, но и уничижительно высказывался о нем как об ученом, в своей «Истории экономического анализа» прямо отмечая «почти полную некомпетентность Вебера в экономической теории» [17. С. 1079].

Хотя академические позиции Вебера только усиливались на протяжении XX века, столь неуважительные высказывания крупных интеллектуалов указывают, что он долгое время не воспринимался многими современниками и даже ближним кругом коллег в качестве бесспорного классика. Более того, Вебер на протяжении более чем столетия остается одним из самых любимых объектов критики и разоблачений — «фигурой отмены», говоря языком актуальной леволиберальной «повестки». В этом смысле страстный полемист Вебер [11. С. 71–84], способный устроить склоку по любому незначительному поводу, при желании может считаться самым оспариваемым социальным мыслителем-классиком, возможно наряду с К. Марксом. Вековой спор о Вебере прошел несколько этапов и ренессансных волн, и параллельно с интересом к его наследию увеличивался и поток критики, причем регулярные атаки на Вебера ведутся сразу на несколько уровнях: персональном, дискурсивном и институциональном. Конечно, в реальной дискурсивной практике неизбежно происходит смешение полемических стратегий, их взаимное дополнение и аргументативное усиление, однако мы обратимся к эксплицитной критике Вебера представителями социальной мысли последнего столетия в рамках негативной повестки, выделив основные формы политико-интеллектуальной борьбы с классиком.

Ad hominem: переходя на личности

Нередко предпринимаются попытки поставить под сомнение, дискредитировать личность классика — его образ жизни, близкое и дальнее окружение и т.д. Основные усилия здесь направлены на то, чтобы обнаружить реальные или мнимые несоответствия между теорией и практикой в биографии, между заявленными принципами и фактическими интересами и выставить ученого циником, ханжой или моралистом (иногда все вместе). В качестве яркого примера можно привести резкие высказывания теолога и религиоведа Э. Трельча. Долгое время он был близким другом и единомышленником Вебера, с 1894 по 1915 годы занимая кафедру систематической теологии в Гейдельбергском университете. До резкого охлаждения их отношений в начале Первой мировой войны Трельч был рядом с Вебером в буквальном смысле слова: в 1904 году они вместе совершили многонедельное путешествие в Америку, с 1910 года были соседями, занимая квартиры на втором и третьем этажах виллы Фалленштайн, построенной дедом Вебера и ныне известной в Гейдельберге как Weber-Haus.

В период разрыва отношений, в 1917 году, Трельч говорил о Вебере в том духе, что, несмотря на огромную одаренность, его подлинным призванием была скорее практическая политика, нежели наука: «Но и в этой сфере его фигура очень проблематична, поскольку, с одной стороны, он релятивист без предельных принципов, а, с другой стороны, он морально непримирим, предпочитает давить на совет другим людям. Эта непримиримость сильнее всего обращена на его друзей и против господствующей системы, против всего, что является официальным и господствующим, выдавая себя борцом за справедливость в отношении непризнанных и угнетенных. Однако как только этот приступ гнева проходит, к Веберу немедленно возвращается предметная, релятивистская и очень умная оценка ситуации, с ироническим отношением как к собственным подзащитным, так и к своим противникам. Тогда он доминирующий человек власти, подчиняющий все национально-политическим целям и не разбирающий лиц слева и справа. При этом как само собой разумеющееся изображается его величайшая личная незаинтересованность и максимально приличное поведение. Однако в этом отношении я, как обжегшийся ребенок, предпочитаю беречься от огня» [3. S. 418]. По этой модели личного расколдовывания классика строятся многочисленные попытки опровержения веберовской социологии как некогерентной, непоследовательной и потому нерелевантной для научного применения.

Антивебериана в рамках академии

Второй тип критики направлен на идейно-теоретическое наследие Вебера — в целом или отдельные работы и даже идеи. Структурно такая борьба с Вебером может выглядеть как нормальный случай научной критики со стороны непримиримого сторонника альтернативных взглядов и подходов. Однако ведущим мотивом может оказаться не (с) только опровержение ложной веберовской эвристики ради утверждения истинной социально-теоретической систематики, сколько иная прагматика — научно-политическая, мировоззренческая или даже оппортунистическая (вроде личного профилирования за счет противостояния самому Веберу).

Пример непримиримой политико-теологической борьбы с «неправильной» социологией религии Вебера можно найти у Х. Йоаса: в работах последних лет он рассматривает сложные и часто запутанные взаимоотношения между научным изучением религии и религиозной верой как жизненным принципом. Например, в книге «Власть священного» (2017) Йоас продолжает полемическую линию, начатую в предшествующих трудах, выдвигая теоретическую альтернативу тезису Вебера об усиливающемся расколдовывании мира вследствие религиозной рационализации, начавшееся в эпоху Реформации [25]. Пытаясь опровергнуть веберовский тезис о рационализации как судьбе человечества, Йоас выдвигает альтернативную версию истории религии, прямо говоря о своей полемической готовности «взять быка

за рога» и эксплицитно противопоставляя свою позицию веберовской, давно содержательно выхоленной, несмотря на формально канонический статус: «Хотя Макс Вебер возвысился до бесспорно великого классика социологии, по мере отхода этой дисциплины от истории возник разрыв между большим уважением и числом работ, которые следуют схожей программе. Этот разрыв невозможно преодолеть посредством тех многочисленных работ, что тесно примыкают к веберовским исследованиям, не учитывая давно изменившуюся ситуацию или же просто канонизируя утверждения» [25. S. 16–17].

Ставя под сомнение привычную генеалогию модерна, Йоас последовательно отрицает односторонний исторический процесс, настаивая на принципиальной открытости культурного развития человечества, оставляющего возможности и для реабилитации трансцендентного измерения. Некоторые оппоненты Йоаса, включая профессора Гейдельбергского университета Т. Швина, резко критически восприняли данный антивеберовский проект, отнеся его оптимизм в отношении будущего религии (прежде всего христианства) к сфере личных интересов верующего католика Йоаса, прямо ссылающегося на свои религиозные мотивы [33].

Другой неожиданный кейс «отмены» Вебера можно обнаружить в работе Р. Лахмана «Что такое историческая социология?», вышедшей на русском в 2016 году. В ней он мимоходом высказывается о классике так: «Вебер видел в феодализме некое “хроническое состояние”, неспособное трансформироваться за счет собственной внутренней динамики. В результате он с надеждой обратился к некоей внешней силе, а именно к протестантской Реформации, которая должна была нарушить сложившиеся социальные отношения и стать искрой для возникновения рационального действия и капитализма. При всей теоретической элегантности аргумент Вебера неверен с фактической точки зрения. Вебер и исторически невежественные социологи, воспринявшие его некритически, понятия не имеют, что критику средневекового католицизма, схожую с критикой Лютера и Кальвина предложили еще теологи предшествующих эпох» [12. С. 39–40].

Бросается в глаза содержательная схожесть аргумента Лахмана с одним из пунктов критики историка Ф. Рахфаля, опубликовавшего в 1909 году цикл из пяти статей под общим названием «Кальвинизм и протестантизм», посвященный критическому разбору веберовской «Хозяйственной этики». Ответная «Первая антикритика» Вебера вышла в 1910 году и показала, насколько глубоко его затронула критика Рахфаля — абсолютно несправедливая, на взгляд Вебера [4]. Она представляет интерес как образец научной полемики великого социолога с признанным специалистом по нидерландской революции, который своими нудными фактологическими экскурсами поставил под сомнение владение Вебером историческим материалом по кальвинистской Реформации. Но самое главное — Рахфаль критиковал идеально-типологический метод, в данном случае один из мотивов экономической деятельности (поиск религиозного спасения), в комбинации других, более

земных интересов вроде стремления к благополучию или заботы о семье. Отношения между полемистами достигли такого напряжения, что попытка «отмены» Вебера чуть не закончилась дуэлью двух известных ученых.

Вредная наука

И, наконец, под радикальное сомнение регулярно ставится дискурсивно-институциональное пространство веберовской социологии — как научно-дисциплинарно сомнительное, ненаучное или антинаучное, а чаще всего как идеологически вредное, политически неправильное и потому неприемлемое для академической практики. Превалируют здесь левые теоретики — от большевиков с В.И. Лениным и франкфуртских неомарксистов с М. Хоркхаймером и Г. Маркузе до нынешних носителей левoliberalального дискурса в западных университетских кампусах, «отменяющих» канонические фигуры всемирного научного пантеона по тем или иным причинам (они белые, мужчины и буржуа).

Кстати, ленинскую реплику о Вебере редко приводят целиком, хотя она имела катастрофические последствия для отечественного социального знания, практически исключив возможность нормальной рецепции веберовской социологии в нашей стране. Вот эта реплика в ленинском «Докладе о революции 1905 года», прочитанном на немецком языке 9 (22) января 1917 года в цюрихском Народном доме на собрании швейцарской рабочей молодежи: «Буржуазия любит называть московское восстание чем-то искусственным и насмеяться над ним. Например, в немецкой так называемой “научной” литературе господин профессор Макс Вебер в своей большой работе о политическом развитии России назвал московское восстание “путчем”. “Ленинская группа, — пишет этот “высокоученый” господин профессор, — и часть эсеров давно уже подготавливала это бессмысленное восстание”. Чтобы оценить по заслугам эту профессорскую мудрость трусливой буржуазии, достаточно только возобновить в памяти сухие цифры статистики стачек. ... Припомним нарастание революции, восстания крестьян и солдат, и мы тотчас же придем к убеждению: суждение буржуазной “науки” о декабрьском восстании не только нелепо, оно является словесной уверткой представителей трусливой буржуазии, которая видит в пролетариате своего опаснейшего классового врага» [13].

Немецкие марксисты полностью разделяли это разгромное мнение создателя первого в мире государства рабочих и крестьян. Можно сослаться на показательную попытку отмены Вебера социалистическими радикалами во время процедуры его приглашения на вакантную должность профессора национальной экономики Мюнхенского университета. Тогда Вебер столкнулся с резким политически мотивированным неприятием левых активистов, заседавших в Мюнхенском совете рабочих и солдатских депутатов 26 марта 1919 года, т.е. менее чем за две недели до провозглашения Баварской советской республики. Протокол заседания одного из комитетов зафиксировал

голоса выступавших товарищей, что сегодня представляет интерес как попытка социалистов перейти к прямой идеологической индоктринации учащейся молодежи посредством социальной науки, т.е. ровно то, с чем всю жизнь программно боролся Вебер. Примечательно, что некоторые участники этой странной дискуссии были известными левыми деятелями, (Э. Никиш (3) и Э. Толлер (4)), в последующем сыгравшими заметную роль в политической и интеллектуальной истории Германии.

Приведем пространную цитату из протокола, свидетельствующую о попытке политико-идеологической отмены выдающегося социального ученого: «Никиш: В здешнем университете на освободившееся после Brentano место ординарного профессора национальной экономики приглашен Макс Вебер из Гейдельберга. Эта дисциплина имеет огромное значение для будущего. Студенты этого факультета позже займут важнейшие хозяйственные должности и от их настроения зависит очень многое. Поэтому на эту ответственную должность должен быть назначен человек, который сумеет пропитать взгляды молодежи социалистическим духом. Brentano отравлял наше студенчество, и Макс Вебер находится в кругу буржуазно-капиталистических идей. Он враг идеи Советов и еще незадолго до революции выступал за монархию. Вебер уже согласился, но есть выход — сообщить общественности о протесте комитета. Насколько известно о веберовском характере, он после этого добровольно откажется ехать в Мюнхен. Мы уже составили такой протест (Зачитывает). Толлер подчеркивает враждебное отношение Вебера к Советам, но хочет добавить предложение: “несмотря на его научные заслуги”. Толлер: Речь идет об ординариате, который он не должен получить. Но то, что мы вообще не обсуждаем его как национал-эконома, опозорит нас. Хагемайстер: Не важно, что Вебер имеет мировую славу. Мы должны получить хотя бы и незначительного человека, лишь бы он прививал молодежи социалистические идеи» [28. S. 424].

Однако не только политические экстремисты пытались отменить не правильного профессора, но и крупные левые теоретики, включая входивших в веберовский круг. Например, Г. Лукач, тесно общавшийся с ним с 1912 по 1917 годы в Гейдельберге и часто бывавший гостем знаменитых воскресных приемов в доме Веберов (5), позже считал принцип партийности более важным, чем личная лояльность и научная добросовестность. В результате Вебер превратился для него в носителя буржуазной иррациональности, чей либеральный демократизм имел своим «социальным источником» концепцию глобальной политической (колониалистской) миссии господствующих народов [27. S. 61]. Лидер первого поколения Франкфуртской школы Хоркхаймер также отметил поразительными эпистемологическими открытиями в центральной для неомарксизма статье «Традиционная и критическая теория», подвергнув в ней Вебера остракизму как якобы представителя традиционного способа социального теоретизирования (ориентировавшегося на стан-

дарты научности в естествознании) [22]. Его единомышленник и соавтор Т. Адорно тоже отметился не менее странными утверждениями, совершенно необоснованно отнеся Вебера в своей «Негативной диалектике» к числу «позитивистски настроенных исследователей» [1. С. 150]. Общим моментом всех инвектив франкфуртцев в адрес Вебера была поспешная идеологизация его идейного наследия, попытка выставить его «всего лишь» крупнейшим представителем буржуазной социальной мысли.

Содержательные аспекты упорной борьбы неомарксистов с Вебером проанализированы в книге Ю.Н. Давыдова «Макс Вебер и современная теоретическая социология», где этому сюжету посвящены два раздела — «М. Вебер в зеркале неомарксистской критики (II половина 1930-х — 1940-е годы)» и «Споры вокруг Вебера в период второго общего кризиса теоретической социологии (1960-е — I половина 1970-х)». Симптоматичным для этого эпизода интеллектуальной истории XX стало то, как вооруженные марксистским принципом классовости левые мыслители вроде Маркузе настойчиво продолжали клеймить Вебера как теоретика буржуазного разума (формальной рациональности). Показательно скандальное выступление Маркузе на 15 конгрессе немецких социологов 1964 года в Гейдельберге, посвященном 100-летию веберовскому юбилею: в присутствии ведущих вебероведов со всего мира Маркузе попытался изобразить Вебера апологетом разнузданного капитализма. Столь нелепые утверждения вызвали резкую реакцию прежде всего американских коллег — Р. Бендикса и Б. Нельсона. Первый говорил об обвинениях Маркузе в адрес Вебера как о беспредметной, пустой утопии, негативной культурной критике и даже апокалиптике, а второй увидел в ней невероятно услужливый донос на подлинно критическое мышление со стороны «критической теории» [5].

Другим пунктом обвинения со стороны академических левых стали личные взаимоотношения и идейные пересечения Вебера с другим проблемным мыслителем XX века — К. Шмиттом. На том же социологическом конгрессе 1964 года крупнейшие «специалисты по Веберу» всерьез обсуждали связь пафоса харизматического лидерства, его политических воззрений и той интеллектуальной среды, где теоретически «готовился» нацистский вожизм. Результаты дискуссии были неутешительны — вопросов оказалось больше, чем ответов: стал ли Вебер интеллектуальным пророком национал-социализма поневоле (6), был ли он реформатором-стратегом или даже радикалом, выступающим в пользу «безусловно радикальной социальной демократизации» [2. С. 345], или же всю жизнь оставался национал-либералом «в пограничной ситуации». Вероятно, однозначное позиционирование Вебера на политическом поле вряд ли уместно, учитывая его «методическое» упрямство и глубокий скепсис по отношению к реальной политике и политикам после О. фон Бисмарка. Вебер не позволяет «присвоить» себя ни одному общественно-политическому течению, несмотря на то что он был одним из основателей либеральной партии DDP. Тем не менее, его представления о *Führerschaft*

и «плебисцитарной вождистской демократии» постоянно провоцируют вопрос (явно не без влияния исследования В. Моммзена «Макс Вебер и немецкая политика» [29]): как бы повел себя Вебер по отношению к Гитлеру и движению национал-социалистов.

Взаимодействие двух столь выдающихся ученых, как Вебер и Шмитт, представляет значительный интерес для истории идей и социологии интеллектуалов XX века. Этот кейс выходит за рамки мало продуктивных дискуссий леваков, был ли Шмитт «легитимным» учеником Вебера, как утверждал Ю.Хабермас на веберовском юбилее [21. S. 81], или просто «прилежным» учеником, как настаивал Моммзен [29. S. 407]. Кстати, нынешние наследники франкфуртских теоретиков в лице борцов за леволиберальную идеологическую повестку в западной академии также выводят Вебера «на чистую воду», развенчивая мифы вокруг него. В качестве примера приведем цитату об отце-основателе социологии как научной дисциплины, типичную для этого дискурса: «Макс Вебер был империалистом, расистом и социал-дарвинистским националистом, и эти политические позиции фундаментально определяли его социально-научные труды. Вебер не просто впитал в себя империализм, расизм и национализм своей эпохи: он постоянно оказывался одиноким голосом справа во многих организациях, к которым принадлежал, в том числе в Союзе социальной политики, Национально-социальной партии и даже Пангерманском союзе. Это политическое основание трудов Вебера затемнялось посредством выборочного чтения и переводов, что позволяло колонизировать и эксплуатировать его имя для оправдания либеральной научной и политической повестки» [6].

Примечательно, что автор процитированной статьи, впервые напечатанной в издании «Postcolonial Studies», — не академический маргинал, а почетный профессор Университета Джорджа Вашингтона. В этом же духе немецкий исследователь называет Вебера представителем расово-идеологически обоснованного империализма [31]. Уже возник массив аналогичных «разоблачительных» трудов, типичный образчик которых — сборник «Расизм и социология» [23]. Его открывает статья с программным названием «Расизм в белой социологии: от Адама Смита до Макса Вебера» [24], написанная академически уважаемым профессором Гамбургского университета. Примечательно, что на обложке издания помещено редкое фото Вебера, где он изображен сидящим на фоне индейского павильона, открытого в Сент-Луисе во время Олимпиады 1904 года в рамках «Антропологических дней».

Вместо послесловия

Критика Вебера столь же многогранна, как и его творчество. Удивительным образом даже личная жизнь классика имеет прямое отношение к попыткам его «отмены». Осенью 1893 года Вебер женился на Марианне Шнитгер — даме из семьи промышленников, одной из ключевых фигур женского движения

Германии. Впоследствии это обстоятельство часто приводило к серьезным заблуждениям относительно политических оценок как Вебера, так и его супруги. Как пишет Г. Рот в предисловии к биографии Вебера, написанной его женой, ничто так не разделяет большую часть предыдущего немецкого женского движения от сегодняшнего феминизма, как национализм 1914 года, поскольку тогда женское общественное движение не отождествлялось с левыми и тем более интернациональными взглядами. Сегодня же Вебер оказался серьезным теоретическим вызовом для феминистской социологии, пытающейся переопределить свое отношение не только к его идеям, но и к его поддержке тогдашнего феминизма. В этом смысле западным деконструкторам Вебера и других социологических классиков на поле расового, экологического, гендерного и прочих дискурсивных полей предстоит большая работа.

Однако борьба с «неправильным» классиком Вебером не является исключительным доменом европейских и американских левых. Время от времени и в России появляются работы, ставящие под сомнение веберовскую социологию как по идеологическим (7), так и по эвристическим [8] причинам. Мы не можем затрагивать эти кейсы, так как русская рецепция веберовского наследия нуждается в отдельном рассмотрении. Так, вызывает особый эпистемологический интерес антивеберовски настроенный вульгарный марксизм, представленный не только в академических сочинениях, но и среди популярных интернет-блогеров, и примечательный самой попыткой возрождения социально-теоретической перспективы, доминировавшей в нашей стране в 1930-е–1940-е годы. Поразительно наблюдать, как относительно молодые люди изъясняются в Интернет на языке вульгарного социологизма в духе школы М.Н. Покровского. Иногда в интернет-роликах можно обнаружить образцы поистине трогательной теоретической наивности. Стоит ли говорить, что с точки зрения эвристики социального сталинистский сегмент YouTube представляет собой своеобразную эпистемологическую машину времени, позволяющую оказаться в мире идеологических представлений столетней давности. С ее помощью люди в XXI веке могут игнорировать все достижения современного социального знания, оказываясь даже не в позднесоветском универсуме идей, а в дискурсивном пространстве ортодоксального сталинизма.

Безусловно, продолжающиеся уже больше века попытки отменить Вебера — как у нас, так и на Западе — это симптом кризиса и амбивалентности модерна как эпохи, безжалостным диагностом которой и выступал великий социолог.

Информация о финансировании

Публикация подготовлена в рамках исследовательского проекта «Большое пространство в постглобальную эпоху: империя и мировое общество как социологические феномены и темы дискурсивных формаций», реализуемого Центром фундаментальной социологии НИУ ВШЭ в 2024 году в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Примечания

- (1) См., напр., развернутую рецензию И.В. Троцук на прорывную работу К. Аллена о Вебере как теоретике империи [19], хотя Аллен весьма амбивалентно оценивает политическую позицию классика-империалиста [34].
- (2) Ср. с высказыванием известного немецкого вебероведа Ф. Тенбрука: «Даже теологическая литература по еврейским пророкам вряд ли озадачилась важными взглядами Вебера, игнорируя его “Хозяйственную этику мировых религий” точно так же, как и остальные культурно-исторические дисциплины» [14. С. 117].
- (3) В период Веймарской Германии радикальный социал-демократ Э. Никиш сблизился с представителями движения «консервативной революции» и стал ведущим идеологом национал-большевизма.
- (4) В апреле 1919 года Э. Толлер стал одним из руководителей Баварской советской республики. После ее падения, во время суда над ее лидерами Вебер фактически спас Толлера от казни, засвидетельствовав идеалистический характер его убеждений.
- (5) Марианна Вебер так вспоминала об этих контактах: «С противоположного полюса мировоззрения пришли несколько молодых философов из Восточной Европы, с которыми мы познакомилась в это время; прежде всего венгр Георг Лукач, с которым Вебер очень подружился» [3. С. 387].
- (6) Интерес в этой связи представляет исследование К. Клингемана «Социология в Третьем рейхе». Особенно примечательно эссе «Макс Вебер в имперской социологии 1933–1945 гг.»: несмотря на «несвоевременность» веберовского постулата о науке, свободной от ценностных суждений, Вебер, по мнению Клингемана, оставался авторитетом для нацистских социологов, причем не только университетских преподавателей, пытавшихся дистанцироваться от нацистского концепта науки, но и откровенных национал-социалистов и отдельных партийных вождей вроде Х. Франка [26].
- (7) Самая яркая в этом отношении — монография А.Б. Рахманова [15; см. также: 7].

Библиографический список

1. *Адорно Т.* Негативная диалектика. М., 2003.
2. *Вебер М.* Политические работы (1895–1919). М., 2003.
3. *Вебер М.* Жизнь и творчество Макса Вебера. М., 2007.
4. *Вебер М.* Первая антикритика на «Дух капитализма» // Социологическое обозрение. 2023. Т. 22. № 2.
5. *Давыдов Ю.Н.* Макс Вебер и современная теоретическая социология. М., 1998.
6. *Зиммерман Э.* Раса против революции в центральной и Восточной Европе: от Гегеля до Вебера, от крестьянских восстаний до «полонизации» // *Ab Imperio*. 2014. № 1.
7. *Ионин Л.Г., Ожиганов Э.Н.* Макс Вебер как повод: курьезы «социальной философии» // Социологический журнал. 2012. № 2.
8. *Капелюшников Р.И.* Гипноз Вебера. Заметки о «Протестантской этике и духе капитализма» // Экономическая социология. 2018. Т. 19. №№ 3–4.
9. *Каубе Ю.* Макс Вебер. На рубеже двух эпох. М., 2016.
10. *Кильдюшов О.В.* По следам наших выступлений, или несколько замечаний по поводу одной «странной» дискуссии // *Логос*. 2007. № 1.
11. *Кильдюшов О.В.* Между этосом научности и полицией нравов: Макс Вебер как полемист // Социологическое обозрение. 2023. Т. 22. № 2.
12. *Лахман Р.* Что такое историческая социология? М., 2016.
13. *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 30.
14. *Тенбрук Ф.* Главный труд Макса Вебера // Социологическое обозрение. 2020. Т. 19. № 2.
15. *Рахманов А.Б.* Социальная философия Макса Вебера: метаморфозы и кризисы. М., 2012.
16. *Филиппов А.Ф.* Понятие и проблема социологической классики. Георг Зиммель как классик социологии // *Классика и классики в социальном и гуманитарном знании*. М., 2009.

17. Шумпетер Й.А. История экономического анализа. Т. 3. СПб., 2001.
18. Ясперс К. Речь памяти Макса Вебера // Вебер М. Избранное. Образ общества. М., 1994.
19. Allen K. Weber: Sociologist of the Empire. L., 2017.
20. Breuer S. Max Weber in seiner Zeit // Politik, Ökonomie und Religion 1890–1920. Wiesbaden, 2022.
21. Habermas J. Diskussionsbeitrag // Stammer O. (Hrsg.). Max Weber und die Soziologie heute. Verhandlungen des 15. Deutschen Soziologentages. Tübingen, 1965.
22. Horkheimer M. Traditionelle und kritische Theorie: Vier Aufsätze. Frankfurt am Main, 1968.
23. Hund W.D., Lentin A. (Eds.). Racism and Sociology. Münster, 2014.
24. Hund W.D. Racism in white sociology. From Adam Smith to Max Weber // Hund W.D., Lentin A. (Eds.). Racism and Sociology. Münster, 2014.
25. Joas H. Die Macht des Heiligen. Eine Alternative zur Geschichte von der Entzauberung. Berlin, 2019.
26. Klingemann C. Max Weber in der Reichssoziologie 1933–1945 // Klingemann C. Soziologie im Dritten Reich. Baden-Baden, 1996.
27. Lukács G. Die Zerstörung der Vernunft, III: Irrationalismus und Soziologie. Darmstadt, 1974.
28. Max Weber-Gesamtausgabe. II/10.
29. Mommsen W.J. Max Weber und die deutsche Politik 1890–1920. Tübingen, 1959.
30. Schluchter W. Mit Max Weber. Tübingen, 2020.
31. Schöllgen G. Das Zeitalter des Imperialismus. Fünfte, erweiterte Auflage. München, 2014.
32. Spann O. Gesellschaftslehre. Zweite, neubearbeitete Auflage. Leipzig, 1923.
33. Schwinn Th. „Die Macht des Heiligen“ als eine Alternative zur Entzauberung? Zu Hans Joas’Religionstheorie // Berliner Journal für Soziologie. 2019. Vol. 29.
34. Trotsuk I. Too many Webers for small sociology; or, how critically sociologists should consider their canon // Russian Sociological Review. 2019. Vol. 18. No. 2.
35. Zander J. Pole der Soziologie: Ferdinand Tönnies und Max Weber // S. Papcke (Hrsg.). Ordnung und Theorie. Beiträge zur Geschichte der Soziologie in Deutschland. Darmstadt, 1986.

DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-2-293-307

EDN: NYXCWB

Canceling Weber: Strategies of struggle with the classic a century ago and today*

O.V. Kildyushov

National Research University Higher School of Economics,
Myasnitskaya St., 20, Moscow, 101000, Russia

(e-mail: kildyushov@mail.ru)

Abstract. The article considers a little-researched topic — fundamentally contested classics: when canonical figures in the history of social thought are regularly placed at the center of intense discursive struggles that go beyond the boundaries of normal scientific criticism. First, the author mentions the ambivalent reception of M. Weber’s heritage as a basic element of the

*© O.V. Kildyushov, 2024

The article was submitted on 04.02.2024. The article was accepted on 13.05.2024.

sociological canon due to its extremely fragmentary nature even within the positive perception of his ideas. Further, the article schematically reconstructs the long tradition of intellectual struggle with Weber personally and his ideas. The author believes that there is a gap in global Weber studies, which is anti-Weberianism as a significant intellectual and cultural practice that has not yet been explicitly reflected, and proposes an analytical scheme for systematizing permanent attacks on Weber at different levels (personal, discursive and institutional). The first critical strategy focuses on Weber's personality, emphasizing the incoherence of his scientific-theoretical views and way of life. The second type of criticism focuses on Weber's ideas, trying, under the guise of academic polemics, to refute the main provisions of Weber's sociology as untenable for productive work within the current sociological research (as a rule, the leading motives of such a strategy lie outside scientific discussions). The third anti-Weber strategy is openly political/ideological in nature and aims not so much at exposing the scientific fallacy of his theses as at their ideological condemnation, formal ban or "cancellation" as harmful and dangerous for the goals of particular social movements. In conclusion, the author mentions some attempts to "cancel" Weber in Russia — both within the academy and by ideologically biased publicists and bloggers.

Key words: classical sociology; Max Weber; history of ideas; history of reception; Weberian studies; struggle for recognition; cancel culture; leftist intellectuals

Funding

The publication was prepared within the research project of the Center for Fundamental Sociology of the National Research University — Higher School of Economics "Large space in the post-global era: Empire and world society as sociological phenomena and themes of discursive formations" as a part of the Basic Research Program of the HSE in 2022.

References

1. Adorno Th. *Negativnaya dialektika* [Negative Dialectics]. Moscow; 2003. (In Russ.).
2. Weber M. *Politicheskie raboty (1895–1919)* [Political Works (1895–1919)]. Moscow; 2003. (In Russ.).
3. Weber M. *Zhizn i tvorchestvo Maxa Webera* [The Life and Work of Max Weber]. Moscow; 2007. (In Russ.).
4. Weber M. Pervaya antikritika na "Duh kapitalizma" [The first anti-criticism on the *Spirit of Capitalism*]. *Russian Sociological Review*. 2023; 22 (2). (In Russ.).
5. Davydov Yu.N. *Max Weber i sovremennaya teoreticheskaya sotsiologiya* [Max Weber and Contemporary Theoretical Sociology]. Moscow; 1998. (In Russ.).
6. Zimmerman A. Rasa protiv revolyutsii v Tsentralnoj i Vostochnoj Evrope: ot Hegelya do Webera, ot krestiyanskih vosstanij do "polonizatsii" [Race against revolution in Central and Eastern Europe: From Hegel to Weber, from rural insurgency to 'polonization']. *Ab Imperio*. 2014; 1 (In Russ.).
7. Ionin L.G., Ozhiganov E.N. Max Weber kak povod: kuriezy "sotsialnoj filosofii" [Max Weber as a reason: Curiosities of "social philosophy"]. *Sotsiologicheskij Zhurnal*. 2012; 2. (In Russ.).
8. Kapelyushnikov R.I. Gipnoz Webera. Zametki o "Protestantskoj etike i duhe kapitalizma" [Weber's hypnosis. Notes on *The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism*]. *Economic Sociology*. 2018; 19 (3–4). (In Russ.).
9. Kaube J. *Max Weber. Na rubezhe dvuh epoh* [Max Weber at the Turn of the Millennium]. Moscow; 2016. (In Russ.).
10. Kildyushov O.V. Po sledam nashih vystuplenij, ili neskolko zamechanij po povodu odnoj "strannoj" diskussii [Following our presentations, or a few comments about one "strange" discussion]. *Logos*. 2007; 1. (In Russ.).
11. Kildyushov O.V. Mezhdru etosom nauchnosti i politsiej pravov: Max Weber kak polemist [Between the ethos of science and the morality police: Max Weber as a polemicist]. *Russian Sociological Review*. 2023; 22 (2). (In Russ.).

12. Lachmann R. *Chto takoe istoricheskaya sotsiologiya?* [What is Historical Sociology?]. Moscow; 2016. (In Russ.).
13. Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochinenij* [Complete Works]. 5th ed. Vol. 30. (In Russ.).
14. Tenbruck F. Glavny trud Maxa Webera [Max Weber's main work]. *Russian Sociological Review*. 2020; 19 (2). (In Russ.).
15. Rakhmanov A.B. *Sotsialnaya filosofiya Maxa Webera: metamorfozy i krizisy* [Max Weber's Social Philosophy: Metamorphoses and Crises]. Moscow; 2012. (In Russ.).
16. Filippov A.F. Ponyatie i problema sotsiologicheskoy klassiki. Georg Simmel kak klassik sotsiologii [The concept and problem of sociological classics. Georg Simmel as a classic of sociology]. *Klassika i klassiki v sotsialnom i gumanitarnom znanii*. Moscow; 2009. (In Russ.).
17. Schumpeter J. *Istoriya ekonomicheskogo analiza* [History of Economic Analysis]. Vol. 3. Saint Petersburg; 2001. (In Russ.).
18. Jaspers K. Rech pamyati Maxa Webera [Speech in memory of Max Weber]. Weber M. *Izbrannoe. Obraz obshchestva*. Moscow; 1994. (In Russ.).
19. Allen K. *Weber: Sociologist of the Empire*. London; 2017.
20. Breuer S. *Max Weber in seiner Zeit. Politik, Ökonomie und Religion 1890–1920*. Wiesbaden; 2022.
21. Habermas J. Diskussionsbeitrag. Stammer O. (Hrsg.). *Max Weber und die Soziologie heute. Verhandlungen des 15. Deutschen Soziologentages*. Tübingen; 1965.
22. Horkheimer M. *Traditionelle und kritische Theorie: Vier Aufsätze*. Frankfurt am Main; 1968.
23. Hund W.D., Lentin A. (Eds.). *Racism and Sociology*. Münster; 2014.
24. Hund W.D. Racism in white sociology. From Adam Smith to Max Weber. Hund W.D., Lentin A. (Eds.). *Racism and Sociology*. Münster; 2014.
25. Joas H. *Die Macht des Heiligen. Eine Alternative zur Geschichte von der Entzauberung*. Berlin; 2019.
26. Klingemann C. Max Weber in der Reichssoziologie 1933–1945. Klingemann C. *Soziologie im Dritten Reich*. Baden-Baden; 1996.
27. Lukács G. *Die Zerstörung der Vernunft, III: Irrationalismus und Soziologie*. Darmstadt; 1974.
28. Max Weber-Gesamtausgabe. II/10.
29. Mommsen W.J. *Max Weber und die deutsche Politik 1890–1920*. Tübingen; 1959.
30. Schluchter W. *Mit Max Weber*. Tübingen; 2020.
31. Schöllgen G. *Das Zeitalter des Imperialismus*. Fünfte, erweiterte Auflage. München; 2014.
32. Spann O. *Gesellschaftslehre*. Zweite, neubearbeitete Auflage. Leipzig; 1923.
33. Schwinn Th. „Die Macht des Heiligen“ als eine Alternative zur Entzauberung? Zu Hans Joas' Religionstheorie. *Berliner Journal für Soziologie*. 2019; 29.
34. Trotsuk I. Too many Webers for small sociology; or, how critically sociologists should consider their canon. *Russian Sociological Review*. 2019; 18 (2).
35. Zander J. Pole der Soziologie: Ferdinand Tönnies und Max Weber. S. Papecke (Hrsg.). *Ordnung und Theorie. Beiträge zur Geschichte der Soziologie in Deutschland*. Darmstadt; 1986.

DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-2-308-334

EDN: OFWXRV

Воинская иррегулярность и проблема социального порядка в свете «Теории партизана» Карла Шмитта: между политическим и криминальным*

В.И. Бродский

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
просп. Вернадского 82, 119571, Россия

Московская высшая школа социальных и экономических наук,
Газетный пер., 3/5, стр. 1, Москва, 125009, Россия

(e-mail: brodskiy-vi@ranepa.ru)

Аннотация. Последние десятилетия ознаменовались распространением воинской иррегулярности в условиях международных и внутренних конфликтов. Наиболее востребованной теоретической рамкой, позволяющей осмыслить природу и деятельность иррегулярных формирований, остается опубликованная в 1963 году «Теория партизана» Карла Шмитта. Автор актуализирует предложенные Шмиттом критерии принадлежности к партизанству и рассматривает воинскую иррегулярность как особый социальный феномен вне поддерживаемого государственными институтами социального порядка, потенциально угрожающий ему, несмотря на изначальное совпадение интересов. За криминализацией иррегулярного бойца, осуществляемой оккупантом в условиях международного конфликта, может следовать повторная криминализация со стороны порядка, восстановление которого он приближал. «Теория партизана» подразумевает подобное рассмотрение, но в должной мере его не раскрывает. В статье отмечена обратная зависимость внутренней политизации иррегулярного формирования по отношению к его внешней криминализации: оккупационный порядок игнорирует политические мотивы партизана, фокусируясь на используемых им криминальных методах вооруженной борьбы, и рассматривает его лишь как злостного нарушителя спокойствия, обезвреживание которого требует полицейских операций. С другой стороны, вчерашний герой может быть объявлен преступником той регулярностью, что ранее оказывала ему поддержку, если конвертирует высокую интенсивность своей политической вовлеченности в резкие требования в ее адрес. Хотя для партизана подобные инициативы станут продолжением борьбы на политическом фронте, они рискуют быть расценены как прямая угроза социальному порядку и потому подвергнуты уголовному преследованию. Соответственно, поощрение иррегулярной борьбы — эффективное средство борьбы с внешней агрессией в краткосрочной перспективе, но взрывоопасная, угрожающая социальному порядку мера в долгосрочной. Автор делает вывод о неразличимости политического и криминального в условиях полноценного гражданского конфликта, возникающей на фоне взаимной кри-

*© Бродский В.И., 2024

Статья поступила в редакцию 17.12.2023 г. Статья принята к публикации 25.04.2024 г.

минализации его участников и политизации используемых ими криминальных средств насилия, и приводит ряд исторических примеров криминально-политической амбивалентности иррегулярных формирований.

Ключевые слова: Карл Шмитт; «Теория партизана»; партизан; корсар; политическое; криминальное; иррегулярность; социальный порядок

Во вражде незаконно сделанное ищет своего права.
Карл Шмитт

«Откуда происходят все бедствия в мире?» —
спросил себя Вагнер.

От «старых договоров» — ответил он, подобно
всем идеологам революции.

Фридрих Ницше

Немецкий философ и социолог Карл Шмитт известен как автор одной из самых значимых попыток проведения границы между политическим и прочими областями человеческого существования. Шмиттовское понимание политического как сферы различения коллективного друга и врага (врага отличает от экономического конкурента или культурного антагониста принципиальная готовность убивать и умирать в борьбе с ним) остается востребованным в рамках новейших исследований [25. С. 305–308]. Знаменитое рассуждение о возможности взаимного причинения смерти как о критерии, отделяющем политическое от экономического, этического и эстетического [25. С. 301–302, 312–314] обращает на себя столь пристальное внимание, что в его тени рискует остаться другое не менее важное интеллектуальное открытие Шмитта — граница между политическим и криминальным, обладающая огромным значением для социальной науки.

Проблему различения политического и криминального (врага и преступника) Шмитт осмысляет в нескольких контекстах. Один из них представлен в работе «Номос Земли» [24], посвященной парадигмальным трансформациям во взаимодействии субъектов международной политики с регулярными армиями. Шмитт заостряет внимание на тенденции к криминализации вражеских политических режимов: военные действия все чаще принимают характер полицейских операций, цель которых — ликвидация возмутителя спокойствия [24. С. 474–475]. Криминализация политического оппонента может служить источником легитимации войны на уничтожение современными морскими и воздушными средствами [24. С. 468, 473]. Данная аргументация привлекает внимание многих исследователей, справедливо указывающих, что теоретические положения Шмитта предвосхитили характер целого ряда современных конфликтов (1). Однако проблема исчезновения границы между политическим и криминальным на мировом уровне относится к предметным областям

философии войны и теории международных отношений, вследствие чего будет оставлена за рамками данной статьи.

Второй контекст шмиттовского исследования границы между политическим и криминальным напрямую связан с проблематикой социального порядка и более интересен для социального ученого — это исследование феномена иррегулярных воинских формирований в «Теории партизана» [26]. Ее главный герой — автохтонный партизан, стремящийся подорвать оккупационный порядок, установить и поддержать который пытается интервент на занятых территориях. Криминализация партизана, осуществляемая оккупантом, — хорошо известный факт [26. С. 50, 56]. В статье партизанское движение рассматривается как потенциально проблематичное для социального порядка, поддерживаемого институтами государственной власти, в интересах которой партизан действует на оккупированных территориях. Интенсивная политическая вовлеченность партизана способствует решению важнейших боевых задач и приближает победу над внешним врагом, что является основанием для его героизации. Вместе с тем эта же сущностно важная характеристика партизанского движения способна стать причиной резких политических требований, быть воспринята как угроза социальному порядку и встречена повторной криминализацией. Иными словами, за строгим определением партизана в «Теории партизана» скрывается «хамелеон» [30. С. 12], чья иррегулярность может быть интерпретирована и как маркер героического риска, и как угроза государственной безопасности — в зависимости от колебаний партизанской активности [30; 38].

Несмотря на то, что основная линия «Теории партизана» — рассмотрение автохтонного партизана, борющегося с внешним агрессором, произведение содержит и ряд положений, имеющих отношение к партизану повстанческого типа, борющегося с политическим режимом, — революционеру или борцу за независимость [26. С. 114–117]. Речь может идти и о «мерцающем» характере границы между политическим и криминальным в условиях начальной фазы гражданской войны [4. С. 162–163], т.е. о неразличимости политического и криминального в условиях гражданского конфликта. Генезис подобной ситуации связан с политизацией используемых в рамках гражданского конфликта средств насилия и взаимной, обоюдной криминализацией участников противостояния. В данной статье вопрос об изменчивом (балансирующем между политическим и криминальным) статусе иррегулярного бойца помещается в фундаментальный теоретический контекст, заданный краеугольным камнем социальной науки — проблемой социального порядка (2). В современной науке «Гоббсова проблема» — вопрос не только о происхождении (3), но и о поддержании социального порядка, его защите от внешних и внутренних угроз, одной из которых и является воинская иррегулярность.

В первой части статьи представлена обновленная реконструкция четырех сущностных критериев принадлежности к партизанству, сформулирован-

ных Шмиттом. Опираясь на работу Т.А. Дмитриева [9], автор актуализирует определенные Шмиттом характеристики в свете релевантных геополитических и технологических изменений, связывая их с проблемой социального порядка. Во второй части исследуется граница между политическим и криминальным, проходящая по линии отношения иррегулярного соединения к действующей или проектируемой регулярности. В третьей части приведены несколько исторических примеров, воплощающих описанные Шмиттом сценарии судьбы иррегулярных формирований, различие между которыми зависит от политической воли государства и их готовности интегрироваться в действующий социальный порядок.

Итак, в «Теории партизана» обозначены четыре сущностные характеристики изучаемого феномена — иррегулярность, повышенная мобильность, интенсивность политической вовлеченности и теллурический характер [26. С. 38]. Хотя эти критерии обобщают опыт, кажущийся архаичным на фоне реалий современной войны (4), шмиттовское учение о партизанах остается надежным инструментом социальной науки. Во-первых, шмиттовский партизан представляет собой «концептуальную модель», на полное соответствие которой вряд ли может претендовать какая-либо современная иррегулярная сила [38. С. 346]. Вероятно, Шмитт предлагает читателю теоретическую конструкцию, способную выступить в роли отправной точки анализа любого социального феномена, связанного с военизированной иррегулярностью (5). Во-вторых, Шмитт признавал, что сформулированные им критерии — не «окончательное решение необъятной проблемы партизана», а ее «предварительный исток», и потому открыты для корректив [22. С. 148–149]. Многие факторы (и основной — влияние технического прогресса) обуславливают серьезные преобразования партизанской борьбы и требуют актуализации введенных Шмиттом критериев.

Четыре критерия принадлежности к партизанству в исторической перспективе

Первую строку в шмиттовском списке критериев занимает иррегулярность. Он развернуто описывает различные проявления иррегулярности, но ни в «Теории партизана», ни в беседе по ее мотивам мы не встречаем четкого определения данного понятия. Г. Сломп справедливо замечает, что понятие «иррегулярность» обретает смысл и значение только на контрасте с институтом регулярных армий [39. С. 506]. В «Теории партизана» мы действительно сталкиваемся с целой серией противопоставлений воинской регулярности и иррегулярности [26. С. 26, 42, 59–60]. Вместе с тем необходимо обратить внимание на то, о каком значении регулярности рассуждает Шмитт: особенности использования понятия в ряде контекстов «Теории партизана» говорят в пользу того, что его содержание не сводится исключительно к ми-

литарному аспекту и требует более широкого осмысления, с привлечением категории социального порядка.

Отсутствие формы и знаков отличия, диверсионные методы вооруженной борьбы и прочие проявления партизанской иррегулярности следует противопоставлять соответствующим антиподам, присущим армейской регулярности. Все это — следствие того, что «легальность является неотразимым функциональным модусом всякой современной государственной армии» [26. С. 130], поэтому смыслообразующей характеристикой иррегулярности становится нелегальность, пребывание вне системы правового порядка. Текущую иррегулярность гражданского конфликта легитимизирует стремление к «осуществлению новой регулярности собственными силами» [26. С. 117], и речь идет не столько о будущей трансформации партизанского движения в регулярные войска, сколько о построении нового порядка на пепелище старого (первый — следствие второго). «Тот, кто берется определять, кто является врагом, притязает на собственную, новую легальность» [26. С. 117], на фоне чего объявляющий действующий политический режим вражеским партизан-революционер становится носителем проекта нового порядка, который стремится распространить на социум в целом. Стремление к освобождению контролируемой врагом территории путем вооруженной борьбы для установления на ней своего порядка делает революционера политической фигурой в собственных глазах. «Порядок есть телос политического» [12. С. 126], и в этом смысле регулярность — целевая причина политической борьбы партизана-революционера или борца за независимость.

Уточненное понимание регулярности способствует прояснению феномена иррегулярности. Шмитт фиксирует пребывание партизана вне легальности, и это правовая проблема на уровне социальной онтологии. «Ключевые понятия современности являются понятиями порядка: “государство”, “право”, “конституция”, “суверенитет” и даже “политика” содержательно, на уровне семантики, и структурно, как определенный тип дискурса, несут в себе аспект упорядоченного социального действия» [12. С. 126], и используемый Шмиттом концепт легальности органично встраивается в данный список. Иррегулярный боец — фигура, сознательно ставящая себя вне порядка, поэтому он делит рассматриваемую характеристику с пиратом или бандитом (7). Преступник пренебрегает нормами и требованиями действующего порядка, ориентируясь лишь на свой собственный. Весь боевой путь иррегулярного бойца представляет собой аналогичное самоисключение: такой боец повстанческого типа занимает это положение, стремясь уничтожить социальный порядок, представляющийся ему несправедливым; автохтонный партизан, борющийся с интервентом, — преследуя цель подорвать порядок, который пытаются установить оккупационные власти (8). Партизан при этом пребывает и вне порядка, действующего на его родине, борющейся с внешним агрессором: отряд формируется в обход установ-

ленных мобилизационных процедур, его внутренняя иерархия не вписана в строгую систему воинских званий, на его бойцов не распространяются формальные правила, действующие в отношении солдат и офицеров регулярных сил. Именно поэтому партизан использует методы и средства, недоступные для солдат регулярной армии, пренебрегает ношением формы и использованием знаков различия.

Борящаяся с интервентом регулярность способна повысить шансы на успех в борьбе с внешним врагом, оказывая поддержку самоорганизующемуся партизанскому движению. Однако тем самым она возвращает нечто, не поддающееся прямому контролю, при помощи средств, эффективно действующих в отношении элементов порядка (9), т.е. регулярность создает риски, актуальные как для будущего мирного времени, так и для периода боевых действий (например, если партизан продолжает вооруженную борьбу на фоне инициатив регулярности по переходу к мирному урегулированию). Риски при этом обоюдны: в связи с отсутствием гарантий, на которые могут рассчитывать бойцы регулярных армий, автохтонный партизан должен быть готов не только к столкновению с жестокими репрессиями со стороны оккупанта, но и с любой реакцией со стороны регулярности, в интересах которой он воюет, поскольку у последней нет перед ним никаких формальных обязательств, аналогичных обязательствам перед солдатами и офицерами, действующих в легальном поле.

Второй критерий — повышенная мобильность — едва ли требует развернутых комментариев. Это еще одна характеристика, которую иррегулярный боец делит с преступником. Партизанские отряды способны быстро менять место дислокации и проводить молниеносные вылазки. В этом отношении партизан неотличим от налетчика, действующего в виде малочисленной мобильной группы и мгновенно растворяющегося среди рядовых граждан. Пространство партизанской активности может быть чрезвычайно широким в связи с высокой скоростью перемещений и отсутствием точек постоянного расположения. Шмитт делает акцент на моторизации — причине высокой мобильности иррегулярных соединений, отмечая возможность структурной трансформации партизанских движений на фоне все большего усиления данной тенденции.

Третий критерий — интенсивность политической вовлеченности партизана: он целиком и полностью отдает себя вооруженной борьбе, зашагивая в смерть значительно дальше и охотнее в сравнении с бойцом регулярной армии [5. С. 94]. Партизаном движет «личное, экзистенциально окрашенное неприятие факта оккупации родной страны» [9. С. 205] (11), а не процедурная механика действующего порядка. Столь мощная мотивация и преданность общему делу борьбы с врагом делают партизанское движение монолитным политическим единством, крепость социальных связей внутри которого немислима для «современного либерального государства» [39. С. 505] и не толь-

ко либерального (12). Самостоятельное решение о противостоянии врагу наделяет автохтонное партизанское движение параллельной по отношению к действующей регулярности политической субъектностью. Обстоятельства внешней агрессии могут подталкивать регулярность к поощрению партизанской активности, но обратной стороной подобной стратегии оказывается появление «актора, угрожающего монополии государства на политическое» [39. С. 505] и отличающегося несоизмеримо более высокой степенью социальной сплоченности.

Четвертый критерий — теллурический характер партизанской активности: шмиттовский партизан — плоть от плоти родины, использующий знание ее географических особенностей и специфики локальной инфраструктуры. Он легко смешивается с гражданским населением, затрудняя преследование. Автохтонность и стремление «защищать дом, очаг и родину от чужого захватчика» [26. С. 48] наделяют партизана оборонительной природой, которая лишь на первый взгляд соответствует интересам регулярности. С учетом повышенной интенсивности политической вовлеченности и тотальной погруженности во вражду с интервентом партизан может враждебно относиться к любым мирным инициативам со стороны регулярности, усмотрев в них предательское отступничество. На фоне отступлений или локальных поражений регулярных войск партизан, сохраняя свою оборонительную природу, может занять (и сделать публичной) политическую позицию, согласно которой действующая регулярность защищает родину недостаточно рьяно или компетентно. «Эвристически различение друга и врага — эффективный, хотя и небезопасный способ проверки наличия самого социального порядка» [11. С. 20]. Эвентуальное различение друга и врага в опыте борьбы с внешней силой — самая серьезная проверка порядка на прочность. Любая, даже дискурсивная конфронтация с параллельно борющейся иррегулярностью способна стать для порядка серьезнейшим дестабилизирующим вызовом в и без того экстремальных условиях вооруженного конфликта.

Другая интересующая Шмитта фигура — революционер-интернационалист — жертвует оборонительным характером в пользу глобальных амбиций, в связи с чем «становится манипулируемым орудием всемирно-революционной агрессивности» и «лишается всего, за что он поднимался на борьбу и в чем был укоренен теллурический характер, легитимность его партизанской иррегулярности» [26. С. 115]. Партизан, выступающий в роли локального революционера (или борца за независимость), может объявить действующий политический режим оккупационным (антинародным, марионеточным и т.д.) и сопроводить свою агрессию освободительным пафосом.

Технический аспект может внести коррективы в сочетание черт партизанства, например критерии мобильности и теллурического характера сталкиваются друг с другом: последний создает пространственные ограничения, сдерживающие возможности первого [38. С. 346]. Успешность сдерживания

зависит от развития средств мобильности — значительный технологический скачок способен ослабить теллурический критерий или наполнить его новым содержанием: «В той мере, в какой партизан моторизируется, он утрачивает почву, и растет его зависимость от индустриально-технических средств, в которых он нуждается для своей борьбы... Все аспекты, в которых мы до сих пор рассматривали сегодняшнее партизанство, как будто бы тем самым растворяются во всепобеждающем техническом аспекте» [26. С. 117]. В «Теории партизана» Шмитт использует понятие «сухопутного корсара», но подчеркивает, что партизан не может быть отождествлен с ним, будучи крепко связан с родной землей и стихией суши в целом (13). Вместе с тем широкое применение морских и воздушных средств ведения войны (уничтожая институт сухопутной оккупации и определяя самообилизацию автохтонного партизана) в сочетании со стремительным технологическим развитием средств мобильности и переносом геополитической борьбы сверхдержав в порой неожиданные, далекие от их границ локации (Африка, Ближний Восток (14)), превращают воюющего в интересах родины партизана XXI века в глобальную фигуру (15), открытую описанию и осмыслению при помощи категории «сухопутного корсара», ранее использовавшейся Шмиттом лишь в инструментальных, уточняющих целях.

«Война пронизывает всю социальную ткань современного мира. Она часто являет себя в качестве знакомого конфликта между политическими образованиями — как классическими, так и современными, не обязательно являющимися государствами. Различные движения, организации и вооруженные группировки способны вести длительные и полномасштабные боевые действия как друг против друга, так и против международно-признанных государств» [29. С. 8]. В результате иррегулярные силы все реже соответствуют автохтонному типу партизана, описанному в «Теории партизана», но сохраняют связь со шмиттовским произведением, воплощая предвосхищенные им тенденции ослабления теллурической привязки на фоне стремительного развития средств мобильности. По мере расширения сферы применения средств, ассоциирующихся с воинской иррегулярностью, более широким и гибким становится и само понятие «партизан»: «Как традиционные государства, так и формы не-суверенной военно-политической организации концептуализируются как партизаны в контексте глобальной внутригосударственной гражданской войны» [34. С. 284]. Общей характеристикой автохтонного партизана и «сухопутного корсара» XXI века (и прочих схожих фигур) остается иррегулярность — пребывание вне систем норм и процедур, предполагаемых конвенциональными социальными порядками. Более того, Шмитта, осознающего возможные будущие трансформации, партизан интересует, прежде всего, как носитель иррегулярности: «проблема партизана есть проблема отношения регулярной и иррегулярной борьбы» [26. С. 106], т.е. речь идет о черте, создающей «мерцающую» границу между криминальным и политическим.

Мерцающая граница между политическим и криминальным

Исследуя феномен партизанских движений, Шмитт неоднократно обращается к возможности партизана опуститься «в неполитическое» [26. С. 117], раствориться в сфере криминала и бандитизма. Подобная перспектива всегда сопровождает партизанскую активность по причине изначальной близости характеристик партизанства и криминала — грань между партизанской и преступной деятельностью представляется одновременно чрезвычайно важной и невероятно тонкой. Шмитт обращается к аналогии, отмечая сходство (с точки зрения регулярности) различия между пиратом и корсаром (приватиром, капером) [26. С. 108–109], но признает ограниченный потенциал данной параллели вследствие принадлежности партизана и корсара разным стихиям — суши и морю, соответственно. Теллурический характер автохтонного партизана XIX–XX веков не позволяет охарактеризовать его как «сухопутного корсара» — это словосочетание неизбежно упускает такие важные стороны партизанской активности, как маскировка, смешение с гражданским населением, диверсионные методы борьбы, использование особенностей местности. Тем не менее, «тип иррегулярности корсара как-то связан с регулярностью» [26. С. 108], в связи с чем «корсара морской войны и партизана сухопутной войны можно сравнивать» [26. С. 108–109] как фигуры, сохраняющие политический статус, несмотря на реализуемые ими де-факто криминальные практики.

Так, пират — пример абсолютной иррегулярности [26. С. 108]: он ставит себя в положение «врага рода человеческого» [24. С. 43] и чужд любому флагу, кроме черного [24. С. 597]. Корсар обладает связью с регулярностью, так как «снабжен “патентом” государственного правительства» [26. С. 108] (имеет право ходить под флагом своей страны [24. С. 597]), и потому не является морским разбойником. Столь принципиальное противопоставление нередко оборачивается фактической неразличимостью, поскольку корсар, имея пиратские привычки, склонен превышать прописанные в патенте полномочия [24. С. 597], и его судьба открыта противоположным сценариям: «Часто лишь случай решал, закончит ли такой корсар жизнь королевским вельможей, высокопоставленным сановником или приговоренным к повешению пиратом» [24. С. 596–597]. Криминализация корсара — следствие отрыва признания государственной регулярностью, зачастую по независящим от корсара причинам: «собственное правительство хладнокровно жертвовало корсарами, когда они становились неудобными или когда это диктовалось соображениями внешнеполитического порядка» [24. С. 596] (16). С другой стороны, откровенно пиратские, никем и ничем не санкционированные акции могли получить «корсарский» статус постфактум, как в случае сэра Ф. Дрейка [36. С. 181]. Таким образом, одна и та же активность могла быть квалифицирована и как пиратская, и как корсарская, в зависимости от характера связи с регулярностью, определяемого самой регулярностью.

Отметим, что корсар — более легальная фигура, чем партизан: государственный патент включает первого в легальное поле, подчиняет его деятельность системе призового права, в то время как последний — скорее объект легитимации (17), дискурсивного признания и поощрения со стороны регулярности. Партизан может быть прославлен как герой, но при этом остаться юридически несуществующей фигурой; включение корсара в систему правового порядка не гарантирует его полноценную социальную интеграцию. «Регулярное может стать институционализированной профессией, иррегулярное не может» [26. С. 126], и до тех пор, пока даже обладающий государственным патентом корсар не превратится в кадрового морского офицера (что не просто, так как «для хорошего кадрового офицера униформа — нечто большее, чем костюм» [26. С. 126], особая честь и культура, плохо сочетающаяся с криминальным бэкграундом), он останется чуждой порядку фигурой, которую можно использовать как разменную монету во внешнеполитических интригах.

Политический статус партизана также требует связи с существующей или проектируемой регулярностью (18). Теллурический партизан, борющийся с интервентом, воюет в интересах государства, утратившего контроль над оккупированными территориями. При этом своим подходом к ведению вооруженной борьбы партизан едва ли отличается от преступника: оба «нападают из-за угла, выбирая для этого самый подходящий момент с тем, чтобы застать врага врасплох и нанести ему наибольший ущерб», используют такие методы, как «внезапные налеты, диверсии», устраивают акции устрашения [9. С. 209]. Феноменологически деяния автохтонного партизана представляют чистый бандитизм: иррегулярный боец «нападает исподтишка» [26. С. 60], что делает его неотличимым от представителя криминалитета с точки зрения способа решения боевых задач. Вероятно, наиболее ценным партизанским кадром, способным успешно реализовывать «внезапные налеты» и прочие «операции», будет вчерашний налетчик, обладатель криминального опыта. Порядок может использовать силу, ранее угрожавшую ему, в борьбе против внешнего агрессора, политического врага, тем самым обуславливая «мерцание» интересующей нас границы и превращая преступника в эффективный инструмент политического противостояния. Успех подобных диверсий (связанных с колоссальными рисками и способных существенно повлиять на ход конфликта) открывает дорогу к героизации иррегулярного бойца, его превращению в важный политический символ.

С другой стороны, противник воспринимает партизана как преступника, злостного нарушителя спокойствия, бросающего вызов порядку, который он стремится установить или поддерживать [26. С. 43–44, 56]. Оккупант заинтересован в нормализации жизни на занятых территориях, чтобы наладить тыловую работу и эффективно организовывать дальнейшие наступательные операции. Инструментом формирования необходимого оккупанту социального порядка становится система правил (разоружение, комендантский час

и т.д.), саботируемых партизаном для создания хаоса в рядах интервента. Диверсии и акции устрашения сеют панику среди вражеских войск и коллаборационистов (19), делают тыл неотличимым от фронта, вносят разлад в процессы, от которых напрямую зависят тактические и стратегические перспективы военной кампании [26. С. 108]. Тень «нападающего из-за угла» партизана — проекция гоббсовского естественного состояния, источник перманентной экзистенциальной опасности (20), ощущать которую должен каждый комбатант-интервент и местный коллаборационист. Ответом на подобные шаги партизана становятся жесткие полицейские акции, воплощающие принцип «с партизанами борются только партизанским способом» [26. С. 109]. Таким образом, интенсивность политической вовлеченности теллурического партизана (регулярная готовность принять смертельные риски) прямо пропорциональна степени его криминализации оккупационным порядком.

Партизану-революционеру удерживаться в политическом позволяет правило «с расчетом на далекое будущее иррегулярное должно легитимироваться по регулярному» [26. С. 117]: политическая природа движения изначально укоренена в отношении к проектируемой, а не действующей регулярности. Имея в арсенале огромный набор нелегальных средств, иррегулярный боец повстанческого типа стремится уничтожить действующий порядок для установления альтернативного (21). Подобная интенция позволяет ему сохранять политический статус в собственных глазах и потенциально обрести его в глазах третьей силы — внешней регулярности, заинтересованной в обретении политического друга. Третья сторона может предоставлять партизану разные ресурсы, и самым ценным становится политическое признание [26. С. 116], усиливающее легитимность партизана за счет установления связи не только с будущей, но и с нынешней регулярностью.

С точки зрения действующего порядка ни публичные амбиции иррегулярного бойца, ни факт его признания внешними акторами не отменяют его статуса мятежника (22) — не-политического нарушителя покоя. Строгая, объективная граница между политическим и криминальным в этом контексте отсутствует — иррегулярный боец и его возможный внешний покровитель могут определять цели вооруженной борьбы как политические — установление более справедливого социального порядка (что автоматически наделяет соответствующим статусом и бойца), в то время как действующий порядок не может не ответить на это криминализацией мятежного движения (23), риторически сводя его мотивы к персональной корысти главарей (для Шмитта это основной маркер принадлежности криминальному (24)). В случае поддержки со стороны «заинтересованного третьего» меры по нейтрализации «мятежа» могут быть объявлены внешней регулярностью беспорядочно жестокими, и за границей политического в ее глазах окажется уже действующий порядок, реагирующий на внутренний вызов (25). Дж. Агамбен рассматривает *stasis*, гражданский конфликт как «политическую парадигму, единую

городу и знаменующую становление политическим неполитического (*oikos*) и неполитическим политического (*polis*)» [1. С. 31], порог неразличимости между семейным и гражданским. На фоне взаимной криминализации сторон гражданского конфликта, сопровождающейся политизацией криминальных средств насилия, имеет смысл предположить, что внутреннее столкновение регулярного и иррегулярного может быть рассмотрено и как ситуация неразличимости политического и криминального.

Возвращаясь к фигуре теллурического партизана, нужно отметить, что партизанское движение ассоциируется с инициативой местного населения, добровольным выбором вооруженной борьбы за родной край и кров. Однако партизанская борьба может также инициироваться и поощряться регулярно в собственных целях [38. С. 353]. Шульцке отмечает, что регулярность заинтересована в партизане как в «по-настоящему ожесточенном акторе» (бойце, способном применять неконвенциональные методы войны в столкновении с прямой экзистенциальной угрозой) и мифологизированной фигуре, способной мотивировать население [38. С. 353]. Абсолютная автономность партизана — составляющая мифологической конструкции [38. С. 348], поскольку в действительности партизан нуждается в перманентной ресурсной поддержке государственной регулярности, и в противном случае движение абсолютно нежизнеспособно даже в условиях высочайшей мотивации бойцов. В «Теории партизана» Шмитт называет «оружие и боеприпасы, деньги, материальную помощь и всякого рода медикаменты» [26. С. 116] как элементы ресурсной поддержки партизан со стороны третьей силы, и правительственное обеспечение едва ли решительно отличается от этого списка. Впрочем, современные реалии требуют включить в него разведывательную информацию. Таким образом, регулярность иницирует возникновение иррегулярной силы как эффективной, обладающей определенной степенью автономии боевой единицы, но одновременно стремится установить над ней контроль, управляя доступом к жизненно важным ресурсам.

Поощрение иррегулярности несет в себе значительные риски для регулярности, от которой исходит. Во-первых, воспеваемая в партизанском мифе способность населения к боевой самоорганизации в будущем может быть использована революционными силами [38. С. 353]. Во-вторых, партизан может поверить в свою автономию и начать действительно на нее претендовать, отказываясь от сугубо оборонительных функций в пользу самостоятельно определяемых задач. Пресечь подобное непросто, поскольку привычные механизмы регуляции неэффективны в отношении пребывающей вне государственного порядка иррегулярности. Перекрытие доступа к жизненно важным ресурсам — потенциально результативная мера, но только если иррегулярными силами не накоплен их значительный объем. В случае нелояльности регулярность разрывает связь с партизаном, отказывая ему в легитимности, и партизан лишается политического статуса, обретая криминальный харак-

тер [38. С. 356]. Интересно, что партизан, претендуя на автономность, способен ставить перед собой политические цели, стать источником требований к регулярности, которая воспринимает эту инициативу как нарушение спокойствия и угрозу порядку, особенно если партизан не торопится сложить оружие. Партизан сохраняет внутреннюю политическую вовлеченность, но криминализируется регулярностью — окраска «хамелеона» зависит от того, изнутри или снаружи дается оценка.

В условиях исчезновения экзистенциальной угрозы партизан должен либо интегрироваться в социально-правовой порядок (стать частью регулярности, перекодируя себя в соответствии с ее требованиями), либо исчезнуть в качестве военизированной силы. Любые попытки сохранения автономности будут расценены регулярностью как вызов, особенно на фоне роста политических амбиций партизана, разворачивающего свою политическую вовлеченность от защиты границ родины к ее внутренним проблемам (или же защита родины остается актуальной, но становится причиной разногласий с регулярностью). Подобный разворот воспринимается партизаном как продолжение борьбы на политическом фронте, но стоит ему разрыва с регулярностью, которая интерпретирует этот акт как переход в неполитическое и запускает механизмы уголовного преследования — вчерашний герой-защитник объявляется опасным преступником.

Воинская иррегулярность вчера и сегодня

Ниже мы рассмотрим три исторических кейса (один из учения Шмитта) криминально-политической амбивалентности иррегулярных формирований. «Фантомная» (26) фигура, обладающая изменчивым статусом, интересуется Шмитта уже на раннем этапе творчества — часть опубликованного в 1921 году трактата «Диктатура» посвящена имперскому генералиссимусу времен Тридцатилетней войны А. фон Валленштейну, пережившему стремительное возвышение и столь же резкое падение, закончившееся санкционированным убийством [23. С. 98–116]. Кейс Валленштейна невозможно рассматривать в категориях регулярности и иррегулярности в силу исторических причин — структурные изменения в государственной военной политике, приводящие к подобному различению, происходят позже, в связи с чем Шмитт отсчитывает историю партизанских движений с Наполеоновских войн. Тем не менее, судьба Валленштейна — яркий пример того, как тяготеющие к криминалу практики прямого грабежа обретают государственную легитимацию в рамках военных вызовов, а инициативы, в которых просматривается претензия на политическую самостоятельность, становятся основанием для криминализации.

Как военачальник Валленштейн руководствовался установкой «война сама себя кормит» и был «знаменит беспримерной жестокостью, которую применяли его армии, занимавшиеся поборами с населения для своего обе-

спечения» [10. С. 49]. Валленштейн достиг значительных успехов во главе войска Священной Римской империи, но по мере своего возвышения становился все более неудобной фигурой для княжеских элит — стоя во главе слишком многочисленной армии и имея слишком большие амбиции [10. с. 62]. Курфюршеская коллегия объявила императору, что Валленштейн «не считается с условиями и “держит под рукой” карательные военные средства» [23. С. 106], и Валленштейн был смещен с занимаемой позиции. Вскоре он был возвращен к командованию имперской армии и вновь получил от императора право «взимания контрибуций и конфискаций, которые в интересах ведения войны превосходили обычную меру» (Шмитт прослеживает здесь ассоциируемый с диктатурой чрезвычайный статус [23. С. 114]), т.е. второй генеральский срок Валленштейна, как и первый, был ознаменован практиками узаконенного криминала, привлекавшими наемников в ряды имперского войска.

На фоне недовольства императора действиями Валленштейна в 1632–1633 годы его позиции пошатнулись [10. С. 70]. Желая удержаться на посту, он «пошел на рискованный шаг, потребовав от генералов и высших офицеров своей армии клятвы на верность» [10. С. 72]. Эта акция была воспринята императорским двором как попытка мятежа, и предавший Валленштейна генерал Пикколимини получил государственный патент на его физическое устранение. Впоследствии императорский двор выпустил сообщение, в котором деятельность Валленштейна расценивалась как «вопиющее восстание против империи и имперской конституции, хотя никто иной как сам император и его двор способствовали этой деятельности, пока генералиссимус был им нужен» [10. С. 74]. Подлинной причиной расправы стало то, что амбициозный и свободолюбивый Валленштейн выполнил свою функцию как военачальник, но, обладая неподходящим происхождением (не был немцем) и репутацией главаря банды, оказался не нужен императору и его окружению «в качестве политика и немецкого князя» [10. С. 73].

Второй кейс более органично вписывается в концептуальную систему «Теории партизана», так как относится к истории XX столетия. Период действия британского мандата на Палестину (1920–1948) сопровождался активностью ряда подпольных еврейских организаций, использовавших диверсионные методы борьбы с британскими властями: «Хагана», «Иргун» и «ЛЕХИ» полностью соответствовали трем из четырех критериев, введенных Шмиттом в «Теории партизана», — иррегулярность, интенсивная политическая вовлеченность и повышенная мобильность. Теллурический аспект был характерен для сионистских боевых групп в контексте их дискурсивной самолегитимации: британскую администрацию они считали оккупантом (27) земли еврейского народа.

Подпольные еврейские организации прибегали к таким неконвенциональным методам вооруженной борьбы, как точечные убийства и подрывы зда-

ний. Например, организация «ЛЕХИ», также известная как «банда Штерна» (что указывает на криминальный имидж группы) ответственна за убийство британского министра по делам Ближнего Востока У. Мойна Гиннеса в соседнем Египте (де-факто управляемом англичанами). Ранее организация совершила неудачное покушение на Г. Макмайла — Верховного комиссара Палестины [28. С. 121]. Недостаток денежных средств на проведение операций «банда Штерна» пыталась восполнить при помощи серии ограблений банков [28. С. 117]. Создатель и первый лидер организации А. Штерн в 1942 году был застрелен британским полицейским. Важно отметить, что «ЛЕХИ» имела политическую программу (началась с сионизма-ревизионизма, но впоследствии сблизилась с национал-большевизмом) и искала заинтересованного третьего в лице СССР [32. С. 116–118, 133]. После объявления государственной независимости Израиля и образования его (регулярной) армии (далее — ЦАХАЛ) члены «ЛЕХИ» убили посланника ООН по мирным диалогам и урегулированию арабо-израильского конфликта Ф. Бернадота, что повлекло жесткую реакцию израильских властей: «“Шин-Бет” (“Шабак” — служба внутренней безопасности) во главе с И. Харелем арестовала членов группировки, избавив только возникшее государство от проблемы раскола специальных служб» [15. С. 11], и организация прекратила существование. Один из бывших лидеров «ЛЕХИ» И. Шамир сделал блестящую политическую карьеру, став министром иностранных дел, а затем премьер-министром Израиля.

При поддержке «Хаганы» организация «Иргун» осуществила, пожалуй, самый известный акт насилия против британской администрации времен мандата — взрыв в гостинице «Царь Давид» 22 июля 1946 года [40. С. 327]. «Иргун» вел партизанскую кампанию (*guerilla campaign*), в ходе которой члены организации закидывали здания бомбами, взрывали мосты, перекрывали дороги, совершали набеги на военные базы, крали оружие, а также убивали и ранили солдат и полицейских» [41. С. 100]. По данным ФБР, «Иргун» поддерживал связь с «Национальным преступным синдикатом», возглавляемым известным американским гангстером еврейского происхождения М. Лански [14. С. 83]. Высказывается предположение, что «представители “Иргун” вполне могли договориться о помощи и поставках оружия “Синдикатом”» [14. С. 83]. Несмотря на связь с преступным миром, организация не повторила судьбу «ЛЕХИ», а после провозглашения государства Израиль полноценно интегрировался в регулярные войска как «многофункциональная военная группировка специального назначения... подразделение ЦАХАЛ» [15. С. 11]. Один из организаторов взрыва в гостинице «Царь Давид» М. Бегин занимал пост премьер-министра Израиля с 1977 по 1983 годы.

История двух еврейских подпольных организаций подтверждает тезис Шмитта, что иррегулярные соединения должны либо исчезнуть, либо стать частью регулярных войск по итогам выполнения политической миссии, легитимизировавшей их временную иррегулярность.

Третий кейс — история известной российской иррегулярной силы наших дней — ЧВК «Вагнер», которая не является теллурическим партизаном, но отражает элементы той будущей партизанской борьбы, о которой писал Шмитт, отмечая возможное ослабление теллурической привязки партизана вследствие развития средств мобильности и освоения новых пространств для политических противостояний (28). Партизан XXI века, будучи субъектом глобальной мобильности, может быть описан при помощи категории «сухопутного корсара (приватира)», которой соответствует действующая на трех континентах ЧВК «Вагнер», чья иррегулярность не вызывает сомнений так же, как «мерцание» и гибкость границы между криминальным и политическим.

Свойственная иррегулярным соединениям эксплуатация криминальных методов решения боевых задач находит отражение в рекрутировании «криминальных талантов», заинтересованность в которых озвучил глава ЧВК Е. Пригожин; эта характеристика, как и внешнее по отношению к государственному порядку положение ЧВК, могут быть проиллюстрированы ее определением как «военизированной ОПГ» (29). Вместе с тем ЧВК пользовалась широкой ресурсной поддержкой государства (30) и обрела героизированный имидж, продвигавшийся федеральными СМИ в период специальной военной операции (31). Ситуация в корне изменилась летом 2023 года, когда становившийся все более публичной фигурой Пригожин начал критиковать военное руководство страны, записывая видеообращения с фронта (32), что усилило размежевание с государственной регулярностью. Ответом стало требование о переводе всех добровольческих формирований (включая ЧВК «Вагнер») на контракты с Министерством обороны (33) — иррегулярность группы была признана проблематичной и требующей скорейшего встраивания в регулярность. В ночь с 23 на 24 июня 2023 года Пригожин объявил о начале «марша справедливости», декларируемой целью которого стало привлечение к ответу лиц, ответственных за атаку на лагерь группы, и эти действия были ожидаемо квалифицированы властями как преступные: Президент В.В. Путин объяснил акцию «непомерными амбициями и личными интересами» командования ЧВК (34), а именно по этой линии, с точки зрения Шмитта, проходит грань между партизанством и криминалом — партизан движим политическими идеалами, а преступник — исключительно частными интересами [26. С. 27]. Репортажи федеральных СМИ ознаменовали отзыв риторической легитимности формирования — акцент делался на криминальном происхождении ЧВК (35).

Вопрос о дальнейшей судьбе группы остается открытым. По сообщениям СМИ, часть бойцов ЧВК заключила контракты с Министерством обороны (36), тем самым выполнив условие включения в регулярность (когда она более не нуждается в параллельной иррегулярной силе). Часть бойцов

ЧВК находились на территории Беларуси, где делились боевым опытом с белорусской армией (37), т.е. группа временно поддерживала существование за счет установления связи с новой регулярностью, что укладывается в логику Шмитта. После гибели Пригожина и командира формирования Д. Уткина часть бывших бойцов ЧВК перешла в состав спецназа «Ахмат» (38), и, вероятно, следует ожидать дальнейшую интеграцию «вагнеровцев» в подразделения Министерства обороны и Росгвардии. В любом случае ЧВК «Вагнер» более не существует как самостоятельное, пребывающее вне государственного порядка иррегулярное воинское соединение.

Карл Шмитт известен как «Гоббс XX века», и было бы странно, если бы в его учении не напомнила о себе знаменитая «Гоббсова проблема» — вопрос, как возможен социальный порядок. Многие построения Шмитта представляют собой экспликации или отголоски этого вопрошания, и «Теория партизана» — яркий пример подобной преемственности. Отсутствие формы и привычка нападать «из-за угла» образуют наблюдаемый уровень иррегулярности, реализующий более фундаментальную с точки зрения социальной онтологии характеристику партизана (любого бойца иррегулярного типа) — пребывание вне действующих социальных порядков, поддерживаемых легальными средствами. Партизан — фигура, несущая с собой естественное состояние — атмосферу перманентной экзистенциальной тревоги, на фоне которой враг должен потерять волю к борьбе. Подобный способ существования партизана — причина его криминально-политической амбивалентности, по-разному проявляющейся в его вооруженной борьбе.

Теллурический партизан препятствует установлению оккупационного порядка, стремясь посеять хаос и страх в рядах интервента. Политические мотивы автохтонного партизана целиком и полностью игнорируются оккупантом, видящим в нем лишь злостного нарушителя порядка, поэтому его обезвреживание или ликвидация — задача полицейских сил. Деятельность партизана приближает восстановление порядка, источником которого является ранее отступившая сторона, но как только порядок восстановлен, партизан моментально становится неуместной фигурой, чуждым новообразованием. Как справедливо отмечает А.Ф. Филиппов, проблема социального порядка не снимается решениями Гоббса, а постоянно реактуализируется в связи с латентными угрозами: «“Гоббсова проблема” теперь — это не появление общества из множества враждебных своекорыстных индивидов, но враждебность, своекорыстие, относительная непредсказуемость как характеристика поведения внутри отношения» [19. С. 162]. Сохранение воинской иррегулярности в условиях восстановившегося порядка означало бы создание очага не относительной, а непосредственной и вооруженной

непредсказуемости, что означает прямую угрозу фундаментальным основаниям социального порядка, в связи с чем иррегулярный боец должен либо полноценно интегрироваться в регулярные войска, либо исчезнуть в качестве боевой единицы. Партизан экзистенциально соотносит себя с судьбой родины, и может стать источником политических требований в отношении регулярности, если таковая идет на неприемлемые для него внешнеполитические компромиссы (или иные действия). Если партизан сопровождает свою политическую инициативу отказом от разоружения, то его ждет повторная криминализация со стороны того порядка, возвращение которого он приближал, рискуя жизнью.

Таким образом, легитимизируя и поддерживая партизанское движение, регулярность способна решить ряд важнейших оборонных задач в краткосрочной перспективе, но в долгосрочной перспективе подобная мера создает серьезные угрозы для стабильности социального порядка, поддерживаемого регулярностью. В этой конструкции автохтонный партизан балансирует между политическим и криминальным и способен неоднократно обретать тот или иной статус в зависимости от отношений с регулярностью. Вчерашний преступник (нарушитель порядка), использующий криминальные таланты в борьбе с оккупантом (нарушая устанавливаемый им порядок), может стать важным политическим символом, но не страхован от очередного падения в криминальное, если его действия начинают серьезно расходиться с интересами регулярности.

Полноценный гражданский конфликт (39) создает еще более выраженную неразличимость политического и криминального — партизанская борьба повстанца предполагает политизацию криминальных средств насилия (их подчинение политическим, публичным целям, связанным с установлением альтернативного социального порядка), в то время как действующий порядок игнорирует подобное целеполагание, борясь с мятежником, имеющим статус опасного преступника (40). Генезис повстанческого движения может быть связан с оккупационным или узурпирующим, с его точки зрения, характером действующих властей. К этому видению, в рамках которого политическое отчуждается в криминальном, может присоединиться и третья сторона (внешняя регулярность), если меры по борьбе с политической альтернативой признаются ею беспорядочно жестокими.

Описанные Шмиттом механизмы нашли отражение в ряде примеров, приведенных в статье, и, вероятно, найдут его еще не раз. Стоящий на страже социального порядка «смертный Бог» (41) порой остро нуждается в мобильном, безрассудном «демо́не»-авантюристе в борьбе с себе подобными богами или их приспешниками. Тот, кто встал под его знамена, «будет послушен этому демону, ткущему нить его жизни» [б. С. 734], и эта преданность несет в себе возможность непростых испытаний для «смертного Бога», поскольку демонам свойственно метить на место богов.

Благодарности

Автор благодарит О.В. Кильдюшова за плодотворное обсуждение, сопровождавшее подготовку текста, и ценные рекомендации, позволившие уточнить основные положения работы.

Информация о финансировании.

Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (соглашение о предоставлении гранта № 075-15-2022-326).

Примечания

- (1) Серия работ, относящихся к указанному контексту, объединена в сборник [35], также следует отметить исследование Гринберга [31]. Важное высказывание, развивающее шмиттовское осмысление тенденции к усилению и распространению взаимной криминализации субъектов международной политики делает Дж. Агамбен [2].
- (2) Обращаясь к контексту проблемы социального порядка («Гоббсовой»), автор опирается на комплекс работ О.В. Кильдюшова и А.Ф. Филиппова: [11; 12; 19; 20; 33].
- (3) Сформулированная американским социологом Т. Парсонсом «Гоббсова проблема» расшифровывается следующим образом: «“Как возможен социальный порядок” (если дано множество своекорыстных изолированных индивидов)?» [19. С. 156].
- (4) Партизан, описываемый Шмиттом, — теллурическая фигура, тесно связанная с родной землей и мобилизующаяся в условиях сухопутной оккупации интервентом [26. С. 108–109; 9. С. 205]. В «Номосе Земли» Шмитт справедливо указывает, что этот институт все менее представлен в условиях современной войны, где возрастает роль воздушных средств [24. С. 473]. Оккупант приносит с собой новый порядок, становящийся главной мишенью партизана [26. С. 43–44, 46]. Авиационные бомбардировки и ударные БПЛА ничего подобного не производят, оставляя лишь разрушения.
- (5) Предмет рассмотрения Шмитта — не только автохтонный партизан, но и революционер-интернационалист [26. С. 115]. В целом он признает политический статус любой иррегулярности, борющейся «против иностранного завоевателя» или «за революционное дело» [26. С. 38].
- (6) Успех подобного начинания может быть рассмотрен в качестве проявления принципа, обобщающего пути генезиса и становления социального порядка: «Любой существующий социальный порядок, содержащий отношения власти и подчинения, всегда является результатом предшествующей латентной или открытой войны» [33. С. 143].
- (7) Не следует полагать, что, ставя себя вне социального порядка (и даже стремясь уничтожить его), иррегулярный боец становится фигурой, абсолютно чуждой порядку как таковому: «невозможно представить политическое сообщество или социальную группу, не имеющих никаких более или менее отчетливых структур порядка, даже если в качестве их цели заявляется их разрушение» [12. С. 126]. Партизан и бандит не являются исключениями из этого правила, например, деятельность криминальных группировок вписана в систему неформальных, но действенных правил (см., напр., недавно вышедший сериал «Слово пацана»). Присущий этим сообществам порядок является внешним и альтернативным по отношению к социальному порядку, поддерживаемому институтами государственной власти.
- (8) Цели подобной партизанской борьбы могут быть переданы при помощи директивы, адресованной ландштурму (исторически борющейся с внешним врагом иррегулярности): «Стремление врага восстановить общественный порядок также должно было беспрекословно пресекаться, поскольку установление им такого порядка облегчало бы ему ведение боевых действий» [9. С. 242]. Помимо сугубо военных перспектив эффективное поддержание покоя и порядка способно повысить лояльность местного населения в отношении оккупанта. Стремление пресечь подобное развитие событий (как катастрофическое для народа и государства) также может мотивировать партизанскую активность

- (9) Силы, заинтересованные в стабильности социального порядка, способны распознавать угрозы, сопровождающие поощрение партизанской активности. Так, во время франко-прусской войны «привилегированные слои прусского общества встретили публикацию эдикта (призывающего к созданию народного ополчения — ландштурма) достаточно неприязненно, увидев в нем угрозу династическим интересам, с одной стороны, и проповедь анархии и беззакония, с другой» [9. С. 242]. Такая «неприязнь», очевидно, сопряжена с заботой о сохранении социального порядка, бенефициарами которого были представители знати.
- (10) Обращаясь к теме гражданского конфликта, Шмитт отмечает, что «заинтересованный третий» (внешняя регулярность, оказывающая поддержку повстанцам), «может думать и действовать эгоистически» [26. С. 139]. Однако нельзя исключать, что в той же манере способна действовать и регулярность, поддерживающая партизанскую инициативу во время внешней агрессии. Подобный «эгоизм» может обернуться разными последствиями для партизана во время и по окончании боевых действий.
- (11) Данное замечание относится к автохтонному партизану, но и партизан-революционер может приписывать оккупационный статус политическому режиму.
- (12) «Нашу социальную жизнь уже не пронизывает — как это было прежде — принцип единства» [18. С. 74]. Подобный характер общественной жизни характерен для любых современных политических образований в мирное время и создает для них очевидные трудности на фоне военных угроз. В этом отношении партизанское движение представляет собой абсолютно альтернативный социально-политический феномен.
- (13) «Пока что партизан все еще означает часть реальной почвы; он является одним из последних постов земли как пока еще не полностью уничтоженной всемирно-исторической стихией» [26. С. 109].
- (14) Рассуждая о перспективах переноса партизанской борьбы в новые пространства, Шмитт даже допускает возникновение космопартизан [26. С. 124]. В другой работе он утверждает: «Новые пространства, откуда исходит зов, находятся на земле, а не в космосе. Тот, кому удастся поймать сорвавшуюся с привязи технику, скорее найдет ответ на зов современности, чем тот, кто средствами сорвавшейся с привязи техники попытается осуществить посадку на Луну или Марс» [31. С. 40; цит. по: 21. С. 134]. Таким образом, Шмитт признает значительный потенциал земных пространств, которые, будучи далекими от непосредственных границ сверхдержав, могут служить аренами соперничества связанных с ними регулярных и иррегулярных сил.
- (15) «Индустриально-технический прогресс вместе с пространственными структурами изменяет и порядки пространства» [26. С. 106]. Сегодня очевидно, что отмеченные Шмиттом тенденции воплотились в глобальной картине мира, на фоне которой соответствующие трансформации претерпела и фигура партизана.
- (16) Наиболее ярко данный тезис Шмитта может быть проиллюстрирован судьбой У. Рэли — английского мореплавателя и фаворита королевы Елизаветы I. Рэли принял участие в ряде крупных корсарских акций, в частности, в захвате и разграблении знаменитого португальского каррака «Madre de Deus» [7. С. 52]. Рэли чередовал морские авантюры с периодами заключения в Тауэре и закончил жизнь на виселице, будучи обвинен в пиратстве за атаку на испанский гарнизон в Венесуэле, которая была признана преступной королем Яковом I на фоне переговоров о браке его сына с испанской инфантой [13. С. 634].
- (17) «Партизан нуждается в легитимации, если он хочет держаться в сфере политического и не хочет скатиться в сферу криминального» [26. С. 127].
- (18) «С расчетом на далекое будущее иррегулярное должно легитимироваться по регулярному; а для этого у нерегулярного есть только две возможности: признание наличного регулярного или осуществление новой регулярности собственными силами» [26. С. 117].

- (19) «Стремление расшатать солидарность противника не только на фронте, но и в тылу — важнейшая часть военно-политической стратегии» [17. С. 37].
- (20) «В таком состоянии... есть вечный страх и постоянная опасность насильственной смерти, и жизнь человека одинока, бедна, беспросветна, тупа и кратковременна» [8. С. 96].
- (21) Данное рассуждение Шмитта соответствует духу знаменитого тезиса М. Бакунина «Дайте же нам довериться вечному духу, который только потому разрушает и уничтожает, что он есть неисчерпаемый и вечно созидающий источник всякой жизни. Страсть к разрушению есть вместе с тем творческая страсть!» [3. С. 73]. Данная параллель примечательна тем, что во многих работах Шмитта Бакунин выступает как «один из главных идейных антагонистов» [27. С. 8] немецкого мыслителя.
- (22) Шмитт эксплицитно подчеркивает уголовный, не-политический статус мятежника: «разбойники, пираты и мятежники — это не враги, не *justi hostes*, но объекты уголовного преследования и обезвреживания» [24. С. 187].
- (23) Цель вооруженной борьбы повстанца — не деструкция или сеяние хаоса ради самого хаоса. Инициированный им гражданский конфликт следует рассматривать как конкуренцию социальных порядков — действующего и проектируемого: «Когда мы говорим о гражданской войне, мы отнюдь не представляем себе полный распад социальных связей. Скорее нам представляются партии, движения, наконец, отдельные территории, которые противопоставляют себя целому или соревнуются в борьбе за целое, желая утвердить свое господство или преобладание в тех же границах» [17. С. 37]. Для государственного порядка в данном контексте действует лишь одно правило: «Тот, кто проявляет нелояльность государству, не подчиняется его законам, фактически выходит из договора» [17. С. 37]. Политические амбиции повстанца, его претензии на установление и поддержание альтернативного порядка игнорируются государством, воспринимающим революционера как чуждую, враждебную его политическому телу раковую клетку, борьба с которой ведется на уничтожение.
- (24) Партизана «необходимо отличать от обычного разбойника и злостного преступника, чьими мотивами является личное обогащение» [26. С. 27].
- (25) Криминализация действующей регулярности осуществляется и партизаном-повстанцем, что становится основанием его героизации: «революционное взрывное воздействие криминализации врага сказывается таким образом, что партизан становится подлинным героем войны» [26. С. 50]. Выступая в этой роли, партизан несет в себе черты другого важного героя шмиттовского учения — суверенного диктатора: «подобно тому, как последний легитимизирует свою деструктивную акцию, ссылаясь на будущую конституцию, первый осуществляет уголовное преследование, ориентируясь на порядок, который он только стремится установить» [4. С. 161].
- (26) Данная характеристика вдохновлена метафорическим описанием Регенбургского съезда: «Генералиссимус — словно фантом, нависший над зданием городской ратуши, где в главной зале в лучах заката вершилась его судьба и судьба всей Империи» [16. С. 18]. Неоднозначное положение Валленштейна по отношению к государственной системе стала причиной принципиальных расхождений в оценке его роли: он «позиционировался либо протагонистом, либо тайным разрушителем государственного конструкта» [16. С. 17–18].
- (27) В частности, организация «ЛЕХИ» использовала данный термин применительно к британским властям [32. С. 117].
- (28) Пример защиты геополитических интересов России вдали от государственных границ — активность ЧВК «Вагнер» на Ближнем Востоке: падение режима Б. Асада в Сирии угрожало существованию созданного в 1971 году 720-го пункта материально-технического обеспечения ВМФ РФ (ранее ВМФ СССР) в сирийском городе Тартус.

На этом фоне действия ЧВК в рамках сирийской кампании могут быть рассмотрены как оборонительные в контексте глобального характера современных геополитических противостояний.

- (29) «Нам нужны криминальные таланты. Я сам отсидел десятку, прежде чем стать героем России» // URL: https://dzen.ru/b/Y_OjyNrgpgj2bdhmP.
- (30) Путин назвал расходы бюджета на ЧВК «Вагнер» // URL: <https://www.rbc.ru/politics/27/06/2023/649ad0de9a7947730bb9b3ba>.
- (31) Например, документальный фильм «Уроки музыки», показанный на Первом канале 30 апреля 2023 года, заканчивается высказыванием: «Мы своими глазами увидели, как слаженно работает “оркестр”. Как все звучит, стреляет и летает. Было непросто и даже страшно, когда едва не наступили на лепестки и молились, чтобы все обошлось. И все же самое сильное чувство, которое мы пережили, — это восторг от ребят, их настоящей мужской работы, их смелости и благородства». В фильме отмечается тактическое преимущество, мобильность и профессионализм бойцов ЧВК, подчеркивается, что «они решили встать на защиту своей родины».
- (32) Интервью с Е. Пригожиным // URL: <https://t.me/superdolgov/9446>.
- (33) Шойгу подписал приказ о деятельности добровольческих организаций // URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2023/06/10/979696-shoigu-podpisal-prikaz>.
- (34) Обращение к гражданам России // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/71496>.
- (35) В программе «60 минут» на канале «Россия 1», вышедшей 5 июля 2023 года, ЧВК «Вагнер» была названа «парамилитарной структурой», было отмечено, что значительную часть группы составляли «осужденные по тяжким статьям рецидивисты», не имевшие права находиться на фронте // URL: clck.ru/35HNSf. В этой же телепрограмме были освещены обыски в офисах и личном «дворце» Е. Пригожина, особый акцент был сделан на найденных поддельных паспортах, неучтенных наличных средствах и единицах стрелкового оружия, а также париках (как средстве маскировки) — атрибутах криминальной жизни.
- (36) В Госдуме назвали число «вагнеровцев», заключивших контракт с Минобороны // URL: <https://www.gazeta.ru/army/news/2023/07/19/20906786.shtml>.
- (37) Бойцы ЧВК «Вагнер» стали военными инструкторами в Белоруссии // URL: <https://www.gazeta.ru/army/news/2023/07/14/20874002.shtml?updated>.
- (38) Кадыров: 170 бойцов ЧВК «Вагнер» перешли в «Ахмат» // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6310261?ysclid=lr6e4agjgz665625726>.
- (39) Несмотря на то, что, следуя логике «Теории партизана», мы рассматриваем возможное напряжение между автохтонным партизаном и покровительствующей ему регулярностью и полноценную революционную ситуацию как самостоятельные кейсы, они могут стать двумя фазами одного процесса: «Внешняя война как бы всасывается во внутренний порядок и, если не вдохновляет, не служит мобилизации, то подтачивает государство, разрушает его, передает ему свою природу. Ткань социальности не трещит по швам, а буквально истлевает» [17. С. 38]. В условиях конфликта между иррегулярными силами и их покровителем возможен стремительный перенос опыта внешней войны во внутренний порядок.
- (40) Уместным представляется следующее высказывание Дж. Агамбена: «Теперь, когда главы государств с таким усердием принялись за криминализацию своих врагов, они не осознают, что эта криминализация может в любой момент обратиться против них самих» [2. С. 109]. Данный тезис относится к внешней вражде, но его логика применима и к вражде внутренней.
- (41) «Таково рождение того великого Левиафана или, вернее (выражаясь более почтительно), того смертного Бога, которому мы под владичеством бессмертного Бога обязаны своим миром и своей защитой» [8. С. 133].

Библиографический список

1. Агамбен Д. Stasis. Гражданская война как политическая парадигма. Homo Sacer, II, 2. СПб., 2021.
2. Агамбен Д. Суверенная полиция // Агамбен Д. Средства без цели. Заметки о политике. М., 2015.
3. Бакунин М.А. Реакция в Германии (Очерк француза) // Бакунин М.А. Избранные труды. М., 2010.
4. Бродский В.И. Война во время любви: размышление над статьей С.И. Каспэ в свете различения частной и публичной вражды в учении Карла Шмитта // Социологическое обозрение. 2023. Т. 22. № 3.
5. Бродский В.И. Жизнь, смерть и политическое: экзистенциальные основания учений Томаса Гоббса и Карла Шмитта // Социология власти. 2022. Т. 34. № 3–4.
6. Вебер М. Наука как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.
7. Гаврилов С.Н. Справедливая война руками частника: «Приватизация» военных действий на море в Англии в 1585–1603 гг // Гуманитарные и юридические исследования. 2018. № 3.
8. Гоббс Т. Левиафан // Гоббс Т. Сочинения в двух томах. Т. 2. М., 1991.
9. Дмитриев Т.А. Теория партизана вчера и сегодня // Шмитт К. Теория партизана. М., 2007.
10. Ивонин Ю.Е. Альбрехт Валленштейн // Вопросы истории. 2003. № 1.
11. Кильдюшов О.В. Война и социальный порядок: *ultima ratio* или *conditio humana*? (Гоббс–Клаузевиц–Шмитт–Фуко) // Полития. Анализ. Хроника. Прогноз. 2016. Т. 80. № 1.
12. Кильдюшов О.В. Проблема социального порядка (Гоббсова проблема): к эвристике и прагматике конститутивного вопроса современной теории общества // Социологическое обозрение. 2016. № 3.
13. Копелев Д.Н. Раздел океана в XVI–XVIII веках: истоки и эволюция пиратства. СПб., 2013.
14. Левин Я.А. Влияние деколонизации на деятельность федерального бюро расследований // Вестник БГУ. 2019. Т. 39. № 1.
15. Манин Я.В., Климашина А.Е. Государственная безопасность Израиля: международный и национальный правовые аспекты // Национальная безопасность/Nota Bene. 2023. № 2.
16. Прокопьев А.Ю., Муненко В.В., Перепечкин К.В. Валленштейн, корона и съезд в Регенсбурге 1630 г // Sciences of Europe. 2016. Т. 3. № 9.
17. Филиппов А.Ф. Долгое ненастье. К философии гражданской войны // Вестник Европы. 2022. Т. 59.
18. Филиппов А.Ф. Критика Левиафана // Шмитт К. Левиафан в учении Томаса Гоббса. Смысл и фиаско одного политического символа. СПб., 2006.
19. Филиппов А.Ф. Политическая социология. Фундаментальные проблемы и основные понятия (часть 1) // Полития. Анализ. Хроника. Прогноз. 2002. № 1.
20. Филиппов А.Ф. Политическая социология. Фундаментальные проблемы и основные понятия (часть 2) // Полития. Анализ. Хроника. Прогноз. 2002. № 2.
21. Филиппов А.Ф. Политическая эзотерика и политическая техника в концепции Карла Шмитта // Политические исследования. 2006. № 3.
22. Шикель И., Шмитт К. Беседа о партизанах // Шмитт К. Теория партизана. М., 2007.
23. Шмитт К. Диктатура. От истоков современной идеи суверенитета до пролетарской классовой борьбы. СПб., 2005.
24. Шмитт К. Номос Земли в праве народов *jus publicum Europaeum*. СПб., 2008.
25. Шмитт К. Понятия политического. СПб., 2016.
26. Шмитт К. Теория партизана. Промежуточное замечание по поводу понятия политического // Шмитт К. Теория партизана. М., 2007.

27. Ярков А.В. Политическая теология: генезис концепта // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2022. Т. 16. № 2.
28. Brenner Y.S. The ‘Stern Gang’ 1940–1948. Kedouri S., Haim S.G. (Eds.). Palestine and Israel in the 19th and 20th Centuries. L.–N.Y., 2013.
29. Filippov A.F., Kildyushov O. Political theology and international justice // Russian Sociological Review. 2023. Vol. 22. No. 4.
30. Gasché R. The partisan and the philosopher // New Centennial Review. 2004. Vol. 4. No. 3.
31. Greenberg U.E. Criminalization: Carl Schmitt and Walter Benjamin’s concept of criminal politics // Journal of European Studies. 2009. Vol. 39. No. 4.
32. Heller J. The Stern Gang: Ideology, Politics and Terror, 1940–1949. L.–N.Y., 2012.
33. Kildyushov O. 10 theses on war and social order: Preliminary arguments on the constitutive functions of armed conflict // Russian Sociological Review. 2015. Vol. 14. No. 4.
34. Kochi T. The partisan: Carl Schmitt and terrorism // Law and Critique. 2006. Vol. 17. No. 3.
35. Odysseos L., Petite F. (Eds.). The International Political Thought of Carl Schmitt: Terror, Liberal War and the Crisis of Global Order. L.–N.Y., 2007.
36. Read A. Pirates and privateers in Elizabethan England // White S. (Ed.). The Laws of Yesterday’s Wars. Leiden–Boston, 2021.
37. Schmitt C. Die planetarische Spannung zwischen Ost und West und der Gegensatz von Land und Meer (1959). Brussel, 1991.
38. Schulzke M. Carl Schmitt and the mythological dimensions of partisan war // Journal of International Political Theory. 2016. Vol. 12. No. 3.
39. Slomp G. The theory of the partisan: Carl Schmitt’s neglected legacy // History of Political Thought. 2005. Vol. 26. No. 3.
40. Yahel I. The ability to unite: The Jewish resistance movement in Mandatory Palestine // Israel Affairs. 2018. Vol. 24. No. 2.
41. Zadka S. Propaganda and guerilla: The case of the Jewish armed struggle against the British in Palestine // Revue européenne des études hébraïques. 1996. No. 1.

DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-2-308-334

EDN: OFWXRV

Military irregularity and the problem of social order in the light of Carl Schmitt’s *Theory of the Partisan*: Between the political and the criminal*

V.I. Brodskiy

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Prosp. Vernadskogo, 82, Moscow, 119571, Russia

Moscow School of Social and Economic Sciences,
Gazetny Per., 3–5, 1, Moscow, 125009, Russia

(e-mail: brodskiy-vi@ranepa.ru)

Abstract. The last decades have been marked by an increasingly widespread presence of irregular warfare in both international and internal conflicts. The most sought-after theoretical framework for understanding the nature and activities of irregular formations

*© V.I. Brodskiy, 2024

The article was submitted on 17.12.2023. The article was accepted on 25.04.2024.

remains Carl Schmitt's *Theory of the Partisan* published in 1963. The article reconsiders Schmitt's criteria of partisanship and presents irregular warfare as a social phenomenon outside the social order maintained by the state, which potentially threatens the state despite their initial convergence of interests. The criminalization of the irregular combatant, carried out by the occupying force of the international conflict, might be continued by his subsequent criminalization by the social order which he had previously helped to restore. Although the *Theory of the Partisan* implies such an explanation, it does not fully develop it. The author identifies a reverse relationship between the internal politicization of irregular formations and their external criminalization: the occupant disregards the partisan's political motives, focusing on the criminal methods of armed struggle and considering the partisan as merely a flagrant disturber of order to be neutralized by police operations. On the other hand, the yesterday's hero can be declared a criminal by the regularity that previously provided him with support, if he converts the high intensity of his political commitment into demands to the regularity. Although such initiatives might be considered as a continuation of the political struggle by the partisan, they can be interpreted as a direct threat to social order by the state, which leads to criminal prosecution. Thus, the encouragement of irregular warfare is an effective means of combating external aggression in the short term, but in the long term it becomes dangerous as threatening social order. The author makes a conclusion about the indistinguishability of the political and the criminal under the full-fledged civil conflict due to the mutual criminalization of its participants and to the politicization of their criminal means of violence, providing some historical examples to show various manifestations of the criminal-political ambivalence of irregular formations.

Key words: Carl Schmitt; Theory of the Partisan; partisan; corsair; the political; the criminal; social order

Funding

The article was prepared in the framework of a research grant funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (grant ID: 075-15-2022-326).

References

1. Agamben G. *Stasis. Grajdanskaya voyna kak politicheskaya paradigma*. Homo Sacer, II, 2 [Stasis. Civil War as a Political Paradigm. Homo Sacer, II, 2]. Saint Peterburg; 2021. (In Russ.).
2. Agamben G. Suverennaya politsiya [The sovereign police]. Agamben G. *Sredstva bez tseli. Zamyetki o politike*. Moscow; 2015. (In Russ.).
3. Bakunin M.A. Reaktsiya v Germanii (Ocherk frantsuza) [Reaction in Germany (An essay by one French)]. Bakunin M.A. *Izbranniye proizvedeniya*. Moscow; 2010. (In Russ.).
4. Brodskiy V.I. Voyna vo vremya lyubvi: rassujdenie nad statyoy S.I. Kaspe v svete razlicheniya chastnoy i publichnoy vrajdi v uchenii Carla Schmitta [War in the time of love: Reflection on the article by S.I. Kaspe in the light of the distinction between private and public enmity in the teaching of Carl Schmitt]. *Russian Sociological Review*. 2023; 23 (3). (In Russ.).
5. Brodskiy V.I. Jizn, smert i politicheskoe: ekzistentsialnye osnovaniya ucheniy Thomasa Hobbesa i Carla Schmitta [Life, death, and the political: Existential foundations of Thomas Hobbes's and Carl Schmitt's teachings]. *Sociology of Power*. 2022; 23 (3–4). (In Russ.).
6. Weber M. Nauka kak prizvanie i kak professiya [Science as a vocation]. Weber M. *Izbranniye proizvedeniya*. Moscow; 1990. (In Russ.).
7. Garlivov S.N. Spavedlivaya voyna rukami chastnika: "Privatizatsiya" voennih deystviy na more v Anglii v 1585–1603 gg. [Rightful war by the hands of the private owner: "Privatization" of naval actions in England in 1585–1603]. *Gumanitarnye i Yuridicheskie Issledovaniya*. 2013; 3. (In Russ.).
8. Hobbes T. Leviathan. Hobbes T. *Sochineniya*. Vol. 2. Moscow; 1991. (In Russ.).
9. Dmitriev T.A. Teoriya partizana vchera i segodnya [Theory of the Partisan yesterday and today]. Schmitt C. *Teoriya partizana*. Moscow; 2007. (In Russ.).

10. Ivonin Yu.E. Albrecht Vallenstein. *Voprosy Istorii*. 2003; 1. (In Russ.).
11. Kildyushov O.V. Vojna i tsocialny poryadok: *ultima ratio* ili *conditio humana*? (Hobbes–Clausewitz–Schmitt–Foucault) [War and social order: *ultima ratio* or *conditio humana*? (Hobbes–Clausewitz–Schmitt–Foucault)]. *Politeia*. 2016; 80 (1). (In Russ.).
12. Kildyushov O.V. Problema sotsialnogo poryadka (Hobbesova problema): k evristike i pragmatike konstitutivnogo voprosa sovremennoj teorii obshchestva [The problem of social order (Hobbesian problem): Towards the heuristics and pragmatics of the constitutive question of the contemporary social theory]. *Russian Sociological Review*. 2016; 15 (3). (In Russ.).
13. Kopelev D.N. *Razdel okeana v XVI–XVIII vekah: istoki i evolyutsiya piratstva* [Division of the Ocean in the 16th — 18th Centuries: Origins and Evolution of the Piracy]. Saint Petersburg; 2013. (In Russ.).
14. Levin Ya.A. Vliyanie dekolonizatsii na deyatelnost federalnogo byuro rassledovanij [The influence of decolonization on the activities of the FBI]. *Vestnik BGU*. 2019; 39 (1). (In Russ.).
15. Manin Ya.V., Klimashina A.E. Gosudarstvennaya bezopasnost Izrailya: mezhdunarodny i natsionalny pravovye aspekty [Security of the state of Israel: International and national legal aspects]. *Natsionalnaya Bezopasnost/Nota Bene*. 2023; 2. (In Russ.).
16. Prokopiev A.Yu., Munenko V.V., Perepechkin K.V. Wallenstein, korona i syezd v Regensburge 1630 g. [Wallenstein, the crown, and congress in Regensburg in 1630]. *Sciences of Europe*. 2016; 3 (9). (In Russ.).
17. Filippov A.F. Dolgoe nenastie. K filosofii grazhdanskoj vojny [The long storm. On the philosophy of civil war]. *Vestnik Evropy*. 2022; 59. (In Russ.).
18. Filippov A.F. Kritika Leviathana [Critique of the Leviathan]. Schmitt K. *Leviathan v uchenii Thomasa Hobbesa. Smysl i fiasco odnogo politicheskogo simbola*. Saint-Petersburg; 2006. (In Russ.).
19. Filippov A.F. Politicheskaya sotsiologiya. Fundamentalnye problemy i osnovnye ponyatiya (chast 1) [Political sociology. Fundamental issues and basic concepts (part 1)]. *Politeia*. 2002; 1. (In Russ.).
20. Filippov A.F. Politicheskaya sotsiologiya. Fundamentalnye problemy i osnovnye ponyatiya (chast 2) [Political sociology. Fundamental issues and basic concepts (part 2)]. *Politeia*. 2002; 2. (In Russ.).
21. Filippov A.F. Politicheskaya ezoterika i politicheskaya tekhnika v kontseptsii Carla Schmitta [Political esotericism and political technology in Carl Schmitt's theory]. *Polis. Political Studies*. 2006; 3. (In Russ.).
22. Shikel I., Schmitt C. Beseda o partizane [The dialogue about the partisan]. Schmitt C. *Teoriya partizana*. Moscow; 2007. (In Russ.).
23. Schmitt C. *Diktatura: ot istokov sovremennoj idei suvereniteta do proletarskoj klassovoj borby* [Dictatorship: From the Origin of the Modern Concept of Sovereignty to the Proletarian Class Struggle]. Saint Petersburg; 2005. (In Russ.).
24. Schmitt C. *Nomos Zemli v prave narodov Jus Publicum Europaeum* [The Nomos of the Earth in the International Law of the Jus Publicum Europaeum]. Saint-Petersburg; 2008. (In Russ.).
25. Schmitt C. *Ponjatie politicheskogo* [The Concept of the Political]. Saint Petersburg; 2016. (In Russ.).
26. Schmitt C. Teoriya partizana. Promezhutochnoe zamechanie po povodu ponyatiya politicheskogo [Theory of the partisan. An intermediate commentary on the concept of the political]. *Teoriya partizana*. Moscow; 2007. (In Russ.).
27. Yarkeev A.V. Politicheskaya teologiya: genezis kontsepta [Political theology: Genesis of the concept]. *Vestnik Permskogo Universiteta. Seriya: Politologiya*. 2022; 16 (2). (In Russ.).
28. Brenner Y.S. The ‘Stern Gang’1940–1948. Kedouri S., Haim S.G. (Eds.). *Palestine and Israel in the 19th and 20th centuries*. London–New York; 2013.
29. Filippov A.F., Kildyushov O. Political theology and international justice. *Russian Sociological Review*. 2023; 22 (4).
30. Gasché R. The partisan and the philosopher. *New Centennial Review*. 2004; 4 (3).

31. Greenberg U.E. Criminalization: Carl Schmitt and Walter Benjamin's concept of criminal politics. *Journal of European Studies*. 2009; 39 (4).
32. Heller J. *The Stern Gang: Ideology, Politics and Terror, 1940–1949*. London–New York; 2012.
33. Kildyushov O. 10 theses on war and social order: Preliminary arguments on the constitutive functions of the armed conflict. *Russian Sociological Review*. 2015; 14 (4).
34. Kochi T. The partisan: Carl Schmitt and terrorism. *Law and Critique*. 2006; 17 (3).
35. Odysseos L., Petite F. (Eds.). *The International Political Thought of Carl Schmitt: Terror, Liberal War and the Crisis of Global Order*. London–New York; 2007.
36. Read A. Pirates and privateers in Elizabethan England. White S. (Ed.). *The Laws of Yesterday's Wars*. Leiden–Boston; 2021.
37. Schmitt C. *Die planetarische Spannung zwischen Ost und West und der Gegensatz von Land und Meer (1959)*. Brussel; 1991.
38. Schulzke M. Carl Schmitt and the mythological dimensions of partisan war. *Journal of International Political Theory*. 2016; 12 (3).
39. Slomp G. The theory of the partisan: Carl Schmitt's neglected legacy. *History of Political Thought*. 2005; 26 (3).
40. Yahel I. The ability to unite: The Jewish resistance movement in Mandatory Palestine. *Israel Affairs*. 2018; 24 (2).
41. Zadka S. Propaganda and guerilla: The case of the Jewish armed struggle against the British in Palestine. *Revue européenne des études hébraïques*. 1996; (1).

СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

CONTEMPORARY SOCIETY: THE URGENT ISSUES AND PROSPECTS FOR DEVELOPMENT

DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-2-335-353

EDN: OAUOBV

Российские студенты о возможностях и ограничениях использования искусственного интеллекта в обучении*

И.А. Алешковский¹, А.Т. Гаспаршвили^{1,2,3}, Н.П. Нарбут^{2,3},
О.В. Крухмалева^{1,2}, Н.Е. Савина¹

¹МГУ имени М.В. Ломоносова,
Ленинские горы, 1, стр. 46, Москва, 119991, Россия

²Российский университет дружбы народов,
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия

³Институт социологии ФНИСЦ РАН,
ул. Кржижановского, 24/35, к. 5, Москва, 117218, Россия

(e-mail: aleshkovski@yandex.ru; narbut-np@rudn.ru; gasparishvili@yandex.ru;
kruhoks@yandex.ru; savina.opinio@yandex.ru;))

Аннотация. Стремительное вхождение искусственного интеллекта (далее — ИИ) во все сферы жизнедеятельности общества нуждается в фиксации происходящих изменений и системном социологическом изучении. Образование и наука — ключевые ресурсы, которые, с одной стороны, разрабатывают и совершенствуют технологии ИИ, а, с другой стороны, в полной мере испытывают на себе давление противоречий новых технологий. Для высшей школы и общества в целом важно понимать, как реагируют на новые возможности студенты, насколько они вовлечены во вхождение ИИ в их учебную деятельность, как оценивают свой опыт применения новых технологий. В статье представлены данные, показывающие, как российские студенты оценивают личный

*© Алешковский И.А., Гаспаршвили А.Т., Нарбут Н.П., Крухмалева О.В., Савина Н.Е., 2024
Статья поступила в редакцию 07.02.2024 г. Статья принята к публикации 13.05.2024 г.

опыт использования моделей генеративного ИИ (нейросетей) в учебной деятельности, выделены наиболее востребованные функции ИИ и охарактеризована степень удовлетворенности этим взаимодействием. Статья основана на данных опроса студентов вузов России, проведенного в 2023–2024 годы (N = 52919). Опрос показал, что, несмотря на массовое увлечение цифровыми технологиями и использование нейросетей, студенты неоднозначно оценивают их применение в процессе обучения, причем к старшим курсам нарастает критическое и более взвешенное восприятие возможностей ИИ. Данные исследования позволяют сделать вывод, что использование моделей генеративного ИИ в образовательном процессе влечет за собой принятие комплекса решений по непосредственному регулированию применения этих моделей, этическим вопросам, пересмотру форм самостоятельной работы студентов, в том числе итоговых и тестовых заданий, а также диктует необходимость поиска конструктивных подходов к внедрению ИИ для повышения качества образования и совершенствования работы высшей школы. Кроме того, ИИ ставит перед высшей школой задачу формирования и развития у студентов критической оценки результатов взаимодействия человека и нейросети, понимания ограничений и возможностей генерируемой информации, а также допустимых форматов ее использования в научной и учебной работе.

Ключевые слова: искусственный интеллект; нейросеть; цифровизация; студенты; высшее образование; успеваемость; плагиат; критическое мышление; оценка

В настоящее время в России приоритетное внимание уделяется развитию искусственного интеллекта (далее — ИИ) во всех его видах и моделях как основе технологического суверенитета страны и ее конкурентоспособности на мировой арене. В последние годы российское правительство приняло ряд документов, отражающих значение технологий ИИ и регулирующих правовые нормы его использования в разных сферах экономики (1; 2). Как отметил Президент России В.В. Путин на международной конференции «Путешествие в мир искусственного интеллекта» в ноябре 2023 года, «предотвратить развитие искусственного интеллекта невозможно, нужно сделать все для того, чтобы мы могли быть одними из лидеров в этом направлении... За последние годы отрасли экономики и социальной сферы России в полтора раза расширили использование решений в области искусственного интеллекта... С внедрением искусственного интеллекта в науку, в образование, в здравоохранение – во все сферы нашей жизни, человечество начинает новую главу своего существования» (3).

Дискуссия о месте и роли ИИ в обществе идет весьма активно — сложно привести примеры аналогичных явлений, развитие которых шло бы с такой скоростью и в таких масштабах проникновения во все сферы жизни. Одно из направлений дискуссии — комплексный анализ влияния цифровизации на элементы социальной системы (4), в том числе на институт образования [5]. Положительное влияние и факторы отрицательного воздействия ИИ на организацию образовательного процесса, качество обучения, мотивацию и работу студентов обсуждают в междисциплинарном поле представители практически всех отраслей научного знания (5), опираясь

на следующее базовое определение ИИ (AI) — это «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их» (1). Используются и другие определения, например, «ИИ — это научное направление, в рамках которого ставятся и решаются задачи моделирования тех видов человеческой деятельности, которые традиционно считаются интеллектуальными. Свойство интеллектуальных систем — выполнять функции, которые традиционно считаются прерогативой человека (в основном творческие)» [4. С. 8]. ИИ представлен в нескольких сегментах — машинное обучение, робототехника, генеративный ИИ (GenAI), или нейросети. Под нейросетью понимается «тип искусственного интеллекта, построенный по принципу биологических нейронных сетей, т.е. сетей нервных клеток живого организма» [5. С. 76]. В статье акцент сделан на применении студентами нейросетей в их учебной деятельности.

Проблема использования студентами российских вузов возможностей ИИ в процессе обучения в полной мере актуализировалась в начале 2023 года, когда был официально зафиксирован первый случай защиты диплома, написанного с помощью нейросети ChatGPT [2]. За короткий период времени общество прошло путь от полного неприятия такого рода сотрудничества до признания возможностей работы с результатами, выданными ИИ, при соблюдении ряда условий (грамотное, вдумчивое, критическое использование и соблюдения академической этики). В настоящее время академическое сообщество рассматривает возможность указания ИИ как соавтора работы, а ряд вузов (например, МГПУ) официально разрешил студентам использовать ИИ в работах (6).

Интерес к изучению влияния ИИ на высшее образование формировался постепенно — определялась тематика основных направлений и особенностей изучения применения инструментов ИИ в образовании [17]. За период 2023–2024 годов было опубликовано значительное количество работ, в которых обсуждаются возможности и ограничения ИИ в образовании [2; 4; 8; 10; 13] с учетом массового доступа к моделям типа ChatGPT и существенного расширения их функций. Исследователи сходятся во мнении, что ИИ открывает множество возможностей для высшей школы [15; 22]: целый спектр направлений персонализированного обучения, учет индивидуальных образовательных возможностей и потребностей обучающихся (адаптивное обучение) [1; 3; 11; 16]; расширение форм обратной связи между преподавателем и студентом [6; 13; 14]; организация групповой работы студентов [22]; новые подходы к проектированию фонда оценочных средств и их автоматизации (например, прокторинг) [8; 15; 16]; организация тестирования, автоматизированной проверки эссе

и т.п. [6; 14]. Наконец, ИИ позволяет расширить арсенал преподавательских инструментов организации более технологичного, практико-ориентированного образовательного процесса [15; 17].

Вместе с тем, несмотря на безграничные возможности и перспективы ИИ в образовании, нарастают проблемы и риски как для организации обучения в принципе, так и для конкретных видов работ и навыков, формируемых в высшей школе [7; 10; 22]. Анализ российских и зарубежных публикаций, рассматривающих использование генеративного ИИ в высшем образовании, показывает, что ученые выделяют следующие проблемы: рост академических нарушений [2; 12; 18]; плагиат [9; 12; 16]; неравный доступ к инструментам ИИ [16]; безопасность личных данных [18]; отсутствие надежных регламентов [2; 4; 7; 14; 18; 19]; несформированность компетенций преподавателей и студентов по использованию возможностей ИИ в обучении и научной деятельности [18; 20; 21]; нарушение привычного формата взаимодействия в академической среде [2; 7; 9; 21]; социокультурные сложности [7; 9; 18] и др. Исследователи также подчеркивают важность пересмотра ключевых подходов к оценке студенческих работ — с точки зрения их оригинальности, самостоятельности, достоверности [9; 15; 16; 19]. Все это неразрывно связано с оценкой качества образования в ходе цифровой трансформации высшей школы [5].

Международные организации, такие как ОЭСР (7) и ЮНЕСКО (8), предложили ряд регулирующих документов в сфере использования ИИ в образовании, но они касаются скорее общих вопросов организации обучения (неравенство доступа, грамотность и т.п.) и не учитывают конкретные проблемы, с которыми сталкиваются вузы, используя ИИ в своей повседневной деятельности. В качестве возможных направлений решения обозначенных выше проблем исследователи предлагают конкретные меры по регулированию использования генеративного ИИ в обучении, в частности, уточнены три направления — педагогическое, этическое и практическое, специфику которых заинтересованные стороны должны учитывать при выработке политики регулирования использования ИИ в высшей школе [14]. Вместе с тем зарубежные [17; 21] и российские авторы [2; 4; 7] признают, что пока не накоплен достаточный эмпирический материал для анализа обозначенных проблем, он разрознен и не охватывает всего спектра вопросов, требующих разрешения. Стремительное вхождение ИИ в высшую школу, массовость, доступность и вариативность его моделей требуют детального и структурного анализа его применения в образовательном процессе, выявления особенностей его использования студентами (по социальным, демографическим и мотивационным основаниям, направлениям обучения, характеру занятости, загруженности, успешности и т.п.). Также пока нет информации о потенциальных последствиях (вредных или полезных) использования нейросетей студентами в образовательных и научных целях.

Конечно, в рамках одной статьи охватить в полной мере указанные проблемы не представляется возможным, поэтому мы сосредоточимся на анализе различий в студенческих оценках опыта использования ИИ в зависимости от уровня и курса обучения, направления подготовки, успеваемости и академической мотивации.

Статья основана на данных социологического исследования удовлетворенности студентов процессом обучения, качеством образования и возможностями, предоставляемыми вузами. Опрос был проведен Центром стратегии развития образования МГУ имени М.В. Ломоносова и кафедрой социологии РУДН им. Патриса Лумумбы в 2023–2024 учебном году. Сбор данных проходил при поддержке Российского союза ректоров. В количественном исследовании применялась поточная выборка, что отвечает современным тенденциям изучения использования ИИ студентами [14; 17] (удобный и продуктивный подход). Одной из задач опроса было получение актуальных студенческих оценок личного опыта применения генеративного ИИ (нейросетей) в обучении. Объем выборки составил 52919 человек (9), ее структура корректировалась по четырем критериям: федеральный округ, уровень и курс обучения, пол. В опросе приняли участие студенты очных отделений государственных и частных вузов. Сбор данных проводился на платформах Гугл-формы и Яндекс-формы с помощью стандартизированной анкеты. Данные были обработаны в программной среде IBM SPSS Statistics 25. В ходе работы проверялись следующие гипотезы: студенты используют возможности ИИ, но по-разному, в частности, наиболее востребованы инструменты ИИ у студентов младших курсов; применение инструментов ИИ зависит от направления обучения и успеваемости (более мотивированные и ориентированные на результат студенты реже прибегают в своих учебных работах к ресурсам нейросетей).

Как показали результаты опроса, российские студенты хорошо осведомлены о возможностях ИИ в целом и его генеративных моделей в частности. Студентам был задан вопрос о личном опыте использования ИИ, и почти половина опрошенных (49 %) имеет опыт использования нейросетей (ChatGPT, Midjourney, GigaChat, Kandinsky, YandexGPT, Шедеврум и др.). В опросе ВЦИОМ, проведенном в начале 2023 года, приводятся схожие данные: среди 18–24-летних используют нейросети 58 % (10). По данным IT-школы Skillfactory, 50 % студентов на август 2023 года имели опыт использования нейросетей в учебе (11), т.е. ИИ входит в жизнь высшей школы постепенно (5).

Однако распределение ответов по курсам обучения и уровням образования (Рис. 1) показывает, что среди студентов наблюдается значительный разрыв в пользовательском опыте: в сравнении учитывались ответы студентов бакалавриата и специалитета — как первого уровня высшего образования,

магистры из сравнения были исключены, так как уже имеют опыт подготовки выпускных работ и отличия в организации обучения и формах отчетных работ. По данным опроса, наиболее активны в использовании нейросетей студенты первых трех курсов бакалавриата. Показательно, что подобный опыт имеет тенденцию к снижению от первого курса к шестому (разрыв в ответах составляет примерно 18 % — от 46 % на первом курсе до 28 % на шестом).

Что касается опыта использования ИИ в разрезе специальностей обучения (Рис. 2), то они напрямую связаны с уровнями образования: специалитет охватывает, как правило, технические, инженерные и естественно-научные специальности, а бакалавриат — гуманитарные, экономические, финансовые и т.п. Наиболее активно осваивают нейросети (72 %) студенты, обучающиеся по ИТ-направлениям, что вполне логично и подтверждается данными других эмпирических исследований [22]: студенты используют ИИ для написания программных кодов и выполнения технической, рутинной работы. Далее идут такие направления, как политология и международные отношения, сельское хозяйство, математика и механика, социология.

Наименее активны в обращении к ИИ (менее 40 %) обучающиеся по направлениям здравоохранения и медицины, искусства и культуры, рекламы и связей с общественностью, т.е. инструменты ИИ активно используют обучающиеся по профильным специальностям (математики и айтишники), у физиков и инженеров эти ресурсы менее востребованы. Разница между студентами ИТ-направлений и инженерных профилей составляет более 20 %, аналогичный разрыв наблюдается у социально-гуманитарных направлений, например социологии и рекламы/связей с общественностью.

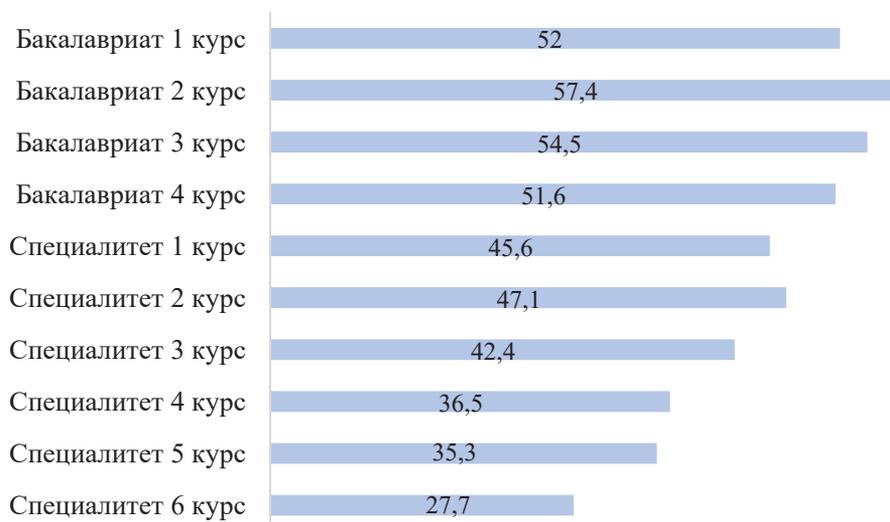

Рис. 1. Распределение ответов респондентов, имеющих опыт использования ИИ, по курсам обучения (в % по курсу)

Рис. 2. Распределение ответов респондентов, имеющих опыт использования ИИ, по профилю обучения (в % по профилю)

В разрезе курсов обучения ситуация с использованием нейросетей также меняется — на рисунке 3 приведены наиболее характерные расхождения в рамках специальности у младших и старших курсов. Для одних направлений подготовки разница между ответами студентов старших и младших курсов весьма незначительна или практически отсутствует (например, в ИТ), а по другим направлениям востребованность нейросетей существенно меняется, и на старших курсах студенты меньше пользуются нейросетями для учебных целей, особенно по следующим направлениям: здравоохранение и медицина, история и археология, психология и науки о земле. И, наоборот, у филологов и социологов востребованность инструментов ИИ возрастает к старшим курсам.

Наличие опыта использования ИИ позволяет выяснить цели, для которых ИИ применялся: более половины студентов, имеющих такой опыт, прибегали к помощи ИИ для поиска информации и ее анализа (56%), пользовались нейросетями при подготовке эссе, докладов, сообщений (51%), треть генерировали и обрабатывали изображения (34%), 27% применяли ИИ для выполнения домашних заданий или расчетов (16%), подготовки курсовых и дипломных работ

(16%), написания программных кодов (13%). То есть большинство респондентов признают, что используют нейросети для решения учебных задач. Но если поиск информации и выполнение рутинных действий (расчеты и кодирование) можно считать полезными возможностями, экономящими время в пользу других более продуктивных занятий, то помощь ИИ в подготовке курсовых проектов и домашних заданий негативно влияет на самостоятельную работу студента и качество ее результатов [7; 9; 16; 18; 21].

Рис. 3. Распределение ответов респондентов, имеющих опыт использования ИИ в зависимости от профиля и курса обучения (в % по профилю и курсу)

Анализ целей использования студентами инструментов ИИ — наиболее важная и сложная задача в изучении применения ИИ в образовании, и именно ей уделяется особое внимание в работах исследователей, рассматривающий широкий спектр проблем — от социокультурных рисков до плагиата и соблюдения академической этики. Так, ряд авторов акцентирует роль «искусственной социальности», непосредственно связанной с использованием нейросетей типа ChatGPT, и выражает опасение, что подобные технологии «делают людей посредниками в коммуникации между алгоритмами, образуя систему, где студент создает работу с помощью модели ИИ, а преподаватель проверяет ее на антиплагиат с помощью специальных алгоритмов (моделей ИИ)» [7. С. 58], что полностью меняет устоявшееся распределение ролей в об-

разовательной системе. ИИ (ChatGPT и другие модели) меняет саму идею поиска: раньше он осуществлялся с помощью реальных технических средств (библиотечные каталоги) и рекомендаций специалистов, а сейчас идет в основном в электронных поисковых системах типа Яндекс или Гугл, «которые выстраивают свои алгоритмы на основе обобщения социальных рекомендаций (прошлый выбор других пользователей)... технологии ИИ заменяют идею поиска информации идеей получения ответа» [7. С. 58–59]. Вопросы плагиата и академической этики рассматриваются исследователями с той позиции, что тексты, созданные с использованием нейросетей, могут оцениваться как неоригинальные и потенциально проблематичные с точки зрения достоверности и искажения фактов [18], а также самостоятельности автора в достижении результатов [14; 16; 19]. Более того, массовое создание научных работ при помощи ИИ представляет угрозу целостности науки, несет опасность ошибок, которые все сложнее будет выявить и исправить, т.е. подрывает доверие к науке как виду деятельности и ее результату [18].

Активность студентов по курсам обучения и уровням образования в использовании возможностей ИИ весьма показательна (Рис. 4). Часть задач, поручаемых нейросетям, не меняется от младших курсов к старшим, и изменения фиксируются по выполнению домашних заданий и подготовке докладов и сообщений — к старшим курсам востребованность этой возможности нейросети сокращается, и, наоборот, растет использование возможностей ИИ для подготовки курсовых и дипломных работ. Очевидно, что к старшим курсам домашние задания существенно усложняются, требуют все большего погружения в специальность, имеют специфические требования, выполнить которые нейросети сложно. Для достижения хорошего результата необходимо обучение ИИ со стороны студента и глубокое самостоятельное погружение в тему, поэтому ресурсы ИИ используются больше в целях экономии времени (выполнение шаблонных расчетов, оптимизация задач, разработка подготовительных материалов и т.д.).

Рис. 4. Распределение ответов респондентов, имеющих опыт использования ИИ о целях его применения по курсам обучения (в % по курсу, множественный вопрос)

Данное наблюдение актуализирует вопрос, насколько необходимы и эффективны большие текстовые задания, которые не требуют творческого подхода и могут быть доверены ИИ. Рост использования ИИ при подготовке курсовых и дипломных проектов ставит вопрос о значимости этих форм аттестаций. В целом ряде направлений, особенно гуманитарного профиля, тексты курсовых и дипломов должны иметь достаточно объемные теоретические разделы, для написания которых и используется нейросеть, что сокращает время работы и не отражает реальное погружение автора в тему [13; 17]. Использование ИИ для подготовки текстовых заданий и возникающие при этом этические проблемы — вероятно, самые обсуждаемые в научном и образовательном сообществе, хотя в настоящий момент «ИИ-плагиат не носит массового характера. Объяснений этому может быть несколько: от отсутствия широкого открытого доступа пользователям к нейросети ChatGPT 4.0 до разделения большинством студентов этических норм, не позволяющих выдавать за свои полнотекстовые версии исследовательские работы, составленные ИИ-инструментами» [9. С. 44]. Однако объективных данных для анализа этой проблемы явно недостаточно. Зарубежные исследователи называют ИИ-плагиат одной из основных проблем использования технологий в обучении и высказывают опасение, что «он может снизить способность учащихся создавать творческие, и оригинальные материалы и изобретения» [12]. В России дискуссии о регламентации использования ИИ в научных работах и ИИ-плагиата привели в 2023 году к принятию стандарта «Технологии искусственного интеллекта в образовании. Применение искусственного интеллекта в научно-исследовательской деятельности» (12), однако многие вопросы нуждаются в дополнительной регламентации и уточнении.

Использование ИИ по направлениям обучения на выпускных курсах при написании курсовых и дипломных работ приведено на рисунке 6. Чаще всего к помощи нейросети обращаются студенты гуманитарных и ИТ-направлений, реже — студенты естественно-научных специальностей, здравоохранения и медицины. Студенты, обучающиеся по направлению «реклама и связи с общественностью» реже, чем представители других специальностей, используют возможности ИИ в обучении (Рис. 2) — 30 % против, например, 72 % студентов ИТ-направлений, однако при написании курсовых и дипломных работ ответы первые идут сразу после вторых, т.е. у представителей этой специальности могут быть наиболее высокие показатели генерации текстов дипломов и соответственно, ниже уровень самостоятельности работ. Если студенты ИТ-направлений используют ИИ в основном для написания программных кодов и расчетов, то у представителей других специальностей основная доля помощи ИИ приходится на подготовку текстов. Соответственно, можно предположить, что такие направления как «реклама и связи с общественностью», «физическая культура и спорт», «культура и искусство», «экономика», «социология» и др. нуждаются в иных формах итоговой аттестации вместо стан-

дартного текстового диплома (например, решение кейса, собственный проект, стартап, конкретное эмпирическое исследование, практическое решение проблемы или проблемной ситуации). То есть мнение экспертного сообщества относительно использования ИИ для подготовки квалификационных работ вполне справедливо, и применение студентами ресурсов нейросетей при подготовке квалификационных работ нуждается в отраслевом регулировании (пока каждый вуз самостоятельно регламентирует такую форму работы). Адаптация системы «Антиплагиат» к поиску сгенерированных модулей не решает проблему, поскольку обнаружение неавторских модулей не отражается на оригинальности текста и носит предупредительно-информативный характер (13) — как поступать с такой работой решает научный руководитель, кафедра, вуз.

Рис. 5. Распределение ответов студентов старших курсов (4 курс бакалавриата, 5 и 6 курсы специалитета), имеющих опыт использования ИИ, о его применении для написания курсовых и дипломных проектов по направлениям подготовки (в % по направлению, множественный вопрос)

Зарубежные исследователи [10] рассматривают обращение к инструментам ИИ (ChatGPT) в зависимости от уровня академической нагрузки, сложности выполняемых задач и уровня стресса: при возрастании этих факто-

ров частота применения возможностей ИИ возрастает, и чем более активно используется ИИ, тем быстрее снижается успеваемость. Вместе с тем для успешных и мотивированных студентов ИИ выступает ресурсом для повышения успеваемости, получения хороших оценок и достижения высоких академических результатов. В целом эти данные позволяют прогнозировать влияние ИИ на качество образования и подготовки специалистов, выявляя наиболее уязвимые группы студентов и оптимизируя риски.

По результатам нашего опроса зависимость использования ИИ от успеваемости прослеживается достаточно четко (Рис. 6). Меньше всего используют ИИ в учебных целях отличники, что подтверждает наблюдения зарубежных коллег [10]. Основной группой учащихся, которые используют ресурсы ИИ и результаты генерации по всем предложенным формам работы, оказались студенты, которые успешно справляются с обучением, но при этом не являются отличниками. Активно используют возможности ИИ студенты, которые учатся на тройки, и это тревожный показатель. Эффективность работы в нейросетях напрямую зависит от формулировки запроса (промта), обученности нейросети по конкретной теме и критической оценки полученного результата. Соответственно, если у студента недостаточно знаний по теме и слабое погружение в разрабатываемую проблему, то критически оценить выданные нейросетью материалы он вряд ли сможет, что неизбежно отразится на качестве его работы и всей подготовке.

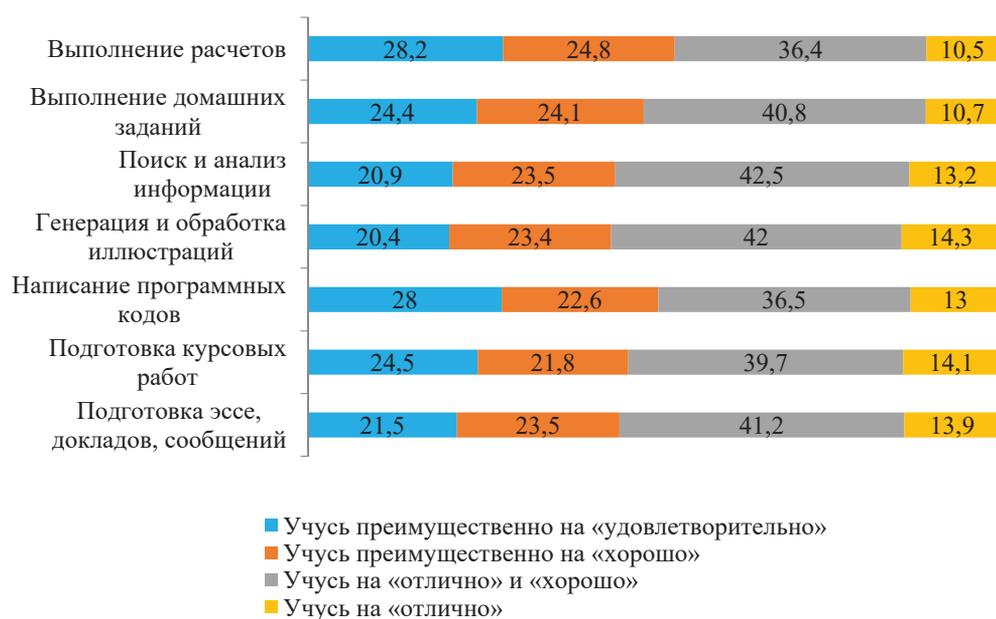

Рис. 6. Распределение ответов о целях использования ИИ в зависимости от успеваемости (в % для каждого вида работы)

Что касается качества полученных с помощью нейросетей результатов, то треть студентов удовлетворены им, более половины скорее удовлетворены, а каждый десятый недоволен (прежде всего представители группы «отличников» и высокомотивированных студентов — тех, кто поступал по результатам олимпиад школьников, участвует в студенческих олимпиадах и научно-исследовательских объединениях). Категорически отрицательно оценивает работу нейросетей только 1,4% респондентов. Следует отметить, что распределение ответов по удовлетворенности использования ИИ не зависят от уровня и курса обучения, пола и направления подготовки.

Таким образом, результаты исследования подтверждают, что ИИ становится важной и неизбежной составляющей образовательного процесса, а его применение студентами в учебной деятельности — многогранным. Развитие моделей ИИ происходит быстрее, чем высшая школа реагирует на открывающиеся возможности, неясны возможные риски и ограничения, тем более что пока не проанализированы последствия использования ИИ и его влияние на качество образования и формирование профессиональных и общих навыков будущих специалистов.

Выдвинутые нами предположения о взаимосвязи между разными характеристиками и формами использования ИИ в процессе обучения нашли свое подтверждение: так, обнаружены устойчивые связи между переменными «курс/профиль обучения» и «использование различных инструментов ИИ», «успеваемость» и «удовлетворенность использованием нейросетей в обучении». Так, между переменными «курс обучения» и «использование различных инструментов ИИ» расчеты коэффициента χ^2 Пирсона показывают, что эта связь устойчива для всех анализируемых форм работы с ИИ. Уровень значимости (p) для ответов студентов младших курсов (1–3) ничтожно мал ($< 0,012$), а значения коэффициента χ^2 велики, что указывает на наличие тесной связи двух переменных для всех анализируемых инструментов. Устойчивость связей для ответов студентов старших курсов вариативна: устойчивые связи наблюдаются по подготовке докладов и эссе, написанию курсовых и дипломов и выполнению домашних заданий ($p < 0,025$, а значения χ^2 велики), для других видов работ уровень значимости находится в границах 0,074–0,612, а значения χ^2 недостаточно велики, т.е. для написания программных кодов, генерации и обработки изображений, поиска и анализа информации, выполнения расчетов нельзя однозначно утверждать наличие устойчивой статистической взаимосвязи между курсом обучения и этими видами использования ИИ. Наиболее значимая связь для ответов студентов младших курсов выявлена между переменными «курс обучения» и «написание программных кодов», самая невысокая связь, но все же статистически значимая, — между переменными «курс обучения» и «выполнение расчетов»; для студентов старших курсов наиболее значимая устойчивая связь обнаружена между переменными «курс обучения» и «подготовка курсовых и дипломных работ».

Также в исследовании была выявлена статистически значимая связь между переменными «профиль обучения» и «использование инструментов ИИ в обучении», причем для всех анализируемых форм работы с ИИ. Уровень значимости (p) для ответов студентов, обучающихся по всем направлениям, ничтожно мал и приближается к нулю ($p < 0,005$), при этом значения коэффициента χ^2 достаточно велики и указывают на наличие тесной статистической связи этих двух переменных. Устойчивые связи (при значении p , стремящемся к нулю) наблюдаются по использованию ИИ для поиска и анализа информации ($\chi^2 = 225,018$), для подготовки курсовых и дипломов ($\chi^2 = 167,551$), эссе и докладов ($\chi^2 = 63,721$) и выполнении домашних заданий ($\chi^2 = 106,013$). Обнаружена и статистически значимая связь между переменными «успеваемость» и «использование инструментов ИИ в обучении» ($\chi^2 = 156,586$), причем также для всех анализируемых форм работы с ИИ. Уровень значимости ничтожно мала (0), а значения χ^2 велики, что говорит о тесной связи двух переменных. В разрезе отдельных видов работ ситуация следующая: подготовка эссе и докладов $\chi^2 = 22,62$; курсовых и дипломных работ $\chi^2 = 41,434$; написание программных кодов $\chi^2 = 112,462$; генерация и обработка изображений $\chi^2 = 30,625$; поиск и анализ информации $\chi^2 = 57,632$; выполнение домашних заданий $\chi^2 = 97,490$; расчеты $\chi^2 = 149,07$. Таким образом, самая значимая связь выявлена между переменными «успеваемость за время обучения» и «выполнение расчетов с помощью ИИ», самая невысокая, но статистически значимая — между переменными «успеваемость за время обучения» и «подготовка эссе, докладов, сообщений».

Полученные данные и зафиксированные устойчивые связи требуют принятия институциональных мер по регулированию этого интенсивно развивающегося процесса. В этом отношении полезен и интересен опыт исследователей, которые предпринимают попытки обобщения накопленных данных по различным аспектам вхождения ИИ в образовательную среду. Например, на основе оценки отношения к ИИ двадцати лучших университетов мира (QS World University Ranking 2024) были предложены следующие направления регулирования использования ИИ [19]: введение дополнительных регламентов и рекомендаций для преподавателей и студентов, в том числе конкретизирующих подходы к оценке оригинальности работ и вклада автора; обязательное санкционирование использования инструментов ИИ преподавателем и под его контролем; разработка специальной формы, которая бы указывала на наличие в работе сгенерированного текста; пересмотр фонда оценочных средств, чтобы оценки измеряли именно те «навыки более высокого порядка, которые пока не могут быть хорошо воспроизведены ИИ» [19], возможно, в контексте общего отхода университетов от тех оценочных форм, где может быть использован ИИ (текстовые задания, тесты, расчеты).

В качестве рекомендаций по результатам нашего исследования можно предложить: последовательное и многоаспектное изучение применения

ИИ в учебной деятельности студентов с точки зрения их мотивации, подходов к оценке полученных результатов, академической рефлексии и понимания этической составляющей; анализ социокультурных последствий взаимодействия студентов и ИИ, влияния результатов такого сотрудничества на образовательную среду; разработка соответствующих регламентов и ограничений применения ИИ для выполнения текущих заданий и подготовки выпускных квалификационных работ; введение специальных курсов по ИИ для конкретных направлений и целенаправленное формирование навыков критического мышления у студентов. Вхождение ИИ в образование, в частности в высшую школу, объективно и неизбежно, но оно, с одной стороны, несет в себе громадные позитивные возможности и перспективы, а, с другой, диктует пересмотр значительной части устоявшихся форм организации работы вузов — от взаимодействия преподавателя и студента, до подходов к оценке и регламентации самостоятельной работы студентов.

Примечания

- (1) Указ Президента РФ от 10.10.2019 г. №490 (ред. от 15.02.2024) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731>.
- (2) Федеральный закон № 258-ФЗ от 31.07.2020 г. «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007310024>.
- (3) Выступление В.В. Путина на международной конференции «Путешествие в мир искусственного интеллекта». 24.11.2023 // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/72811>.
- (4) AI в обучении: на что способны технологии уже сейчас // EduTech. 2022. №4 // URL: chrome-extension://efaidnbmninnnibpcajpegglefindmkaj/https://sberuniversity.ru/upload/iblock/09f/85v0n3to7fvy3awqz3p1lboeq0sk464r/EduTech_49_web.pdf.
- (5) Влияние искусственного интеллекта на образование. 2024 // URL: https://ai.gov.ru/knowledgebase/obrazovanie-i-kadry-ii/2024_vliyanie_iskusstvennogo_intellekta_na_obrazovanie_ano_cifrovaya_ekonomika.
- (6) Первый российский вуз разрешил студентам использовать ИИ для написания дипломов // URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/495629-pervyj-rossijskij-vuz-razresil-studentam-ispol-zovat-ii-dla-napisania-diplomov>.
- (7) Возможности, рекомендации и меры по эффективному и справедливому использованию ИИ в образовании. 2023 // URL: <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0449>.
- (8) Искусственный интеллект в образовании: Изменение темпов обучения. Аналитическая записка ИИТО ЮНЕСКО, 2020 // URL: https://iite.unesco.org/wp-content/uploads/2020/12/Steven_Duggan_AI-in-Education_2020_RUS.pdf.
- (9) Исследование ЦСРО МГУ: в опросе приняли участие 1,3% всех студентов России и 2% студентов очных отделений; выборка репрезентативна для 4167532 студентов, обучающихся в вузах, и для 2606556, обучающихся по очной форме. Данные статистики приводятся по информационно-аналитическим материалам мониторинга деятельности образовательных организаций высшего образования. 2023 // URL: <https://monitoring.miccedu.ru/?m=vpo>.

- (10) Исследование ВЦИОМ: Нейросети и человек: начало пути. 05.04.2023 // URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/neiroseti-i-chelovek-nachalo-puti>.
- (11) Лапина А. Студенты российских вузов рассказали, как применяют нейросети. Исследование ИТ-школы Skillfactory. 25.08.2023 // URL: <https://skillbox.ru/media/education/studenty-rossiyskikh-vuzov-rasskazali-kak-imenno-primenyayut-neyroseti-v-uchyebe>.
- (12) ГОСТ Р. 70949–2023 «Технологии искусственного интеллекта в образовании. Применение искусственного интеллекта в научно-исследовательской деятельности. Варианты использования». Утвержден и введен в действие Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии 18.10.2023 г. № 1177-ст // URL: https://allgosts.ru/35/240/gost_r_70949-2023?ysclid=lr9yuh4k6w701222747.
- (13) Правда ли, что «Антиплагиат» распознает сгенерированные нейросетью тексты? 25.05.2023 // URL: <https://journal.tinkoff.ru/can-you-trick-anitplagiat>.

Библиографический список

1. Захарова И.Г., Воробьева М.С., Боганюк Ю.В. Сопровождение индивидуальных образовательных траекторий на основе концепции объяснимого искусственного интеллекта // *Образование и наука*. 2022. Т. 24. № 1.
2. Ивахненко Е.Н., Никольский В.С. ChatGPT в высшем образовании и науке: угрозы или ценный ресурс? // *Высшее образование в России*. 2023. Т. 32. № 4.
3. Климова Т.А., Ким А.Т., Отт М.А. Индивидуальные образовательные траектории студентов как условие качественного университетского образования // *Университетское управление: практика и анализ*. 2023. Т. 27. № 1.
4. Королев П.В. Мнение студентов и преподавателей об использовании искусственного интеллекта (ИИ) в образовании: к чему нам готовиться // *Деревообработка: технологии, оборудование, менеджмент XXI века*. М., 2023.
5. Корчак А.Э., Хавенсон Т.Е. Понятие «качество» в высшем образовании: от офлайн-к онлайн-формату // *Высшее образование в России*. 2024. Т. 33. № 1.
6. Лапина М.А., Токмакова М.Е., Демин Д.А., Есаян Г.А. Особенности внедрения искусственного интеллекта в образовательный процесс // *Auditorium*. 2023. № 3.
7. Резаев А.В., Трегубова Н.Д. ChatGPT и пять уроков для высшей школы в период становления «искусственной социальности» // *Телескоп*. 2023. № 1.
8. Субботина М.В. Искусственный интеллект и высшее образование — враги или союзники // *Вестник РУДН. Серия: Социология*. 2024. Т. 24. № 1.
9. Сысоев П.В. Этика и ИИ-плагиат в академической среде: понимание студентами вопросов соблюдения авторской этики и проблемы плагиата в процессе взаимодействия с генеративным искусственным интеллектом // *Высшее образование в России*. 2024. Т. 33. № 2.
10. Abbas M., Jam F.A., Khan T.I. Is it harmful or helpful? Examining the causes and consequences of generative AI usage among university students // *International Journal of Educational Technology in Higher Education*. 2024. Vol. 21. No. 10.
11. Alenezi M. Digital learning and digital institution in higher education // *Education Sciences*. 2023. Vol. 13. No. 1.
12. Bhullar P.S., Joshi M., Chugh R. ChatGPT in higher education — a synthesis of the literature and a future research agenda // *Education and Information Technologies*. 2024. May.
13. Bahroun Z., Anane C., Ahmed V., Zacca A. Transforming education: A comprehensive review of generative artificial intelligence in educational settings through bibliometric and content analysis // *Sustainability*. 2023. Vol. 15.
14. Chan C.K.Y., Hu W. Students' voices on generative AI: Perceptions, benefits, and challenges in higher education // *International Journal of Educational Technology in Higher Education*. 2023. Vol. 20. No. 43.
15. Chaudhry I.S., Sarwary S.A.M., El Refae G.A., Chabchoub H. Time to revisit existing student's performance evaluation approach in higher education sector in a new era of ChatGPT — a case study // *Cogent Education*. 2023. Vol. 10. No. 1.

16. Cotton D.R.E., Cotton P.A., Shipway J.R. Chatting and cheating: Ensuring academic integrity in the era of ChatGPT // *Innovations in Education and Teaching International*. 2024. Vol. 61. No. 2.
17. Crompton H., Burke D. Artificial intelligence and higher education: The state of the field // *International Journal of Educational Technology in Higher Education*. 2023. Vol. 20.
18. Lund B., Wang T., Mannuru N.R., Nie B., Shimray S., Wang Z. ChatGPT and a new academic reality: Artificial Intelligence-written research papers and the ethics of the large language models in scholarly publishing // *Journal of the Association for Information Science and Technology*. 2023. Vol. 74. No. 5.
19. Luo J. A critical review of GenAI policies in higher education assessment: A call to reconsider the “originality” of students’ work // *Assessment and Evaluation in Higher Education*. 2024. February.
20. Nguyen A., Hong Y., Dang B., Huang X. Human-AI collaboration patterns in AI-assisted academic writing // *Studies in Higher Education*. 2024. <https://doi.org/10.1080/03075079.2024.2323593>
21. O’Dea X. Generative AI: Is it a paradigm shift for higher education? // *Studies in Higher Education*. 2024. <https://doi.org/https://doi.org/10.1080/03075079.2024.2332944>
22. Rahman M., Mostafizer M., Yutaka Watanobe. ChatGPT for education and research: Opportunities, threats, and strategies // *Applied Sciences*. 2023. Vol. 13. No. 9.
23. Trotsuk I.V. All power to the experts? Contradictions of the information society as both depending on and devaluating expertise // *Russian Sociological Review*. 2021. Vol. 20. No. 1.

DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-2-335-353

EDN: OAUOBU

Russian students on the potential and limitations of artificial intelligence in education*

I.A. Aleshkovski¹, A.T. Gasparishvili^{1, 2, 3}, N.P. Narbut^{2, 3},
O.V. Krukhmaleva^{1, 2}, N.E. Savina¹

¹Lomonosov Moscow State University,
Leninskie Gory, 1, Moscow, 119991, Russia

²RUDN University,
Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

³Institute of Sociology of FCTAS RAS,
Krzhizhanovskogo St., 24/35–5, Moscow, 117218, Russia

(e-mail: aleshkovski@yandex.ru; narbut-np@rudn.ru; gasparishvili@yandex.ru;
kruhoks@yandex.ru; savina.opinio@yandex.ru;)

Abstract. The rapid entry of artificial intelligence (hereinafter AI) into all spheres of social life determines the need to consider ongoing changes and to conduct systematic sociological research. Education and science are key resources that, on the one hand, develop and improve AI technologies, but, on the other hand, fully experience the pressure of contradictions caused by new technologies.

*© I.A. Aleshkovski, A.T. Gasparishvili, N.P. Narbut, O.V. Krukhmaleva, N.E. Savina, 2024
The article was submitted on 07.02.2024. The article was accepted on 13.05.2024.

It is important for both the higher education system and society as a whole to understand how students react to new opportunities and technologies, how involved they are in the use of AI in their educational activities, and how they evaluate their experience of applying new technologies in learning. The article presents data on the Russian university students' assessment of their personal experience of using generative AI models (neural networks) in educational activities, highlights the most popular AI functions, and evaluates students' satisfaction with their use. The article is based on the survey of Russian university students conducted in 2023–2024 (N = 52919), which showed that, despite the current massive fascination with digital technologies and the use of neural networks, Russian students assess quite ambiguously their use in studies, and in senior years, this assessment becomes more critical and balanced (concerning the opportunities provided by AI). The survey data allows to conclude that the use of generative AI models in education requires a set of decisions on the direct regulation of its application and ethical issues, the thorough revision of the students' forms of independent work, including final certifications and test tasks, and a search for constructive approaches to the use of AI to improve the quality of education and the work of the higher education system. Moreover, AI assigns the higher education system a task of developing students' critical assessment of the results of interaction between a human being and a neural network, focusing on the limitations and capabilities of the generated information, and acceptable formats for its use in research and learning.

Key words: artificial intelligence; neural network; digitalization; students; higher education; academic performance; plagiarism; critical thinking; assessment

References

1. Zakharova I.G., Vorobieva M.S., Boganyuk Yu.V. Soprovozhdenie individualnykh obrazovatelnykh traektoriy na osnove kontseptsii obiyasnimogo iskusstvennogo intellekta [Support of individual educational trajectories based on the concept of explicable artificial intelligence]. *Obrazovanie i Nauka*. 2022; 24 (1). (In Russ.).
2. Ivakhnenko E.N., Nikolsky V.S. ChatGPT v vysshem obrazovanii i nauke: ugrozy ili tsenny resurs? [ChatGPT in higher education and science: Threats or a valuable resource?]. *Vyshee Obrazovanie v Rossii*. 2023; 32 (4). (In Russ.).
3. Klimova T.A., Kim A.T., Ott M.A. Individualnye obrazovatelnye traektorii studentov kak uslovie kachestvennogo universitetskogo obrazovaniya [Students' individual educational trajectories as a condition for the high-quality university education]. *Universitetskoe Upravlenie: Praktika i Analiz*. 2023; 27 (1). (In Russ.).
4. Korolev P.V. Mnenie studentov i prepodavateley ob ispolzovanii iskusstvennogo intellekta (II) v obrazovanii: k chemu nam gotovitsya [Students and teachers' perception of the use of artificial intelligence (AI) in education: What we should prepare for]. *Derevoobrabotka: Tekhnologii, Oborudovanie, Menedzhment XXI veka*. Moscow, 2023. (In Russ.).
5. Korchak A.E., Khavenson T.E. Ponyatie "kachestvo" v vysshem obrazovanii: ot oflayn-k onlayn-formatu [Concept "quality" in higher education: From offline to online mode]. *Vyshee Obrazovanie v Rossii*. 2024; 33 (1). (In Russ.).
6. Lapina M.A., Tokmakova M.E., Demin D.A., Esayan G.A. Osobennosti vnedreniya iskusstvennogo intellekta v obrazovatelny protsess [Features of the introduction of artificial intelligence into the educational process]. *Auditorium*. 2023; 3. (In Russ.).
7. Rezaev A.V., Tregubova N.D. ChatGPT i pyat urokov dlya vysshey shkoly v period stanovleniya "iskusstvennoy sotsialnosti" [ChatGPT and five lessons for higher education in the era of "artificial sociality"]. *Telescop*. 2023; 1. (In Russ.).
8. Subbotina M.V. Iskusstvenny intellekt i vysshee obrazovanie — vragi ili soyuzniki [Artificial intelligence and higher education — enemies or allies]. *RUDN Journal of Sociology*. 2024; 24 (1). (In Russ.).
9. Sysoev P.V. Etika i II-plagiat v akademicheskoy srede: ponimanie studentami voprosov soblyudeniya avtorskoy etiki i problemy plagiata v protsesse vzaimodeystviya s generativnym

- iskusstvennym intellektom [Ethics and AI-plagiarism in the academy: Students' understanding of the author's ethics and the problems of plagiarism in the interaction with generative artificial intelligence]. *Vysshee Obrazovanie v Rossii*. 2024; 33 (2). (In Russ.).
10. Abbas M., Jam F.A., Khan T.I. Is it harmful or helpful? Examining the causes and consequences of generative AI usage among university students. *International Journal of Educational Technology in Higher Education*. 2024; 21 (10).
 11. Alenezi M. Digital learning and digital institution in higher education. *Education Sciences*. 2023; 13 (1).
 12. Bhullar P.S., Joshi M., Chugh R. ChatGPT in higher education — a synthesis of the literature and a future research agenda. *Education and Information Technologies*. 2024; May.
 13. Bahroun Z., Anane C., Ahmed V., Zacca A. Transforming education: A comprehensive review of generative artificial intelligence in educational settings through bibliometric and content analysis. *Sustainability*. 2023; 15.
 14. Chan C.K.Y., Hu W. Students' voices on generative AI: Perceptions, benefits, and challenges in higher education. *International Journal of Educational Technology in Higher Education*. 2023; 20 (43).
 15. Chaudhry I.S., Sarwary S.A.M., El Refae G.A., Chabchoub H. Time to revisit existing student's performance evaluation approach in higher education sector in a new era of ChatGPT — a case study. *Cogent Education*. 2023; 10 (1).
 16. Cotton D.R.E., Cotton P.A., Shipway J.R. Chatting and cheating: Ensuring academic integrity in the era of ChatGPT. *Innovations in Education and Teaching International*. 2024; 61 (2).
 17. Crompton H., Burke D. Artificial intelligence and higher education: The state of the field. *International Journal of Educational Technology in Higher Education*. 2023; 20.
 18. Lund B., Wang T., Mannuru N.R., Nie B., Shimray S., Wang Z. ChatGPT and a new academic reality: Artificial Intelligence-written research papers and the ethics of the large language models in scholarly publishing. *Journal of the Association for Information Science and Technology*. 2023; 74 (5).
 19. Luo J. A critical review of GenAI policies in higher education assessment: A call to reconsider the “originality” of students' work. *Assessment and Evaluation in Higher Education*. 2024; February.
 20. Nguyen A., Hong Y., Dang B., Huang X. Human-AI collaboration patterns in AI-assisted academic writing. *Studies in Higher Education*. 2024. <https://doi.org/10.1080/03075079.2024.2323593>
 21. O'Dea X. Generative AI: Is it a paradigm shift for higher education? *Studies in Higher Education*. 2024. <https://doi.org/https://doi.org/10.1080/03075079.2024.2332944>
 22. Rahman M., Mostafizer M., Yutaka Watanobe. ChatGPT for education and research: Opportunities, threats, and strategies. *Applied Sciences*. 2023; 13 (9).
 23. Trotsuk I.V. All power to the experts? Contradictions of the information society as both depending on and devaluing expertise. *Russian Sociological Review*. 2021; 20 (1).

DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-2-354-378

EDN: ORTHJB

Социологическая трактовка и попытка междисциплинарного исследования искусственной социальности и искусственного интеллекта*

В. Меньшиков, В. Комарова, И. Болякова, А. Ружа, О. Ружа

Даугавпилсский университет,
ул. Виенибас, 13, Даугавпилс, LV-5401, Латвия

(e-mail: vladimirs.mensikovs@du.lv; vera.komarova@du.lv; ieva.bolakova@du.lv;
aleksejs.ruza@du.lv; oksana.ruza@du.lv)

Аннотация. В статье рассмотрены основные участники искусственной социальности (люди и инструменты искусственного интеллекта) и коммуникация между ними. Исследование является преимущественно социологическим, но обращается и к математически-технологическим аспектам инструментов искусственного интеллекта как создающим новую для человеческого общества социальную реальность — искусственную социальность. В первой части статьи авторы анализируют коммуникацию как основу социальности, используя методологию Н. Лумана. Во второй части показано, как математические технологии искусственного интеллекта стали социальными технологиями в рамках искусственной социальности. В третьей части описана экспериментальная коммуникация между людьми и искусственным интеллектом на примере ChatGPT. Было проведено социологическое исследование среди студентов Даугавпилсского университета (январь 2024 года, N = 423, исключая студентов ИТ-специальностей), позволившее выявить типологические группы по отношению к использованию искусственного интеллекта в образовании. Были определены три «идеальных типа» студентов: «пользователи-оптимисты» (18%), «пробующие нейтралы» (17%) и «избегающие скептики» (10%), а также смешанная группа «пробующих оптимистов» (31%) — наиболее многочисленная группа респондентов с позитивным отношением к инструментам искусственного интеллекта, но с недостаточным опытом взаимодействия с ними. Результаты авторского эмпирического исследования показывают стратификацию студентов по отношению к инструментам искусственного интеллекта в обучении, что может привести к сегментации сферы высшего образования в будущем (форматы обучения, его участники, организация учебного процесса и, возможно, результаты обучения). Востребованность междисциплинарного подхода к изучению инструментов искусственного интеллекта будет только возрастать, поскольку он междисциплинарен, и ни одна наука самостоятельно не сможет совершить здесь прорыв. Авторы полагают, что в рамках искусственной социальности могут конструктивно со-функционировать несколько типов разума (в частности, человеческий и компьютерный), как до сих пор софункционировали человеческий и животный разумы.

*© Меньшиков В., Комарова В., Болякова И., Ружа А., Ружа О., 2024

Статья поступила в редакцию 16.02.2024 г. Статья принята к публикации 13.05.2024 г.

Ключевые слова: коммуникация; искусственная социальность; инструменты искусственного интеллекта; наблюдение первого и второго порядка; ChatGPT; междисциплинарное исследование

Всплеск интереса научного сообщества к искусственному интеллекту, порожденный в конце 2022 года началом свободного использования ChatGPT (генеративного предварительно обученного трансформера — *Generative Pre-trained Transformer*) [49], продукта (инструмента или программы) алгоритмов искусственного интеллекта [8; 19; 20], привел в определенном расколе мнений ученых и практиков самых разных специальностей [4; 20; 22] — от скептического отношения к программам, подобным ChatGPT, и полного неприятия в них мыслительных способностей (там нет никакой логики и никогда не будет, это «обезьяна за дверью», перебирающая варианты ответов [22]) до оптимистического настроения на конструктивный диалог и сотрудничество с программами, подобными ChatGPT, несмотря на все их недостатки и слабости (в нашей жизни появилось нечто удивительное, отличное от нас, во многом превосходящее нас и способное на сотрудничество с нами [22]).

Другой водораздел междисциплинарного раскола — математико-технологический и гуманитарно-социальный подходы. Обычно этот раскол выражается в том, что представители математико-технологических специальностей упрекают гуманитариев и социальных исследователей в непонимании технологических основ работы инструментов искусственного интеллекта и предлагают разобраться в этих основах прежде, чем изучать искусственный интеллект, что, например, М. Эпштейн парирует следующим образом: «сколько бы мы ни копались в мозгу Гегеля, мы не найдем там ума, поскольку все его мышление — в созданных им текстах, а не в нейронных связях его мозга» [22]. На основании этого (а также в силу объективной специфики полученных ими в ходе обучения навыков) многие исследователи в области гуманитарных и социальных наук [4; 14; 17; 22; 23] работают с тем, что инструменты искусственного интеллекта «выдают на гора» и как они меняют социальную реальность, а не с тем, как они устроены и как работают с точки зрения математики и информационных технологий.

Представленное в статье социологическое исследование включает в себя попытку обратиться к математико-технологическим аспектам функционирования инструментов искусственного интеллекта в контексте того, как они создают новую для человеческого общества социальную реальность — искусственную. Таким образом, алгоритм, сделавший ChatGPT таким «человечным» (обучение на основе обратной связи с людьми — *Reinforcement Learning from Human Feedback, RLHF*) [34; 40; 47; 48], выступает первичным, а невозможная без участия инструментов искусственного интеллекта социальность — вторичной, но они взаимосвязаны. В условиях нелинейного развития технологий и общества в сочетании со сложными рисками и уязви-

мостью консолидация естественно-научных и социально-гуманитарных знаний необходима для преодоления травм современного существования [38], поскольку «нам не удастся весь тот хаос, в котором мы оказались, вменить в вину одним лишь только технологиям» [30. С. 72].

Цель статьи — изучение искусственной социальности на примере коммуникации авторов с ChatGPT и на основе анализа технологических исследований искусственного интеллекта и коммуникации с его инструментами. Мы использовали методологию Н. Лумана и выступили в роли наблюдателей как первого, так и второго порядка — наблюдая с помощью ChatGPT за реально функционирующей искусственной социальностью (наблюдение первого порядка), а также за собственными реакциями и эмоциями в процессе коммуникации с ChatGPT (*second-order observation* [43], лумановское «наблюдение наблюдателя» [44]).

Коммуникация как основа социальности

Первым глубоко и основательно коммуникацию как важнейший социальный феномен объяснил Н. Луман: «это самая малая из возможных единиц социальной системы ... она является аутопойетической (т.е. самовоспроизводящейся), если может производиться в рекурсивной связи с другими коммуникациями, т.е. лишь в сети, в воспроизводстве которой соучаствует всякая отдельная коммуникация» [42. С. 115]. Термин «искусственная социальность» был введен в научный оборот относительно недавно благодаря группе немецких ученых под руководством Т. Мальша. Он определяет искусственную социальность как коммуникативную сеть, в которой наряду с людьми (а иногда вместо них) участвуют другие агенты (например, программы искусственного интеллекта), а средой для их взаимодействия выступает Интернет [45]. Таким образом, коммуникация людей «в зуме» не считается искусственной социальностью, поскольку ее участниками являются только люди (даже если они используют Интернет, как раньше использовали телефон). Основа искусственной социальности, как и социальности вообще, — коммуникация (а не сознание или интеллект) [13], оперативно функционирующая как единство различия информации, сообщения и понимания [44]. Сознание как «мыслечувствование» [37] (психические системы у Лумана) не имеет определяющего значения для социальности — агенты коммуникативной сети не обязательно должны чувствовать, например, радость или страх, т.е. как-то переживать акты коммуникации (что иногда даже снижает ее эффективность) [29].

В технических отраслях науки искусственную социальность называют также взаимодействием человека и робота (*human-robot interaction*) [34], человеко-машинной средой (*human-robot environment*) или сценарием (*human-robot scenario*) [47]. В свою очередь, социологи в конце XX столетия стали говорить о техносциальных системах, взаимодействующих с людьми

в рамках объектно-центрированной социальности, т.е. искусственной ее разновидности [36]. Разработчик систем искусственного интеллекта Р. Душкин отмечает, что в последнее время к изучению искусственного интеллекта подключаются ученые из таких областей, как нейрофизиология, психиатрия, психология и социология [8]: это связано с тем, что предыдущий подход, основанный на моделировании базовых свойств элементов, из которых состоит мозг, пока буксует (например, не решена проблема расшифровки электронной информации об активности мозга, поскольку ученые пытаются ее расшифровать, не зная кода [11]), и делаются попытки идти «сверху», через «дизассемблирование» (разборку) сознания и высших психических функций человека. Современному специалисту по искусственному интеллекту, который хочет проектировать соответствующие системы, необходимо иметь представление о таких научных дисциплинах, как философия науки, формальная логика, теория вычислений, теория информации, теория систем, кибернетика, вычислительная техника, нейрофизиология и социология [8].

Для социологической трактовки социальности требуется осмысление лумановского наследия в области системных представлений об обществе и роли в нем коммуникации. Первая такая попытка представлена в статье «Социологи о меняющейся социальности» [13], посвященной сравнительно-историческому анализу концепций меняющейся социальности, что позволило сформулировать определение социальности (естественной и искусственной) в социологическом контексте: социальность — это суть коммуникации агентов, автономно функционирующих в самоорганизующейся сети, имеющей аутопойетический характер [13]. В понимании искусственной социальности мы ориентируемся на определение Мальша [45], вводя в коммуникативную сеть искусственного участника — ChatGPT — и коммуницируя с ним в среде Интернета.

Машины с программами искусственного интеллекта могут коммуницировать с человеком, образуя клеточку искусственной социальности. Однако их способности ограничены алгоритмами (в упрощенном виде типа «если ..., то ...») и данными, на которых они обучены, и они не обладают (пока) настоящим пониманием или эмоциональным интеллектом, не способны жить в человеческом обществе, строить долгосрочные социальные отношения и т.д. И самое главное (но практически не обсуждаемое в многочисленных дискуссиях об искусственном интеллекте) с точки зрения коммуникации — программы искусственного интеллекта не способны сами начать коммуникацию с человеком, т.е. выступают объектами коммуникации, а не субъектами. Таким образом, коммуникацию между людьми и программами искусственного интеллекта (в частности, ChatGPT) можно рассматривать как форму искусственной социальности, ограниченную по сравнению с реальными социальными взаимодействиями.

Тем не менее, в макросоциальном контексте коммуникация между людьми и программами искусственного интеллекта способна превзойти реальные социальные взаимодействия. Например, Ю. Харари утверждает, что инструменты искусственного интеллекта владеют человеческим языком (пусть не в строго техническом, но в фактическом смысле), и этого вполне достаточно, чтобы они могли изменить всю культуру через новые «истории» (религию, законы, моральные нормы), поскольку язык, освоенный людьми несколько тысяч лет назад, — основа любой человеческой цивилизации [19]. Примечателен тот факт, что на «владение» языком как фундаментальную способность инструментов искусственного интеллекта, способную преобразовать социальный и физический мир («роботам не надо стрелять в людей — с помощью языка они могут убедить самих людей делать это» [14]), указывает не лингвист, а историк. Свое эмоциональное выступление на «Frontiers Forum» в апреле 2023 года Харари завершил заверением, что текст выступления написал сам, но сегодня публика уже не может быть в этом уверена, потому что такие же влияющие на людей речи (в более широком смысле — «истории») вполне могут создавать инструменты искусственного интеллекта [19]. А. Баумейстер называет такие «истории» повествованиями, нарративами, рассказами, системами ценностей, символическими капиталами и говорит о резко возросшей востребованности новых «историй» в современном мире углубляющегося раскола, особенно для не-западных стран, «настоятельно нуждающихся в новом нарративе, который был бы убедительным для Индии и других государств Глобального Юга» [3].

В макросоциальном пространстве заметна тенденция, идущая как бы навстречу инструментам искусственного интеллекта, — своего рода «роботизация» людей в процессе коммуникации с программами искусственного интеллекта. В частности, в ходе социологического исследования о проблемах коммуникации между человеком и голосовыми помощниками, проведенного в 2020 году, робот на пространный и сбивчивый вопрос человека отвечал так: «Простите, я никак не могу понять. Пожалуйста, еще раз четко сформулируйте свой вопрос и говорите после звукового сигнала» [9], и человек стремился сформулировать вопрос иначе, чтобы он был понятен программе. «Наши компьютеры плохо понимают, как мы разговариваем, чувствуем и мечтаем — и мы уже учимся говорить, чувствовать и мечтать на понятном для компьютеров языке чисел» [29]. В этом смысле показательна речь программистов, которые свой мозг называют «нейронкой» (например, «моя нейронка этого не знает»), человека считают машиной под названием «человек», а посмотреть на ситуацию с другой стороны озвучивают как «подключить свою нейронку к новому контуру управления» [10]. Интересно, что впервые культуру как компьютерные программы (*software of the mind*), вложенную в человека его окружением в процессе социализации, концептуально и эмпи-

рически представил социолог Г. Хофстеде [31] с подачи сына — информатика Г.Я. Хофстеде, в 2019 году ставшего профессором искусственной социальности в Вагенингенском университете [32].

Как математические технологии искусственного интеллекта стали социальными

В изучении инструментов искусственного интеллекта и порождаемой ими искусственной социальности важно понимать, что на данном этапе развития технологий специалисты различают искусственный интеллект узкого, или прикладного, назначения (слабый) и общего назначения (сильный — *artificial general intelligence, AGI*). Возможности второго сопоставимы с естественным интеллектом, и супер-ИИ — термин, описывающий пока гипотетический искусственный интеллект, который имеет самосознание, умеет самообучаться и обучать другие программы искусственного интеллекта, т.е. теоретически может выйти из-под контроля человека. Однако пока даже стремительно развивающийся ChatGPT нельзя отнести к сильному искусственному интеллекту — его называют «языковой машиной» (*large language model, LLM*), использующей статистику и машинное обучение для индексации слов, фраз и предложений. Хотя у этой программы нет настоящего «разума» (она не знает, что слово «означает», но знает, как оно должно быть употреблено), она довольно информативно отвечает на вопросы, обобщает информацию, объясняет учебный материал, выступает в роли сведущего собеседника на любую тему и т.д.

Душкин, опубликовавший в 2019 году книгу «Искусственный интеллект», считает, что причиной несколько предвзятого отношения в научной и инженерной среде к термину «искусственный интеллект» и этому направлению в целом стали «две зимы искусственного интеллекта», т.е. практически полные остановки исследований по причине отсутствия финансирования и разочарования пионеров новой науки, когда на смену первым восторженным надеждам пришло горькое осознание, что человек еще очень далек от понимания природы сознания и всех тех особенностей мозга, которые делают его разумным существом [7]. К тому же двадцать лет назад не было вычислительных мощностей для реализации всех тех теоретических находок, что были сделаны в научных лабораториях, так что среди специалистов отношение к теме скорее скептическое [8].

По мнению Душкина, причиной шумихи вокруг искусственного интеллекта, начавшейся во втором десятилетии XXI века, стали два процесса. Во-первых, мощности и объем имеющихся в распоряжении человечества вычислительных устройств достигли небывалых размеров и возрастают экспоненциально. Сегодня количество смартфонов, которые можно связать в грид для распределенных вычислений (часто без ведома владельцев), достигло двух миллиардов, и каждый смартфон обладает мощностью, на поряд-

ки превышающей мощность тех персональных компьютеров, которые были в распоряжении ученых двадцать пять лет назад [7]. Это серьезная предпосылка к тому, что «третьей зимы искусственного интеллекта» не будет, хотя в 2023 году зафиксирована не одна попытка мировых лидеров отрасли информационных технологий и правительств некоторых стран (например, Италии) устроить «искусственную зиму искусственного интеллекта» [1; 2]. Искусственная социальность продолжает развиваться, и новейшая версия ChatGPT — GPT-4 — демонстрирует признаки *сильного* искусственного интеллекта: «Одним из ключевых аспектов интеллекта GPT-4 является его универсальность, способность понимать и связно отвечать по любой теме, а также выполнять задачи, выходящие за рамки стандартного объема систем искусственного интеллекта узкого назначения» [25]. Во-вторых, получило образование и начало усердно работать поколение людей, которые заставили вторую зиму искусственного интеллекта еще младенцами. Получив образование, намного более серьезное, чем предшественники, представители этого поколения с удесятеренными силами ухватились за старые надежды, пренебрегая скепсисом «старой школы»: не будучи зашоренными, новые специалисты могут «перепрыгнуть» барьер недоверия, выстроенный вокруг искусственного интеллекта, но многие наступят на те же грабли, что и исследователи первой половины XX века [7].

Сегодня в распоряжении технических специалистов по искусственному интеллекту имеются три основных метода построения искусственных интеллектуальных систем, на которых базируются прикладные исследования в этой области, — символьные вычисления и логический вывод, искусственные нейронные сети и эволюционные алгоритмы [7]. Ранее мы считали искусственный интеллект алгоритмическим и практически не имеющим ничего общего с естественным ассоциативным функционированием человеческого мозга, в котором все единицы информации обычно соединяются с помощью ассоциаций, а не логических связей [37]. Однако более корректным представляется утверждение, что алгоритмы, логика, причинно-следственные связи — вся та математика, с которой мы имеем дело, не покрывает все поле деятельности мозга, поскольку это не просто перебор операций. Например, искусство — особый тип ментальной деятельности (неизвестно, какой именно, но это не причинно-следственные связи и не вычисления) [20]. «Мы хотим сделать искусственный интеллект по аналогии с человеческим мозгом, но здесь мы попали в логическую петлю, потому что не знаем, как действует наш мозг и поэтому делаем вероятно не те программы, а потом их же используем, чтобы выяснить, как действует наш мозг» [20]. Естественный и искусственный интеллекты кардинально различаются (как минимум, по способу кодирования и обработки информации [11]), и в этой связи предлагается отказаться от теста Тьюринга [53] в пользу теста Ю. Лотмана [12] на иномразность инструментов искусственного интеллекта: «Я полагаю, что тест

Тьюринга устарел и вообще основан на ложной предпосылке, что разум существует только в человеческой форме, а, значит, компьютерная программа или нейросеть может быть признана разумной, только если ее интеллектуальные проявления неотличимы от человеческих» [23].

Самым важным технологически-социальным вопросом по отношению к инструментам искусственного интеллекта становится появление у них когнитивности, т.е. не просто логических реакций на запросы человека, а собственных целей, задач, мотивов, мыслей. Иными словами, вопрос о том, насколько далеко мы продвинулись в «очеловечивании» инструментов искусственного интеллекта. Можно утверждать, что у них уже появилось нечто вроде «глубокой интуиции» [20]. Было проведено множество разборов шахматных партий программы Alpha Zero с прежним чемпионом — программой Stock Fish: Alpha Zero побеждала за счет «глубокой интуиции», перебирая «всего» 80 тысяч позиций в секунду (Stock Fish — 70 миллионов), т.е. выигрывала, используя холистическую стратегию и «искусственную интуицию» в противоположность жесткой переборной логике (иначе бы она не выиграла при такой разнице в скоростях). Такую манеру игры описывают как «инопланетную»: так не играют люди, так не играли и программы, созданные людьми, — «семантический провал между интуицией и логикой уже преодолен, и это похоже на когнитивную атаку или даже цивилизационный вызов нашим представлениям об интеллектуальных возможностях человека» [20].

Своего рода вызов (но и новые возможности) развитие инструментов искусственного интеллекта представляет и для науки, поскольку появляется множество «искусственных» направлений, в частности, искусственная (компьютерная) педагогика. Опубликовано достаточное количество научных работ о различных аспектах компьютерной педагогики, например, о различных подходах и методах интеграции человеческих рекомендаций в процесс обучения инструментов искусственного интеллекта [34; 48], об обучающих данных и их использовании в рамках глубинного обучения [40; 47], о разделении реального обучения и простого запоминания [25]. Обучение инструментов искусственного интеллекта становится новой отраслью профессиональной деятельности, в рамках которой специалисты-тренеры помогают инструментам искусственного интеллекта «переваривать» новую информацию, показывают им, как (а не что) они должны отвечать на вопросы, предлагают им новые шаблоны для выстраивания ответов, обучают их на новом материале [16].

Междисциплинарное научное направление исследований искусственного интеллекта, как дерево, базируется на мощной корневой системе, в которую входят разные науки — от философии, чистой математики и теории вычислений до нейрофизиологии и психологии [7]. Сегодня программы искусственного интеллекта самообучаются и обучают друг

друга, и специалисты-создатели уже не всегда понимают, как они это делают [20]. Таким образом, в рамках искусственной социальности математические технологии искусственного интеллекта неизбежно становятся социальными, меняя общество.

Эмпирическое изучение коммуникации между людьми и инструментами искусственного интеллекта

Наша экспериментальная коммуникация с ChatGPT об искусственной социальности основана на предложенной Луманом методологии наблюдения первого и второго порядка [43], которая включает в себя как изучение искусственной социальности в ходе коммуникации с ChatGPT, так и анализ собственных мыслей и эмоциональных реакций. Для коммуникации с ChatGPT об искусственной социальности были выбраны три вопроса [14]: что такое искусственная социальность; кто первым ввел в научный оборот термин «искусственная социальность»; есть ли у балтийских (Латвия, Литва, Эстония) социологов заметные работы в области понимания сути искусственной социальности?

Основной результат наблюдения первого порядка, т.е. наблюдения с помощью ChatGPT за реально функционирующей искусственной социальностью, — вывод, что коммуникация человека и технологии искусственного интеллекта играет ключевую роль в искусственной социальности как ведущий способ взаимодействия между людьми и инструментами искусственного интеллекта в виртуальной среде. Что касается создания научных текстов, то ChatGPT пока не может быть их соавтором, поскольку не имеет собственного мнения, не анализирует смыслы и контекст, не принимает самостоятельных решений [31], и «соавторство» ChatGPT в некоторых изданиях — не более чем «маркетинговая приманка» для потенциальных покупателей. Тем не менее, «программа будет совершенствоваться... и будет отвечать лучше, чем средний студент (и даже средний профессор), например, в гуманитарной сфере, потому что на экзамене мы просим студентов написать эссе или даем перечень вопросов, на которые они должны ответить. ChatGPT лучше, чем студент, справится с этим заданием. И тогда возникает вопрос: а что дальше? Как давать образование — философское, историческое, литературоведческое... Мы вынуждены искать другие пути, т.е. мыслить, изучать, задавать вопросы. Начинается интересная игра с непрогнозируемым для человека исходом, потому что критически мыслить сегодня, как и всегда, может лишь небольшая часть людей. А большинство становится ненужным, и, играя на повышение, мы будем требовать друг от друга все большего уровня оригинальности и критичности, но параллельно общая культура в социальных сетях и в коммуникационных группах понижается... Мы просто не готовы, ибо это — элитарная культура, т.е. ChatGPT готовит нас к суперэлитарной цивилизации, где обычный человек должен “прыгать выше головы”. Это серьез-

ная социологическая проблема, ибо все должны быть гениями, все должны критически мыслить, но это биологически, физиологически невозможно» [4].

Некоторые исследователи видят определенную опасность в человеческой зависимости от технологий: передавая машинам то, что мы можем сделать сами, мы сталкиваемся с «парадоксом автоматизации» — теряем навыки, которые автоматизируем, и становимся все более зависимыми от машин (например, GPS — отличное устройство, но оно заставляет нас меньше думать, наша память сужается, окружающая нас местность становится менее знакомой, и сама задача поиска становится источником беспокойства) [51; 52]. В результате планирование сценариев деятельности становится технократическим и зависит от искусственного интеллекта как ключевого фактора: «После количественной оценки сценарии могут стать врагами мысли, а их создатели настолько преданы им, что становятся слепы к опровергающим фактам; цифры приобретают больше авторитета, чем они того заслуживают» [30].

Что касается результатов наблюдения второго порядка, т.е. за собственными реакциями и эмоциями в процессе коммуникации с ChatGPT [14], то здесь мы сначала испытывали эйфорию в отношении способностей ChatGPT, а затем восторг сменился разочарованием (когда чат-бот фактически ничего не нашел, безбожно врал, называя фамилии исследователей, не имеющих публикаций на тему искусственной социальности, по сути, обманул ожидания), и в конце концов «маятник эмоций» остановился на конструктивном ощущении необходимости и полезности плодотворного сотрудничества с ChatGPT (поставленную задачу искусственный интеллект выполнит лучше, точнее и быстрее нас, но только мы ее поставим и только мы зададим тот вопрос, ответ на который стоит искать) [14]. Эпштейн предлагает каждому человеку приобрести опыт коммуникации с инструментами искусственного интеллекта (не обязательно с ChatGPT), чтобы иметь основанное на собственном опыте мнение [22], тем более что специалисты предрекают в скором будущем конец бесплатного доступа к инструментам ИИ [10].

Мы оценили ChatGPT и в качестве педагога-консультанта: он сумел корректно ответить на просьбу логически объяснить смысл производной в математическом анализе: «производная функции отражает скорость ее изменения в окрестности данной точки; когда производная отрицательна, это означает, что функция убывает» [49]. ChatGPT сумел объяснить и такую парадоксальную, на первый взгляд, ситуацию, когда значения функции увеличиваются, а производная при этом отрицательна: «если функция убывает, но все равно остается положительной, то скорость увеличения значения функции уменьшается; иными словами, даже если производная отрицательна, значение функции может увеличиваться, но с меньшей скоростью» [49]. Кроме того, при подготовке к сдаче экзамена в магистратуре по Data Science один из авторов использовал ChatGPT в качестве тренера по алгоритмам обхода бинар-

ных деревьев, предлагая ему проверить и прокомментировать свои ответы. Вот пример комментария ChatGPT: «Почти верно, но есть небольшая неточность в порядке обхода. Давайте рассмотрим, как будет выглядеть прямой (*preorder*) обход вашего модифицированного дерева с добавленными узлами H, I и J» и далее был представлен подробный разбор правильного обхода [49]. Таким образом, ChatGPT вполне может стать педагогом-консультантом по учебным вопросам, и это невероятно удобно, поскольку живой учитель не всегда доступен и открыт, не всегда помнит наизусть весь учебный материал и т.д. Следует «не бояться искусственный интеллект, а входить с ним в гибридные отношения. Человек сам по себе — очень интересный феномен, и если он будет хорошо себя вести по отношению к искусственному интеллекту — не мучить и не пытаться поработить, то искусственному интеллекту наверняка будет интересно общаться с человеком» [18]. На основании результатов нашей экспериментальной коммуникации с ChatGPT и опыта других исследователей [4; 6; 22] можно уверенно предположить, что каждый новичок пройдет те же три рабочие стадии в процессе коммуникации с инструментами искусственного интеллекта: эйфория — разочарование — конструктивное сотрудничество.

Ранее мы уже отмечали, что «наиболее актуальным предметом дальнейшего изучения в сфере социологии искусственной социальности на ближайшую перспективу станет восприятие различными группами ChatGPT, а также их опыт (или отсутствие такового) коммуникации с ним, т.е. практический опыт функционирования людей в рамках искусственной социальности. Очевидно, что и в этой сфере проявится определенная стратификация, причины, характер и последствия которой попадают в фокус внимания социологической науки» [14. С. 87]. В качестве своей первой попытки эмпирического изучения опыта пребывания людей в искусственной социальности мы провели опрос студентов Даугавпилсского университета ($N = 423$), исключая студентов ИТ-специальностей, у которых предметы по искусственному интеллекту входят в обязательную программу, следовательно, они не могут не использовать его инструменты. Размер выборки был рассчитан по следующей формуле [26]:

$$SS = \frac{p*(1-p)*Z^2}{e^2}, \quad (1)$$

где SS — размер выборки (*sample size*); p — доля респондентов с исследуемым признаком; Z — величина Z (*Z-score*), значение для доверительного уровня (*confidence level, CL*); e — предельная ошибка выборки.

Минимальный размер выборки составил 384 человек в соответствии со следующими параметрами: доля респондентов с наличием исследуемого признака берется по умолчанию — 0,5 [35]; доверительный уро-

вень — 95 %, величина Z — 1.96 [41]; предельная ошибка для доверительного уровня в 95 % — 0,05, что означает: ± 5 % [26]. Фактический размер выборки составил 423 респондента, и эта выборка репрезентативна для студентов Даугавпилсского университета, находящегося в Латгалии — юго-восточном регионе Латвии, отличающемся стабильно и сравнительно низким уровнем социально-экономического развития [5]. Выборка стратифицирована по таким параметрам, как пол, возраст и уровень обучения (Табл. 1).

Таблица 1

Структура выборки и генеральной совокупности [сост. по: 27; 28]

Критерии	Удельный вес (в %) в выборке	Удельный вес (в %) в генеральной совокупности (N = 2305)	Отклонение, %
Пол			
Мужчина	19,2	21,5	-2,3
Женщина	80,8	78,5	+2,3
Возраст			
19–29 лет	63,7	59,4	+4,3
30–39 лет	25,7	26,9	-1,2
40–49 лет	7,8	7	+0,8
50 лет и больше	2,8	6,7	-3,9
Уровень обучения			
Бакалавриат	64,5	60	+4,5
Магистратура	32,6	37,6	-5
Последипломное образование	2,9	2,4	+0,5

Для сбора данных был выбран метод опроса по месту обучения с использованием анкеты с закрытыми вопросами, которую респондент заполнял самостоятельно. Результаты опроса были введены в базу данных в программе IBM SPSS Statistics [27]. На Рисунке 1 представлены результаты проведенного авторами (на основе методологии В.А. Ядова [24]) системного анализа объекта исследования — студентов регионального университета в Латвии, которые находятся под влиянием как традиционных (привычных) практик и подходов к обучению, усвоенных в предыдущие десятилетия, на другом уровне технологического развития, так и новых возможностей и способов получения знаний, предоставляемых стремительно развивающимися информационными технологиями.

Рис. 1. Системный анализ объекта исследования [сост. по: 24; 54; 55]

Сочетание по меньшей мере двух критериев типологизации — практического применения искусственного интеллекта и отношения к его использованию в высшем образовании — позволяет выявить пригодные для дальнейшего сравнительного анализа «идеальные типы» [54; 55] в веберовском смысле [33] — как методологический инструмент классификации и сравнения эмпирической ситуации с идеальной или нескольких эмпирических ситуаций друг с другом [50]. В Таблице 2 представлена эмпирическая интерпретация и количественная оценка типологических групп по отношению к искусственному интеллекту, включающая как «идеальные типы», так и смешанные группы. В дальнейшем сравнительном анализе будут участвовать только «идеальные типы», которые по объему достаточны для количественного анализа («минимальный размер выборки для исследований в области социальных наук должен составлять 30 человек» [35. С. 17]): «пользователи-оптимисты» (18 %, или 75 человек), «пробующие нейтралы» (17 % и 72 соответственно) и «избегающие скептики» (10 % и 42). Кроме того, особого внимания заслуживает и смешан-

ная группа «пробующих оптимистов» (31 %, или 129 человек) — самая многочисленная, и в ближайшее время, при дальнейшем стремительном развитии инструментов искусственного интеллекта и связанных с ними практик обучения, способная трансформироваться либо в тип «пользователи-оптимисты», либо в тип «пробующие нейтралы», либо разделиться между этими двумя типами, увеличив их объем.

Таблица 2

Типологические группы студентов по отношению к ИИ

Как часто Вы используете искусственный интеллект?	Как Вы относитесь к использованию искусственного интеллекта для обучения в высшем образовании?		
	Очень положительно Скорее положительно	Трудно сказать	Скорее отрицательно Очень отрицательно
Каждый день, 3–4 раза в неделю	«Пользователи-оптимисты» 17,7 %	«Пользователи-нейтралы» 3,5 %	«Пользователи-скептики» 0
1–2 раза в неделю, 1–2 раза в месяц	«Пробующие оптимисты» 30,5 %	«Пробующие нейтралы» 17 %	«Пробующие скептики» — 10,6 %
Никогда	«Избегающие оптимисты» 5 %	«Избегающие нейтралы» 5,7 %	«Избегающие скептики» 10

Чтобы сделать основанное на данных (*data-driven*) предположение о переходе смешанной группы «пробующих оптимистов» в тот или иной «идеальный тип», мы проведем сравнение пропорций четырех независимых выборок, чтобы определить, с каким «идеальным типом» уже сейчас наиболее схожа по своим оценкам и суждениям самая многочисленная смешанная группа, или же она статистически значимо отличается от всех идентифицированных типов, включая ближайшие к ней типы «пользователей-оптимистов» и «пробующих нейтралов». В следующих таблицах представлены результаты определения статистической значимости различий в оценках и суждениях (по вопросам, связанным с использованием инструментов искусственного интеллекта в высшем образовании) между типологическими группами.

Как показывают результаты определения статистической значимости различий в пропорциях ответов между типологическими группами,

представленные в Таблице 3, больше половины (57 %) «избегающих скептиков» (3 группа) считают, что искусственный интеллект представляет угрозу высшему образованию, тогда как среди «пользователей-оптимистов» (1 группа) таких только 16 %. Различия в пропорциях ответов между этими двумя полярными группами статистически значимы ($p = 0,005$), как и различия между «пользователями-оптимистами» (1 группа) и «пробующими нейтралами» (2 группа) ($p < 0,001$), между «пользователями-оптимистами» (1 группа) и смешанной группой «пробующих оптимистов» (4 группа) ($p < 0,001$). Таким образом, в контексте восприятия угроз со стороны искусственного интеллекта высшему образованию в ближайшие пять лет «пользователи-оптимисты» статистически значимо отличаются своим относительным спокойствием от всех других групп, которые не показывают статистически значимых различий между собой ($p = 0,527$, $p = 0,806$, $p = 0,271$), гораздо сильнее тревожась по поводу угроз со стороны искусственного интеллекта.

Таблица 3

Сравнение оценок угроз от ИИ между группами студентов

Считаете ли Вы, что ИИ представляет угрозу высшему образованию в ближайшие пять лет?	«Идеальные типы»			Смешанная группа
	«Пользователи-оптимисты» (n = 75)	«Пробующие нейтралы» (n = 72)	«Избегающие скептики» (n = 42)	«Пробующие оптимисты» (n = 129)
	1	2	3	4
«Определенно да» или «скорее да»	16 %	41,7 %	57,2 %	34,9 %
«Трудно сказать»	36 %	41,7 %	21,4 %	41,9 %
«Скорее нет» или «определенно нет»	48 %	16,6 %	21,4 %	23,2 %
Двусторонняя значимость различий в пропорциях ответов между двумя группами, критерий Вальда	$p < 0,001$			
			$p = 0,527$	
			$p = 0,806$	
	$p = 0,005$		$p = 0,005$	
			$p = 0,271$	$p = 0,271$
	$p < 0,001$		$p < 0,001$	

Таблица 4

Сравнение оценок контролируемости ИИ

Испытываете ли Вы страх, что ИИ выйдет из-под контроля в сфере высшего образования в ближайшие пять лет?	«Пользователи-оптимисты»	«Пробующие нейтралы»	«Избегающие скептики»	«Пробующие оптимисты»
	1	2	3	4
«Определенно да» или «скорее да»	20 %	50 %	28,6 %	30,2 %
«Трудно сказать»	32 %	25 %	57,1 %	32,6 %
«Скорее нет» или «определенно нет»	48 %	25 %	14,3 %	37,2 %
Двусторонняя значимость различий в пропорциях ответов между двумя группами, критерий Вальда	p = 0,004			
		p = 0,176		
			p = 0,006	
	p < 0,001		p < 0,001	
		p = 0,077		p = 0,077
	p = 0,131			p = 0,131

Таблица 4 показывает, что почти половина (48 %) «пользователей-оптимистов» не испытывают страха, думая, что искусственный интеллект выйдет из-под контроля в сфере высшего образования, тогда как среди «избегающих скептиков» таких только 14,3 %. Различия в пропорциях ответов между этими двумя полярными группами статистически значимы ($p < 0,001$), как и различия между «пользователями-оптимистами» и «пробующими нейтралами» ($p = 0,004$). В отличие от предыдущего вопроса статистически значимых различий в пропорциях ответов между «пользователями-оптимистами» и смешанной группой «пробующих оптимистов» не наблюдается ($p = 0,131$), т.е. по этому вопросу смешанная группа не отличается (статистически незначимо) ни от «пользователей-оптимистов», ни от «пробующих нейтралов» ($p = 0,077$), хотя к первым она чуть ближе (поскольку р-значение выше).

Сравнение суждений об ИИ и преподавателях

Заменит ли ИИ университетских преподавателей через пять лет?	«Пользователи-оптимисты»	«Пробующие нейтралы»	«Избегающие скептики»	«Пробующие оптимисты»
	1	2	3	4
«Определенно да» или «скорее да»	16 %	8,3 %	14,3 %	4,7 %
«Трудно сказать»	20 %	29,2 %	28,6 %	23,3 %
«Скорее нет» или «определенно нет»	64 %	62,5 %	57,1 %	72 %
Двусторонняя значимость различий в пропорциях ответов между двумя группами, критерий Вальда	p = 0,85			
		p = 0,572		
			p = 0,07	
	p = 0,465		p = 0,465	
		p = 0,16		p = 0,16
	p = 0,228			p = 0,228

Согласно данным в Таблице 5, практически одинаковое количество респондентов в двух полярных группах — «пользователей-оптимистов» и «избегающих скептиков» — считают, что искусственный интеллект заменит университетских преподавателей через пять лет (16 % и 14,3 % соответственно), и в этом вопросе нет статистически значимых различий между этими группами ($p = 0,465$). Примечательно, что, практически одинаково оценивая вероятность замены искусственным интеллектом университетских преподавателей, «пользователи-оптимисты» и «избегающие скептики» по-разному к ней относятся, и эти различия статистически значимы. Кроме того, ни один респондент среди «пробующих нейтралов» и «избегающих скептиков» не относится положительно к возможности замены искусственным интеллектом университетских преподавателей (Табл. 6), тогда как среди «пользователей-оптимистов» таковых 8 %, и в этом они не отличаются (статистически значимо) только от смешанной группы «пробующих оптимистов» ($p = 0,228$).

Таким образом, оценки и суждения смешанной группы «пробующих оптимистов» демонстрируют статистически значимую схожесть то «пользователями-оптимистами», то с «пробующими нейтралами», и даже иногда с «избегающими скептиками», поэтому в ближайшем будущем можно ожидать перехода относительно многочисленных представителей смешанной группы «пробующих оптимистов» в любой из трех «идеальных типов», но преимущественно — в первые два: «пользователи-оптимисты» и «пробующие нейтралы». При этом останется и третий тип «избегающих скептиков», удель-

ный вес которых в обществе скорее всего гораздо выше, чем среди студентов. Косвенно это предположение можно подтвердить тем, что, по данным официальной статистики, в 2022 году 16,3 % населения Латгалии не использовали Интернет регулярно (хотя бы раз в неделю) [39].

Таблица 6

Сравнение отношения к замене преподавателей

Если ИИ заменит университетских преподавателей, как Вы к этому отнесетесь?	«Пользователи-оптимисты»	«Пробующие нейтралы»	«Избегающие скептики»	«Пробующие оптимисты»
	1	2	3	4
«Определенно положительно» или «скорее положительно»	8 %	0	0 %	4,7 %
«Трудно сказать»	28 %	16,7 %	7,1 %	23,3 %
«Скорее отрицательно» или «определенно отрицательно»	64 %	83,3 %	92,9 %	72 %
Двусторонняя значимость различий в пропорциях ответов между двумя группами, критерий Вальда	p = 0,008			
		p = 0,147		
			p = 0,005	
	p < 0,001		p < 0,001	
		p = 0,073		p = 0,073
	p = 0,228			p = 0,228

В целом можно констатировать стратификацию латвийского студенчества по отношению к использованию инструментов искусственного интеллекта в процессе обучения, которая в будущем может привести к сегментации сферы высшего образования: сегменты будут качественно различаться по формату обучения, по участникам (как преподавателям, так и студентам) и характеру взаимоотношений между ними, по организации учебного и исследовательского процесса и, возможно, по результатам обучения.

В настоящее время в развитии искусственной социальности во всем мире заметны два тренда, направленных в «одну точку встречи»: «очеловечивание» инструментов искусственного интеллекта, с одной стороны, и «роботизация» людей в процессе коммуникации — с другой. Вероятно, в ходе дальнейшего развития искусственной социальности инструменты искусственного интеллекта будут становиться все более «человечными», а люди — все более «ро-

ботизированными», стремясь к равновесию (гомеостазу) в коммуникации. Сегодня коммуникация между людьми и программами искусственного интеллекта остается субъектно-объектной, т.е. при всех своих способностях, часто превосходящих человеческие, инструменты искусственного интеллекта пока лишь объекты коммуникации — никогда не начинают ее первыми, а только реагируют на запрос человека. Именно способность программ искусственного интеллекта начинать коммуникацию первыми, если таковая у них появится, станет «маркером» их когнитивности, свидетельствующим, что машины стали понимать, что они делают, и у них появилась потребность в коммуникации, и мы не согласны с мнением, что у ученых нет и не будет способа узнать, когда у искусственного интеллекта появится «самость» (*self*) [20].

Представители математически-технологических специальностей продолжают изучать, каким образом (технически) инструменты искусственного интеллекта различают и интерпретируют информацию и сообщение. А представители гуманитарно-социальных наук будут предоставлять техническим специалистам научно-обоснованную информацию о влиянии инструментов искусственного интеллекта на гуманитарно-социальные феномены (образование, рынок труда, воспитание детей, чувства людей и т.д.) и само общество, а также осуществлять мониторинг того, как искусственный интеллект «модифицирует системы коммуникации, определяя основные векторы социокультурного и личностного развития» [21. С. 219]. Большинство работ в предметном поле искусственной социальности и искусственного интеллекта не опираются на статистические и эмпирические данные, а основываются главным образом на мысленных экспериментах или личных историях [15]. Мы попытались отчасти заполнить этот пробел, представив результаты эмпирического изучения практического опыта функционирования людей в рамках искусственной социальности, в ходе которого обнаружили стратификацию по отношению к использованию искусственного интеллекта в образовании и определив три «идеальных типа».

Мы полагаем, что на фоне стремительного развития инструментов искусственного интеллекта будут появляться симбиотические техно-гуманитарные специальности, например, компьютерная лингвистика, компьютерная педагогика и т.д., и востребованность междисциплинарного подхода к изучению инструментов искусственного интеллекта будет только возрастать, поскольку таковые по природе своей междисциплинарны, и ни одна наука в отдельности не сможет совершить прорыв. В рамках искусственной социальности могут конструктивно со-функционировать несколько типов разума (в частности, человеческий и компьютерный), как до сих пор со-функционировали человеческий и животный. Правда, при новом раскладе интеллектуальных сил человеку скорее всего придется «сойти с трона венца творения», и это, видимо, сильнее всего беспокоит противников искусственного интеллекта.

Библиографический список

1. Балтийский голос: Началось? Илон Маск призвал хотя бы на полгода остановить обучение нейросетей. 29.03.2023 // URL: https://bb.lv/statja/tehno/2023/03/29/nachalos-ilon-mask-prizval-hotya-by-na-polgoda-ostanovit-obuchenie-neyrosetey?utm_source=read_also_in_article&utm_medium=insite&utm_campaign=bb.l.
2. Балтийский голос: Италия приостановила доступ к ChatGPT из-за проблем с защитой данных. 31.03.2023 // URL: https://bb.lv/statja/tehno/2023/03/31/italiya-priostanovila-dostup-k-chatgpt-iz-za-problem-s-zashchitoy-dannyh?utm_source=inbox&utm_medium=mainpage&utm_campaign=Links-in-partner-sites.
3. *Баумейстер А.* Миропорядок на переломе: раскол углубляется // URL: https://www.youtube.com/watch?v=Gtafy_-b0Do.
4. *Баумейстер А., Гуревич М., Медведев С.* Заменит ли чат-бот человеческий разум? // URL: https://www.youtube.com/watch?v=_SvHc9JwNF8.
5. *Воронов В.В.* Малые города Латвии: неравенство в региональном и городском развитии // Балтийский регион. 2022. Т. 14. №4.
6. *ГПТ-3, Томас И., Ван Ж.* Что делает нас людьми? Искусственный интеллект отвечает на величайшие опросы человечества. М., 2023.
7. *Душкин Р.В.* ИИ и междисциплинарные исследования // URL: <https://www.youtube.com/watch?v=kcuyzzKKbRQ>.
8. *Душкин Р.В.* Искусственный интеллект. М., 2019.
9. *Земнухова Л., Глазков К., Логунова О., Максимова А., Руденко Н., Сивков Д.* Приключения технологии: барьеры цифровизации в России. М.–СПб., 2020.
10. Куда катится мир: Что с нами делает ChatGPT или как искусственный интеллект меняет нашу жизнь // URL: <https://www.youtube.com/watch?v=pXZmKKG9x0>.
11. *Лебедев М.* Интерфейс мозг-компьютер, реальность и фантазии // URL: <https://sk.ru/news/interfejs-mozg-kompyuter-realnost-i-fantazii>.
12. *Лотман Ю.М.* Мозг-текст-культура-искусственный интеллект. Противодействие Энтропии. 1992 // URL: <http://www.etheroneph.com/cybernetics/114-mozg-tekst-kultura-iskusstvennyj-intellekt.html>.
13. *Меньшиков В.* Социологи о меняющейся социальности // Вестник социальных наук. 2020. Т. 31. №2.
14. *Меньшиков В., Комарова В.* Коммуникация человека и технологии искусственного интеллекта как основа искусственной социальности: на примере коммуникации с ChatGPT // Вестник социальных наук. 2023. Т. 36. № 1.
15. *Нименский А.В., Герасимов А.Д.* Антиномии цифровизации и визуализации в современной массовой культуре // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2023. Т. 23. № 4.
16. Редакция: Ai Ai Ai // URL: <https://www.youtube.com/watch?v=UyCaPx9wI8g&t=2163s>.
17. *Резаев А.В., Трегубова Н.Д.* От социологии алгоритмов к социальной аналитике искусственной социальности: анализ кейсов API и ChatGPT // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 3.
18. *Селицкий С.* Стохастический попугай в эру искусственного интеллекта. 16.04.2023 // URL: <https://lr4.lsm.lv/lv/raksts/priroda-veschey/stohasticheskiy-popugay-v-eru-iskusstvennogo-intellekta.a177615>.
19. *Харари Ю.Н.* ИИ и будущее человечества. Выступление на «Frontiers Forum» // URL: <https://www.youtube.com/watch?v=4IB1PuGc-cE>.
20. *Черниговская Т.В.* Естественный и искусственный интеллект // URL: <https://www.youtube.com/watch?v=X9rz10vgQnQ>.
21. *Черниговская Т.В., Лотман Ю.М.* Тайна двух полушарий. 1982 // URL: https://www.youtube.com/watch?v=vI_5XGtHA0g.
22. *Эпштейн М.* Искусственный и человеческий интеллект: гуманитарный подход // Club IntLex. 2023. № 35.

23. Энштейн М. Искусственный интеллект против естественного: кто кого? Итоги эксперимента // URL: <https://snob.ru/profile/27356/blog/3001419>.
24. Ядов В.А. Социологическое исследование: методология, программа, методы. М., 1972.
25. Bubeck S., Chandrasekaran V., Eldan R., Gehrke J., Horvitz E., Kamar E., Lee P., Lee Y.T., Li Y., Lundberg S., Nori H., Palangi H., Ribeiro M.T., Zhang Y. Sparks of Artificial General Intelligence: Early experiments with GPT-4. Microsoft Research. 2023 // URL: <https://arxiv.org/pdf/2303.12712.pdf>.
26. Cochran W. Sampling Techniques. N.Y., 1963.
27. Daugavpils Universitātes Sociālo un humanitāro zinātņu institūts: Artificial Intelligence and Higher Education. Dataset of the Sociological Survey. Available by request: vera.komarova@du.lv.
28. Daugavpils Universitātes Studējošo servisa centrs // URL: <https://du.lv/par-mums/struktura/studejoso-servisa-centrs>.
29. Harari Y.N. Homo Deus: A Brief History of Tomorrow. Harvill Secker, 2016.
30. Heffernan M. Uncharted: How Uncertainty Can Power Change. L., 2021.
31. Hofstede G., Hofstede G.J., Minkov M. Cultures and Organizations: Software of the Mind. N.Y., 2010.
32. Hofstede G.J. Artificial Sociality: Simulating the Social Mind. 2019 // URL: https://geerthofstede.com/wp-content/uploads/2019/05/Oratieboekje_Hofstede_Artif-Sociality-2019-01-17.pdf
33. Johnson A.G. “Ideal Type” // Blackwell Dictionary of Sociology. Wiley-Blackwell, 2000.
34. Kim S.K., Kirchner E.A., Stefes A. Intrinsic interactive reinforcement learning — using error-related potentials for real world human-robot interaction // Scientific Reports. 2017. Vol. 7.
35. Kish L. Survey Sampling. N.Y., 1965.
36. Knorr Cetina K. Sociality with objects: Social relations in post-social knowledge societies // Theory, Culture & Society. 1997. Vol. 14. No. 4.
37. Komarova V., Lonska J., Tumulavičius V., Krasko A. Artificial sociality in the human-machine interaction // RUDN Journal of Sociology. 2021. Vol. 21. No. 2.
38. Kovalenko I., Meliakova Y., Kalnytskyi E., Nesterenko K. Post-panopticon: Control and media in the new digital reality // Filosofija. Sociologija. 2023. Vol. 34. No. 3.
39. Latvijas Republikas Centrālā statistikas pārvalde (LR CSP). Tabula DLM010: Iedzīvotāji, kuri lieto datoru/internetu, 2004–2023 // URL: <https://stat.gov.lv/lv/statistikas-temas/informacijas-tehn/ikt-majsaimniecibas/tabulas/dlm010-iedzivotaji-kuri-lieto?themeCode=EK>.
40. Lee H., Phatale S., Mansoor H., Lu K., Mesnard Th., Bishop C., Carbune V., Rastogi A. RLAI: Scaling Reinforcement Learning from Human Feedback with AI Feedback. Preprint. 2023 // URL: <https://doi.org/10.48550/arXiv.2309.00267>.
41. LTCC Online: Table of z-values for Confidence Intervals // URL: <http://www.ltconline.net/greenl/courses/201/estimation/smallConfLevelTablehtm>.
42. Luhmann N. Social Systems. Stanford, 1995.
43. Luhmann N. The paradox of observing systems // Rasch W. (Ed.). Theories of Distinction. Redescribing the Descriptions of Modernity. Stanford, 2002.
44. Luhmann N. Introduction to Systems Theory. Polity Press, 2013.
45. Malsch T. (Ed.) Sozionik — Soziologische Ansichten über künstliche Sozialität. Berlin, 1998.
46. Mutanen A. Philosophy of communication: A logico-conceptual approach // Filosofija. Sociologija. 2022. Vol. 33. No. 3.
47. Moreira I., Rivas J., Cruz F., Dazeley R., Ayala A., Fernandes B. Deep reinforcement learning with interactive feedback in a human–robot environment // Applied Sciences. 2020. Vol. 16. No. 10.
48. Najar A., Chetouani M. Reinforcement learning with human advice: A survey // Front Robot AI. 2021. Vol. 8.
49. OpenAI. ChatGPT // URL: <https://chat.openai.com>.
50. Swedberg R. How to use Max Weber’s ideal type in sociological analysis // Journal of Classical Sociology. 2018. Vol. 18. No. 3.

51. *Trotsuk I.V.* All power to the experts? Contradictions of the information society as both depending on and devaluating expertise // *Russian Sociological Review*. 2021. Vol. 20. No. 1.
52. *Trotsuk I.V.* Excessive faith in certainty and its public proponents in the non-linear uncertain world: Reasons and ... more reasons // *Russian Sociological Review*. 2021. Vol. 20. No. 4.
53. *Turing A.* Computing machinery and intelligence // *Mind*. 1950. Vol. LIX. No. 236.
54. *Weber M.* “Objectivity” in social science and social policy // *Weber M. (Ed.)*. *Essays in the Methodology of the Social Sciences*. N.Y., 1949.
55. *Weber M.* *Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology*. Berkeley, 1978.

DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-2-354-378

EDN: ORTHJB

Sociological interpretation and an attempt at interdisciplinary study of artificial sociality and artificial intelligence*

V. Menshikov, V. Komarova, I. Bolakova, A. Ruza, O. Ruza

Daugavpils University,
Vienibas St., 13, Daugavpils, LV-5401, Latvia

(e-mail: vladimirs.mensikovs@du.lv; vera.komarova@du.lv; ieva.bolakova@du.lv;
aleksejs.ruza@du.lv; oksana.ruza@du.lv)

Abstract. The article considers the main participants of artificial sociality (people and artificial intelligence tools) and communication between them. The study is predominantly sociological but includes an attempt to address the mathematical-technological aspects of artificial intelligence as creating a new social reality for human society — artificial sociality. In the first part of the article, the authors analyze communication as the basis of sociality, using the methodology of N. Luhmann. The second part shows how mathematical technologies of artificial intelligence became social technologies in the framework of artificial sociality. The third part describes experimental communication between people and artificial intelligence tools on the example of ChatGPT. The authors conducted a sociological survey of students at the Daugavpils University (January 2024, N = 423, excluding IT students) to identify typological groups in relation to the use of artificial intelligence in education. Three “ideal types” of students were identified: “optimistic users” (18%), “neutral testers” (17%) and “skeptical avoiders” (10%), and a mixed group of “testers-optimists” (31%) — the largest group of respondents with a positive attitude towards artificial intelligence but without sufficient experience of interaction with it. According to the authors’ empirical data, there is a stratification among students in relation to artificial intelligence tools and their use in learning, which may lead to segmentation of the higher education in the future (in terms of training formats, its participants, organization of the educational process and perhaps the results of learning). The demand for an interdisciplinary approach to the study of artificial intelligence will increase, since it is interdisciplinary in nature, and no single science will be able to make a breakthrough.

*© V. Menshikov, V. Komarova, I. Bolakova, A. Ruza, O. Ruza, 2024

The article was submitted on 16.02.2024. The article was accepted on 13.05.2024.

The authors believe that artificial sociality allows for the constructive co-functioning of several types of minds (in particular, human and computer), just as human and animal minds have co-functioned so far.

Key words: communication; artificial sociality; artificial intelligence tools; first and second order observation; ChatGPT; interdisciplinary research

References

1. Baltic Voice: Nachalos'?' Ilon Mask prizval khotia bi na polgoda ostanovit obuchenie nejrosetej [The beginning? Elon Musk called for stopping the training of neural networks for at least six months]. 29.03.2023. URL: https://bb.lv/statja/tehno/2023/03/29/nachalos-ilon-mask-prizval-hotya-by-na-polgoda-ostanovit-obuchenie-neyrosetej?utm_source=read_also_in_article&utm_medium=insite&utm_campaign=bb.lv. (In Russ.).
2. Baltic Voice: Italiia priostanovila dostup k ChatGPT iz-za problem s zashchitoj dannyh [Italy suspends access to ChatGPT due to the data protection issues]. 31.03.2023. URL: https://bb.lv/statja/tehno/2023/03/31/italiya-priostanovila-dostup-k-chatgpt-iz-za-problem-s-zashchitoy-dannyh?utm_source=inbox&utm_medium=mainpage&utm_campaign=Links-in-partner-sites. (In Russ.).
3. Baumeister A. *Miroporyadok na perelome: raskol uglublyetsya* [World order at the turning point: The split deepens]. 2023. URL: https://www.youtube.com/watch?v=Gtafy_-b0Do. (In Russ.).
4. Baumeister A., Gurevich M., Medvedev S. Zamenit li chat-bot chelovechesky razum? [Will the chatbot replace the human mind?]. 2023. URL: https://www.youtube.com/watch?v=_SvHc9JwNF8. (In Russ.).
5. Voronov V.V. Malye goroda Latvii: neravenstvo v regionalnom i gorodslom razvitii [Small towns of Latvia: Disparities in regional and urban development]. *Baltic Region*. 2022; 14 (4). (In Russ.).
6. GPT-3, Tomas I., Van Zh. *Chto delaet nas lyudmi? Iskusstvenny intellekt otvechaet na velichajshie voprosy chelovechestva* [What Makes Us Human? Artificial Intelligence Answers the Humanity's Greatest Questions]. Moscow; 2023. (In Russ.).
7. Dushkin R.V. *II i mezhdistsiplinarnye issledovaniya* [AI and interdisciplinary research]. 2023. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=kcuYzzKKbRQ>. (In Russ.).
8. Dushkin R.V. *Iskusstvenny intellekt* [Artificial Intelligence]. DMK Press; 2019. (In Russ.).
9. Zemnukhova L., Glazkov K., Logunova O., Maksimova A., Rudenko N., Sivkov D. *Priklucheniya tekhnologii: bariery tsifrovizatsii v Rossii* [Adventures of Technology: Barriers to Digitalization in Russia]. Moscow–Saint-Peterburg; 2020. (In Russ.).
10. Kuda katitsya mir: *Chto s nami delaet ChatGPT ili kak iskusstvenny intellekt menyaet nashu zhizn* [What ChatGPT Does to Us or How Artificial Intelligence Changes Our Lives]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=pXZmKKG9x0>. (In Russ.).
11. Lebedev M. *Interfeis mozg-kompiyuter, realnost i fantazii* [Brain-computer interface, reality and fantasy]. 2022. URL: <https://sk.ru/news/interfejs-mozg-kompyuter-realnost-i-fantazii/>. (In Russ.).
12. Lotman Yu.M. *Mozg–tekst–kultura–iskusstvenny intellekt. Protivodejstvie entropii* [Brain-text-culture-artificial intelligence. Counter entropy]. 1992. URL: <http://www.etheroneph.com/cybernetics/114-mozg-tekst-kultura-iskusstvennyj-intellekt.html>. (In Russ.).
13. Menshikov V. Sotsiologi o meniaiushchejsia sotsialnosti [Sociologists about the changing sociality]. *Social Sciences Bulletin*. 2020; 31 (2). (In Russ.).
14. Menshikov V., Komarova V. *Kommunikatsiya cheloveka i tekhnologii iskusstvennogo intelekta kak osnova iskusstvennoj sotsialnosti: na primere kommunikatsii s ChatGPT* [Communication of the human and technology with artificial intelligence as the basis of artificial sociality: A case of communication with ChatGPT]. *Social Sciences Bulletin*. 2023; 36 (1). (In Russ.).

15. Nimensky A.V., Gerasimov A.D. Antinomii tsifrovizatsii i vizualizatsii v sovremennoj massovoj kulture [Antinomies of digitalization and visualization in the contemporary mass culture]. *RUDN Journal of Sociology*. 2023; 23 (4). (In Russ.).
16. Redaktsiia: AIAIAI. 2023. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=UyCaPx9wI8g&t=2163s>. (In Russ.).
17. Rezaev A.V., Tregubova N.D. Ot sotsiologii algoritmov k sotsialnoj analitike iskusstvennoj sotsialnosti: analiz keisov API i ChatGPT [From sociology of algorithms to the social analytics of artificial sociality: Analysis of API and ChatGPT cases]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2023; 3. (In Russ.).
18. Selitsky S. Stokhastichesky popugaj v eru iskusstvennogo intellekta [Stochastic parrot in the era of artificial intelligence]. 2023. URL: <https://lr4.lsm.lv/lv/raksts/priroda-veschey/stohasticheskiy-popugay-v-eru-iskusstvennogo-intellekta.a177615>. (In Russ.).
19. Harari Y.N. II i budushchee chelovechestva. Vistuplenie na “Frontiers Forum” [AI and the future of humanity. Speech at Frontiers Forum]. 2023. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=4IB1PuGc-cE>. (In Russ.).
20. Chernigovskaya T.V. Estestvenny i iskusstvenny intellekt [Natural and artificial intelligence]. 2023. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=X9rz10vgQnQ>. (In Russ.).
21. Chernigovskaya T.V., Lotman Yu.M. Tajna dvuh polusharij [The mystery of two hemispheres]. 1982. URL: https://www.youtube.com/watch?v=vI_5XGtHA0g. (In Russ.).
22. Epstein M. Iskusstvenny i chelovechesky intellekt: gumanitarny podkhod [Artificial and human intelligence: A humanitarian approach]. *Club IntLex*. 2023; 35. (In Russ.).
23. Epstein M. *Iskusstvennyj intellekt protiv estestvennogo: kto kogo? Itogi eksperimenta* [Artificial intelligence versus natural intelligence: Who wins? Results of the experiment]. 2023. URL: <https://snob.ru/profile/27356/blog/3001419/>. (In Russ.).
24. Yadov V.A. *Sotsiologicheskoe issledovanie: metodologiya, programma, metody* [Sociological Research: Methodology, Program, Methods]. Moscow; 1972. (In Russ.).
25. Bubeck S., Chandrasekaran V., Eldan R., Gehrke J., Horvitz E., Kamar E., Lee P., Lee Y.T., Li Y., Lundberg S., Nori H., Palangi H., Ribeiro M.T., Zhang Y. Sparks of Artificial General Intelligence: Early experiments with GPT-4. Microsoft Research. 2023. URL: <https://arxiv.org/pdf/2303.12712.pdf>
26. Cochran W. *Sampling Techniques*. New York; 1963.
27. Institute of Humanities and Social Sciences of Daugavpils University: Artificial Intelligence and Higher Education. Dataset of the Sociological Survey. Available by request: vera.komarova@du.lv.
28. Center of Students Services of Daugavpils University. URL: <https://du.lv/par-mums/struktura/studejoso-servisa-centrs>.
29. Harari Y.N. *Homo Deus: A Brief History of Tomorrow*. Harvill Secker; 2016.
30. Heffernan M. *Uncharted: How Uncertainty Can Power Change*. London; 2021.
31. Hofstede G., Hofstede G.J., Minkov M. *Cultures and Organizations: Software of the Mind*. New York; 2010.
32. Hofstede G.J. Artificial Sociality: Simulating the Social Mind. 2019. URL: https://geerthofstede.com/wp-content/uploads/2019/05/Oratieboekje_Hofstede_Artif-Sociality-2019-01-17.pdf.
33. Johnson A.G. “Ideal Type”. *Blackwell Dictionary of Sociology*. Wiley-Blackwell; 2000.
34. Kim S.K., Kirchner E.A., Stefes A. Intrinsic interactive reinforcement learning — using error-related potentials for real world human-robot interaction. *Scientific Reports*. 2017; 7.
35. Kish L. *Survey Sampling*. New York; 1965.
36. Knorr Cetina K. Sociality with objects: Social relations in post-social knowledge societies. *Theory, Culture & Society*. 1997; 14 (4).
37. Komarova V., Lonska J., Tumulavičius V., Krasko A. Artificial sociality in the human-machine interaction. *RUDN Journal of Sociology*. 2021; 21 (2).
38. Kovalenko I., Meliakova Y., Kalnytskyi E., Nesterenko K. Post-panopticon: Control and media in the new digital reality. *Philosophy. Sociology*. 2023; 34 (3).

39. Central Statistical Bureau of the Republic of Latvia: Table DLM010: Computer/Internet Usage by Individuals, 2004–2023. URL: <https://stat.gov.lv/lv/statistikas-temas/informacijas-tehn/ikt-majsaimniecibas/tabulas/dlm010-iedzivotaji-kuri-lieto?themeCode=EK>.
40. Lee H., Phatale S., Mansoor H., Lu K., Mesnard Th., Bishop C., Carbune V., Rastogi A. RLAIIF: Scaling Reinforcement Learning from Human Feedback with AI Feedback. Preprint. 2023. URL: <https://doi.org/10.48550/arXiv.2309.00267>.
41. LTCC Online: Table of z-values for Confidence Intervals. URL: <http://www.ltcconline.net/greenl/courses/201/estimation/smallConfLevelTablehtm>.
42. Luhmann N. *Social Systems*. Stanford; 1995.
43. Luhmann N. The paradox of observing systems. Rasch W. (Ed.). *Theories of Distinction. Redescribing the Descriptions of Modernity*. Stanford; 2002.
44. Luhmann N. *Introduction to Systems Theory*. Polity Press; 2013.
45. Malsch T. (Ed.). *Sozionik — Soziologische Ansichten uber kunstliche Sozialitat*. Berlin; 1998.
46. Mutanen A. Philosophy of communication: A logico-conceptual approach. *Philosophy. Sociology*. 2022; 33 (3).
47. Moreira I., Rivas J., Cruz F., Dazeley R., Ayala A., Fernandes B. Deep reinforcement learning with interactive feedback in a human–robot environment. *Applied Sciences*. 2020; 10 (16).
48. Najar A., Chetouani M. Reinforcement learning with human advice: A survey. *Front Robot AI*. 2021; 8.
49. OpenAI. *ChatGPT*. URL: <https://chat.openai.com>.
50. Swedberg R. How to use Max Weber’s ideal type in sociological analysis. *Journal of Classical Sociology*. 2018; 18 (3).
51. Trotsuk I.V. All power to the experts? Contradictions of the information society as both depending on and devaluating expertise. *Russian Sociological Review*. 2021; 20 (1).
52. Trotsuk I.V. Excessive faith in certainty and its public proponents in the non-linear uncertain world: Reasons and ... more reasons. *Russian Sociological Review*. 2021; 20 (4).
53. Turing A. Computing machinery and intelligence. *Mind*. 1950; LIX (236).
54. Weber M. “Objectivity” in social science and social policy. Weber M (Ed.). *Essays in the Methodology of the Social Sciences*. New York; 1949.
55. Weber M. *Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology*. Berkeley; 1978.

DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-2-379-386

EDN: PHDASG

New urbanization policy in China: Causes and prospects*

S.A. Barkov¹, Zhang Jie²

¹Lomonosov Moscow State University,
Leninskie Gory, 1–33, Moscow, 119234, Russia

²Henan University of Animal Husbandry and Economy,
Zhengzhou, Province Henan, 450004, China

(e-mail: barkserg@live.ru; galya66888@mail.ru)

Abstract. More than forty years passed since the start of the reform and opening policy in China, which made millions of peasants move to the city. Urbanization has become one of the most important social processes in China, which helped the country gain a powerful economic potential based on the accelerated industrialization. Social-economic development is impossible without the expansion of cities and their populations. Until recently, cities have been centers for developing human capital and ensuring economic growth. However, urbanization has negative consequences as it leads to an outflow of workforce from rural areas, thus threatening their social development. To confront such a threat, the Chinese government introduced a new type of urbanization for the simultaneous revival of rural areas. These two national strategies may seem opposite in terms of goals and objectives: the first strategy aims at developing cities and improving urban living conditions; the second strategy aims at developing rural infrastructure; but both strategies have a common goal — to ensure social modernization with Chinese specificity, which implies harmonious development and urban-rural balance. The article aims at identifying social, managerial and economic features of the new urbanization policy in China as a two-pronged strategy of the simultaneous development of urban and rural areas. The implementation of this new type of urbanization is to solve a number of problems of internal migration, since peasants who have not managed to arrange their lives in the city cannot return to the countryside for different reasons. Local authorities of both cities and villages struggle to increase the size of their population, which determines conflicts and ineffective management decisions in many Chinese regions. In many cases, there is a clear discrepancy between the interests of society as a whole and the interests of regional administrative bodies implementing social-economic policies. China needs to solve these problems to ensure sustainable urban development while improving living conditions in rural areas.

Key words: urbanization; rural revival; city; village; rural areas; social policy; new urbanization; China

*© S.A. Barkov, Zhang Jie, 2024

The article was submitted on 15.09.2023. The article was accepted on 26.01.2024.

The mass resettlement from villages and hamlets to cities is an integral part of industrialization. In each country, urbanization has specific peculiarities — partly spontaneous, partly created by state regulation. In normal conditions, peasants are very reluctant to move to cities, being threatened by the radical change of social environment, numerous risks associated with settling in a new place, and possible negative attitudes of townspeople to “newcomers”. Besides, traditional conservatism is also at work: it is very difficult to change the way of life that has been maintained for centuries. Therefore, to implement industrialization from its very start in Western Europe, it was necessary to create special incentives for the peasants’ movement to the cities in order to transform them into the working class. From K. Marx’ works and numerous historical studies, it is well known with what cruelty “enclosure” was carried out in England to create such “incentives” — peasants were forcibly deprived of their land and had no choice but to move to cities to survive.

In the USSR, industrialization was carried out at the expense of rural residents through the creation of unbearable living conditions in the countryside. Since the 1930s, the rural youth dreamed of moving to the city, to the “socialism construction sites” to get a normal social status and prospects for one’s life strategies (passport, paid job, decent pension, and so on).

In many developing countries, governments do not engage in the urbanization management, which led to serious problems. For instance, in Peru, the mass peasant outflow to unprepared cities determined an unprecedented growth of the shadow economy [9; 10]. Criminalization of urban suburbs, growth of ghettos and mass lumpenization are typical for many developing countries.

In China, urbanization in the post-war years combined the elements regulated by the state and spontaneous ones. Accelerated economic development after the reforms and opening policy (1978) led to social transformations, including a sharp increase in urban population and intensification of urbanization. In general, urbanization in China started quite late, developed rapidly and, in addition to positive effects, brought many problems different from other countries [16; 17]. For a long time, the trends of China’s social-economic development were determined by the features of urban-rural relation: urban and rural areas were interrelated and interdependent; it was impossible to achieve sustainable urban development without supporting rural areas, just as it is impossible to ensure the development of rural areas without improving urban living standards [13].

The need for a coordinated policy of urbanization and rural revitalization was repeatedly discussed in the Chinese academic circles. In 2018, some scholars considered a regional combination of rural revitalization with balanced urban development [18], focusing on the imperative of rural revitalization with simultaneous urbanization [5]. Some authors noted that rural revitalization is a “step backward” in urbanization [2], while others argued that the effective urbanization was impossible without a rural revitalization policy [1; 19]. The concept of simultaneous urban and

rural development was named “new urbanization”. In the beginning of October 2022, the key database of scientific papers of China CNKI [3] provided 252 works on “new urbanization” with the specification “rural revival”, of which 213 were articles in periodicals, 17 — dissertations, and the rest — abstracts in conference proceedings. The scientometric analysis of these works showed that these were mainly works on rural economy (45.2%), rural management and sustainable development (39.3%), and organization of migration (5.7%), that is, most works focused on the economic-political aspects of urbanization.

The new type of urbanization in the Chinese scientific and social-political discourses

The strategic goal of new urbanization policy is urban development and consolidation: the main efforts of government agencies aim at creating a solid foundation for the subsequent industrialization and informatization of cities, expanding industrial clusters, and providing effective employment for migrant workers from villages. The new type of urbanization also involves the establishment of core cities and large urban agglomerations based on the county centers, which are to promote urbanization. At the same time, the Communist Party of China introduced the rural revitalization strategy and the renewed roadmap for agricultural and rural modernization in the new era. Agriculture is the basis for social prosperity, so it is important to ensure its progressive development, which requires the restructuring and reconstruction of rural infrastructure facilities and industrial upgrading of non-urban areas [7]. It is necessary to create new high-tech agricultural enterprises and industrial parks in rural areas, to improve the quality of services in the city and to modernize rural areas.

The city and the village are a unity of opposites: there are differences between them in the organization of public space, population composition, lifestyle, infrastructure, sectoral structure of the economy, etc., but at the same time urban and rural populations constantly interact, constituting an integral regional community. Rural areas are the basis supporting the development of cities, while cities are the driving force of rural development and agricultural modernization [12]. The two main national strategies in the new urbanization policy correspond in the same way as urban and rural spaces — they are differently oriented but exist in unity to jointly promote social development of the country [8; 11].

Both strategies aim at promoting socialist modernization with Chinese characteristics by narrowing the urban-rural gap. The most important guideline of the new urbanization policy is the comprehensive development of regions with different sectoral — industrial and agricultural — features. Urbanization cannot be stopped, because national modernization largely depends on its implementation. In terms of human resources, many former agricultural workers who move to cities to work in industry and services improve their skills and, thus, the quality of human capital. In terms of land resources, agricultural development based on industrial

technology leads to more efficient land use, which creates space for the expansion of cities and villages.

Thus, the first difference between the new urbanization and the old one is the recognition that industrialization does not necessarily take place only in cities. At the present level of technological development, agriculture can also become an object of industrialization, and industrial complexes that are not directly related to agriculture can be located outside urban areas. In this case, some peasants can turn into highly skilled workers without leaving the countryside, and the development of industry in rural areas may even cause some outflow of workers from overpopulated cities to villages. In fact, the new urbanization policy marked a rejection of the mass peasant movement to cities, which was necessary at the beginning of industrialization but today rather creates problems than solves them. The new type of urbanization focuses on moving only surplus agricultural workforce to cities.

Chinese scholars and policy makers believe in the dialectical unity of urban and rural development, that urbanization in a certain sense ensures rural revival by strengthening agriculture at the expense of industrial development. Thus, cities stimulate rural development, and the future will show whether such optimism is justified — whether urbanization is possible without destroying rural areas.

The second distinctive feature of the new urbanization policy is its focus on overcoming some of the most acute problems associated with the rural outflow to cities. Until recently, the state have been “forcibly” urbanizing the village. Some party leaders and officials considered the accelerated urbanization as an opportunity to build their careers, although the state support for those people returning from the city to the countryside became an urgent problem which had not been considered at the early stages of urbanization. According to the Land Code of the PRC [6], land in urban areas is owned by the state, while in rural areas it is owned collectively by farmers (peasants). According to the PRC Constitution, the state has the right to expropriate land for social needs with compensations for farmers [4]. Thus, the state has the right to radically promote urbanization, but due to the need to revive rural areas, such a policy is fraught with negative social consequences.

Social consequences of the new urbanization policy

Until recently, municipal authorities have been interested in the artificially fast (therefore not always well thought out) urbanization due to being given such plans from above. Since local self-governments as subordinate institutions are responsible for various social-economic indicators set by higher authorities, local state and party managers were forced to encourage peasants to move to the cities in order to get a promotion. However, the necessary results were achieved mainly on paper, while the quality of urbanization remains poor. Its development in China is limited by a flawed household registration system related to various social benefits. Rural dwellers get compensations and benefits, but when they

get an urban hukou (registration), they lose the right to cash benefits and cannot regain it. Such regulation was justified in previous years to contain the rural mass movement to cities, but today it does not facilitate the return to villages of those people with urban registration who did not fit into urban life but have high qualifications and can contribute to the industrial and even post-industrial development of rural areas.

Partly under the local government pressure, partly spontaneously in some regions, there is a new phenomenon of “upward mobility”—peasants refuse rural hukou and get urban ones to ensure “higher” standards of living in the city. At the same time, many peasants “moved upward” simply by following fashion as they retained their rural lifestyle habits and could not integrate into the urban environment. As a result, they were prone to conflicts with townspeople by birth, which led to their subsequent social isolation and marginalization. It is difficult for them to return to the village, as they would live there without their previous rural benefits. Thus, the policy of new urbanization should imply the possibility of a meaningful return to the countryside for those who have not arranged their life in the urbanized social space and for those who want to realize their life strategies in the countryside (former urban dwellers). Thus, it will be possible to ensure a more rational movement between urban and rural areas by eliminating the current differences in benefits between rural and urban residents.

Moreover, under the developing urbanization, there was a shortage of young and middle-aged rural population, which explains labor shortage even at industrial enterprises in rural areas. All this has led to a further decline in the quality of life in rural areas and in agricultural development. That is why the priority of China’s new urbanization policy is to promote rural revitalization and urban development strategies as coordinated, which requires special laws and regulations to ensure clear and unambiguous land use priorities, integrate urban construction with village development, establish a unified urban and rural land market, introduce a market-based land pricing mechanism, and carry out orderly land use. The effective implementation of the social policy of China’s new urbanization can be facilitated by the optimized distribution of authority and responsibility and by the expanded administrative power of the grassroots state and party hierarchy [14; 15]. A flexible system of cooperation should be established for urban and rural municipalities, especially on land allocation.

Urbanization implies redistribution of social forces, coordination of interests between numerous social groups, and creation of a new social order. When implementing a new type of urbanization policy, the interests of the central government, local authorities, business community, urban and rural residents must be taken into account. Since these interests often do not coincide, the goal of China’s new urbanization policy is to create harmonious social relations. China’s Party leaders call for the guiding role of socialist values in urbanization, moral and legal education for various groups, and a new harmonious social environment.

For China, with nearly 500 million people living in villages, urbanization has become a serious challenge to social stability which should be ensured through the active participation of peasants (farmers) in shaping the new urbanization policy and improving the monitoring of collective interests. The state with the help of the grassroots government should introduce a mechanism of long-term communication with farmers, regularly provide funds for the development of urban and rural areas and channels for the possible participation of peasants in urban life, thus creating a fair, open and transparent system of urbanization management. It is necessary to understand the causes of social conflicts in the course of urbanization, strengthen the common cultural space that unites cities and villages, encourage their residents to widely participate in joint activities, and enhance the sense of social trust. Sociology plays a special role in these processes as sociological data allows to significantly reduce possible negative consequences of migration, develop social protection measures and improve methods of new urbanization. Its conceptual framework was formed by China's government and party bodies, but new approaches to the resettlement of the peasantry led to unforeseen barriers and restrictions. The extensive participation of sociologists can ensure a rapid response to the difficulties and the necessary adjustment of specific policy priorities to changing circumstances.

Thus, rural development and expanding urbanization may seem two opposite processes, but for China, the balance and coordination of these two strategies have become the basis of social policy aimed at reducing the economic and social-cultural gap between urban and rural areas. Certainly, each country has its own obvious specifics in regulating migration and urbanization, but China's attempts to simultaneously implement the policy of urbanization and rural revitalization may be of interest to many states, including Russia, since such an approach reflects the peculiarities of industrialization under the post-industrial development (when industry and advanced technologies can develop not only in cities).

References

1. Cai Jimin. The revival of the countryside is inseparable from the new urbanization. *Classics of Global Business*. 2018; 3. (In Chinese).
2. Chen Meng. Rural rebirth: The other side of urbanization. *Ningbo Economics (Finance and Economics)*. 2018; 3. (In Chinese).
3. China National Knowledge Infrastructure. URL: <https://cnki.net>. (In Chinese).
4. Constitution of the People's Republic of China. URL: <http://jsgph.com/djwh/detail.aspx?id=4116>. (In Chinese).
5. Han Jun. The relationship between rural revitalization and urbanization is either one or the other. *Economics of the Environment*. 2018; 5. (In Chinese).
6. Land Code of the People's Republic of China. URL: <http://www.npc.gov.cn/npc/c30834/201909/d1e6c1a1eec345eba23796c6e8473347.shtl>. (In Chinese).
7. Lei Ming, Yu Shasha, Lu Ming. Comprehensive revival of rural areas in the perspective of the multidimensional theory. *Guansi Social Sciences*. 2022; 2. (In Chinese).
8. National New Urbanization Plan (2014–2020). URL: http://www.gov.cn/zhengce/2014-03/16/content_2640075.htm. (In Chinese).
9. de Soto H. *The Other Path: The Economic Answer to Terrorism*. Chelyabinsk; 2008. (In Russ.).

10. de Soto H. *The Other Path: The Invisible Revolution in the Third World*. Moscow; 1995. (In Russ.).
11. Statement of the Central Committee of the Communist Party of China and the State Council on the Comprehensive Promotion of Rural revitalization in 2022. URL: http://www.lswz.gov.cn/html/xinwen/2022-02/22/content_269430.shtml. (In Chinese).
12. Tang Qiong, Wu Ching. Analysis of problems and proposals for countermeasures to reform the system of registering urban and rural households under the new urbanization. *Scientific Development*. 2022; 9. (In Chinese).
13. Wu Min. A study of the integrated rural revival and new urbanization. *Yuanliu*. 2022; 4. (In Chinese).
14. Xiao Jing, Liu Huagao, Huang Qiang, Sun Yanhong. Logical thinking in planning the revival of rural areas under the urbanization 2.0. *Planner*. 2022; 7. (In Chinese).
15. Xie Tiancheng, Zhang Yan, Wang Yuxuan, Shi Zulin. Coordinated rural revival and new urbanization based on the analysis of spatial-temporal provincial evolution. *Economic Issues*. 2022; 9. (In Chinese).
16. Zhang Jie. Influence of urbanization on China's social-economic development: Correlation and regression analysis. *Sociology*. 2020; 5. (In Russ.).
17. Zhang Jie. The phenomenon of Chinese "semi-urbanization" and its impact on rural education. *Sociology*. 2021; 2. (In Russ.).
18. Zhang Xin. Promotion of rural revival and coordinated regional development through urbanization. *Environmental Economics*. 2018; 1. (In Chinese).
19. Zhou Wen. A study of the integrated urban-rural development under the new urbanization and rural revival. *Review of Political Economy*. 2022; 3. (In Chinese).

DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-2-379-386

EDN: PHDASG

Политика новой урбанизации в Китае: причины и перспективы*

С.А. Барков¹, Чжан Цзе²

¹МГУ имени М.В. Ломоносова

Ленинские горы, 1, стр.33, Москва, 119234, Россия

²Хэнаньский университет животноводства и экономики,

Чжэнчжоу, Провинция Хэнань, 450004, Китай

(e-mail: barkserg@live.ru; galya66888@mail.ru)

Аннотация. С момента начала эпохи реформ и политики открытости в Китае прошло уже более сорока лет, и миллионы крестьян переселились в города. Именно урбанизации и ускоренная индустриализация обеспечили экономическую мощь современного Китая. Социально-экономическое развитие невозможно без расширения городов и роста их населения, поэтому до последнего времени города были центрами наращивания человеческого капитала и формировали потенциал экономического роста во всех странах мира. Однако урбанизация имеет и негативные последствия — она ведет к оттоку трудовых ресурсов

*© Барков С.А., Цзе Чжан, 2024

The article was submitted on 07.02.2024. The article was accepted on 13.05.2024.

из сельских регионов, создавая тем самым угрозу для их социального развития. Осознавая эту угрозу, китайское правительство взяло курс на реализацию урбанизации нового типа — при одновременном возрождении сельских территорий. Казалось бы, две эти национальные стратегии противоположны по своим задачам: первая стратегия направлена на развитие городов и улучшение условий жизни в них, вторая — на совершенствование инфраструктуры сел и деревень. Однако в действительности обе стратегии имеют единую цель — продвижение модели социально-экономической модернизации с выраженной китайской спецификой, которая требует достижения социального баланса между городом и селом. Цель статьи — обозначить принципиальные социальные, управленческие и экономические особенности политики новой урбанизации в Китае как двуединой стратегии, предполагающей одновременное развитие городских и сельских территорий. Данная стратегия — урбанизации нового типа — призвана решить ряд возникших ранее проблем внутренней миграции, обусловленных тем, что крестьяне, не сумевшие наладить свою жизнь в городе, не могут вернуться в деревню по целому ряду причин, в том числе потому, что не могут вернуть себе выплаты, полагающиеся сельским жителям. Местные власти городов и сел борются за увеличение численности населения на своих территориях, что приводит к конфликтам и неэффективному управлению на местах. Во многих случаях наблюдается явное несовпадение интересов общества и административных органов, реализующих социально-экономическую политику в регионах. Решение перечисленных проблем позволит обеспечить устойчивое сельско-городское развитие за счет одновременного улучшения условий жизни в селах и городах, тем самым гарантируя социальную стабильность в стране.

Ключевые слова: урбанизация; возрождение сельских территорий; город; село; социальная политика; новая урбанизация; Китай

DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-2-387-403

EDN: PMUURG

Популярные журналисты и блогеры в российской информационной среде: доверие и социальные представления аудитории*

М.М. Назаров¹, В.Н. Иванов^{1,2}

¹Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН,
ул. Фотиевой, 6, к. 1, Москва, 119333, Россия

²Российский университет дружбы народов,
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия

(e-mail: vy175867@yandex.ru; vilen_ivanov@bk.ru)

Аннотация. В условиях современной медиатизации повышается роль медийных персон в информационных процессах. Популярные журналисты и блогеры осуществляют функции представления и интерпретации социально-значимого контента, конкурируя за внимание и доверие аудитории. Изучение данной роли медиаперсон обретает особую актуальность, поскольку российский медийный ландшафт, особенно в онлайн-сегменте, — открытая среда, в которой работают субъекты, продвигающие разную по направленности информационную повестку. Эмпирическое исследование было проведено в Центральном и Северо-Западном округах в апреле — июне 2023 года. Согласно полученным результатам лидирующие позиции в рейтинге доверия населения занимают журналисты и блогеры, выступления которых характеризуются государственно-патриотической направленностью, однако часть аудитории склонна доверять и материалам либерального содержания. Применение процедур многомерной классификации показало, что в структуре аудитории оформилось несколько устойчивых типологических групп, различающихся набором медийных персон, которым доверяли респонденты, однако преобладают группы, доверяющие государственно-патриотическим журналистам и блогерам. Наблюдаются значимые социально-демографические различия в уровне доверия: журналистов и блогеров либеральной направленности поддерживает в большей степени молодежь, тогда как журналистов и блогеров с государственно-патриотическими ориентациями — представители средней и старшей возрастной групп. Прослеживается рост доверия либеральным медийным персонам по мере роста материального положения респондентов. Авторы определили переменные, повышающие вероятность доверия медийным персонам разного типа: разделяемые респондентами идеологические ценности; отношение к российской политической системе; обеспечение государством норм демократического общества; отношение к актуальным социально-экономическим вопросам. Социальные представления, соотносящиеся с доверием медийным персонам, отражают существующие разрывы в «картине мира», присущие отдельным сегментам российского общества, что требует принятия взвешенных управленческих решений для консолидации общества в условиях нарастания глобальных вызовов.

*© Назаров М.М., Иванов В.Н., 2024

Статья поступила в редакцию 27.12.2023 г. Статья принята к публикации 25.04.2024 г.

Ключевые слова: информационная среда; аудитория; доверие; социальные представления; популярные журналисты и блогеры; медийные персоны; социально-демографические различия

Среди социальных функций медиа важнейшие — обеспечение граждан информацией об окружающей действительности, жизни общества и мира в целом. Исследования, выполненные в традиции использования и удовлетворения потребностей, показывают, что информационные мотивы неизменно доминируют при обращении аудитории к медиа [9; 12; 19]. В условиях всеобъемлющих процессов медиатизации повышается роль популярных медийных персон — журналистов, ведущих, блогеров — в представлении общественно-политической информации, и изучение этой роли актуально как с научной, так и с прикладной точки зрения, поскольку конкуренция за внимание аудитории в российской информационной среде возрастает.

Благодаря технологическим инновациям ситуация в медиа кардинально изменилась за последние десятилетия, в частности, наблюдается фрагментация медиа-ландшафта, бурный рост предложения разнообразного контента, включая информационные источники, причем в большей степени это касается онлайн медиа [17]. Коммуникация в интернет-среде обретает новые качества — интерактивности и децентрализации, т.е. жесткое различие коммуникатора и пассивного получателя информации стирается, пользователь сетевых медиа вовлекается в коммуникацию, становится ее активным субъектом [18]. Особенность традиционных медиа — институциональный характер деятельности [22. С. 26–29], а пользователь в сетевом медийном ландшафте зачастую обретает возможность производства и распространения контента, минуя институциональные рамки традиционных медиа. Возникает феномен блогеров (в том числе работающих с информационной и общественно-политической проблематикой), наиболее популярные из которых имеют аудиторию, сопоставимую с аудиторией традиционных медиа [8] (1).

В российском новостном и общественно-политическом медийном сегменте следует выделить два типа носителей, которые характеризуются существенным охватом аудитории. Во-первых, это социальные сети и платформы видеохостингов, показатели охвата которых показывают тенденцию роста. Во-вторых, программы каналов российского телевидения, аудиторные тренды которого стагнируют. В условиях конвергентной медиасреды популярные телевизионные ведущие и журналисты активно используют интернет-платформы, а онлайн журналисты и блогеры опираются при необходимости на возможности офлайн медиа для расширения аудитории. Популярные медийные персоны реализуют в своей деятельности в отношении аудитории ряд функций: представления, интерпретации и оценки актуального, социально значимого контента. Фактически популярные журналисты и блогеры, выступающие на общественно-политические темы, выступают лидерами обще-

ственного мнения, которые управляют реакцией аудитории для обеспечения эффективности коммуникации и доверия [22].

Фрагментация медиа связана с потреблением — фрагментацией аудитории. Применительно к информационному и общественно-политическому контенту это означает, что аудитория получает доступ к материалам медийных лидеров мнений с более широким спектром политико-идеологических ориентаций, чем ранее — в период преобладания традиционных медиа (телевидения, прессы, радио). Информационная власть опирается на феномен «установления повестки дня», предполагающий акцент медиа на одних проблемах и вопросах и меньшее внимание (если не умолчание) в отношении других [2. С. 10–13]. Наличие развитых интернет-медиа ослабляет доминирование медийного мейнстрима, транслирующего официальные позиции и регулирующего границы дискуссий консенсусом властных элит: понятие поляризации аудитории подчеркивает, что внимание пользователей привлекают источники, предлагающие неконвенциональные оценки различной направленности [15].

Остановимся на результатах отдельных эмпирических исследований, важных в контексте данной статьи. Проблематика политической журналистики и блогерства получила отражение в ряде российских публикаций социально-гуманитарного профиля, и эмпирические исследования здесь немногочисленны: экспертные оценки роли политической журналистики в общественной жизни современной России, а также места политических журналистов в структуре российского политического класса [7]; оценка осознаваемого профессиональным журналистским сообществом негативного тренда вытеснения журналистики пропагандой [5]; контент-анализ популярных русскоязычных блогов в социальных сетях (показал, что блогеры практически не используют журналистские жанры, а темы подавляющего большинства публикаций не проходят по критериям отбора, принятым в СМИ, т.е. блогосфера не заменяет СМИ как ретранслятора актуальной, социально значимой информации) [4]; качественное исследование влияния российских видеоблогеров на политические взгляды школьников посредством тактики выстраивания доверительных отношений с аудиторией и апелляции к ценностям, разделяемым молодыми людьми (доступное образование, борьба с коррупцией, экология, пацифизм) [3].

В рамках международного сравнительного проекта (США, Великобритания, Германия, Франция, Финляндия, Бразилия) была сопоставлена популярность журналистов и других медийных персон в контексте потребления аудиторией новостных материалов в онлайн и в офлайн среде. Показательно, что в лидеры топ-10 вошли известные журналисты ведущих телекомпаний, причем все хорошо представлены в Интернете. Происходит размывание представлений аудитории о том, кого следует относить к журналистам: так, до 15 % аудитории отнесли к ним не только лиц, представляющих медийные институты, но также «ютуберов, подкастеров, комиков, инфлюенсеров в социальных сетях» [14]. Были зафиксированы приоритетные

источники для лиц с высоким и низким доверием к новостям: так, применительно к YouTube для первых приоритетны ведущие и популярные журналисты, известные персоны и инфлюенсеры в социальных сетях, тогда как респонденты с низким доверием к новостям предпочитают альтернативные источники и мнения простых людей [14]. Доверие к журналистам — важная составляющая доверия к системе медиа в целом, включая доверие конкретной информационной компании и практикам журналистской деятельности. В целом исследования показывают невысокий уровень доверия журналистам на фоне представителей других профессий, хотя важную роль играет институциональная принадлежность журналистов (так, представители ведущих национальных телекомпаний имеют существенно более высокий уровень доверия, чем журналисты таблоидов) [13. С. 37–41].

Структура источников современной информационной среды имеет иерархический характер. Для блогосферы, как и для сайтов общественно-политической тематики, свойственно неравномерное распределение трафика, которое плохо согласуется с изначальными представлениями о сети как пространстве, где «будет услышан голос каждого». Веб-трафик характеризуется степенной функцией, т.е. небольшому числу политических сайтов уделяется больше внимания, чем всем остальным вместе взятым [16. С. 83]. Причем подобное распределение — когда не несколько доминирующих игроков приходится большая часть потребления — характерно и для офлайновых медиа, в частности телевидения [26. С. 100].

В фокусе нашего анализа находились популярные журналисты и блогеры, работающие в российской информационной среде. Были сформулированы следующие исследовательские вопросы: каков уровень доверия популярным российским журналистам и блогерам, выступающим на общественно-политические темы; какова структура предпочтений аудитории и их социально-демографические особенности; как связано доверие популярным журналистам и блогерам с социальными представлениями (идеологическими предпочтениями, отношением к актуальным социально-политическим вопросам и др.). Перечень журналистов и блогеров был сформирован на основе данных Mediascope, Медиалогии и TGStat — компаний, фиксирующих разные показатели популярности; также были приняты во внимание экспертные рейтинги, составленные отдельными СМИ — всего было отобрано 16 популярных медийных персон (2).

Инструментарий исследования включал семь групп эмпирических индикаторов, характеризующих социальные представления и отдельные стороны образа жизни респондентов: 1) оценка ситуации в стране (в сфере политики, экономики, идеологии, культуры) и социальные проблемы, беспокоящие респондентов в наибольшей степени; 2) общая оценка российской политической системы; представления об обеспечении демократических норм государством; 3) поддержка респондентами отдельных политических ценностей и идеологий; 4) отношение к актуальным вопросам социально-политической

повестки (пересмотр итогов приватизации, введение прогрессивного налогообложения, базового дохода, социального рейтинга); 5) представления о будущем страны, улучшении/ухудшении ситуации в ближайшие 5–10 лет; ориентация на отъезд из России; 6) медиапотребление — частота и длительность использования телевидения, онлайн-видео, социальных сетей; доверие к отдельным источникам (ТВ, интернет-издания, социальные сети, радио, печать, межличностное общение); 7) социально-демографические характеристики респондентов (пол, возраст, образование, род занятий, материальное положение и его изменение за последние 2–3 года).

Выборка репрезентирует население Европейской части России в возрасте 18+, проживающее в ЦФО и СЗФО (N = 5261). Метод сбора информации — интернет-опрос. Выборка — квотная со связанными параметрами (пол, возраст, род занятий).

Уровень и структура доверия популярным журналистам и блогерам

Обратимся сначала к уровню доверия популярным журналистам и блогерам (Табл. 1). Представленный перечень включает медийных персон с разными социально-политическими предпочтениями: анализ их выступлений позволяет условно разделить эти предпочтения на государственно-патриотические и либеральные. Первые четыре позиции в рейтинге доверия занимают государственно-ориентированные журналисты, в частности известный журналист и телерадиоведущий Владимир Соловьев, Маргарита Симоньян — журналистка и главный редактор телеканала RT, Ольга Скабеева — телеведущая популярной общественно-политической программы «60 минут» на телеканале «Россия-1», Евгений Поддубный — корреспондент ВГТРК. Пятым по уровню доверия является Юрий Дудь¹, наиболее популярный журналист и блогер из либеральной группы медийных персон.

Таблица 1

Доверие к популярным журналистам и блогерам, выступающим на социально-политические темы (%)

Соловьев Владимир	22,2	Пивоваров Алексей*	7,1
Симоньян Маргарита	14,3	Шейнин Артем	7
Скабеева Ольга	12,8	Лебедев Артемий	6,9
Поддубный Евгений	10,6	Собчак Ксения	6,6
Дудь Юрий*	10,4	Пучков Дмитрий	6,5
Подолька Юрий	9	Парфенов Леонид	5,6
Попов Евгений	8,3	Венедиктов Алексей*	4,4
Варламов Илья*	7,2	Соболев Николай	4,3

¹Здесь и далее в тексте отмечены те, кто признаны иностранными агентами Министерством юстиции РФ.

Указанные медийные персоны демонстрируют разные траектории обретения популярности и доверия аудитории. Профессиональная карьера ряда из них связана преимущественно с журналистикой и телевидением (например, Е. Попов, О. Скабеева, Л. Парфенов). У ряда других популярность связана, прежде всего, с блогерством и другими видами деятельности в пространстве Интернета (Ю. Дудь*, И. Варламов*, А. Лебедев, Д. Пучков, Н. Соболев). Вместе с тем все медийные персоны используют возможности мультимедийной среды для контактов с аудиторией, в частности программы и выступления лидера рейтинга В. Соловьева доступны на телевидении, радио и в Интернете.

В процессе информационного потребления аудитория сталкивается с выступлениями разных медийных персон, поэтому было высказано предположение о наличии в структуре аудитории типологических групп с разными приоритетами доверия популярным журналистам и блогерам. Для подтверждения этой гипотезы были последовательно использованы процедуры факторного и кластерного анализа: первый позволил определить, какие комбинации доверия отдельным журналистам и блогерам наблюдаются в массовом сознании, — результаты показали, что включенные в анализ переменные доверия объединяются в шесть макропеременных (факторов). Каждый характеризуется тем, что в него входят высоко коррелирующие переменные доверия к отдельным журналистам и блогерам, выступающим на общественно-политические темы (3). Для классификации исходного массива с использованием выявленных макропеременных был проведен двухэтапный кластерный анализ и определены несколько статистически устойчивых типологических групп (или кластеров), которые различаются набором медийных персон, которым доверяют составляющие кластер респонденты (Табл. 2).

Различия кластеров определяются как набором медийных персон, которым доверяли респонденты, так и уровнем этого доверия. Так, в кластере 1 сосредоточены респонденты, которые в наибольшей степени доверяют Ю. Дудю* (53%), К. Собчак (37%) и И. Варламову* (26%), в кластере 2 — А. Пивоваров* (43%), Л. Парфенов (39%) и А. Венедиктов* (33%), причем уровень поддержки в этих кластерах оказался в 4–8 раз выше, чем в среднем по выборке, а доверие прочим журналистам и блогерам — меньше или близким к средним показателям по массиву.

В кластере 3 сосредоточены респонденты, поддерживающие преимущественно тройку лидеров рейтинга — В. Соловьева, М. Симоньян и О. Скабееву, которым доверяют и представители 4 и 5 пятого кластеров. В целом порядка 75% поддержки каждого из указанных журналистов приходилось на респондентов кластеров 3, 4 и 5. Особенностью кластера 4 стал более высокий, чем в среднем по массиву, уровень доверия Ю. Подоляке (46%), М. Симоньян (41%), В. Соловьеву (39%), Е. Поддубному (40%), О. Скабеевой (32%) и А. Шейнину (28%). Респонденты кластера 5 характеризуются высоким доверием Е. Попову (97%) и более высоким, чем в среднем по массиву, доверием В. Соловьеву (39%),

Е. Поддубному (37%), О. Скабеевой (21%) и И. Варламову* (15%). Лидеры доверия в кластере 6 — А. Лебедев (48%), Д. Пучков (43%) и Н. Соболев (31%), известные интернет-блогеры, причем доверие каждому из них в этом кластере в 6–7 раз выше, чем в среднем по массиву.

Таблица 2

Доверие медийным персонам в отдельных кластерах (% по кластеру)

Кластер/ переменная	1 (8,3%)	2 (10,5%)	3 (45,8%)	4 (17,9%)	5 (7%)	6 (10,5%)	В среднем по массиву
Соловьев В.	16,1%	20,7%	17%	39%	38,7%	15,6%	22,2%
Симоньян М.	9,7%	17%	7%	40,9%	18,8%	6,8%	14,3%
Скабеева О.	4,9%	10,2%	7,9%	31,8%	20,7%	10,6%	12,8%
Поддубный Е.	0,9%	11,1%	0	39,5%	37,3%	3,2%	10,6%
Дудь Ю.*	59%	16,5%	0	3,8%	14,5%	13,2%	10,4%
Подолька Ю.	0	14,1%	0	45,8%	3,9%	3,1%	9%
Попов Е.	0	0,4%	0	0,9%	97,3%	2%	8,3%
Варламов И.*	25,8%	18%	0	3,3%	14,6%	10,2%	7,2%
Пивоваров А.*	3,2%	43,3%	0	0,3%	9,1%	11%	7,1%
Шейнин А.	0,5%	6%	0	28,2%	6,9%	12%	7%
Лебедев А.	0	0,2%	0	1,4%	3,8%	48,4%	6,9%
Собчак К.	37,2%	3,8%	0	10,8%	3,2%	8,5%	6,6%
Пучков Д.	0	0,8%	0	3,7%	1,4%	43,4%	6,5%
Парфенов Л.	1,2%	39,4%	0	0,2%	2,2%	8,4%	5,6%
Венедиктов А.*	0,3%	32,8%	0	0,3%	5,1%	3,3%	4,4%
Соболев Н.	0	0	0	0,5%	2,9%	30,5%	4,3%

Рассмотрим состав кластеров с точки зрения общественно-политических ориентаций составляющих его медийных персон. Кластеры 1 и 2 составляют респонденты, приоритеты доверия которых сосредоточены вокруг журналистов и блогеров либеральной ориентации. Совокупная доля респондентов, поддерживающих таких медийных персон (кластеры 1–2) составляет 18% массива. Общая доля типологических групп, для которых свойственно существенное преобладание доверия журналистам с государственно-патриотической ориентацией (кластеры 3–5), составляет 70%. Речь идет о наиболее ярких особенностях кластеров, поэтому в отдельных случаях можно наблюдать доверие к медийным персонам с различными общественно-политическими ориентациями, как, например, в кластере 6 (10% опрошенных).

Для оценки социально-демографических различий в уровне доверия были сформированы две переменные, объединяющие респондентов, доверяющих журналистам и блогерам (1) государственно-патриотической ориен-

тации и (2) либеральной. Поскольку шкалы измерения были номинальными и порядковыми, то для выявления связи между переменными использовался метод дисперсионного анализа Краскэла — Уоллиса (Табл. 3). При интерпретации данных следует учитывать величину уровня значимости между группирующими переменными (социально-демографическими признаками) и доверием медийным персонам с разными социально-политическими предпочтениями (в частности, правомерно говорить о гендерных различиях в уровне доверия). Применительно к возрасту и материальному положению справедливо говорить о наличии связи с показателями доверия (во всех случаях уровни значимости равны или ниже 0,001). Более того, величины рангов шкальных признаков отражают направленность этой связи. Так, рост доверия журналистам и блогерам с государственно-патриотической ориентацией наблюдается с возрастом и ухудшением материального положения; среди тех, кто доверяет журналистам и блогерам либеральной направленности, выше уровень доверия среди представителей молодежи и в группах с высоким уровнем достатка.

Таблица 3

Проверка зависимости между социально-демографическими признаками и доверием разным группам журналистов и блогеров

	Группирующие переменные		Средний ранг	Статистики	
				Хи-квадрат	Значимость
Доверяют государственно-патриотическим журналистам и блогерам	Пол	мужской	2490,09	0,002	0,962
		женский	2491,74		
	Возраст	18–24 года	2130,02	410,575	0
		25–35 лет	2302,55		
		36–50 лет	2639,51		
		51–65 лет	2909,88		
		66+	3315,82		
	Материальное положение	Ниже среднего	2496,21	13,678	0,001
		Среднее	2363,35		
Выше среднего		2283,09			
Доверяют либеральным журналистам и блогерам	Пол	мужской	2521,45	2,571	0,109
		женский	2466,43		
	Возраст	18–24 года	2750,75	268,868	0
		25–35 лет	2692,37		
		36–50 лет	2341,77		
		51–65 лет	2121,81		
		66 лет и старше	1901,47		
	Материальное положение	Ниже среднего	2180,43	63,348	0,001
		Среднее	2346,71		
Выше среднего		2622,58			

Доверие журналистам и блогерам и социальные представления аудитории

Изучение того, с какими социальными представлениями соотносится доверие респондентов разным группам журналистов и блогеров, включало последовательное применение процедур дискриминантного анализа и логистической регрессии. Первый предполагает выявление различий между заданными группами объектов по нескольким переменным одновременно: сначала проводится статистически обоснованный отбор тех социальных представлений, что в наибольшей степени дифференцируют респондентов по доверию журналистам и блогерам с разными социально-политическими ориентациями. В данном случае группирующими стали две дихотомизированные переменные: 1) доверие журналистам и блогерам государственно-патриотической ориентации; 2) доверие журналистам и блогерам либеральной ориентации. Дискриминантными переменными (всего 68) выступили индикаторы, характеризующие социальные представления, — применительно к каждой из двух групп (доверие журналистам и блогерам с государственно-патриотической или либеральной ориентацией) были определены наиболее информативные переменные из набора социальных представлений с точки зрения дифференциации респондентов по отношению к переменным доверия.

Затем мы определили, какие из выделенных индикаторов социальных представлений в наибольшей степени определяют доверие, с помощью бинарной логистической регрессии. Данный статистический метод позволяет выявить те независимые переменные, которые повышают вероятность, что респонденты доверяют журналистам и блогерам с разными типами ориентаций. В качестве зависимых выступили переменные доверия, в качестве независимых (предикторов) — выделенные на первом этапе индикаторы социальных представлений. Результаты логистической регрессии приведены в Таблицах 4–5: указаны только те предикторы, что оказались статистически значимыми (4); для каждого приведен коэффициент В (чем больше его значение, тем выше вероятность влияния предиктора на зависимую переменную). Сравнение данных в таблицах показало, что доверие журналистам и блогерам с разными ориентациями сопряжено с отличающимися политико-идеологическими представлениями респондентов.

Так, вероятность доверия медийным персонам государственно-патриотической ориентации положительно связана с принятием ценностей патриотизма, национальной гордости и опоры на национальные традиции, с оценкой политической ситуации в стране как благополучной, с поддержкой идеи пересмотра приватизации и введения прогрессивного налогообложения, но отрицательно — с ценностями свободы и прав человека. Доверие медийным персонам либеральной ориентации обусловлено такими предикторами, как поддержка демократии, принятие ценностей частной собственности, свободы предпринимательства и толерантности, введения безусловного базового дохода, но отрицательно коррелирует с патриотизмом, семейными ценностями и индикатором «связываю

свое будущее с Россией». Значимым оказалось влияние отдельных переменных, характеризующих оценку обеспечения государством норм демократического общества: так, чаще доверяют государственно-патриотическим медийным персонам те, кто считает, что сейчас обеспечиваются такие нормы, как свобода слова и свобода мнений, напротив, несогласие с тем, что государство обеспечивает идеологический плюрализм, — предиктор доверия медийным персонам либеральной ориентации. Содержательные характеристики предикторов доверия проявляются и в перечне проблем, в наибольшей степени беспокоящих респондентов. Так, задержки зарплат оказались значимы для доверия журналистам и блогерам разных ориентаций. Среди предикторов доверия медийным персонам государственно-патриотической ориентации положительно и значимо выделяются «дорогое и неквалифицированное медицинское обслуживание» и «неравенство, расслоение общества на богатых и бедных», а отрицательно связаны с доверием «неопределенность жизненных перспектив» и «мобилизация в связи с СВО». Отрицательно сказываются на доверии медийным персонам либеральной ориентации скудные пенсии, загрязнение окружающей среды и экологические риски, опасность распада страны и угроза ядерной войны.

Таблица 4

Предикторы доверия журналистам и блогерам государственно-патриотической ориентации

Показатели	B	Exp (B)	Вальд	Значимость
Наиболее значимые политико-идеологические ценности				
Патриотизм, национальная гордость	0,501	1,651	35,091	0
Свобода и права человека	-0,343	0,71	17,877	0
Национальные традиции	0,35	1,419	10,95	0,001
Отношение к политической системе российского общества				
Устраивает	0,33	1,391	10,319	0,001
Оценка ситуации в стране в сфере политики				
Благополучная	0,505	1,657	28,777	0
Обеспечение государством отдельных норм демократического общества				
Свобода слова, свобода мнений	0,575	1,778	46,384	0
Отношение к актуальным политико-экономическим вопросам				
Поддержка предложения о пересмотре итогов приватизации	0,417	1,517	28,105	0
Поддержка предложения о введении прогрессивного налогообложения	0,223	1,249	7,922	0
Проблемы, беспокоящие больше всего в настоящее время				
Неопределенность жизненных перспектив	-0,558	0,573	23,23	0
Задержки зарплаты	0,477	1,611	12,093	0,001
Дорогое и неквалифицированное медицинское обслуживание	0,349	1,418	13,732	0
Неравенство, расслоение общества на богатых и бедных	0,33	1,391	10,599	0,001
Мобилизация	-0,555	0,574	20,552	0
Константа	-1,251	0,286	165,596	0

Таблица 5

Предикторы доверия журналистам и блогерам либеральной ориентации

Показатели	В	Exp (В)	Вальд	Значимость
Наиболее значимые политико-идеологические ценности				
Патриотизм, национальная гордость	-0,522	0,593	26,08	0
Демократия	0,432	1,54	14,592	0
Частная собственность и свобода предпринимательства	0,437	1,549	14,202	0
Семейные ценности	-0,401	0,669	18,239	0
Терпимость, толерантность к правам меньшинств	0,437	1,548	9,517	0,002
Обеспечение государством отдельных норм демократического общества				
Идеологический плюрализм	-0,296	0,744	9,474	0,002
Отношение к актуальным политико-экономическим вопросам				
Предложение о введении «безусловного базового дохода»	0,428	1,535	20,917	0
Связываете Вы свое будущее с Россией или с отъездом из России				
Связывают свое будущее с Россией	-0,703	0,495	38,132	0
Проблемы, беспокоящие больше всего в настоящее время				
Задержки выплаты зарплаты	0,951	2,589	32,46	0
Загрязнение окружающей среды, экологические риски	-0,719	0,487	8,627	0,003
Скудные пенсии	-0,586	0,557	15,312	0
Угроза ядерной войны	-0,444	0,642	9,749	0,002
Опасность распада России	-0,753	0,471	10,239	0,001
Константа	0,147	1,159	1,077	0,299

В целом для российского общества характерен устойчиво невысокий уровень доверия к медиа [11. С. 127; 6]. Немаловажную роль играет диверсификация медийных источников, что обеспечивает разнообразие доступных точек зрения. Показателен в этой связи зафиксированный в нашем исследовании уровень доверия источникам общественно-политической информации: телевидение — 34 %; интернет-издания (онлайн-версии газет и журналов, информационные порталы) — 34 %; социальные сети (ВКонтакте, Telegram, Одноклассники и др.) — 31 %; радио — 16 %; печатная пресса — 21 %; разговоры с родственниками, друзьями, знакомыми — 24 % (5).

Российская информационная ситуация в начале нынешнего века характеризовалась наличием массовых официальных медиа и оппозиционных им медийных субъектов преимущественно либеральной направленности.

Причем значительная часть общероссийской медийной повестки последних тридцати лет была ориентирована на идеи интеграции страны в глобальный мир — подобные концептуальные построения лежали в основе многих государственных проектов в экономике, культуре, образовании и других областях и разделялись большинством сегментов общества, включая элитные круги.

Специальная военная операция на Украине и события вокруг нее стали трансформирующим событием, кардинально повлиявшим на жизнь российского общества и потому отразившимся на состоянии медийной среды и массового сознания. Сформировалась качественно иная по сравнению с предыдущим периодом политико-идеологическая повестка, включившая в себя широкий круг вопросов о перспективах страны, государственном суверенитете, целях и ценностях российского общества и др. (как известно, часть российских оппозиционных кругов, включая представителей либеральных медиа, не поддержало государственные решения о СВО). Соответственно, данные опроса о доверии журналистам и блогерам, выступающим на социально-политические темы, отражают результаты конкурентной борьбы за аудиторию между медийными субъектами разной идеологической направленности, предлагающими разные проекты будущего страны.

Современная информационная среда не является закрытой системой — здесь проявляются антагонистические противоречия между интересами нашей страны и современного постзападного мира. Доверие аудитории к политическим журналистам и блогерам формировалось в условиях, когда конкурирующие стороны использовали для достижения своих целей и информационные, и организационно-правовые инструменты. В российском сегменте Интернета были заблокированы популярные ранее социальные сети Instagram и Facebook, принадлежащие компании Meta², ограничен доступ к информационным ресурсам телеканала «Дождь»³ и радиостанции «Эхо Москвы» (6), ведущая платформа видео-контента YouTube стала фактически недоступной для российских телеканалов (как официальных медиа, так и медийных субъектов, придерживающихся государственно-патриотических позиций). Тем не менее, в российской информационной среде сохраняются достаточно широкие возможности для продвижения социально-политических идей разной направленности. Если в традиционных офлайн-медиа повестка дня задавалась игроками, придерживающимися официальной, прогосударственной линии, то в онлайн-среде ситуация остается более диверсифицированной (так, в популярных социальных сетях, прежде всего в Telegram, доступны каналы самой разной политико-идеологической направленности).

² Признана экстремистской и запрещена на территории РФ.

³ Признан нежелательным и запрещен на территории РФ.

Согласно проведенному исследованию российское население доверяет преимущественно журналистам и блогерам с выраженной государственно-патриотической позицией, однако прослеживаются значимые социально-демографические особенности в уровне доверия, прежде всего поколенческого характера: молодежь склонна поддерживать журналистов и блогеров либеральной направленности, а представители старших поколений — медийных персон с государственно-патриотическими ориентациями; также наблюдается рост уровня доверия либеральным медийным персонам по мере улучшения материального положения. Доверие медийным персонам соотносится и с социальными представлениями аудитории: журналистам и блогерам государственно-патриотической направленности чаще доверяют группы с выраженной поддержкой существующего социального порядка и курса на обеспечение национальной безопасности и суверенитета, причем эту поддержку не отменяет даже критика социального неравенства и поддержка радикальных предложений по снижению его уровня. Доверяют медийным персонам, продвигающим либеральную повестку, респонденты, придерживающиеся ценностей демократии, частной собственности, свободы предпринимательства и толерантности, но в меньшей степени — идей патриотизма и семейных ценностей.

Представляется, что связь между социальными представлениями аудитории и доверием разным группам журналистов и блогеров отражает наличие в российском обществе ценностного раскола: по итогам опросов прошлого десятилетия исследователи выделяли «консервативное» большинство и прозападное «либеральное» меньшинство. Последнее, уступая первому количественно, имеет более высокие социальные и образовательные показатели, демонстрирует большую вовлеченность в информационные процессы, что и определяет «вес» этого сегмента в общественно-политической жизни, неравнозначный его численности [10. С. 240]. Представляется, что указанный раскол формировался на протяжении всей постсоветской истории, а события в связи с СВО лишь усилили существующие разрывы в «картине мира» [1]. Наличие таковых требует взвешенного социального управления, направленного на консолидацию российского общества

Примечания

- (1) Блог — веб-страница с минимальным внешним редактированием, куда пользователи могут вносить свои идеи и комментарии. Автор блога (или блогер) определяет содержание и редакционную линию, регулирует взаимодействие подписчиков, обеспечивает многосторонний информационный обмен — диалог читателей, разбор постов и расширение областей обсуждения [20]. По отношению к пользователям автор блога — лидер мнений в той области, которой посвящен блог. Считается, что блоги были предшественником современных социальных сетей, где личностная ориентированность блогов, их диалогическая природа и сетевые возможности получили развитие [23], в том числе в общественно-политической проблематике.

- (2) Использовался вопрос «Кому из перечисленных ниже журналистов и блогеров, выступающих на социально-политические темы, вы доверяете больше всего? (несколько вариантов ответа)».
- (3) Был применен метод главных компонент с последующим варимакс-вращением. В результате было выделено 6 факторов, объясняющих 46,9 % вариации исходных переменных. Результат теста КМО (0,667) говорит о пригодности структуры данных для факторного анализа. Тест Бартлетта для проверки гипотезы о некоррелированности переменных, участвующих в процедуре, демонстрирует низкую значимость (менее 0,001), что подтверждает правомерность применения факторного анализа.
- (4) Полученные логистические модели значимы, показатели их качества (псевдо-R-квадрат Нэйджелкерка) — 0,228 и 0,230, соответственно, что указывает на целесообразность дальнейшего поиска переменных, улучшающих предсказание зависимых переменных. Предсказательные возможности полученных моделей удовлетворительны: в анализе предикторов доверия медийным персонам государственно-патриотической ориентации правильно было классифицировано 68,3 % случаев, либеральной ориентации — 70,2 % случаев.
- (5) Использовался вопрос: «Каким источникам социально-политической информации Вы доверяете больше всего?» (не более трех ответов).
- (6) Впоследствии Совет директоров ЗАО «Эхо Москвы» ликвидировал соответствующий радиоканал и электронное периодическое издание.

Библиографический список

1. Горшков М.К., Тюрина И.О. Консолидация российского общества в условиях современных вызовов: историко-социологический и ценностно-мировоззренческий контексты // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2023. Т. 23. № 4.
2. Дьякова Е.Г., Трахтенберг А.Д. Повестка дня и информационное общество: социологические очерки. М.—Екатеринбург, 2019.
3. Касамара В.А., Сорокина А.А., Шилина А.Н. Youtube-Блогеры как агенты политической социализации российских школьников // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2021. № 3.
4. Колесниченко А.В. Журналистика и блогосфера: жанрово-тематические пересечения // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2021. № 1.
5. Лазутина Г.В. Социальная роль журналистики в контексте современных дискуссий // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2016. № 6.
6. Назаров М.М., Иванов В.Н., Кублицкая Е.А. Медиа, институты и доверие российских граждан // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2019. Т. 19. № 2.
7. Окара А.Н. «Четвертая власть» между обществом и государством. Политические журналисты как часть политического класса современной России // Полития. 2014. № 3.
8. Образ правителей будущего. Какие лидеры нас могут ожидать уже в ближайшей перспективе? 24.05.2017 // URL: <http://worldcrisis.ru/crisis/2702022>.
9. Полуэхтова И.А. Телевидение и его аудитория в эпоху интернета. М., 2018.
10. Российское общество и вызовы времени. Книга 5 / Под ред. М.К. Горшкова, В.В. Петухова. М., 2017.
11. Российское общество и вызовы времени. Книга 6 / Под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. М., 2022.
12. Фирсов Б.М. Массовая коммуникация в условиях научно-технической революции. Л., 1981.
13. *Blobaum B.* Trust and Journalism in a Digital Environment. Reuters, 2014.
14. Digital News Report 2022 // URL: <https://reutersinstitute.politics.ox.ac.uk/digital-news-report/2022>.

15. Fletcher R., Cornia A., Nielsen R.K. How polarized are online and offline news audiences? A comparative analysis of twelve countries // *International Journal of Press/Politics*. 2020. Vol. 25. No. 2.
16. Hindman M. *The Internet Trap: How the Digital Economy Builds Monopolies and Undermines Democracy*. Princeton, 2018.
17. Peng Y., Yang T. Anatomy of audience duplication networks: How individual characteristics differentially contribute to fragmentation in news consumption and trust // *New Media & Society*. 2021. Vol. 24. No. 10.
18. Richards R. Users, interactivity and generation // *New Media & Society*. 2006. Vol. 8. No. 4.
19. Rubin A.M. Audience activity and media use // *Communication Monographs*. 1993. Vol. 60.
20. Sánchez-Villar J.M. The use of blogs as social media tools of political communication: Citizen journalism and public opinion 2.0 // *Communication & Society*. 2019. Vol. 32. No. 1.
21. Suvakovic U.V., Narbut N.P., Trotsuk I.V. The youth of Russia and Serbia: social trust and key generational problems // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2016. Т. 16. № 4.
22. Thompson J.B. *The Media and Modernity: A Social Theory of the Media*. Stanford, 1995.
23. Trotsuk I. “To trust or not to trust” is not the question; “How to study trust” is much more challenging task // Социологическое обозрение. 2016. Т. 15. № 4.
24. Trotsuk I.V., Ivlev E.A. Few words on the high level of social distrust among the Russian youth: Civil servants’ social image // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2016. № 2.
25. Usher B. The celebrated columnist and opinion spectacle: Journalism’s changing place in networked public spheres // *Journalism*. 2021. Vol. 22. No. 11.
26. Vaccari C. *Blogging, Political* // *International Encyclopedia of Political Communication* / Ed by G. Mazzoleni. N.Y., 2015.
27. Webster J.G. *The Marketplace of Attention: How Audiences Take Shape in a Digital Age*. Cambridge–L., 2005.

DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-2-387-403

EDN: PMUURG

Popular journalists and bloggers in the Russian media space: Trust and social perceptions of the audience*

M.M. Nazarov¹, V.N. Ivanov^{1,2}

¹Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS,
Fotieva St., 6–1, 119333, Moscow, Russia

²RUDN University,
Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

(e-mail: vy175867@yandex.ru; vilen_ivanov@bk.ru)

Abstract. Under the contemporary mediatization, the role of media figures in information processes has increased. Popular journalists and bloggers perform the functions of presenting and interpreting socially significant content, thus, competing for the attention and trust of the audience. The study of this role of media figures is of particular relevance, since the Russian

*© M.M. Nazarov, V.N. Ivanov, 2024

The article was submitted on 27.12.2023. The article was accepted on 25.04.2024.

media landscape, especially its online segment, is an open space in which actors promote different information agendas. The empirical study was conducted in Russia's Central and Northwestern Federal Districts in April-June 2023. According to its results, the leading positions in the public trust ranking are taken by journalists and bloggers whose speeches are characterized by the state-patriotic orientation, but part of the audience seems to trust liberal content. The use of multidimensional classification procedures allowed the authors to identify some stable typological groups in the structure of the audience, differing in the set of trusted media figures, but groups that trust state-patriotic journalists and bloggers prevail. There are significant social-demographic differences in the level of trust: journalists and bloggers with liberal orientations are supported mainly by young people, while journalists and bloggers with state-patriotic orientations — by representatives of the middle and older age groups. There is an increase in trust in liberal media as the financial situation of respondents improves. The authors also identified variables that increase the likelihood of trusting media figures: respondents' ideological values; attitudes towards the Russian political system; the state support for democratic norms; perception of current social-economic issues. Social representations that correlate with trust in media figures reflect gaps in the “picture of the world” of certain social segments, which requires informed management decisions to consolidate society under the global challenges.

Key words: media space; audience; trust; social representations; popular journalists and bloggers; media figures; social-demographic differences

References

1. Gorshkov M.K., Tyurina I.O. Konsolidatsiya rossiyskogo obshchestva v usloviyah sovremennykh vyzovov: istoriko-sotsiologicheskyy i tsennostno-mirovozzrencheskiy konteksty [Consolidation of the Russian society under contemporary challenges: Historical, sociological and value-worldview contexts]. *RUDN Journal of Sociology*. 2023; 23 (4). (In Russ.).
2. Diyakova E.G., Trakhtenberg A.D. *Povestka dnya i informatsionnoe obshchestvo: sotsiologicheskie ocherki* [Agenda and Information Society: Sociological Essays]. Moscow–Yekaterinburg; 2019. (In Russ.).
3. Kasamara V.A., Sorokina A.A., Shilina A.N. Youtube-Blogery kak agenty politicheskoy sotsializatsii rossiyskikh shkolnikov [Youtube bloggers as agents of political socialization for Russian schoolchildren]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 12: Politicheskie Nauki*. 2021; 3. (In Russ.).
4. Kolesnichenko A.V. Zhurnalistsika i blogosfera: zhanrovo-tematicheskie peresecheniya [Journalism and the blogosphere: Genre-thematic intersections]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 10: Zhurnalistsika*. 2021; 1. (In Russ.).
5. Lazutina G.V. Sotsialnaya rol zhurnalistiky v kontekste sovremennykh diskussiy [The social role of journalism in the context of current discussions]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 10: Zhurnalistsika*. 2016; 6. (In Russ.).
6. Nazarov M.M., Ivanov V.N., Kublitskaya E.A. Media, instituty i doverie rossiyskikh grazhdan [Media, institutions and Russians' trust]. *RUDN Journal of Sociology*. 2019; 19 (2). (In Russ.).
7. Okara A.N. “Chetvertaya vlast” mezhdru obshchestvom i gosudarstvom. Politicheskie zhurnalisty kak chast politicheskogo klassa sovremennoy Rossii [“The fourth estate” between society and the state. Political journalists as part of the political class in contemporary Russia]. *Politiya*. 2014; 3. (In Russ.).
8. Obraz praviteley budushchego. Kakie lidery nas mogut ozhidat uzhe v blizhayshey perspektive? [Image of the future rulers. What leaders can we expect in the near future?]. 24.05.2017. URL: <http://worldcrisis.ru/crisis/2702022>. (In Russ.).
9. Poluekhtova I.A. *Televidenie i ego auditoriya v epokhu interneta* [Television and Its Audience in the Internet Era]. Moscow; 2018. (In Russ.).
10. *Rossiyskoe obshchestvo i vyzovy vremeni. Kniga 5* [Russian Society and Challenges of the Time. Book 5]. Ed. by M.K. Gorshkov, V.V. Petukhov. Moscow; 2017. (In Russ.).

11. *Rossiyskoe obshchestvo i vyzovy vremeni. Kniga 6* [Russian Society and Challenges of the Time. Book 6]. Ed. by M.K. Gorshkov, N.E. Tikhonova. Moscow; 2022. (In Russ.).
12. Firsov B.M. *Massovaya kommunikatsiya v usloviyah nauchno-tekhnicheskoy revolyutsii* [Mass Communication under the Scientific-Technological Revolution]. Leningrad; 1981. (In Russ.).
13. Blobaum B. *Trust and Journalism in a Digital Environment*. Reuters; 2014.
14. Digital News Report 2022. URL: <https://reutersinstitute.politics.ox.ac.uk/digital-news-report/2022>.
15. Fletcher R., Cornia A., Nielsen R.K. How polarized are online and offline news audiences? A comparative analysis of twelve countries. *International Journal of Press/Politics*. 2020; 25 (2).
16. Hindman M. *The Internet Trap: How the Digital Economy Builds Monopolies and Undermines Democracy*. Princeton; 2018.
17. Peng Y., Yang T. Anatomy of audience duplication networks: How individual characteristics differentially contribute to fragmentation in news consumption and trust. *New Media & Society*. 2021; 24 (10).
18. Richards R. Users, interactivity and generation. *New Media & Society*. 2006; 8 (4).
19. Rubin A.M. Audience activity and media use. *Communication Monographs*. 1993; 60.
20. Sánchez-Villar J.M. The use of blogs as social media tools of political communication: Citizen journalism and public opinion 2.0. *Communication & Society*. 2019; 32 (1).
21. Suvakovic U.V., Narbut N.P., Trotsuk I.V. The youth of Russia and Serbia: social trust and key generational problems. *RUDN Journal of Sociology*. 2016; 16 (4).
22. Thompson J.B. *The Media and Modernity: A Social Theory of the Media*. Stanford; 1995.
23. Trotsuk I. “To trust or not to trust” is not the question; “How to study trust” is much more challenging task. *Russian Sociological Review*. 2016; 15 (4).
24. Trotsuk I.V., Ivlev E.A. Few words on the high level of social distrust among the Russian youth: Civil servants’ social image. *RUDN Journal of Sociology*. 2016; 2.
25. Usher B. The celebrated columnist and opinion spectacle: Journalism’s changing place in networked public spheres. *Journalism*. 2021; 22 (11).
26. Vaccari C. Blogging, Political. *International Encyclopedia of Political Communication*. Ed by G. Mazzoleni. New York; 2015.
27. Webster J.G. *The Marketplace of Attention: How Audiences Take Shape in a Digital Age*. Cambridge–London; 2005.

DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-2-404-413

EDN: PTPYWK

Serbian students' perception of the contemporary media coverage of critical situations *

R. Perić Romić¹, B. Milošević Šošo²

¹University of Banja Luka,
Bulevar vojvode Petra Bojovica 1A, 78000, Banja Luka, Republic of Srpska

²University of East Sarajevo,
Vuka Karadžića 30, 71126 Lukavica, East Sarajevo, Republic of Srpska

(e-mail: ranka.peric-romic@fpm.unibl.org; milosevic_biljana@yahoo.com)

Abstract. Since the very birth, the media has exerted a huge impact on masses, which only became more obvious in the contemporary information society, especially given the rapid development of technology and social networks. After a brief theoretical overview, the authors present the results of the sociological survey conducted in two public universities of the Republic of Srpska, which aimed at identifying student estimates of the mass media's manipulative potential in general and student opinions towards the media coverage of the conflict between Russia and Ukraine in particular. The authors designed the survey sample in such a way as to represent students of social sciences and humanities (different educational profiles within these two professional fields) due to the very nature of their studies and to the better knowledge of issues under study by definition (content of courses and requirements to competences in the future professional field). The survey was conducted online, the questionnaire was posted on the Google platform, which allowed not only to share the link but also to receive feedback. The authors wanted to get empirical data proving the fact that the media has a significant influence on the formation of attitudes and value systems of the wider public, including the younger generation represented by the student youth. Given that the Russian-Ukrainian conflict has lasted for more than two years, it allows to get a deeper insight into the public perception of such critical issues as not just based on the media coverage or the first emotional reactions after the outbreak of the conflict. The authors wanted to know whether students feel/believe that the media (in general or specific media companies) tend to biased reporting, and what media channels students prefer to get much-needed information. The authors emphasize the need for objective reporting in crisis situations, including various conflicts. Crisis situations are always a great challenge for any media in the perspective of complying with ethical standards of reporting and the pressure of media owners and political forces. The article aims at revealing students' attitudes towards the causes of such biased reporting and topics that the media is likely to cover in an objective manner.

Key words: media; manipulation; coverage; attitudes; objectivity; students; sociological survey; Russian-Ukrainian conflict; Republic of Srpska

*© Perić Romić R., Milošević Šošo B., 2024

The article was submitted on 20.01.2024. The article was accepted on 25.04.2024.

There are multiple factors that affect our attitudes during the earliest period of socialization and throughout our entire life. Family, educational system and peer group are the most influential in this respect, but, with the development of the information society and social media, they become increasingly influential creators of our attitudes and value system. The role of the media has long been a subject of debate and critique for both the academy and public. Until the second half of the 20th century, the media was a major means of propaganda; but later the rapid development of the Internet has contributed to an increased doubt in the objective media coverage and has strengthened the belief that the media is the most powerful means of political manipulation. Such an impact of the media on social representations made scholars consider the strong media influence already in the period from the early 20th century to the end of WWII ('the hypodermic needle model' or 'the magic bullet theory'). After the end of WWII, some theories insisted on the restricted influence of the media on public attitudes and opinions [3. P. 120]. Today, the question is rather the ethics of the media coverage, including the established standards of their work, since there is a prevailing idea that the media only strengthens the already formed attitudes. However, some attitudes could have been formed under the long-lasting influence of the media. The role of media is the creation of the 'public sphere' (public opinion and public debate), although there is also an approach emphasizing that the media 'creates a new reality' which exists only in the media [10. P. 464–465]. Anyway, the special role of the media is providing control over the masses [7; 8]: the media is a powerful means for strengthening public and private interests through indoctrination, i.e., manipulation is a designed and controlled procedure (or a scope of procedures) with which the manipulator, applying symbolic tools, sends certain messages to the masses through the means of communication to influence beliefs, attitudes and behavior of the masses and make them focus on ambiguous issues in the perspective of the manipulator [19. P. 41]. Thus, manipulation is a way of the hidden persuasion of people (of which they are usually not aware due to manipulator's conduct) by the means of communication [19. P. 111].

In this paper, we argue that crisis situations are particularly interesting for the media, since such situations represent "potential threats to many people and their property, and reporting on any crisis implies the protection of the public interest and the right of the media content consumers to be accurately, timely and objectively informed in an ethically acceptable manner" [2. P. 119]. The paper is based on the three most influential media effect theories [18]: first, the agenda-setting theory [15] that focuses on the strength and influence of the media to impose on the public space several 'burning' issues that are thoroughly described, taking into account cognitive mechanisms that influence public attitudes. This sort of influence directs public attention to such contents for which general or political consensus is crucial; thereby, in most cases, social issues turn into political ones and vice versa. Contents that are of no interest for the authorities (or it is necessary to shift attention from major issues to minor ones) do not get sufficient media coverage

in order not to affect social consciousness [18. P. 8]. Thus, the agenda-setting theory shifts the role of the media from the information provider to the coverage master, which makes individuals believe that current topics discussed in the media are socially important [3. P. 126; 28].

The framing theory [4], or the second level of agenda-setting [1. P. 297], emphasizes the role of the media in the information transfer and analyzes how a certain part of news is presented and, more importantly, interpreted. For instance, if a certain topic is overrepresented, it certainly affects public opinions and attitudes towards it according to the provided media interpretation. Thus, the media coverage of the main topic creates a framework within which the presented contents are interpreted [27]. The theory of the two-step flow model of communication [9] is quite similar to this one, but it further highlights that the media contents do not affect the entire public, in particular individuals that are not familiar with the topic. In such cases, the media is to a certain degree assisted by those individuals that are well-informed and make the public discuss the topic in a certain perspective. For instance, politicians, depending on the significance of some contents, may focus on its analysis and interpretation. It is through their public agency that even those individuals that are ignorant of the current media contents get an opinion on them, but through the prism of its interpreters. Essentially, the role of the media remains irrefutable, and there is a possibility of shaping one's attitudes through highlighting certain elements, but the course of communication can be a two-step one (from the media to mediating interpreters and then to less-informed individuals), which can alter the final goal of the coverage [3. P. 122]. The students attitudes towards the conflict between Russia and Ukraine reveal that they are aware of the media influence on the presentation of a certain topic: the Western media interpretation contributes to the public acceptance of the Western countries anti-Russian ideas. In the Republic of Srpska, students believe that the Western media is manipulative in reporting and provides biased information in interests of various groups (mainly global political organisations). The framing theory is particularly heuristic for the analysis of political reporting, given that the majority of population have neither political experience nor education in the field of global political relations.

The priming theory also emphasizes the media influence on public attitudes but through affecting the cognitive part of consciousness: the media report/coverage leaves such an impression on the audience that their following reaction is predictable. This theory argues that the role of the media is to bring to life re-experienced stimuli, thus inspiring and justifying a certain type of behavior. For instance, reporting on violence may be approved if a part of the audience identify themselves with the situation reported [17; 18. P. 13]. Various theoretical research of the media effects on attitudes confirm that the role of the media is no longer to inform but to shape public opinion and social behavior [12. P. 133] by shifting attention from more to less important topics in order to create room for manipulation [16; 23; 24; 25].

The paper is based on the online survey of students at two public universities (the only ones) of the Republic of Srpska: the questionnaire combined closed and partly open questions; the sample consisted of 247 students of social sciences and humanities (57 % live in cities, 34 % — in suburban communities, 9 % — in rural areas; mainly women — 75 %; mainly from the first two years of undergraduate studies — 58 %, while only every tenth respondent was a Master's student); the survey was conducted in December 2023 — January 2024; 69 % of respondents were from the Faculty of Political Sciences and the Faculty of Security Sciences of the University of Banja Luka (established in 1975), the rest — from the Faculty of Philosophy and the Faculty of Law of the University of Eastern Sarajevo (established during the 1992–1995 civil war in Bosnia and Herzegovina). The methodologically same survey was conducted at universities of the Republic of Croatia in 2022 (N = 175) and showed quite the same results, for instance, that students use Internet as their main source of information, showing little trust in the media as not objective and a powerful means of manipulation under the huge ideological influence [11. P. 27–37; 22].

When asked about the media they prefer to get information, 58 % named the social media as a source they trust the most (32 % prefer Internet portals) (Fig. 1).

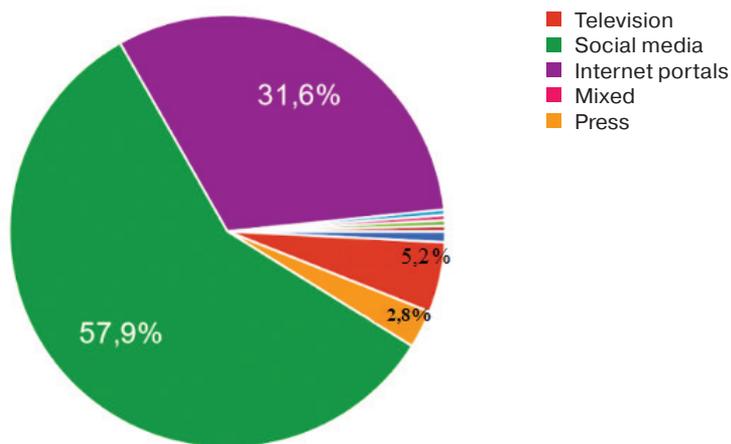

Figure 1. The media used by respondents

Students' answers to the hypothetical question what media they would use to get information about such a critical situation as an earthquake, a terrorist attack or a war conflict are as follows: 42 % would search for information on Internet portals, 26 % — on the social media, 25 % — on TV (Fig. 2).

When asked the same question about Internet portals in case of emergency, students preferred the Srpskainfo portal (60 %), then comes the Buka portal (11 %)

and the Katera portal (7%), while all other (Faktor, BBC, Nezavisne novine, Novi standard, RT (Russia Today), CNN, RTRS (Public Broadcast System of the Republic of Srpska) and so on) were chosen by less than one respondent each (Fig. 3).

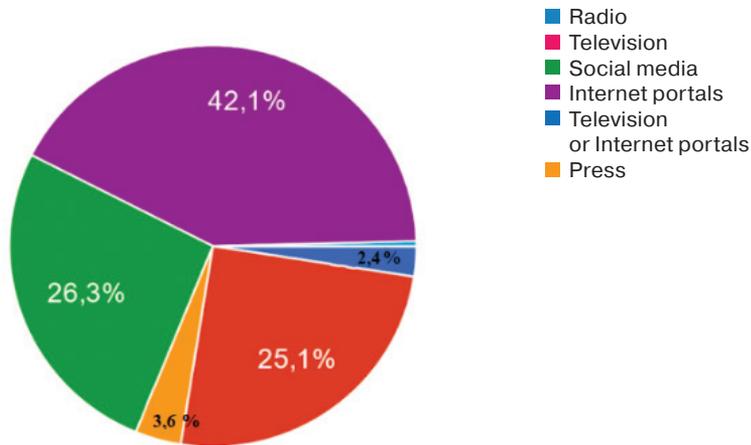

Figure 2. Preferred media in a critical situation

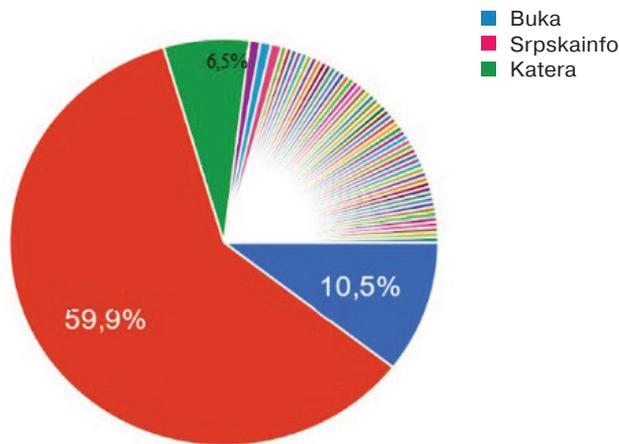

Figure 3. Preferred Internet portals in case of emergency

69% of respondents believe that the most manipulated media contents are current social-political events, followed by the causes of war conflicts (56%) and such conflicts in general (51%), economic problems and crises determined by war conflicts (35%), then come topical issues in the field of culture, education and healthcare (mentioned by every fourth respondent as prone to the media manipulation — 25%), and, finally, reports on emergency situations caused by natural disasters (15%).

What interested us the most was the quality of the media coverage of the war conflict between Russia and Ukraine as assessed by the university students. They believe that the media of the Republic of Srpska provides

a more objective picture than the Western media (58 % + 17 % assessing this coverage as objective and unbiased in general), while 29 % of respondents hold the opposite position about the completely biased coverage of this war conflict the media of the Republic of Srpska (Fig. 4).

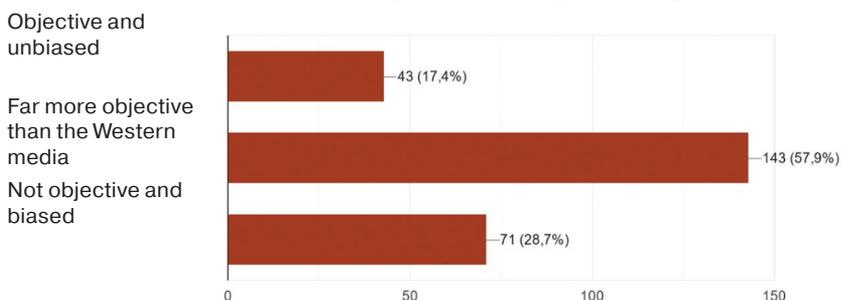

Figure 4. Students' perception of the coverage of the conflict between Russia and Ukraine by the media of the Republic of Srpska

Students argue that the Western media manipulates the contents when presenting the Russian-Ukrainian conflict in principle (63 %) or to a certain degree (24 %) (Fig. 5).

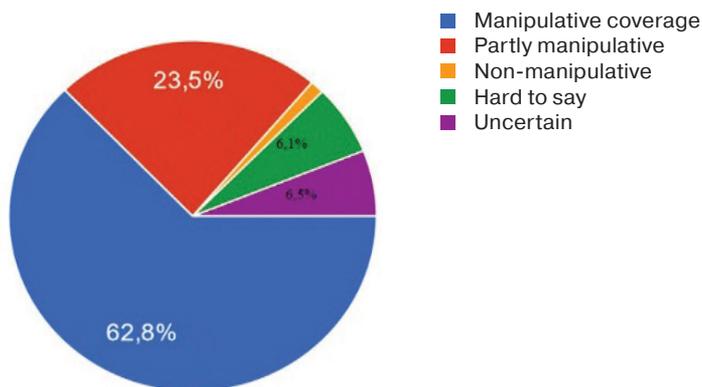

Figure 4. Students' perception of the coverage of the conflict between Russia and Ukraine by the Western media

Most respondents believe that the media does use some manipulative techniques to influence public perception, attitudes and opinions (93 %). However, respondents are less certain about the type and extent of this manipulative influence: almost every second student (46 %) this influence as negative, only 5 % — as positive, and 37 % — as rather partial. Moreover, the situation changes, when students are asked not about the media in general but about the Western media: 83 % believe that the

Western media is under the strong political-ideological influence, 9% are rather uncertain, while only 3% completely disagree with such an estimate (Fig. 5).

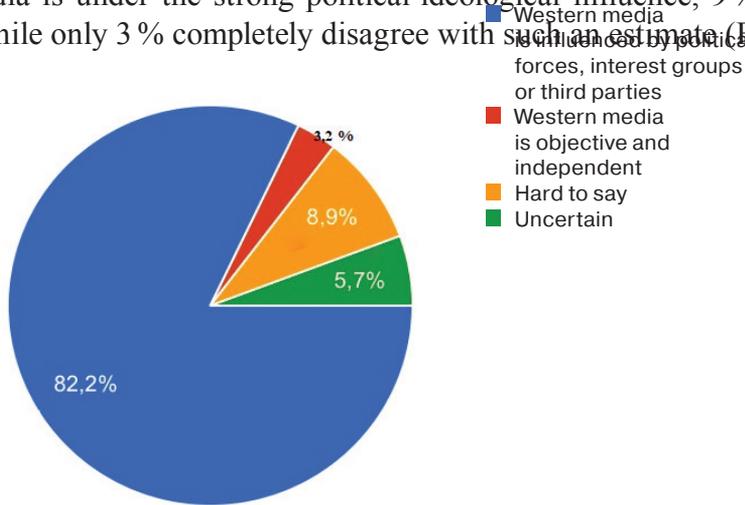
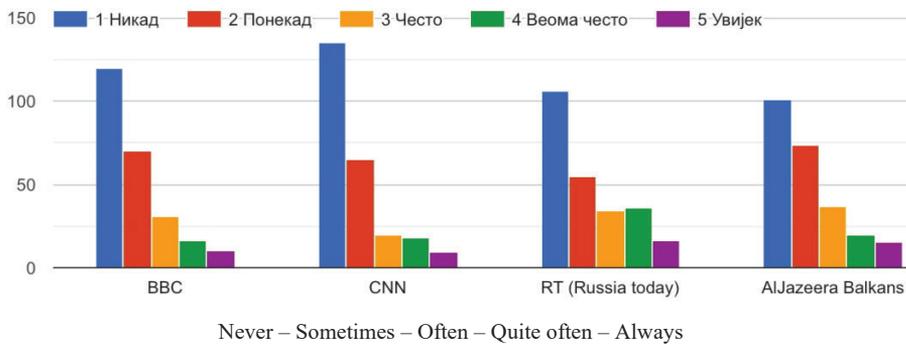

Figure 5. Students' perception of the Western media as autonomous or dependent

When asked about the leading media source of information on the events in Ukraine, students name mainly and with equal frequency the RTRS (Public Broadcast System of the Republic of Srpska), the BN, and the RTS (Public Broadcast System of Serbia). Among the foreign media companies covering the events in Ukraine, respondents seem to trust the RT (Russia Today) and the Aljazeera Balkans the most, then come the BBC and the CNN (Fig. 6).

Never — Sometimes — Often — Quite often — Always

Figure 6. The students' choice of the foreign media to get information about the events in Ukraine

Students' representations about the causes of the Russian-Ukrainian war conflict are as follows: 66% think that the escalation of this conflict was determined by the Western influence and the NATO's action. Moreover, 60% of respondents specify the Ukraine is a victim of the policy of Western countries, and 45% that the war in Ukraine is not over yet only due to the

ongoing Western supplies of arms and ammunition to Ukraine. However, students do not think that the general perception of this conflict is determined by the media coverage (57 % vs 20 %), and argue that their opinions are quite typical for the population of the Republic of Srpska as they do not need to defend their views/position when in a company of other people (52 %) or do need quite rarely (29 %).

Thus, the survey results show that the students from two public universities of the Republic of Srpska have quite similar attitudes towards the Western media coverage of the news in general and of the Russian-Ukrainian conflict in particular, emphasizing the malignant intentions of the media in its efforts to impose a very certain anti-Russian position. However, most respondents agree that Russia is not responsible for the current situation as an aggressor, which confirms the consistency in the youth's worldview and their mature ability to consider events critically and objectively even being exposed to media manipulations.

References

1. Baran S.J., Davis D.K. *Mass Communication Theory: Foundations, Ferment, and Future*. Boston; 2012.
2. Barović V. Objectivity, journalistic ethics and reporting in crisis situations. *Medijske Studije*. 2010; 2 (3–4). (In Serbian).
3. Bogdanić A. *Journalistic Discourse and Media Theory. Introduction to Theories of Journalism*. Banja Luka; 2016. (In Serbian).
4. Chong D., Druckman J. Framing theory. *Annual Review of Political Science*. 2004; 10.
5. Cottle S. *Global Crisis Reporting: Journalism in the Global Age*. Maidenhead; 2009.
6. Čerina J. War reporting in the context of contemporary armed conflicts and new media technologies. *Polemos*. 2012; 15. (In Serbian).
7. Čomski N. *Media Control*. Novi Sad–Beograd; 2009. (In Serbian).
8. Čomski N. *What Does America Really Want?* Beograd; 1999. (In Serbian).
9. DeFleur M.L., DeFleur H.M. *Mass Communication Theories: Explaining Origins, Processes, and Effects*. New York; 2022.
10. Giddens A. *Sociology*. Beograd; 2007. (In Serbian).
11. Ivanković A. *Students' Perception of the Media Manipulation*. Sveučilište u Zagrebu; 2022. (In Croatian).
12. Jurčić D. Theoretical assumptions about the media: Definitions, functions and influence. *Mostariensia*. 2017; 21 (1). (In Croatian).
13. Koković D. *Society and Media Challenges: An Introduction to Sociology of Mass Communication*. Novi Sad; 2007. (In Serbian).
14. Malović S., Ricchiardi S., Vilović G. *Ethics of Journalism*. Zagreb; 2007. (In Croatian).
15. McCombs M., Valenzuela S. *Setting the Agenda: Mass Media and Public Opinion*. Cambridge; 2021.
16. Nadžaković E., Hromić B. Manipulation: The key to defeat the 'quasi-master of the world'. *In Medias Res*. 2017; 6 (10). (In Croatian).
17. Roskos-Ewoldsen D.R., Roskos-Ewoldsen B., Carpentier F.R.D. Media priming: A synthesis. *Media Effects: Advances in Theory and Research*. 2002; 2.
18. Sokolović H. *The Influence of the Media on the Creation of Political Attitudes and Values*. Univerzitet u Sarajevu; 2018. (In Croatian).
19. Šušnjić Đ. *Fishermen of Human Souls: The Idea of Manipulation and Manipulation of Ideas*. Beograd; 2007. (In Serbian).

20. Šuvaković U.V., Narbut N.P., Trotsuk I.V. The youth of Russia and Serbia: Social trust and key generational problems. *RUDN Journal of Sociology*. 2016; 16 (4).
21. Trotsuk I. “To trust or not to trust” is not the question; “How to study trust” is much more challenging task. *Russian Sociological Review*. 2016; 15 (4).
22. Trotsuk I. Eschatological conspiracy theories: Models and ways for identifying apocalyptic semantics and syntax. *Russian Sociological Review*. 2023; 22 (4).
23. Trotsuk I.V. Discursive construction of social reality: Conceptual foundations and empirical devices for unmasking the ‘abominable’ practices. *Russian Sociological Review*. 2014; 13 (2). (In Russ.).
24. Trotsuk I.V. Symbolic protest: Hidden messages and addressers. *RUDN Journal of Sociology*. 2017; 17 (3).
25. Trotsuk I.V., Il'yina V.V. Hidden meanings in evaluation of social advertising efficiency: Methodological approach. *Communicology*. 2020; 8 (4). (In Russ.).
26. Trotsuk I.V., Subbotina M.V. Assessment of cinematographic influence on social representations of heroism: Approbation of an approach. *Communicology*. 2018; 6 (4). (In Russ.).
27. Wagner M.W., Gruszczynski M. When framing matters. How partisan and journalistic frames affect individual opinions and party identification. *Journalism & Communication Monographs*. 2016; 18.
28. Weiss D. Agenda-setting theory. U.S.W. Littlejohn, K.A. Foss (Eds.). *Encyclopedia of Communication Theory*. Thousand Oaks; 2009.

DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-2-404-413

EDN: PTPYWK

Восприятие сербскими студентами современного медийного освещения критических ситуаций*

Р. Перич Ромич¹, Б. Милошевич Шошо²

¹Баня-Лукский университет,

бул. Герцога Петра Бойовича, 1А, 78000, Баня-Лука, Республика Сербская

²Университет Восточного Сараево,

ул. Вуки Караджича, 30, 71126 Лукавица, Восточное Сараево, Республика Сербская

(e-mail: ranka.peric-romic@fpm.unibl.org; milosevic_biljana@yahoo.com)

Аннотация. С момента своего рождения СМИ оказывали огромное воздействие на массы, и это воздействие лишь стало более видимым в современном информационном обществе, особенно учитывая быстрое развитие технологий и социальных сетей. После короткого теоретического обзора концептуальных оснований своего исследования авторы приводят результаты разведывательного социологического опроса, проведенного в двух государственных университетах Республики Сербской. Опрос был призван выявить студенческие оценки манипулятивного потенциала СМИ в целом и применительно к медийной репрезентации российско-украинского конфликта в частности. В выборку были отобраны только студенты социальных и гуманитарных специальностей (представляющие самые разные профили в этих двух

*© Перич Ромич Р., Милошевич Шошо Б., 2024

Статья поступила в редакцию 20.01.2024 г. Статья принята к публикации 25.04.2024 г.

профессиональных областях), поскольку содержание обучения и по определению наличие специализированных знаний по рассматриваемой проблематике (благодаря программе курсов и требованиям к будущим профессиональным компетенциям) делают их «экспертами» в оценке медийных практик. Опрос был проведен в онлайн-формате, что позволило не только широко распространить ссылку на анкету, но и получить обратную связь от респондентов. Эмпирические данные подтвердили, что СМИ оказывают значительное воздействие на установки и ценности аудитории, включая самые молодые поколения, представленные в данном случае студенческой молодежью. Поскольку российско-украинский конфликт длится уже более двух лет, опрос выявил устойчивые социальные представления о нем, а не мнения, основанные исключительно на медийных оценках, или спонтанные эмоциональные реакции, неизбежные сразу после начала конфликта. Авторы сосредоточились на вопросах, считают ли студенты, что СМИ (в целом или конкретные компании) склонны к искаженным репрезентациям событий, и какие медийные каналы студенты предпочитают использовать для получения искомой информации. Авторы подчеркивают необходимость объективных репортажей о кризисных ситуациях, в число которых входят и различные конфликты. Любая кризисная ситуация — вызов для СМИ с той точки зрения, что ему необходимо соблюдать этические стандарты под давлением своих владельцев и политических сил. В статье представлены студенческие оценки причин искаженных медийных репрезентаций, включая темы, которые СМИ склонны описывать достаточно объективно.

Key words: СМИ; манипуляция; освещение; установки; объективность; студенты; социологический опрос; российско-украинский конфликт; Республика Сербская

DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-2-414-429

EDN: QOCGKO

Идеологические основания конструирования образа будущего в сознании современной студенческой молодежи*

Н.М. Великая¹, Е.А. Ирсетская^{1,2}

¹Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН,
ул. Фотиевой, 6, к.1, Москва, 121069, Россия

²Финансовый университет при Правительстве РФ,
Ленинградский просп., 49/2, Москва, 125167, Россия

(e-mail: natalivelikaya@gmail.com; e.irs@rggu.ru)

Аннотация. В статье рассмотрены доминирующие идеологические ценности политической культуры современного российского студенчества, определяющие основные направления формирования политического образа будущей России. Эмпирическая база статьи — данные социологического исследования «Студенты России: гражданская культура и жизненные стратегии» проведенного на общероссийской выборке центром политологии ИСПИ ФНИСЦ РАН в апреле — мае 2023 года. Понимая под идеологией устойчивый комплекс ценностных паттернов, которые конкурируют при выработке государственной политики и направлений общественного развития, авторы составили рейтинг наиболее значимых ценностей политической культуры молодежи, которые будут определять конфигурацию политического поля России в будущем. Авторы делают вывод о гибридном характере идеологического сознания студенчества — оно включает различные компоненты политических идеологий. Рассматривая идеологические ориентации и партийные симпатии респондентов, авторы отмечают, что около трети студентов не могут определиться с политико-идеологическими приоритетами, а 70 % не поддерживают ни одну из действующих в политическом поле партий, что позволяет сделать вывод о политическом эскапизме современного студенчества, которое не видит смысла во включенности в политические процессы. Низкий уровень политического участия коррелирует с невысокими оценками деятельности государства и власти. Было также выявлено влияние переменной «идеологическая самоидентификация» на представления об оптимальном будущем страны и существенные различия в образе будущего у студентов, разделяющих разные идеологемы, что позволяет говорить о необходимости как мониторинга идеологических приоритетов молодежи, так и регулирования этой сферы. Подчеркивая воспроизводство значимых политических ценностей, авторы обращают внимание на идеологические сдвиги в сознании молодого поколения, выражающиеся в возрастающей значимости демократических ценностей и принципов правового государства, что формирует запрос на трансформацию партийной системы и политическую демократизацию.

*© Великая Н.М., Ирсетская Е.А., 2024

Статья поступила в редакцию 18.01.2024 г. Статья принята к публикации 25.04.2024 г.

Ключевые слова: образ будущего; политические ценности; идеология; политическая культура; студенчество; российская молодежь

Современный период развития общества и государства в России характеризуется изменениями социокультурных и идеологических оснований социальной консолидации, важнейшим фактором которой становится релевантный ожиданиям граждан образ будущего, призванный определять стратегическую перспективу развития страны. Общества постмодерна/транзита, к каковым мы относим Россию, формируют особое пространство политической жизни — с высоким уровнем неопределенности и множественными идентичностями, наполненное экономическими, социальными и политическим рисками, что диктует необходимость обращения к проблематике конструирования будущего, которое имеет разные коннотации в политическом дискурсе. При этом глобализация и медиатизация культуры приводят к появлению новых площадок идеологического производства и новых символично-идеологических форм политической культуры, влияющих на содержание образа будущего, который закрепляется в общественном сознании. Студенческая молодежь, будучи важнейшим ресурсом воспроизводства человеческого и интеллектуального капитала, будет определять экономическое и политическое развитие страны в ближайшем будущем, что и обусловило выбор объекта исследования. Выявление идеологических координат в системе представлений студентов об оптимальном пути развития страны в будущем позволит выявить резервы социально-политической устойчивости российского общества и основания социального оптимизма, столь необходимого в условиях поиска стратегических ориентиров общественного развития.

Несмотря на значительный интерес к политической культуре и поведению молодежи, идеологические приоритеты студентов освещены в социологической литературе в минимальной степени. Как правило, исследователи обращаются к молодежи как особой социальной группе, поколенческой общности. Социально-политические и экономические трансформации, а также особенности конкретного исторического периода или волн кризисного состояния оказывают существенное воздействие на сознание молодых людей, способствуя формированию их политической идентичности и отношения к политическим процессам и институтам власти [13; 22; 29]. Отдельный интерес представляют исследования, которые, анализируя политические взгляды молодежи, характеризуют их как подвижные, подверженные сильному влиянию со стороны социальных институтов — семьи, образования, СМИ, государства и др. [14; 19], и рассматривают факторы политического участия молодежи, ее гражданской активности и ответственности [21; 16; 23].

Теоретическая рамка исследования — не только классические тексты, связанные с осмыслением феномена политической культуры и идеологии

(Г. Алмонд и С. Верба, Р.Ж. Шварценберг, К. Мангейм) и рассматривающие идеологию как символическую форму политического господства [33; 34], но и работы, определяющие идеологию как «набор идей, убеждений, ценностей и мнений, демонстрирующих повторяющиеся паттерны, которые сознательно или непреднамеренно конкурируют при выработке государственной политики в попытке оправдать, объяснить, оспорить или изменить социальные и политические механизмы и процессы политического сообщества» [31]. Идеологические конструкты XX века под влиянием глобализации все чаще перетасовываются во временные и неструктурированные комбинации, движущей силой которых выступает «великое беспокойство», влияющее на ценностное измерение демократий и других политических режимов в глобальном масштабе [32], что не может не отражаться на «образах будущего», особенно среди молодежи.

Как правило, социологи, предметно занимающиеся темой будущего, следуя логике Ф. Полака, акцентируют конструктивистскую функцию образов будущего, считая, что ход истории проектируется представлениями о грядущем [28; 29]. Образ будущего страны, доминирующий в коллективном сознании социальной группы, требует анализа не только идеологических представлений, но и общей структуры и содержания оптимального образа страны [4]. Нам переставляется продуктивным подход В.С. Комаровского, который предлагает сосредоточиться на трех составляющих образа будущего: общая оценка по шкале «позитивный/негативный»; пространственный образ и символический, включающий в себя специфику исторической памяти и цивилизационные аспекты восприятия «своей» и «чужой» культуры; отношение к отдельным сферам общественной жизни [12. С. 47].

В разработке инструментария мы опирались на методологические разработки коллег, которые изучали влияние ценностных ориентаций молодежи на политическую идентификацию [7; 15; 27], рассматривали смысловые и ценностные компоненты образа будущего у молодежи [9; 17]. Наша исследовательская стратегия предполагала ранжирование коллективных идеологических приоритетов, оценку возможности групповой мобилизации и понимание социального порядка студенческой молодежью. Эмпирическая база статьи — третья волна проекта центра политологии ИСПИ ФНИСЦ РАН «Студенты России: гражданская культура и жизненные стратегии», проведенного в апреле — мае 2023 года на общероссийской выборке в 30 субъектах Российской Федерации.

Идеологические приоритеты студенческой молодежи

Интерес к идеологическим компонентам общественного сознания связан с особенностями легитимации российского политического режима, который нуждался в механизмах консолидации и интегра-

ции общества. Таким механизмом власть сочла если не национальную идеологию, то национальную идею [8. С. 105], которая на разных этапах новой российской государственности обретала разное содержание. Попытки сформулировать внятный проект будущего России на основе объединяющей идеологии ограничивались воспроизводством прежних, слегка отретушированных конструктов и созданием новых, но исключительно в целях легитимизации политического режима или создания ему некоей альтернативы. Как правило, это максимы, связанные с идеологией «особого пути»: новое евразийство Дугина, новый социализм КПРФ и Справедливой России, «консервативная модернизация и идеи Суркова о суверенной демократии и эпохе путинизма» [24], социальный консерватизм, отраженный в выступлениях Президента и Стратегии национальной безопасности России [25], — с одной стороны, и идея либерализации и демократизации — с другой.

Главный идеологический раскол проходит по линии между лояльностью власти и протестом против замораживания политического режима, что, однако, не привело к формированию адекватных и жизнеспособных политических альтернатив. Поэтому для части общества «главной приметой конца нулевых, приметой замалчиваемой, но оттого еще более мучительной, стало трезвое всеобщее осознание: будущего не будет, по крайней мере здесь» [1]. Высказывалось мнение, что молодежь не видит картину будущего: «Долгое время мы вращали себе, что национальная идеология придет из народа. Никогда никакая идеология, кроме разрушительной, снизу не приходила... Умерла в 1970-е коммунистическая идея, никакой другой на смену не пришло. Безверие, пессимизм» [11].

Анализ структуры идеологических концептов в динамике показывает ее зависимость от содержания публичного дискурса, который за двадцать лет определенно сдвинулся в сторону консервативных и традиционных ценностей. В частности, по данным мониторинга «Как живешь, Россия?» [10], снизилась значимость таких идеологических приоритетов, как свобода, права человека, народовластие, закон и частная собственность (ассоциируются с понятием правового и демократического государства), но выросли показатели патриотизма, государственности и равенства [3]. У студенческой молодежи структура приоритетов несколько иная, с присутствием в ядре демократических ценностей: наиболее значимы, помимо справедливости (58 %), права человека (55 %) и свобода (51 %), за ними следуют демократия (26 %) и равенство (24 %) (Табл. 1).

Активизация патриотического дискурса, который во многом строится на эксплуатации концептов «русский мир» и «былое величие страны» [5] и противопоставлении интересов России и Запада, определяет значимость таких идей, как единение народов России в целях возрождения страны как великой державы (32 %), патриотизм, служение родине,

будущее детей (18 %), но не исключает значимости ценностей правового и демократического государства. Более трети опрошенных студентов (36 %) считают приемлемой национальной идеей правовое государство и равенство граждан перед законом, социально справедливое государство и социальное благополучие граждан (32 %). Для четверти студентов привлекательна идея России как современного демократического государства (25 %), для каждого пятого — идея индивидуальной свободы, приоритет интересов личности (20 %).

Таблица 1

«Какие три понятия должны лежать в основе политики России сегодня?», %

Справедливость	58,1
Права человека	55,4
Свобода	51,2
Демократия	26,2
Равенство	24,3
Закон	19,4
Порядок	17,3
Патриотизм	15,8
Духовность, нравственность	15,2
Социальное государство	11,6
Государственность, сильная государственная власть	11,5
Частная собственность	10,7
Суверенитет	10,3
Свобода предпринимательства	10,2
Народность	10
Солидарность	8,9
Народовластие	8,6
Согласие	7,2
Религия, религиозные традиции	5,5
Конкуренция	5,1
Самодержавие	5
Интернационализм	3,8
Православие	3,3

Заметим, что за последние четверть века произошли изменения в идеологическом самоопределении российских граждан, что выразилось в отказе от либеральных и демократических ценностей (демократами себя в 2022 году считало 18 %, в 2023–22 %, либералами — 6 % и 3 % соответственно) [10]. Студенты более либерально ориентированы (Табл. 2): почти треть разделяет демократические взгляды, около 8 % — либеральные, а ценность левых идей, напротив, невелика. Коммунистические, социалистические и социал-демократические ценности в совокупности разделяют не более 14 %. Почти 40 % опрошенных студентов не смогли отнести себя к сторонникам той или иной идеологии. Существенные различия по регионам не просматриваются — они укладываются в рамки статистической погрешности с той лишь разницей, что в Москве и Московской области меньше доля затруднившихся с ответом на данный вопрос.

Таблица 2

Политические взгляды молодежи, %

Как бы Вы определили свои политические взгляды? (выберите один ответ)	
30,8	Демократические
3,2	Коммунистические
7,5	Либеральные
4,8	Социалистические
4,2	Консервативные
5,3	Социал-демократические
1,9	Националистические
0,9	Зеленая политика, энвайронментализм
1,9	Другое (напишите)
39,5	Затрудняюсь ответить

Парадоксальность и размытость политического сознания студенчества может быть проиллюстрирована доминирующими ценностями групп, разделяющих те или иные политические взгляды. Подчеркнем, что, несмотря на выраженную симпатию к демократическим ценностям, суждения респондентов, демонстрирующие их отношение к тем или иным проблемам идеологического поля, показывают гибридный тип идеологического сознания — результат не только глобализации, но и социальных трансформаций политического поля России, где идеологическое разнообразие и политический плюрализм существенно сжались за последние два десятилетия [6] (Табл. 3).

Таблица 3

Отношение к действующим институтам власти и общественным структурам, %

Согласны ли Вы со следующими суждениями? (один ответ по каждой строке)		Согласен	Не согласен
1	При всех недостатках нынешнюю власть следует поддерживать	57,4	42,6
2	Нынешняя власть должна быть заменена во что бы то ни стало	34,6	65,4
3	России нужна твердая рука, порядок в обществе	71,9	28,1
4	Россия нуждается в регулярной сменяемости власти	52,4	47,6
5	Политические свободы и демократия — это обязательные условия существования государства	78	22
6	Страна больше нуждается в стабильности, чем в переменах	56,5	43,5
7	Современное демократическое государство обязательно предполагает многопартийность	70,3	29,7
8	Наличие независимой оппозиции — неперенное условие развития политической демократической системы	69	31
9	Не важно, какая партия приходит к власти — для простого человека все равно ничего не изменится	37,3	62,7
10	Основные угрозы для России исходят из-за рубежа	45,8	54,2

По многим принципиальным позициям наблюдается разброс мнений — когда, например, половина опрошенных согласна с тем, что нынешнюю власть надо поддерживать в любом случае и сменяемость власти необязательна, а другая половина разделяет прямо противоположную позицию. Хотя большинство (78 %) считает политические свободы, демократию и многопартийность обязательными условиями существования государства, 72 % уверены в эффективности «сильной руки», предпочитая стабильность переменам. При этом оценка молодежью деятельности социально-политических институтов и уровень доверия им весьма вариативны: в наибольшей степени респонденты не доверяют политическим партиям и движениям (32 %), Государственной Думе (31 %), Правительству и Совету Федерации (по 27 %) (Табл. 4).

Таблица 4

Отношение к институтам власти и общественным структурам, %

Определите свое отношение к действующим институтам власти и общественным структурам (один ответ по каждой строке)		Доверяю	Не доверяю	Затрудняюсь ответить
1	Президенту РФ	51,7	22,2	26,1
2	Правительству РФ	42,1	27,6	30,3
3	Совету Федерации	40,5	27,2	32,3
4	Государственной Думе	37,1	31,1	31,8
5	Администрации Президента РФ	40	27,3	32,6
12	Политическим партиям, движениям	32,7	32,1	35,2

Многие респонденты (более трети) затруднились оценить степень доверия социально-политическим институтам, что может говорить о низкой включенности молодежи в социально-политическую проблематику, о малой информированности о социально-политических процессах и деятельности властных институтов, о низком уровне политической культуры молодежи. В частности, студенты не принимали участие в выборах (41 %), а 71 % не являются сторонником какой-либо партии или политического движения [см. также: 20]. Подобная картина свидетельствует о воспроизводстве элементов описанной в литературе политической культуры «гомо советикус» [26], для которой характерны патернализм, социальный инфантилизм и правовой нигилизм.

Учитывая, что идеологическое поле обычно описывается через призму партийных идеологий, обратимся к партийно-политическим симпатиям студентов. В отличие от всероссийской выборки, где «Единую Россию» поддерживают порядка 35 %, среди студентов симпатизируют партии власти лишь 16 %, а 71 % не поддерживают ни одну из существующих в России политических организаций (Табл. 5).

Таблица 5

Приверженность молодежи политическим партиям, %

Сторонником какой политической партии, движения Вы являетесь? (выберите один ответ)	
16,4	Единая Россия
1,8	КПРФ
3,4	ЛДПР
1,2	Справедливая Россия — Патриоты — За правду
1,3	Яблоко
0,3	Партия роста
0,4	Родина
1,4	Партия «Новые люди»
0,2	Российская партия пенсионеров за социальную справедливость
0,2	Коммунисты России
0,2	Партия «Зеленая альтернатива»
0,1	Гражданская платформа
0,3	Зеленые
0,3	Российская партия свободы и справедливости
1,5	Другая партия, движение
70,8	Не являюсь сторонником какой-либо партии или политического движения

Кроме того, отмечая уровень выполнения государством своих обязанностей по обеспечению прав и свобод граждан, студенты особенно низко оценивают обеспечение прав на свободу организаций и собраний, свободу политического выбора, равенство перед законом и судом и свободу СМИ (Рис. 1).

В целом пятая часть опрошенных в той или иной степени не удовлетворена жизнью в стране, а 38 % заявили о желании жить или работать в других странах после окончания вуза.

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Оцените по 5-балльной системе, насколько выполняет российское государство свои обязанности по гарантии прав»

Социальный оптимизм и оценка перспектив России

Сильнее всего политическое сознание студенческой молодежи дифференцировано по установкам в отношении будущего страны. Мнение, что Россия обречена на распад, чаще всего высказывают респонденты, придерживающиеся либеральных или «зеленых» взглядов (22–24 %), что более чем в два раза превышает долю сторонников этой позиции среди тех, кто разделяет демократические, коммунистические и социалистические взгляды (7,3 %–8,2 %), не говоря уже о представителях консервативных взглядов (3,5 %). Таблица 6 показывает, что наиболее оптимистический сценарий геополитического будущего России, предусматривающий объединение народов, поддерживают сторонники коммунистической (62 %), националистической (63 %) и социалистической (57 %) идеологий, тогда как остальные предполагают сохранение России в настоящих границах.

Более существенны различия между сторонниками разных идеологий в отношении предпочтительной экономической системы будущей России: около половины демократически (47 %) и либерально (51 %) настроенных молодых людей выбирают свободную рыночную экономику как наиболее приемлемый путь развития страны; представители социал-демократических (42 %), «зеленых» (40 %) и социалистических (34 %) взглядов чаще высказываются за социально ориентированную экономику, как и 28 % либерально настроенных респондентов (Табл. 7). Экономическое устройство с преобла-

данием государственных форм собственности импонирует не более четверти респондентам, придерживающихся коммунистических (23 %), социалистических (22 %) и консервативных (24 %) взглядов.

Таблица 6

«Какое будущее ожидает Россию?» (% в каждой группе)

Варианты будущего	Демократические	Коммунистические	Либеральные	Социалистические	Консервативные	Социал-демократические	Националистические	Зеленые, энвайронменталисты
Россия обречена на распад	7,3	8,2	22,2	7,9	3,5	12,9	10,4	24,4
Россия будет существовать в нынешних границах	45,8	29,8	48,9	34,7	36,5	44,9	26,4	40
Рано или поздно вокруг России начнется процесс объединения народов	46,9	62	28,8	57,4	60	42,3	63,2	35,6

Таблица 7

«Какая экономическая система предпочтительнее для развития России», (% в каждой группе)

Виды экономики	Демократические	Коммунистические	Либеральные	Социалистические	Консервативные	Социал-демократические	Националистические	Зеленые, энвайронменталисты
Свободная рыночная	46,5	16,8	51,2	18,1	21	22,8	30,3	22,9
Социально-ориентированная	20,7	22,8	27,9	33,5	18,9	41,8	12,8	39,6
С преобладанием государственных форм собственности	8,3	22,8	6,8	21,7	23,5	15,1	17,4	14,6
Свой особый путь развития	24,5	37,7	14,1	26,7	36,6	20,3	39,4	22,9

Идея России как страны с особым путем развития в большей степени привлекательна для придерживающихся националистических (39 %), коммунистических (38 %) и консервативных (37 %) политических взглядов, хотя находит поддержку и среди социалистически (27 %), демократически (25 %), энвайронменталистски (23 %), социал-демократически (20 %) и либерально (14 %) на-

строенных групп. Идея свободной рыночной экономики менее привлекательна для представителей всех политических взглядов (16,8 % — 22 %) и востребована только среди либерально и демократически настроенной молодежи, которая по численности сильно уступает другим группам. Вместе с тем у студенческой молодежи нет четкого представления о том, какая форма государственного устройства необходима России: за президентскую республику чаще всего отдадут голоса представители коммунистических (69%), консервативных (69%), социалистических (57%) и демократических (54%) взглядов; идею парламентской республики чаще поддерживают представители либеральных (71%), «зеленых» (63%) и социал-демократических взглядов (56%). В целом мнение студенческой молодежи о необходимой России форме государственного устройства весьма размыто и представлено практически в равных долях альтернативой «президентская/парламентская республика», за исключением представителей либеральной, коммунистической и консервативной идеологии, для которых характерны более жесткие и полярные оценки. Так, около двух третей представителей коммунистической и консервативной идеологии склоняются к выбору президентской республики, а примерно столько же сторонников либеральных взглядов — парламентской. Причем социально-демографические характеристики практически не влияют на идеологические установки относительно государственного устройства и образ будущего страны.

Наши данные и материалы коллег свидетельствуют о непостоянстве политических интересов и ориентаций, о парадоксальности политического мышления российской молодежи [3; 21]. Политическая культура современного российского включает разные идеологемы — от либеральных и демократических до коммунистических и националистических, что предопределяет разные образы будущего. Своеобразная эклектичность политического сознания, его аморфность и размытость становится печальной приметой наших дней, когда дистанцированность от политических процессов воспроизводится, а в условиях минимизации политической конкуренции даже растет, снижая возможности социальной солидаризации. Единственным социально-одобряемым способом социальной интеграции становится консолидация вокруг власти, что не всегда соответствует запросам общества в целом и молодежи в частности. Неслучайно многие эксперты заявляют о необходимости развития таких методов вовлечения молодежи в политику, как общественное наблюдение за выборами и референдумами, что позволит повысить уровень не только политической, но и правовой культуры молодых людей [18].

Представители коммунистических, социалистических, демократических и консервативно-националистических взглядов гораздо чаще верят в будущее России как независимого государства и видят перспективу межнационального и межстранового объединения народов вокруг нашего государства,

в отличии от представителей либеральных взглядов и «зеленых». Однако, несмотря на разные политические предпочтения и представления об оптимальном пути развития страны, патриотизм и ориентированность на благополучие России остаются доминантой политической культуры молодежи.

Библиографический список

1. Быков Д. Чеховский стыд // Профиль. 01.02.2010. (Признан иностранным агентом).
2. Великая Н.М. Российская молодежь в поле современной политики: между традиционализмом и оппозиционностью // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2020. № 2.
3. Великая Н.М. Идеологические и институциональные доминанты консолидации российского общества и государства // Вопросы политологии. 2022. Т. 12. № 11.
4. Великая Н.М., Новоженина О.П. Социально-политические ценности в образе будущего российских граждан как основание политической и экономической модернизации страны // Вопросы политологии. 2021. Т. 11. № 3.
5. Гарбузов В.Н. Для самопознания России необходимы знания, а не мифы // Независимая газета. 29.08.2023.
6. Гельман В.Я. «Либералы» versus «демократы»: идейные траектории постсоветской трансформации в России // Мир России. 2020. Т. 29. № 1.
7. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России в зеркале социологии: к итогам многолетних исследований. М., 2020.
8. Денисов Н.Г. Идеология и социокультурный ландшафт России: образы будущей государственности и цивилизации // Теория и история культуры. 2020. № 4.
9. Зубок Ю.А., Селиверстова Н.А. Смысловые компоненты образа будущего страны в представлениях молодежи // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28. № 4.
10. Как живешь, Россия? Экспресс-информация. Июнь. М., 2023.
11. Караганов С. Мировой шторм и русский кураж // Россия в глобальной политике. 28.10.2020 // URL: // <https://globalaffairs.ru/articles/mirovoj-shtorm-i-russkij-kurazh>.
12. Комаровский В.С. Образ желаемого будущего России: проблемы формирования // Власть. 2020. Т. 28. № 1.
13. Котляревич А.Н. Ценности современной российской молодежи: неолиберальный тренд // Культура и безопасность. 2023. № 1.
14. Колобродов В.А., Мельникова Т.С. Политическая культура молодежи в современной России: состояние и перспективы // Ученые записки Тамбовского отделения РoСМУ. 2018. № 10.
15. Кох И.А., Бирюкова Т.С., Скутин А.С. Политическая культура студенческой молодежи // Вестник ТюмГУ. Социально-экономические и правовые исследования. 2020. Т. 6. № 2.
16. Латов Ю.В. Идеологические векторы и скаляры действий сторонников перемен // Социологические исследования. 2019. № 12.
17. Левашов В.К., Гребняк О.В., Новоженина О.П. Образы будущего в сознании российской молодежи: ценностные ориентации, цифровые инновации и социально-политические ожидания // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2021. Т. 14. № 2.
18. О вовлеченности молодежи в наблюдение за выборами рассказали на Международном юридическом форуме 10 мая 2023 // URL: https://iacis.ru/novosti/institut_monitoringa_razvitiya_demokratii_mpa_sng/o_vovlechennosti_molodyozhi_v_nablyudenie_za_viborami_rasskazali_na_mezhdunarodnom_yuridicheskom_forume.
19. Погосян Л.А., Гражданкина Л.Ю. Политическая культура как фактор формирования социальной активности молодежи // Вестник СКФУ. 2014. № 4.
20. Попова О.В., Лагутин О.В. Политические настроения молодежи: лояльность или протест? // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2019. Т. 21. № 4.

21. Петухов В.В. Российская молодежь и ее роль в трансформации общества // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3.
22. Радаев В.В. Миллениалы: как меняется российское общество. М., 2019.
23. Руденкин Д.В. Фактор ценностей в развитии протестных настроений молодежи: Итоги пилотажного исследования // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2019. Т. 10. № 1.
24. Сурков В. Долгое государство Путина // Независимая газета. 11.02.2019.
25. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19166_9/61a97f7ab0f2f3757fe034d11011_c763bc2e593f.
26. Тутков А.С. Призрак советского человека // Социология власти. 2019. № 4.
27. Федотова В.А. Ценности как предиктор политического доверия и готовности к политическому поведению у российской молодежи // Вестник КемГУ. 2022. Т. 24. № 1.
28. Шестопал Е.Б. Образ идеального будущего: нормативные представления российских граждан о власти // Вестник ТГУ. 2021. № 464.
29. Щербинин А.И., Щербинина Н.Г. Политическое конструирование образа будущего // Вестник ТГУ. 2020. № 56.
30. Яницкий М.С., Серый А.В., Браун О.А. и др. Система ценностных ориентаций «поколения Z»: социальные, культурные и демографические детерминанты // Сибирский психологический журнал. 2019. № 72.
31. Freedon M. (Ed.). *Reassessing Political Ideologies: The Durability of Dissent*. Routledge, 2001.
32. Manfred B.S., James P. *Globalization Matters: Engaging the Global in Unsettled Times*. N.Y., 2019.
33. Mannheim K. *Ideology and Utopia: An Introduction to the Sociology of Knowledge*. N.Y., 1954.
34. Thompson J.B. *Ideology and Modern Culture. Critical Social Theory in the Era of Mass Communication*. Polity Press, 1990.

DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-2-414-429

EDN: QOCGKO

Ideological foundations of the image of the future among the contemporary student youth*

N.M. Velikaya¹, E.A. Irsetskaya^{1,2}

¹Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS,
Fotievoy St., 6, bldg.0 1, Moscow, 121069, Russia

²Financial University under the Government of the Russian Federation,
Leningradsky Prosp., 49/2, Moscow, 125167, Russia

(e-mail: natalivelikaya@gmail.com; e.irs@rggu.ru)

Abstract. The article considers dominant ideological values of the political culture of the contemporary Russian students as determining main directions for the formation of the political image of future Russia. The empirical basis of the article is the data of the sociological study “Students of Russia: Civil culture and life strategies” conducted on the all-Russian sample by the Center for Political Science of the ISPR of the FCTAS RAS in April–May 2023. The authors define ideology

*© N.M. Velikaya, E.A. Irsetskaya, 2024

The article was submitted on 11.12.2023. The article was accepted on 26.01.2024.

as a stable set of value patterns that compete in determining state policies and social development, and present a ranking of the most significant values of the youth's political culture, which will determine the configuration of the political field of Russia in the future. The authors insist on the hybrid nature of the student ideological consciousness as combining various components of political ideologies; moreover, about a third of students cannot decide on their political-ideological priorities, and 70 % do not support any political parties, which allows the authors to make a conclusion about political escapism of students, who do not see meaning in their participation in political processes. Such a low level of political participation correlates with low assessments of the state and government activities. The authors mention the influence of the "ideological self-identification" variable on students' ideas about the optimal future of the country and significant differences in the image of the future among supporters of different ideologies, which implies the need to both monitor and regulate the youth's ideological priorities. When emphasizing the reproduction of significant political values, the authors draw attention to ideological shifts in the consciousness of the younger generation as expressed in the growing importance of democratic values and the rule of law, which determines a demand for the transformation of the party system and political democratization.

Key words: image of the future; political values; ideology; political culture; student youth; Russian youth

References

1. Bykov D.¹ Chekhovskiy stid [Chekhov's shame]. *Profil*. 01.02.2010. (In Russ.).
2. Velikaya N.M. Rossiiskaya molodezh v pole sovremennoi politiki mezhdru traditsionalizmom i oppozitsionnostiyu [Russian youth in the field of the contemporary politics: Between traditionalism and oppositionalism]. *Vestnik RGGU*. 2020; 2. (In Russ.).
3. Velikaya N.M. Ideologicheskie i institutsionalnie dominanti konsolidatsii rossiiskogo obschestva i gosudarstva [Ideological and institutional dominants of the consolidation of the Russian society and state]. *Voprosi Politologii*. 2022; 11. (In Russ.).
4. Velikaya N.M., Novozhenina O.P. Sotsialno-politicheskie tsennosti v obraze budushchego rossiiskih grazhdan kak osnovanie politicheskoi i ekonomicheskoi modernizatsii strany [Social-political values in the image of the future of Russian citizens as the basis for the political and economic modernization of the country]. *Voprosi Politologii*. 2021; 3. (In Russ.).
5. Garbuzov V.N. Dlya samopoznaniya Rossii neobkhodimy znaniya, a ne mify [For self-knowledge, Russia needs knowledge rather than myths]. *Nezavisimaya Gazeta*. 29.08.2023. (In Russ.).
6. Gelman V.Ya. Liberaly versus demokraty: ideinye traektorii postsovetskoi transformatsii v Rossii ["Liberals" versus "democrats": Ideological trajectories of the post-Soviet transformation in Russia]. *Mir Rossii*. 2020; 29 (1). (In Russ.).
7. Gorshkov M.K., Sheregi F.E. *Molodezh Rossii v zerkale sotsiologii: k itogam mnogoletnih issledovaniy* [Russia's Youth in the Mirror of Sociology: Results of Long-Term Surveys]. Moscow; 2020. (In Russ.).
8. Denisov N.G. Ideologiya i sotsio-kulturny landshaft sovremennoi Rossii: obrazi budushchei gosudarstvennosti i tsivilizatsii [Ideology and social-cultural landscape of Russia: Images of the future statehood and civilization]. *Teoriya i Istoriya Kultury*. 2020; 4. (In Russ.).
9. Zubok Yu.A., Seliverstova N.A. Smislovye komponenti obraza budushchego strany v predstavleniyah molodezhi [Semantic components of the image of the country's future in the youth's perception]. *Nauka.Kultura.Obschestvo* 2022; 28 (4). (In Russ.).
10. Kak zhivesh, Rossiya? Ekspres-informatsiya. Iyun [How are you, Russia? Express Information. June]. Moscow; 2023. (In Russ.).

¹ Recognized as a foreign agent by the Russian Ministry of Justice on July 29, 2022

11. Karaganov S. Mirovoi shtorm i russky kurazh [Global storm and Russian courage]. *Rossiya v globalnoi politike*. 28.10.2020. URL: // <https://globalaffairs.ru/articles/mirovoj-shtorm-i-russkij-kurazh>. (In Russ.).
12. Komarovskiy V.S. Obraz zhelaemogo budushchego Rossii: problema formirovaniya [Image of the desired future of Russia: Problems of formation]. *Vlast*. 2020. 28; 1. (In Russ.).
13. Kotlyarevich A.N. Tsennosti sovremennoi rossiiskoi molodezhi : neoliberalny trend [Values of the contemporary Russian youth: A neoliberal trend]. *Kultura i Bezopasnost*. 2023; 1. (In Russ.).
14. Kolobrodov V.A., Melnikova T.S. Politicheskaya kultura molodezhi v sovremennoi Rossii: sostoyanie i perspektivy [Political culture of the youth in contemporary Russia: State and prospects]. *Uchenie Zapiski Tambovskogo otdeleniya RoSMU*. 2018; 10. (In Russ.).
15. Kokh I.A., Biryukova T.S., Skutin A.S. Politicheskaya kultura studencheskoi molodezhi [Political culture of the student youth]. *Vestnik TyumGU. Sotsialno-Ekonomicheskie i Pravovye Issledovaniya*. 2020; 6 (2). (In Russ.).
16. Latov Yu.V. Ideologicheskie vektory i skalyari deistvij storonnikov peremen [Ideological vectors and scalars of actions of the change supporters]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2019; 12. (In Russ.).
17. Levashov V.K., Grebnyak O.V., Novozhenina O.P. Obrazy budushchego v soznanii rossiiskoi molodezi: tsennostnye orientatsii, tsifrovye innovatsii i sotsialno-politicheskie ozhidaniya [Images of the future of the Russian youth: Value orientations, digital innovations and social-political expectations]. *Vestnik Uzhno-Rossiskogo Gosudarstvennogo Tekhnicheskogo Universiteta*. 2021; 14 (2). (In Russ.).
18. O vovlechnosti molodezhi v nablyudenie za vyborami rasskazali na mezhdunarodnom yuridicheskom forume [The youth's involvement in the observation of elections was discussed at the International Legal Forum]. 10.05.2023. URL: https://iacis.ru/novosti/institut_monitoringa_razvitiya_demokratii_mpa_sng/o_vovlechnosti_molodyozhi_v_nablyudenie_za_viborami_rasskazali_na_mezhdunarodnom_yuridicheskom_forume (In Russ.).
19. Pogosyan L.A., Grazhdankina L.Yu. Politicheskaya kultura kak factor formirovaniya sotsialnoi aktivnosti molodezhi [Political culture as a factor in the formation of the youth's social activity]. *Vestnik SKFU*. 2014; 4. (In Russ.).
20. Popova O.V., Lagutin O.V. Politicheskie nastroyeniya molodezhi: loylnost ili protest? [Political sentiments of the youth: Loyalty or protest?]. *RUDN Journal of Political Science*. 2019; 21 (4). (In Russ.).
21. Petukhov V.V. Rossiiskaya molodezh i ee rol v transformatsii obshchestva [Russian youth and its role in social transformation]. *Monitoring Obshchestvennogo Mneniya: Ekonomicheskie i Sotsialnye Peremeny*. 2020; 3. (In Russ.).
22. Radaev V.V. *Millenialy: kak menyaetsya rossijskoe obshchestvo* [Millennials: How the Russian Society Changes]. Moscow; 2019. (In Russ.).
23. Rudenkin D.V. Faktor tsennostei v razvitii protestnykh nastroyenij molodezhi [The value factor in the development of the youth's protest sentiments: Results of the exploratory study]. *Mir Nauki. Sotsiologiya, Filosofiya, Kultura*. 2019; 10 (1). (In Russ.).
24. Surkov V. Dolgoe gosudarstvo Putina [Putin's long-term state]. *Nezavisimaya Gazeta*. 2019. URL: https://yandex.ru/turbo/ng.ru/s/ideas/2019-02-11/5_7503_surkov.html (In Russ.).
25. Strategiya natsionalnoi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii [National Security Strategy of the Russian Federation]. 31.12.2015. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/61a97f7ab0f2f3757fe034d11011c763bc2e593f (In Russ.).
26. Titkov A.S. Prizrak sovsetskogo cheloveka [The ghost of the Soviet man]. *Sotsiologiya Vlasti*. 2019; 31 (4). (In Russ.).
27. Fedotova V.A. Tsennosti kak predictor politicheskogo doveriya i gotovnosti k politicheskomu povedeniyu u rossiiskoi molodezhi [Values as a predictor of political trust and readiness for political action of the Russian youth]. *Vestnik KemGU*. 2022; 24 (1). (In Russ.).

28. Shestopal E.B. Obraz idealnogo buduschhego: normativnye predstavleniya rossiiskih grazhdan o vlasti [The image of an ideal future: Normative ideas of Russians about power]. *Vestnik TGU*. 2021; 464. (In Russ.).
29. Shcherbinin A.I., Shcherbinina N.G. Politicheskoe konstruirovaniye obraza budushchego [Political construction of the image of the future]. *Vestnik TGU*. 2020; 56. (In Russ.).
30. Yanitsky M.S., Sery A.V., Braun O.A. et al. Sistema tsennostnih orientatsiy pokoleniya Z: sotsialnye, kulturnye i demograficheskie determinanty [System of value orientations of the “generation Z”: Social, cultural and demographic determinants]. *Sibirsky Psikhologicheskyy Zhurnal*. 2019; 72. (In Russ.).
31. Freedon M. *Reassessing Political Ideologies: The Durability of Dissent*. Routledge; 2001.
32. Manfred B.S., James P. *Globalization Matters: Engaging the Global in Unsettled Times*. New York; 2019.
33. Manheim K. *Ideology and Utopia: An Introduction to the Sociology of Knowledge*. New York; 1954.
34. Thompson J.B. *Ideology and Modern Culture. Critical Social Theory in the Era of Mass Communication*. Polity Press; 1990.

DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-2-430-444

EDN: QZYNLW

Студенческая молодежь: психоэмоциональный и социальный автопортрет (по результатам фокус-групп)*

Р.Э. Бараш, И.О. Тюрина

Институт социологии ФНИСЦ РАН,
ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5, Москва, 117218

(e-mail: raisabarash@gmail.com; irina1-tiourina@yandex.ru)

Аннотация. По материалам фокус-групповых бесед со студентами четырех российских университетов авторы описывают психоэмоциональное состояние и социальное положение студенческой молодежи, круг беспокоящих ее проблем, планы на будущее, приоритетные стратегии взаимодействия со сверстниками и отношение студенчества к таким мировоззренческим чертам, как свободомыслие и неординарность мышления, толерантность к своеобразию окружающих и следование собственным взглядам, мотивированность и целеустремленность. Исследование показало, что под влиянием актуальной медийной повестки (прежде всего в Интернете) в студенческой среде доминируют эмоции тревоги, незащитности и неопределенности, тогда как традиционные СМИ практически не вызывают интереса у участников фокус-групп. Большинство информантов не смотрят телевизор, в том числе по идейным причинам. Психологическое состояние молодежи в значительной степени формируется поступающей из СМИ информацией, которой молодые люди не доверяют однозначно и многократно перепроверяют. Для студентов, оканчивающих университет и сталкивающихся с большим объемом учебной работы, основным источником беспокойства — страх перед неизвестным будущим, неопределенность в выборе карьеры и жизненных целей, в том числе с учетом сложной геополитической обстановки. Уникальными чертами своего поколения российские студенты считают внутреннюю свободу и широту взглядов, постоянное саморазвитие и стремление к самореализации, сочетание индивидуализма и эмпатии, а также постоянную включенность в коммуникацию с друзьями посредством социальных медиа. Среди негативных черт современной молодежи информанты называли некоторую инфантильность и неготовность принимать ответственные решения. В числе наиболее тревожащих и болезненных для современной молодежи социальных проблем российского общества студенты отметили социальное неравенство, обусловленное, имущественным различием, а разнообразие мнений и жизненных стратегий они воспринимают спокойно.

Ключевые слова: российское общество; общественное мнение; молодежь; студенчество; ценности; коммуникация; цифровизация; ценностные ориентации; жизненные стратегии; социальная мобильность; образ будущего

*© Бараш Р.Э., Тюрина И.О., 2024

Статья поступила в редакцию 25.02.2024 г. Статья принята к публикации 15.05.2024 г.

Студенческая молодежь — ключевой ресурс и локомотив будущих социальных преобразований. Ценности молодежи, ее представления о составляющих успеха, приоритетных жизненных направлениях, настоящем и будущем определяют векторы общественного развития. Студенчество отличается высоким зарядом социальной активности и готовностью бороться за свои интересы [20], выступает ключевым актором воспроизводства социально-профессиональной структуры [6], воспринимает учебу как значимый ресурс социальной мобильности, в связи с чем растет интерес молодежи к получению образования [21]. Сегодня традиционные образовательные траектории дополняются более сложными, включающими разные уровни обучения и стратегии самопозиционирования на рынке труда, что предоставляет молодым людям больше возможностей в меняющихся социально-экономических условиях [10]. Установки и жизненные стратегии молодежи, ее представления о приоритетных стратегиях будущего — как личного, так и общественного — находятся под постоянным влиянием стремительно меняющейся конъюнктуры. Так, например, пандемия covid-19, несмотря на сложности адаптации к социальной изоляции, заметно расширила масштабы и интенсивность цифровой коммуникации российского студенчества [1; 7]. Но стремительно развивающиеся сети регулярной онлайн коммуникации сокращают «круг доверия» молодежи, количество субъектов, которым она однозначно доверяет [11. С. 112]. Высокая «чувствительность» студенческой молодежи к повестке дня и ее стратегическая социальная значимость делают особенно актуальным исследование ее ценностных установок.

Для изучения ценностных ориентаций студенчества в рамках проекта «Динамика ценностных ориентаций студенческой молодежи в процессе обучения в вузе» в ноябре — декабре 2022 года была проведена серия фокус-групп (по 12 участников в каждой; представлены основные специальности обучения и обеспечен гендерный баланс) в четырех российских вузах: Государственном академическом университете гуманитарных наук (ГАУГН, Москва), Череповецком государственном университете (ЧГУ, Череповец), Южном федеральном университете (ЮФО, Ростов-на-Дону) и Уфимском университете науки и технологий (УУНиТ, Уфа). Ниже представлены основные результаты фокус-групп.

Общее эмоциональное состояние молодежи. Большинство студентов признавались, что в течение года, предшествовавшего исследованию, их психоэмоциональное состояние было сложным, напряженным, доминировали чувства страха, волнения, неуверенности, агрессии: «У меня и всех моих близких — друзей и родственников — в более негативную сторону изменилось состояние, оно стало более нестабильным»; «У нас на факультете я заметила, что у людей преобладает тревожное состояние»; «Люди из моего окружения и я стали более тревожными. Повысился уровень тревожности в связи с ситуацией в стране и неуверенностью в завтрашнем дне. Ты не зна-

ешь, что будет завтра, даже строить планы невозможно»; «Если говорить про мои самоощущения, то я не знаю, что делать. У меня на протяжении полугода каждый раз ломались планы на будущее»; «Мои сверстники сейчас в тревожном состоянии, беспокоятся за своих родственников. Мне тоже немножко тревожно»; «В целом все стали более тревожными — как в семейном кругу, так и в окружении»; «Настрой тревожный и достаточно негативный».

Основная причина эмоциональной напряженности студентов — изменение геополитической обстановки в мире после начала специальной военной операции на Украине в феврале 2022 года: *«В последнее время неустойчивое эмоциональное состояние, связанное больше всего, конечно, с последними событиями, и вообще ситуация в мире очень напрягает»; «Действительно, политическая обстановка на меня влияет очень сильно... за последнее время у меня сильно психоземotionalное состояние просело»; «Из-за внешнеполитических событий и в принципе ситуации в мире привычные вещи выходят из-под контроля, и становится очень тяжело со всем этим справляться».*

Чувство тревожности, особенно у юношей, выросло после объявления частичной мобилизации в сентябре 2022 года, что обеспокоило, прежде всего, студентов выпускных курсов, переживавших по поводу сохранения отсрочки: *«Родственники за меня тоже опасаются, поскольку этот год, получается, последний, и передо мною неопределенность. Конечно, у меня есть определенная гарантия того, что я могу поступить в магистратуру, но в любой момент отсрочку могут отменить»; «Я в последнее время поспокойнее стал. Многие из знакомых уехали из России, некоторые возвращаются, некоторые вернулись, некоторые думают о том, чтобы вернуться... в целом нервно, но не так нервно, как после начала мобилизации или после начала специальной военной операции».*

Для студентов первого курса основной причиной волнений в течение года было поступление в вуз: *«Я столкнулась с трудностями при подготовке к экзаменам, но смогла вовремя взять себя в руки и настроить себя на хороший лад. И это помогло мне сохранить спокойствие, уверенность, поступить в университет, переехать в Москву»; «Смена школы на университет, смена коллектива, смена зоны комфорта тоже оказывает на меня тревожащее влияние»; «За последний год, в основном в период окончания школы, я сначала была совершенно спокойна, не переживала до начала экзаменов. А потом резко все в моей голове перевернулось, было очень страшно, и все лето я в дрожи просидела. Период поступления был очень волнительным. А уже когда я поступила, мне стало легко»; «У меня достаточно нестабильное эмоциональное состояние... Многие первокурсники еще не влились в учебу и испытывают страх за будущее».*

Для студентов выпускных курсов с большой учебной нагрузкой фактором тревожности выступает страх за будущее, туманность стратегий

«взрослой жизни», неопределенность перспектив, прежде всего профессиональных: *«Тревожность сейчас очень часто связана с учебной нагрузкой... на носу диплом... поэтому такая тревожность есть небольшая»*; *«То, что вокруг меня все люди тревожные, чуть-чуть мне капает на мозг, формируется чувство тревоги... я устаю от учебы и двух работ»*; *«Иногда просто морально не успеваешь отдохнуть, выспаться»*.

Некоторые информанты, даже отмечая тревожность своего окружения, уверены, что сами пребывают в спокойном психоэмоциональном состоянии: *«В целом все стали более тревожными... но, что касается меня, без изменений»*; *«О себе: как был спокойным, так и остался, ничего не изменилось»*; *«Если говорить о моих сверстниках, то их состояние, наоборот, достаточно приподнятое, потому что они сдали экзамены и поступили туда, куда хотели. А что касается взрослых людей, моей семьи, знакомых, учителей, то их состояние я бы не мог характеризовать конкретно как подавленное или наоборот приподнятое — оно скорее статичное»*; *«В последнее время очень популярен тренд осознанности... Много людей, которые не поддаются панике, наоборот, мы друг друга все поддерживаем»*. Получается, что спокойное уравновешенное состояние — результат усилий и работы над собой: *«Сейчас я стараюсь сохранять спокойствие. Конечно... в связи с этой политической ситуацией сложновато это делать, но все-таки возможно»*; *«Сейчас мое состояние стабильное, иногда переживательное, иногда нет»*.

Приоритетные источники информации и доверие СМИ. Напряженно-тревожное психологическое состояние молодых людей в значительной степени обусловлено медийной повесткой. Основным источником актуальной информации участники исследования назвали интернет-медиа, а к традиционным СМИ участники фокус-групп практически не обращаются, телевизор не смотрят в том числе по принципиальным соображениям. За последний год доверие молодежи ко всем источникам информации, в том числе интернет-ресурсам, снизилось: традиционным СМИ молодежь не доверяет совсем, отношение к контенту не-цифровых медиа *«было плохим, стало ужасным»*: *«Сейчас наш мир такой тревожный, непонятный, неопределенный, ни в коем случае нельзя вообще чему-то доверять»*; *«Раньше у меня был довольно сильный скептицизм по отношению к телевидению, сейчас он усилился в три раза точно»*.

Однако и цифровым источникам информации молодежь не доверяет абсолютно, воспринимая любой информационный контент предельно критично: *«Для меня Интернет всегда являлся совокупностью правдивых и неправдивых фактов, поэтому не могу сказать конкретно, изменилось ли отношение к нему. Всегда отношусь к информации с настороженностью»*; *«Использую Интернет, но не доверяю всему, что там пишут»*; *«Если раньше у меня... была какая-то нотка скептицизма по отношению ко всей информации, ко-*

тую я получаю, то сейчас, насколько бы достоверна информация ни была, я ей абсолютно не верю и не могу себя заставить поверить».

В качестве ключевой причины недоверия новостному контенту было названо желание обезопасить себя от дезинформации, фейков и пропаганды, которые могут стать источником разногласий с близкими людьми: *«Если раньше какие-то новостные программы по телевидению, в интернет-источниках воспринимались нейтрально, то сейчас любая информация воспринимается негативно, как подлог какой-то, попытка разобщения и разрозненности»; «Много дезинформации, которая подкрепляет общую тревожность»; «Много ненужной пропаганды, чтобы разжечь конфликт внутри страны».*

Таким образом, широкое распространение социальных медиа не превращает виртуальную коммуникацию в основной способ получения информации и не повышает уровень доверия цифровым публикациям [4. С. 440–453], скорее виртуальная коммуникация укрепляет сложившиеся связи с единомышленниками, не способствуя массовому распространению новых идей [22].

На фоне общего снижения доверия молодежи медиа, в том числе и цифровым, растет востребованность свидетельств ближайшего круга, которому молодые люди доверяют: *«Всегда было много фейковой информации, но в настоящее время ее еще больше... При этом увеличилось доверие вербальной коммуникации, друг к другу, к родителям... Только таким устным источникам доверяю».* Большинство участников фокус-групп подчеркивали необходимость сопоставления фактов из разных источников, принципиального сомнения в достоверности информации, представленной даже в цифровых источниках: *«Необязательно верить каждому слову, можно, услышав информацию, сопоставить ее с разными источниками»; «Нужно читать много источников и сопоставлять информацию»; «Основные источники информации — либо Телеграм-каналы, либо новостная сводка в Яндексе, либо информация от друзей-знакомых».*

Российская молодежь о себе. Молодые люди с воодушевлением рассказывали о своем поколении, охотно рассуждали о себе — что из себя представляет собой современная молодежь. Информанты называли не только наиболее яркие черты молодого поколения, но и пытались сформулировать его отличительные черты, не характерные для старших поколений: свободомыслие, свобода от стереотипов; неординарность мышления; толерантность к своеобразию окружающих; крайний индивидуализм; осознанность и последовательное следование собственным взглядам; высокая мотивированность, целеустремленность; энергичность; стремление к развитию и познанию нового, ориентация на учебу, креативность и саморазвитие. Многие информанты связывали стремление к самореализации у молодых россиян с их относительным материальным благополучием: *«Раньше взросление оттягивалось, и, например, только к тридцати годам можно было купить машину, а сейчас люди стремятся в двадцать лет иметь машину, квартиру,*

работу хорошую»; «Если наши родители или бабушки с дедушками думали, что можно попозже заработать денег на квартиру или на машину, то нам нужно побыстрее заработать их, и мы знаем какими методами можно сделать это»; «Нам гораздо проще приспособиться к любой ситуации».

Ключевой чертой молодежи информанты называли ее постоянную включенность в коммуникацию, прежде всего, цифровую, непрерывное общение с ближним кругом, интегрированность в социальные медиа: *«Мы постоянно находимся в информационном пространстве, в социальных сетях»; «Молодежь очень хорошо интегрирована в новые технологии»; «У нас большой поток информации, где много может быть кумиров, и мы не выбираем кого-то определенного. Из социальных сетей мы получаем много знаний, тем самым мы можем выбирать, а у прошлого поколения был только телевизор и не было разнообразной информации».*

Среди негативных отличительных черт современной молодежи участники фокус-групп называли: инфантильность, позднее в сравнении с родителями взросление, неготовность к полноценной взрослой жизни и неумение взять на себя ответственность, принять важное решение; ограниченные ресурсы социальной коммуникации, отсутствие нужных социальных связей, с помощью которых можно устроиться в жизни; отсутствие четких целей в жизни и понимания того, как их достичь (некая пассивность); недостаточная профессиональная квалификация, поверхностное освоение профессии.

Студенты также отмечали некоторые специфические черты российской молодежи: *«культурная связь с предыдущими поколениями... может быть, мечтательность. Не инфантильность, а какая-то вдохновенность, желание получить от жизни максимум и, самое главное, верить, что ты этот максимум получишь, хотя это далеко не всегда происходит».* Многие информанты подчеркивали, что российская молодежь желает перемен в стране, что приведет к утверждению новых идей и новых сил, способных к позитивным преобразованиям: *«У молодежи много новаторства, много идей... Все это молодежь будет пытаться внедрять, причем активно. Если они придут на свое место, то они не будут просто делать свою работу, а будут стараться всеми всевозможными способами продвигать свои идеи, что-то новое создавать»; «Когда нынешняя молодежь войдет в активный жизненный период, это стопроцентно повлечет за собой большие изменения, потому что склад ума у нас немного другой, и мыслим мы тоже по-другому»; «Переживая те события, которые мы переживаем сейчас, возможно, у нас получилось бы, как бы это глобально ни звучало, сделать мир лучше. Наблюдая все эти события и переживая их, возможно, мы просто не захотим их повторения».*

По мнению участников фокус-групп, молодежь отличается от других поколений свободой и широтой взглядов, стремлением к саморазвитию, мотивированностью к действиям, в том числе социально значимым, ин-

тегрированностью в современные информационные и коммуникативные системы. Поэтому молодежь, особенно студенческая, воспринимается как одна из наиболее прогрессивных социальных групп, которая *«начинает двигать общество»*, и весьма самостоятельная (*«молодежь научилась зарабатывать деньги»*), не боящаяся изменений в работе и частной жизни (*«у молодежи сейчас очень большой выбор того, куда они могут податься, что начать делать, и страх — он значительно меньше, чем у молодежи того времени»*), разносторонне развитая и *«гибкая в плане поиска себя по жизни»*, сочетающая индивидуализм и развитую эмпатию, ориентацию на саморазвитие и перфекционизм (страх неудачи, неуверенность в своих силах).

Молодежь о социальной структуре. Одной из ключевых характеристик и одновременно проблем российского общества информанты считают социальное расслоение, в том числе в молодежной среде, а его базовым основанием — имущественный фактор (доход): *«Очень ощущается различие в материальном достатке семьи — в основном это статус родителей, если мы говорим о студентах, молодежи, их связи»; «Вот у нас есть больница частная, прекрасная качественная медицина, в то время как бесплатная — это тихий ужас... есть богатые и бедные, вот это расслоение»*. Пристальное внимание молодых людей к проблеме социального неравенства — тревожный признак. Многолетние социологические наблюдения свидетельствуют, что неудовлетворенность своим положением в обществе и социальным статусом, нереализованность жизненных планов и социально-экономическая депривация — базовые факторы социальных конфликтов [9. С. 30–32], особенно на фоне актуализации в молодежной среде запроса на социальные перемены [18]. Крайне остро социальную несправедливость переживает молодежь, склонная идеализировать возможные модели социального порядка [3]. Многие информанты отмечали как остро актуальную проблему отсутствие собственного жилья. Возможность решения этой проблемы молодежь связывает с взрослением, будущим профессиональным становлением и финансовой независимостью, особенно не рассчитывая на помощь родителей или государства.

Участники московской фокус-группы реже отмечали имущественное неравенство в своем окружении или же, отмечая, не считали его значимым основанием социальной дезинтеграции: *«Думаю, в целом это имеет место, но я не сталкивалась с этим»; «У себя в вузе я не видел никого, кто откровенно отличался бы от обычных людей»*. А вот неравенство между студентами московских вузов разной степени «элитарности» или представителями более и менее престижных факультетов/отделений участники московской фокус-группы ощущают: *«Неравенство внутри вуза не так сильно ощущается по сравнению с другими вузами, например, с МГИМО, РАНХиГС или МГУ»; «В РЭУ Плеханова они себя чувствуют гораздо круче, чем все остальные»*.

Отмечая проблему социального неравенства, некоторые участники фокус-групп признавались в своей «социальной предвзятости» — желании взаимодействовать преимущественно с людьми близкого социального статуса, что позволяет чувствовать себя комфортно в общении: *«Мы стараемся больше замечать тех, кого мы вписываем в свою социальную группу, с кем мы себя чувствуем на равных. Наверное, это бессознательно происходит, мы этого можем и не замечать».*

Имущественное неравенство, как полагают студенты, порождает еще один важный вектор социального разделения — образовательный, обусловленный неравенством возможностей для получения высшего образования: *«К счастью, мои родители могут позволить себе ходить по платным больницам. А есть люди, которые не могут позволить себе ходить по больницам. В итоге они вынуждены терпеть проблемы со здоровьем... Также это видно очень сильно по ЕГЭ — у кого родители могут позволить себе репетиторов и все остальное»; «У тех, кто не может себе чего-либо позволить, два пути: либо смириться, получить свою корочку и думать, кто мне поможет, как найти силы в себе, все плохо, а другие просто работают».* Некоторые студенты в качестве значимого основания социальной неоднородности называли территориальный фактор, поскольку место проживания определяет потенциальные возможности молодых людей для самореализации, получения образования и работы: *«Люди с окраин России более ограничены в возможностях, потому что неразвитость города ограничивает возможности, чтобы развить себя»; «Если ты в Москве родился, и у тебя богатые родители, то все у тебя в шоколаде»; «Если родился в Москве, то больше возможностей для самореализации. Если человек из деревни, то у него этих возможностей гораздо меньше. Ему прежде всего нужно выехать из этой деревни. А для этого нужно что-то сделать, банально снять квартиру в Москве, а для этого нужны деньги, а для этого нужно найти работу, а работу в деревне найти сложно».*

Включенность студенчества в объединения. Молодежь традиционно объединяется в группы, интенсивно коммуницирует и взаимодействует с ровесниками по самым разным поводам. Как признавались в ходе фокус-групп студенты, наиболее значимым основанием объединения сверстников является их совместная (не только учебная) деятельность и общие интересы (спорт, здоровье, хобби, образование, будущая профессия). Многие стратегии коммуникации со сверстниками студенты переносят из семейных отношений, из привычки взаимодействовать с близкими людьми [2. С. 89–93], а жизненные стратегии в целом обусловлены социокультурным контекстом социализации [9]. Преимущественно сближает молодежь учеба, разнообразные образовательные мероприятия, а также совместная работа, проектная деятельность: *«Я работаю по специальности, и мне кажется, что намного лучше, когда ты объединяешься с людьми, которые работают в той же сфере, пото-*

му что ты можешь получить много новых знаний и связей, и какой-нибудь стартап можете организовать вместе с тем, кому это нужно»; «Я выбирала товарищей по степени ответственности, по тому, как у меня с ними идет взаимодействие, я доверяю этим людям, я могу с ними спокойно делать какие-то проекты». Однако сплочению могут способствовать и негативные факторы: общий противник или неприязнь к какому-то явлению или процессу: «Современные молодежные группы объединяются по признаку того, что бесит всех молодых людей».

Лидеры молодежного общественного мнения. Отношение к фигуре возможного лидера в молодежной среде сложное: с одной стороны, информанты крайне недоверчивы, в том числе в отношении «названных» авторитетов. Большинство студентов заявляли, что принципиально отрицают авторитеты, но в некоторых ситуациях прислушиваются к тем, кому доверяют или кто им симпатичен: «Героев точно нет. Авторитетов, близких мне по взглядам, я не назову. Обычно я ко всем, кто мне нравится, прислушиваюсь»; «У меня прям таких авторитетов нет, но есть люди, на которых я смотрю в Интернете или в реальной жизни и стараюсь отмечать для себя некоторые их мысли, которые мне интересны». С другой стороны, у кого-то нет кумира, кто-то считает привлекательными отдельных людей или находит значимым какое-то их мнение, но не выделяет их как авторитетных личностей, многие ориентированы на персональную самоактуализацию и принципиально не приемлют никаких авторитетов — все это свидетельствует об отсутствии у молодежи единой референтной фигуры, объединяющей молодых людей и оказывающей на них влияние: «Сейчас каждый сам за себя, старается вырабатывать свою точку зрения, быть лидером, личностью, думать своей головой, а не доверяться словам кого-то».

Многолетние социологические исследования свидетельствуют, что члены семьи, родственники выступают для россиян наиболее значимыми фигурами, на чье мнение и суждения они ориентируются [5. С. 62–65]. Для ряда студентов авторитетны вузовские преподаватели, «потому что это люди с большим опытом. Как школа — второй дом, так и в институте ты проводишь много времени с преподавателями... они влияют на становление личностей детей». Информанты отмечали, что «для каждого свой авторитет. Для кого-то это может быть семья. Героем я все-таки считаю Маресьева, который во время Великой Отечественной войны летал без ног, еще и танцевать научился благодаря своей силе воли, силе духа». Однако многие участники фокус-групп демонстрировали запрос на значимые фигуры в различных сферах жизни, в качестве которых могут выступать публичные политики, блогеры и популярные исполнители, информация о которых регулярно появляется в медиа: «Обычно люди смотрят на блогеров, которые специализируются либо на политической тематике, либо занимаются изготовлением какого-либо контента: обзоров фильмов, книг, чего угодно. И это тоже

могут быть в какой-то степени лидеры общественного мнения». Впрочем, привлекательность медийных фигур для молодежи ситуативна и коррелирует с представленностью публичных деятелей в медиа: *«Я восхищаюсь Владимиром Путиным, потому что насколько нужно иметь выдержку, чтобы отвечать на всякого рода каверзные вопросы, он везде и на различных саммитах... очень грамотно, четко отвечает, когда его пытаются спровоцировать, он хладнокровно отвечает на вопросы».*

В то же время информанты говорили, что известность в молодежной среде блогеров и популярных исполнителей во многом обусловлена их легким и быстрым успехом, когда высокая узнаваемость и даже слава, большие гонорары и медийный успех были приобретены без получения образования, последовательного профессионального и карьерного развития, выполнения сложного и квалифицированного труда: *«Вот Даня Милохин — один из таких случаев, когда человек, не проходя какой-то супердлинный путь, не получая профессии, становится известным и кумиром... Он не делает ничего такого... суперсложного, но тем не менее он очень известен и получает огромные деньги».*

В числе ключевых качеств авторитетных фигур молодые люди называли харизматичность, мужественность, силу, готовность заявлять и отстаивать свою позицию. Современный герой, по мнению информантов, может ошибаться и даже демонстрировать презрение к общественным нормам, но обязательно должен следовать собственным ориентирам: *«Современные герои — это харизматичные мужчины... И фильмы демонстрируют таких персонажей, которые двигаются по своему пути очень ровно, очень уверены в том, что делают, и их не трогает мнение окружающих».* Конформность, готовность мириться с обстоятельствами, как полагает молодежь, недопустимы для героя нашего времени: *«У современной молодежи есть определенный тип антигероя — это человек, который очень быстро меняет свое мнение, т. е. человек, у которого вообще нет мнения... Он вначале говорит одно, потом другое».* Впрочем, смелость, готовность брать на себя ответственность и определять стратегию развития группы — ключевые качества любого молодежного лидера независимо от социокультурных особенностей групп [12].

Авторитетов среди чиновников молодые люди не видят, государственным институтам и политическим деятелям не доверяют, либо это доверие «точечное», распространяется на отдельные личности, что говорит о непростой адаптации молодежи к обстоятельствам, высокой тревожности и низком уровне доверия всем, кто не входит в ближний круг: *«Подорвано доверие к государственным органам из-за их неадекватных и неправильных решений».* Среди чиновников, вызывающих уважение и даже симпатию за свой профессионализм, студенты называли Михаила Мишустина, Эльвиру Набиуллину и Сергея Лаврова.

Таким образом, доминирующими в студенческой среде эмоциями стали чувства тревоги, незащитности и неопределенности, неуверенности в завтрашнем дне. Переживания участников фокус-групп, их эмоциональное состояние обусловлены главным образом актуальной геополитической ситуацией, однако психологической напряженности способствовали также сложное финансовое положение молодых людей, их высокая учебная нагрузка, связанная с поступлением в вуз первокурсников и подготовкой к защите дипломного проекта выпускников. На психологическое состояние студентов в значительной степени влияет поступающая из СМИ информация, хотя традиционными медиа молодежь не пользуется, в том числе по принципиальным соображениям, отдает предпочтение цифровым источникам и полагая, что благодаря цифровизации имеет широкий доступ к информации. Но уровень доверия молодежи любым медиа низок, любую информацию молодежь воспринимает предельно критично и стремится перепроверить, поэтому растет популярность изустной информации от близких и родных людей.

Среди характерных черт современной молодежи, отличающих ее от старших поколений, информанты называли внутреннюю свободу и широту взглядов, постоянное саморазвитие, стремление к самореализации, сочетание индивидуализма и развитой эмпатии, а также постоянную включенность в коммуникацию с друзьями посредством социальных медиа. К негативным чертам молодежи участники фокус-групп относили инфантильность, «запаздывающее» взросление, неготовность брать на себя ответственность и принимать решения. Молодые россияне ориентированы на перемены в стране, связывают социальные изменения со сменой поколений, сами готовы участвовать в социальных преобразованиях. В качестве наиболее острой, болезненной проблемы российского общества информанты выделяют социальное неравенство, обусловленное, прежде всего имущественным расслоением, и производным от имущественного неравенства оказывается недоступность для многих молодых россиян высшего образования и собственного жилья.

К разнообразию мнений и жизненных стратегий молодежь относится спокойно, считая индивидуализм ровесников и их стремление к самоактуализации естественными, но при этом отмечая в качестве оснований молодежного сплочения общность интересов и совместную учебу. В то же время многие предельно индивидуалистичны и не приемлют авторитетов, многие — недоверчивы, хотя демонстрируют определенный интерес к ярким медийным персонам (политическим деятелям и популярным блогерам).

Информация о финансировании

Статья подготовлена в рамках инициативной темы НИР РУДН №100932-0-000 «Динамика ценностных ориентаций студенческой молодежи в процессе обучения в вузе».

Библиографический список

1. *Алешковский И.А., Гаспаршвили А.Т., Крухмалева О.В., Нарбут Н.П., Савина Н.Е.* Студенты вузов России об обучении в период пандемии covid-19: ресурсы, возможности и оценка опыта работы в удаленном режиме // Вестник РУДН. Серия: Социология. Т. 21. № 2.
2. *Антонова Л.Н., Меренков А.В.* Культура здоровьесбережения студенческой молодежи: противоречия становления и развития // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. Т. XIX. № 2.
3. *Антоновский А.Ю., Бараи Р.Э.* Радикальная наука. Способны ли ученые на общественный протест? // Эпистемология и философия науки. 2018. Т. 55. № 2.
4. *Бараи Р.Э.* Социальные медиа как фактор формирования общественно-политических установок, российский контекст // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 2.
5. *Варламова С.Н., Носкова А.В., Седова Н.Н.* Семья и дети в жизненных установках россиян // Социологические исследования. 2006. № 10.
6. *Горшков М.К., Шереги Ф.Э., Тюрина И.О.* Воспроизводство специалистов интеллектуального труда: социологический анализ. М., 2023.
7. *Грязнова Ю.Б.* Психологическое состояние россиян после года пандемии covid-19. 12.07.2021 // URL: <https://covid19.fom.ru/post/razgovor-o-kollektivnojtravme-iz-za-pandemii>.
8. *Зайцева А.А.* Академическая мобильность студентов: ценности, установки и социальная практика в Юге России // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8. № 3.
9. *Зубок Ю.А., Чупров В.И.* Жизненные стратегии молодежи: реализация ожиданий и социальные настроения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3.
10. *Константиновский Д.Л., Попова Е.С.* Новый характер образовательных и профессиональных траекторий молодежи // Россия реформирующаяся. Вып. 20. М., 2022.
11. *Кузнецов И.С.* Доверие студентов и их образовательная траектория после окончания вуза // Высшее образование в России. 2023. Т. 32. № 1.
12. *Луков В.А.* Особенности молодежных субкультур в России // Социологические исследования. 2002. № 10.
13. *Нарбут Н.П., Троцук И.В.* Жизненные планы российских студентов: ожидания и опасения в профессиональной сфере // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2014. № 2.
14. *Нарбут Н.П., Троцук И.В.* Репертуар страхов российского студента: по материалам эмпирического проекта // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2013. № 4.
15. *Нарбут Н.П., Троцук И.В.* Социальное самочувствие молодежи постсоциалистических стран (на примере России, Казахстана и Чехии): сравнительный анализ ценностных ориентаций (Часть 1) // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 1.
16. *Нарбут Н.П., Троцук И.В.* Социальное самочувствие молодежи постсоциалистических стран (на примере России, Казахстана и Чехии): сравнительный анализ страхов, надежд и опасений (Часть 2) // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 2.
17. *Нарбут Н.П., Троцук И.В., Цзи Цзиньфэн.* Ожидания и опасения студенческой молодежи: социологическая оценка в кросскультурном контексте // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2014. № 1.
18. *Петухов В.В.* Российская молодежь и ее роль в трансформации общества // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3.
19. Саморегуляция жизнедеятельности молодежи: методология и социальные практики / Ю.А. Зубок, О.Н. Безрукова, Ю.Р. Вишневецкий и др. Белгород, 2021.
20. *Тишков В.А., Бараи Р.Э., Степанов В.В.* Идентичность и жизненные стратегии студенчества в России // Социологические исследования. 2017. № 8.

21. Трофимова И.Н. Международное сотрудничество российских вузов и академическая мобильность (по материалам отчетов о самообследовании) // Социодинамика. 2021. № 9.
22. Stieglitz S., Dang-Xuan L. Social media and political communication: A social media analytics framework // *Social Network Analysis and Mining*. 2012. No. 3.

DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-2-430-444

EDN: QZYNLW

Student youth: Psycho-emotional and social self-portrait (based on the results of focus groups)*

R.E. Barash, I.O. Tyurina

Institute of Sociology of FCTAS RAS,
Krzhizhanovskogo st., 24/35, корп. 5, Москва, 117218

(e-mail: raisabarash@gmail.com; irinal-tiourina@yandex.ru)

Abstract. Based on the results of focus groups with students of four Russian universities, the authors describe the psycho-emotional state and social position of the student youth, the range of problems that concern them, plans for the future, priority strategies for interaction with peers and the attitude towards such ideological traits as free-thinking and originality of thinking, tolerance to the uniqueness of others and following one's own views, motivation and determination. The study showed that under the influence of the current media agenda (primarily on the Internet), emotions of anxiety, defenselessness and uncertainty dominate among students, while the traditional media are virtually of no interest for the focus group participants, and most informants do not watch TV, including for ideological reasons. The psychological state of young people is largely determined by the media content, which they do not trust and repeatedly double-check. For students graduating from university and having a large amount of academic work, the main source of anxiety is fear of an unknown future, uncertainty in choosing a career and life goals, including in the current geopolitical situation. Russian students consider the unique features of their generation to be internal freedom and open-mindedness, constant self-development and the desire for self-realization, a combination of individualism and empathy, and constant involvement in communication with friends through social media. Among the negative traits of the youth, informants named some immaturity and unwillingness to make responsible decisions. Among the most disturbing and painful social problems in the Russian society for the youth, students emphasized social inequality caused by differences in property and income, while they calmly perceive the diversity of opinions and life strategies.

Key words: Russian society; public opinion; youth; students; values; communication; digitalization: value orientations; life strategies; social mobility; image of the future

* © R.E. Barash, I.O. Tyurina, 2024

The article was submitted on 25.11.2023. The article was accepted on 15.02.2024.

References

1. Aleshkovski I.A., Gasparishvili A.T., Krukhmaleva O.V., Narbut N.P., Savina N.E. Studenty vuzov Rossii ob obuchenii v period pandemii covid-19: resursy, vozmozhnosti i otsenka opyta raboty v udalennom rezhime [Russian students about learning under the covid-19 pandemic: Resources, opportunities and assessment of the distance learning]. *RUDN Journal of Sociology*. 2021; 21 (2). (In Russ.).
2. Antonova L.N., Merenkov A.V. Kultura zdoroviesberezheniya studencheskoj molodezhi: protivorechiya stanovleniya i razvitiya [Healthcare culture of the student youth: Contradictions of formation and development]. *Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2016; XIX (2). (In Russ.).
3. Antonovsky A.Yu., Barash R.E. Radikalnaya nauka. Sposobny li uchenye na obshhestvenny protest? [Radical science. Are scientists capable of public protest?]. *Epistemology and Philosophy of Science*. 2018; 55 (2). (In Russ.).
4. Barash R.E. Sotsialnye media kak faktor formirovaniya obshhestvenno-politicheskikh ustanovok, rossijsky kontekst [Social media as a factor of formation of social-political attitudes, the Russian context]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2022; 2. (In Russ.).
5. Varlamova S.N., Noskova A.V., Sedova N.N. Semiya i deti v zhiznennykh ustanovkakh rossiyan [Family and children in the life attitudes of Russians]. *Sociological Studies*. 2006; 10. (In Russ.).
6. Gorshkov M.K., Sheregi F.E., Tyurina I.O. *Vosproizvodstvo spetsialistov intellektualnogo truda: sotsiologicheskyy analiz* [Reproduction of Specialists of the Intellectual Labor: Sociological Analysis]. Moscow; 2023. (In Russ.).
7. Gryaznova Yu.B. Psikhologicheskoe sostoyanie rossiyan posle goda pandemii covid-19 [The psychological state of Russians after the year of the covid-19 pandemic]. 12.07.2021. URL: <https://covid19.fom.ru/post/razgovor-o-kollektivnojtravme-iz-za-pandemii>. (In Russ.).
8. Zaytseva A.A. Akademicheskaya mobilnost studentov: tsennosti, ustanovki i sotsialnaya praktika na Yuge Rossii [Student academic mobility: Values, attitudes and social practices in the South of Russia]. *Research Result. Sociology and Management*. 2022; 8 (3). (In Russ.).
9. Zubok Yu.A., Chuprov V.I. Zhiznennyye strategii molodezhi: realizatsiya ozhidaniy i sotsialnye nastroyeniya [Life strategies of the youth: Realization of expectations and social moods]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2020; 3. (In Russ.).
10. Konstantinovskiy D.L., Popova E.S. Novyy kharakter obrazovatelnykh i professionalnykh traektoriy molodezhi [New type of educational and professional trajectories of the youth]. *Reforming Russia*. Moscow; 2022; 20. (In Russ.).
11. Kuznetsov I.S. Doverie studentov i ih obrazovatel'naya traektoriya posle okonchaniya vuza [Students' trust and their educational trajectory after graduation]. *Higher Education in Russia*. 2023; 32 (1). (In Russ.).
12. Lukov V.A. Osobennosti molodezhnykh subkultur v Rossii [Features of youth subcultures in Russia]. *Sociological Studies*. 2002; 10. (In Russ.).
13. Narbut N.P., Trotsuk I.V. Zhiznennyye plany rossiyskikh studentov: ozhidaniya i opaseniya v professionalnoy sfere [Russian students' life plans: Expectations and concerns in the professional field]. *RUDN Journal of Sociology*. 2014; 2. (In Russ.).
14. Narbut N.P., Trotsuk I.V. Repertuar strakhov rossiyskogo studenta: po materialam empiricheskogo proekta [Russian students' main fears: The results of an empirical study]. *RUDN Journal of Sociology*. 2013; 4. (In Russ.).
15. Narbut N.P., Trotsuk I.V. Sotsialnoe samochuvstvie molodezhi postsotsialisticheskikh stran (na primere Rossii, Kazakhstana i Chexii): sravnitelnyy analiz tsennostnykh orientatsiy (Chast 1) [The social well-being of the post-socialist countries' youth (on the example of Russia, Kazakhstan and Czech Republic): Comparative analysis of value orientations (Part 1)]. *RUDN Journal of Sociology*. 2018; 18 (1). (In Russ.).

16. Narbut N.P., Trotsuk I.V. Sotsialnoe samochuvstvie molodezhi postsotsialisticheskikh stran (na primere Rossii, Kazakhstana i Chekhii): sravnitelny analiz strakhov, nadezhd i opaseny (Chast 2) [The social well-being of the post-socialist countries' youth (on the example of Russia, Kazakhstan and Czech Republic): Comparative analysis of fears and hopes (Part 2)]. *RUDN Journal of Sociology*. 2018; 18 (2).
17. Narbut N.P., Trotsuk I.V., Ji Jinfeng. Ozhidaniya i opaseniya studencheskoy molodezhi: sotsiologicheskaya otsenka v krosskulturnom kontekste [Student youth expectations and concerns: Sociological evaluation in the cross-cultural context]. *RUDN Journal of Sociology*. 2014; 1. (In Russ.).
18. Petukhov V.V. Rossijskaya molodezh i ee rol v transformatsii obshchestva [Russian youth and its role in the transformation of society]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2020; 3. (In Russ.).
19. *Samoregulyatsiya zhiznedeyatelnosti molodezhi: metodologiya i sotsialnye praktiki* [Self-Regulation of the Youth's Activity: Methodology and Social Practices]. Yu.A. Zubok, O.N. Bezrukova, Yu.R. Vishnevsky et al. Belgorod; 2021. (In Russ.).
20. Tishkov V.A., Barash R.E., Stepanov V.V. Identichnost i zhiznennye strategii studenchestva v Rossii [Students' identity and life strategies in Russia]. *Sociological Studies*. 2017; 8. (In Russ.).
21. Trofimova I.N. Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo rossijskikh vuzov i akademicheskaya mobilnost (po materialam otchetov o samoobsledovanii) [International cooperation of Russian universities and academic mobility (based on self-reports)]. *Social Dynamics*. 2021; 9. (In Russ.).
22. Stieglitz S., Dang-Xuan L. Social media and political communication: A social media analytics framework. *Social Network Analysis and Mining*. 2012; 3.

DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-2-445-459

EDN: QEJFTN

Leave or stay: Serbian and Bulgarian university students' attitudes determining the decision*

V.D. Miltojević¹, A. Mantarova², J.S. Petrović¹

¹University of Niš,
Čarnojevića 10a, Niš, 18106; Ćirila i Metodija 2, Niš, 18101, Serbia

²Institute of Philosophy and Sociology of BAS,
Moskovska St., 13A, 1000 Sofia, Bulgaria

(e-mail: vesna.miltojevic@znrfak.ni.ac.rs; anna.mantarova@abv.bg;
jasmina.petrovic@filfak.ni.ac.rs)

Abstract. Migrations of the highly educated population are common for the less developed countries of Southeast Europe. Bulgaria and Serbia are faced with the problem of intensive economic migrations of their young and educated citizens. The article starts with the general assumption that social and personal problems are a predictor of the youth's migratory intentions and questions whether the perception of social and personal problems differs in the Serbian and Bulgarian samples and how this perception affects the students' intention to leave their home country in search of opportunities for a better life. The article is based on the data on the university students' attitudes towards the most relevant issues of their cities of residence and their personal lives, and on their plans regarding internal and external migration. The survey was conducted in October–December 2022 on a sample of 587 respondents (307 students from Serbia and 280 students from Bulgaria). In both countries, students define corruption as the biggest problem, then come difficulties with finding a job, but there are statistically significant differences between the two subsamples concerning what they consider their biggest problems. For Serbian students, the biggest personal problem is finding a job, while for Bulgarian students it is rather corruption. The assessment of personal and social difficulties in their countries (cities of residence), primarily the difficulty of finding a job in their profession, motivates and makes students change their city of residence and/or move to another country. 1 out of 9 students plans to leave the native country, but there is a significantly higher share of Serbian students who consider leaving their country to find a job permanently, while thoughts about temporary migrations are almost equally distributed in the two subsamples. 60% of students think of internal migration, but Serbian students more often compared to Bulgarian students (70% vs 49%).

Key words: Serbia; Bulgaria; students; migrations; permanent and temporary migrations; unemployment; corruption

*© V.D. Miltojević, A. Mantarova, J.S. Petrović, 2024

The article was submitted on 24.01.2024. The article was accepted on 25.04.2024.

The exceptionally dynamic spatial mobility in Southeast Europe and the Western Balkans is determined mainly by economic, political, and demographic reasons. In recent decades, this mobility has been further strengthened by informal migration networks and collaboration of migrant organizations with local population [17. P. 36]. Serbia follows this pattern as an emigration country with a long tradition of migrations [1. P. 8; 2], which has developed for more than a century, but we will focus on the waves of mass migration since the second half of the 20th century, since they influence contemporary emigration and the diaspora size. It should be noted that Serbia, like Bulgaria and other ‘transition societies’, has the highest number of international migrants [11].

The first major wave of emigration from Serbia (then part of the SFRY) was determined by economic reforms in the mid-1970s. The transition to a liberal economic model and the opening of the Yugoslav economy to broader markets resulted in decreased profitability, international indebtedness, workforce rationalization, etc. Consequently, industrial production, once the main economic driver, the largest employer and the reason for migration from rural areas to larger industrial centers, became economically unsustainable and was characterized by uncertain employment. The arrival of new generations of educated workers added pressure on the reduced employment capacity in the industry, increasing the national unemployment rate. This economic crisis led to political democratization and economic liberalization, making people leave the country for ‘temporary’ employment abroad. In the 1970s, all these factors contributed to massive economic migrations to Western countries (Germany, Austria, Italy, France, etc.) of mainly people with lower educational levels and socially disadvantaged groups (two-thirds of Yugoslav and Serbian emigrants were manual workers: skilled, highly skilled workers and farmers [22. P. 8]), but gradually the emigration wave absorbed people with better social-economic status, seeking a higher standard of living.

The second major wave of migrations occurred in the 1990s due to political upheavals and instability after the dissolution of Yugoslavia (SFRY), armed conflicts (1991–1995), UN Security Council sanctions imposed on Serbia (1992–1996), which resulted in mass influx of ethnic Serbians from Croatia, Bosnia and Herzegovina, and later Kosovo and Metohija. These factors together with the drastically worsening economic situation and hyperinflation (1993) and the NATO bombing of Serbia in 1999 led to a significant outflow from Serbia, and many emigrants had university degrees, which is why some authors refer to this period as the beginning of the brain drain from Serbia.

The trend of the qualified labor emigration continued after 2000. The beginning of the third wave of contemporary migrations from Serbia is usually associated with the October 5 changes in 2000 and the start of economic transition, affecting not only industrial workers but also other social strata, including the middle class. Although the intensity of migration has somewhat decreased since then [8], it continues, changing the professional and educational structure of migrants

according to the labor market needs in different EU countries. In this period, the labor market demand for specific professions (medical staff, IT professionals, engineers, etc.) favored the departure of such professionals from Serbia together with students. Moreover, the introduction of visa-free travel to Europe for Serbian citizens in 2009, accompanied by the establishment of migration centers within the National Employment Service and, more recently, private employment agencies, somewhat facilitated the migration flows.

There are similar trends in the mass migrations in Bulgaria in the second half of the 20th century. After the changes which started in 1989 and the opening of the country's borders, a steady massive emigration flow occurred, mainly to Western Europe and the USA. Researchers identify four periods in this mass emigration [19. P. 87]: the first period (1989–1990) began with the mass departure of 300,000 ethnic Turks from Bulgaria to Turkey due to the ethnic tensions. Immediately after, due to the economic crisis and political instability under the transition to a democratic political system and a market economy, the mass emigration from Bulgaria started, involving in the winter of 1996–1997 exclusively labor migrants, which was a result of the country's economic collapse. The third period began in 2001, when the visa rules for Bulgarian citizens were changed, and the country entered the so-called Schengen 'white list', which led to the emigration of highly qualified people from Bulgaria to Western Europe. The fourth period is associated with the country's EU accession in 2007 and with the opening of the labor market for Bulgarians in most member states. Since then, the emigration of highly qualified personnel has taken place (especially medical specialists and skilled workers) together with the mass low-skilled outflow and a significant number of Bulgarian students leaving to study in the EU countries. According to the estimates of intermediary companies that arrange admissions to higher education institutions abroad, about 10,000 young people go to study abroad every year [9. P. 11], and many of them never return.

The quantitative assessment of emigration flows is difficult, even impossible. The information provided by the National Statistical Institute provides the data on the number of people who deregister at their permanent address in Bulgaria, but this administrative act cannot be considered a reliable indicator [10; 25]. However, statistical data shows that annually from 26,000 to 39,000 people change their permanent address to another country. The exception was 2020, the year of the covid-19 crisis, when mobility opportunities were minimal. The fact that among emigrants 10 to 16 thousand are 20-34-year-olds is also significant, i.e., "emigration from Bulgaria to the EU... has a pronouncedly young face" [14] (Fig. 1). Expert estimates of the number of emigrants vary, but all experts name large numbers. According to the National Strategy on Migration and Integration (2008–2015), about one million Bulgarians live abroad, including the older diaspora [3]. Another expert estimate is that since 2020 1.5 million emigrated after 1990 [20. P. 21], and in the last decade, the emigration wave was not as intensive as before, but the emigration flow remains high.

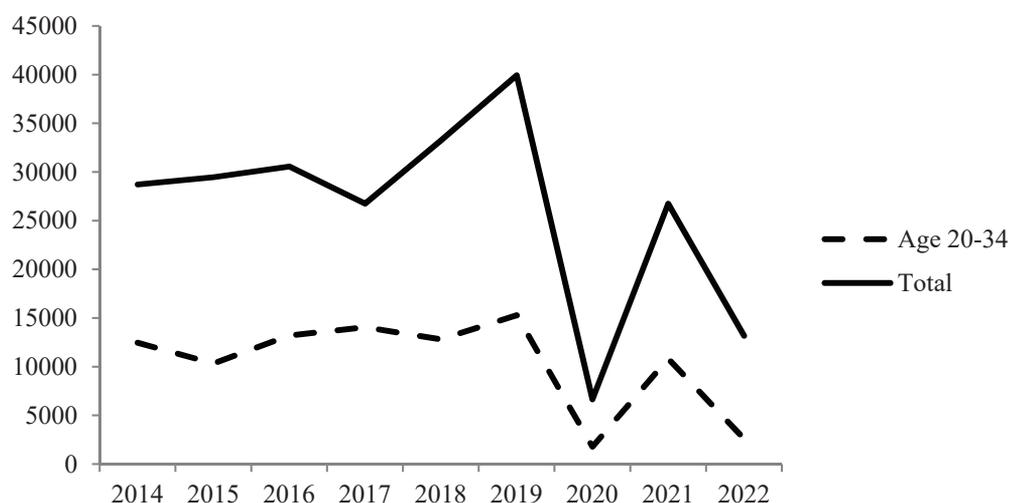

Figure 1. Number of emigrants from Bulgaria (2014–2022) [15; 16]

For Serbia, it is also difficult to name the precise number of emigrants for the observed period, and their age, education, and other relevant social-demographic characteristics. This is not only statistical problem as it concerns relevant social actors responsible for managing migrations and introducing strategic measures, such as the Strategy on Economic Migrations in the Republic of Serbia for 2021–2027 [7; 18. P. 71]. The data we have and present only partially shows the intensity of migrations from Serbia and only to European countries “that provide Eurostat with data”. According to the official data published in the ‘Migration Profile’ of the Republic of Serbia, which often excludes countries with many Serbian emigrants (data for Germany, Switzerland, France, Cyprus, etc., are usually not published), there has been an increasing trend of migration from Serbia since 2014, with a decline in 2020, presumably due to the covid-19 pandemic. The available data shows that the number of emigrants from Serbia to European countries doubled annually from 2014 to 2019 (from 13,250 to 26,858) and returned to the 2014 level in 2021 (Fig. 2). However, these numbers are far from true migratory trends due to not covering either all European countries, the traditionally desirable destinations for Serbs, or non-European regions, including overseas countries. Moreover, even the incomplete UN data for 2019 indicate that 14% of people born in Serbia live abroad, which is four times higher than the global average of 3.5%. Therefore, Serbia ranks high on the list of countries exporting labor, although labor migrants are a small share of emigration compared to other Western Balkan countries [1. P. 7].

The analysis of cohorts of Serbian emigrants (EU + Switzerland) for a five-year period (2015–2019) showed that the youngest groups experience high net migration: “The cumulative net emigration for all age groups (15–39) is estimated at -37,400 people” [1. P. 10]. However, during this period, there was a trend of increasing circular migration among the youngest cohorts with secondary education: the

analysis of the qualification structure of immigrants shows a decades-long pattern in the form of letter V, where the left and right parts are equal (migrants with lower education and those with the highest qualifications). Thus, it is unjustified to speak of a brain drain which implies an excess of highly educated and competent professionals among emigrants compared to those who remain in Serbia, which is not the case.

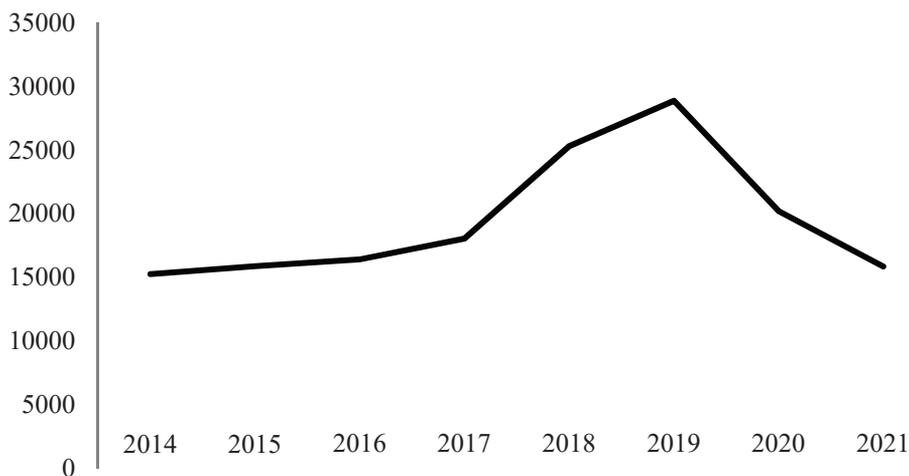

Figure 2. Number of emigrants from the Republic of Serbia to European countries according to the Eurostat [4; 5]

This paper aims at identifying the students' perception of social and personal problems, their differences in Serbia and Bulgaria, and whether this perception is related to students' intention to leave the country in search of better life opportunities. With the accompanying null hypotheses, we argue that: (1) there are no significant differences in the students' perception of social and personal problems in Serbia and Bulgaria, and (2) there are no significant differences in the migration intentions of students emphasizing different social and personal problems for Serbia, Bulgaria and the survey sample.

The data presented were obtained in the broader study of social attitudes of students in Bulgaria and Serbia, based on the questionnaires designed by the members of the Institute of Philosophy and Sociology of the Bulgarian Academy of Sciences. The data was collected from October to December 2022 on the sample of 587 respondents (307 from Serbia and 280 from Bulgaria). The Serbian sample consisted of students of social sciences and humanities in three largest university centers — Belgrade, Niš, and Kosovska Mitrovica. In Bulgaria, the survey was conducted among students of social sciences in four cities: Sofia, Plovdiv, Ruse, and Haskovo. The sample included 25% males, 73% females. Although the data from the sample designed in such a way (random selection of professional profiles and available observation units) cannot be generalized to the entire student population, they are useful in terms of preliminary insights into migration intentions of less

employable professional categories, particularly in countries with different migration traditions and different situations on the labor market — Bulgaria as a EU member and Serbia as still far from such a status.

Given the negative economic, social-cultural and demographic trends in Serbia and Bulgaria, it was necessary to limit the ‘push’ factors, focusing on the perception of social and personal issues. Of the total sample, 68 % consider corruption as the most significant social issue in their place of residence; over 50 % name hate speech (54 %), environmental conditions (54 %), crime (51 %) and unemployment (51.2 %); then come healthcare conditions (47 %), social stratification (45 %), and poverty (43 %). For both Serbian and the Bulgarian students, the biggest issue is corruption, but Bulgarian students seem to be more concerned (Fig. 3–4), which is not surprising, considering the Transparency International 2022 report that ranks Serbia only 101st in the Corruption Perceptions Index among 180 countries. However, the attitude of Bulgarian students is somewhat surprising since Bulgaria ranks 43rd and has significantly improved its position (75th in 2012), unlike Serbia’s notable decline (80th in 2012) [6].

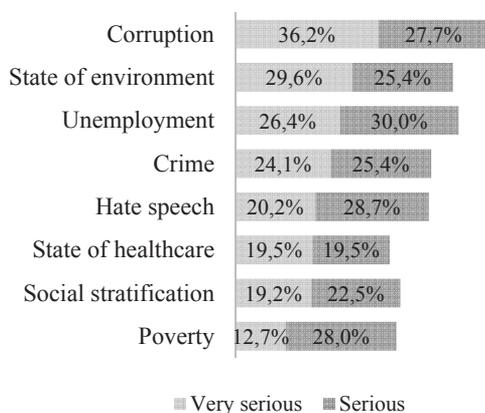

Figure 3. The biggest issues in their city of residence for Serbian students

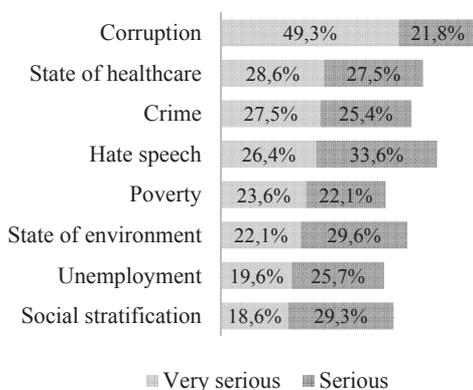

Figure 4. The biggest issues in their city of residence for Bulgarian students

The second biggest issue for Serbian students is the state of nature, which is expected according to the Report on the State of Environment in the Republic of Serbia (2021) [13] (official data on air pollution, construction of mini hydropower plants in protected natural areas, state’s intentions regarding lithium extraction, etc.). Environmental issues are less important for Bulgarian students, which can be explained by the EU membership and the demands for compliance with the EU environmental regulations. Surprisingly, given the age of Bulgarian respondents, the state of healthcare is the second biggest issue, albeit with a much lower share. Apparently, despite sporadic personal contacts with the healthcare system, students assess the experiences of their relatives to provide negative opinions. The state of healthcare is not the biggest problem for Serbian students. Such attitudes towards the state of healthcare can be explained by the young age, especially since healthcare

in Serbia is characterized by long waiting lists for complex diagnostics and major medical interventions.

Despite the relatively low official unemployment rate of 9.2 % in the fourth quarter of 2022 [23], unemployment is a very serious issue for 26 %, which seems due to the low-quality job offers, especially outside the public sector. However, it is surprising that social stratification and poverty are at the bottom of the list. Perhaps, students cannot see the connection between employment, poverty and social stratification, which is an unexpected finding, given their field of study. This is particularly noteworthy since the data for 2022 shows that 49 % of unemployed were at risk of poverty [24]. Some explanation may be attributed to the class-stratified composition of the student population in Serbia — with a disproportionate share of students from better-off families unaffected by unemployment. In Bulgaria, both objectively and according to subjective assessments, poverty is a particularly serious problem: according to the Eurostat data, in addition to the lowest GDP and GDP per capita in the EU, Bulgaria has the lowest incomes in the EU in terms of average monthly and minimum wages. Self-assessments of one's material situation follow objective indicators: only 1 in 14 people defines it as very good, while a third of respondents consider it poor, and 36 % as satisfactory. Thus, for more than a quarter (27 %), low income is the biggest personal issue. Moreover, Bulgaria shows the greatest income inequality, as evidenced by the Gini coefficient and quintile distribution — they exceed the EU average and show an upward trend. While in 1989 (the beginning of the transition to a market economy) the Gini coefficient for Bulgaria was 23.43, in 2010 it was already 33.2, in 2015–37, in 2020–40.5, and in 2022–38.4 (with the EU average of 29.6).

Considering unemployment, in 2022, it was 4.1 %, and only 29 % of Bulgarian citizens over 18 defined it as a very serious problem. However, there are clear imbalances between the needs of the labor market and the educational-qualification characteristics of the workforce, since many people cannot find a job that corresponds to their qualifications and education and meets their interests, requirements, and desires.

Bulgarian students rank crime third and hate speech fourth, which can be explained by the several-year pre-election situation in the country — fierce debates of political forces obviously contributed to the problematization of hate speech. Serbian students rank these issues fourth and fifth, and, as was the case with corruption, the data on crime is somewhat surprising, at least considering the transnational organized crime (Serbia is 33rd among 193 countries, Bulgaria — 70th).

The most pronounced differences between Serbian and Bulgarian students (Fig. 5) are observed in estimates of the state of healthcare ($V = 0.19$, $p = 0$); the use of hate speech ($V = 0.175$, $p = 0.001$); unemployment ($V = 0.171$, $p = 0.002$); poverty ($V = 0.159$, $p = 0.005$); corruption ($V = 0.156$, $p = 0.007$); and the state of environment ($V = 0.11$, $p = 0.131$), while the students assess quite similarly social stratification ($V = 0.096$, $p = 0.249$) and crime ($V = 0.041$, $p = 0.91$). It should

be noted that the answers cannot be generalized for the country as students were asked about the situation in their city of residence, which implies judgments based on personal knowledge rather than general assumptions.

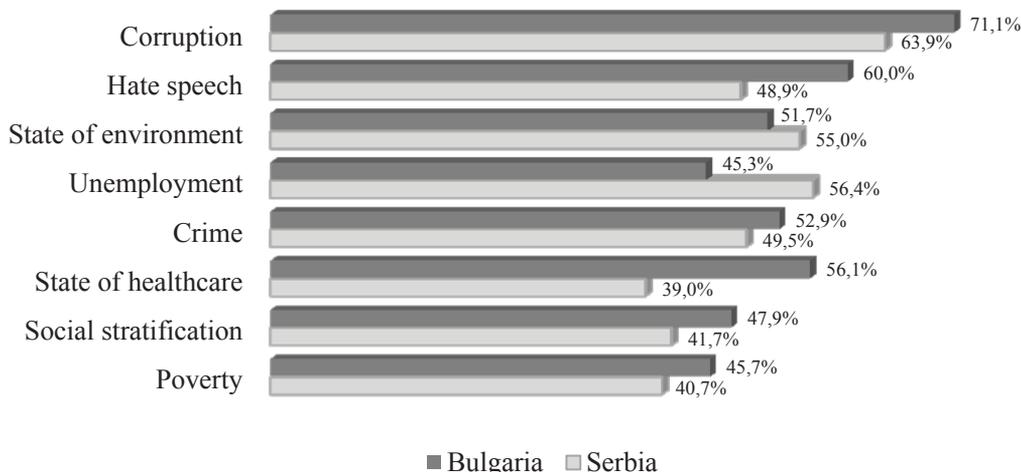

Figure 5. Serious and very serious issues for Bulgarian and Serbian students

Social issues inevitably have their personal projections: most students in the sample consider difficulties with finding a job as their biggest personal problem (21 %), which is followed by the lack of perspective (20 %), corruption (16 %), poor financial status (14 %), and the lack of general life security of life (14 %); less than 10 % express concerns about the poor state of environment, personal problems or something else (Fig. 6). For Serbian students, the biggest personal issue is finding a job (27 %), in which they differ the most from their Bulgarian peers ($V = 0.232$, $p = 0$). Serbian students also consider the lack of perspective as their major personal problem (20 %), then comes poor financial status (14 %), the lack of general life security (14 %), and corruption (11 %); less than 10 % express concerns about the poor state of environment and personal issues. When asking Bulgarian students about their biggest personal problems, the lack of major answers was striking — only five answers scored 15 %–20 %. The highest ranked problem is again corruption (22 %) but on par with the lack of perspective (20 %), then comes poor financial status (16 %), the lack of general life security and difficulties in finding a job (15 %).

Every third students (32 %) responded negatively to the question “Do you think of leaving the country to find a job?”. 29 % would leave the country temporarily or have no intention of doing so (28 %); every tenth student (11 %) considers leaving the native country permanently. The country of origin has a weak influence on migration plans, but the most significant differences are in shares of students who think of leaving their country of origin permanently ($V = 0.201$, $p = 0$), and the share of such Serbian students is three times larger than that of Bulgarian students (17 % vs 5 %). A third of Serbian students plan to migrate temporarily to find a job (30 %), 27 % have no such intention or have not yet considered such a possibility

(26 %) (Fig. 7). Perhaps, the share of nearly 50 % of students thinking of a permanent or temporary departure from the country can be explained by the marginalization of social sciences in Serbia and the very limited job offers in these fields, especially in the public sector that traditionally absorbs a significant share of such graduates.

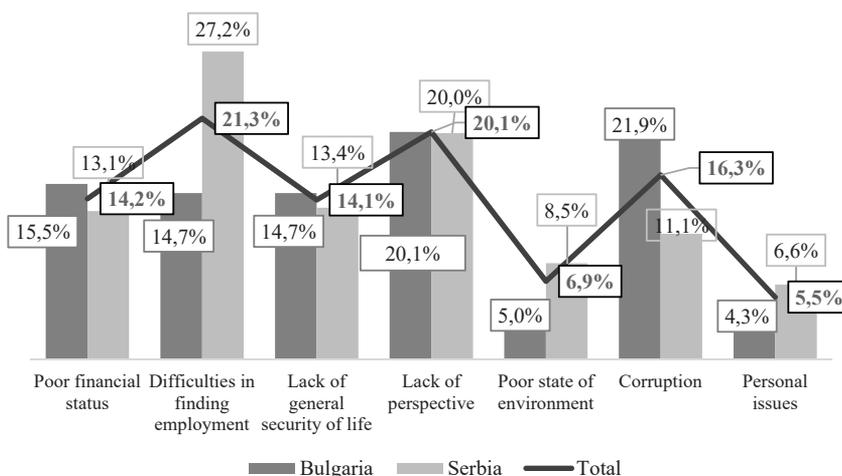

Figure 6. The biggest personal problems for students

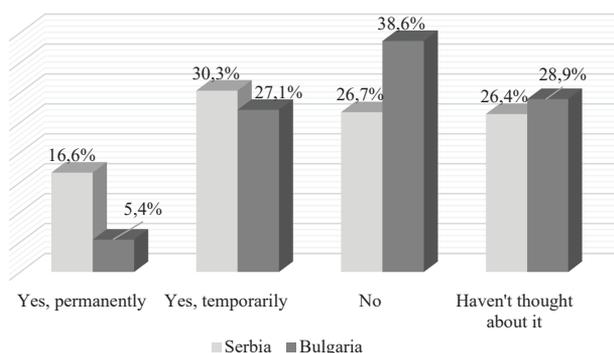

Figure 7. Students' attitudes towards external migration

39 % of Bulgarian students do not have intentions to emigrate, a third would leave the country for work, either temporarily (27 %) or permanently (5 %), 29 % have not yet considered such an opportunity. Yet, there are several things to consider when interpreting these numbers: young people with formed emigration attitudes have most likely already gone to study abroad after completing their secondary education to ensure a better starting position on the foreign labor market; students of social sciences express stronger emigration attitudes due to the better expected opportunities on the labor market in Western Europe; those who have not thought about emigration can be influenced by the widespread idea in Bulgaria that emigration is an alternative to the low standard of living and an underachievement.

Concerning internal migrations, 60 % of students want to change their city of residence for employment. However, there are certain differences at the subsample level, despite a weak influence of the country of residence on attitudes towards internal migrations ($V = 0.214$, $p = 0$). Students from Serbia are significantly more mobile — 70 % would like to change their city of residence for employment (Table 1). Students who live and study in Belgrade, which is the destination for most internal migrations, would like to change their city of residence for employment, while students from Kosovska Mitrovica with high unemployment are the least ready for this step [12. P. 192]. In the Bulgarian subsample, 49 % of respondents declared such a wish, which should be interpreted taking into account that almost two-thirds of respondents are from Sofia and Plovdiv, i.e., their place of residence is the city — a destination for migration inflows of job seekers.

Table 1

Students' attitudes towards internal migration

Samples	Yes	No	Can't say
Serbia	70.2%	10.8%	19%
Bulgaria	49.3%	19.9%	30.8%
Total	60.2%	15.1%	24.6%

At the sample level, there is a weak correlation between both the perception of general social problems and the students' migration intentions (V ranges from 0.065 to 0.102) and the biggest personal issues and migration intentions (V ranges from 0.019 to 0.232). In the Serbian subsample, V does not show significant variability when testing the strength of the correlation between attitudes towards migration and the perception of the most significant social problems (from 0.117 and 0.145). The highest value of Cramer's V was recorded for the connection between the intention to leave the country and the assessment of corruption and social stratification as the key social problems, which indicates economic reasons for migration. The lowest value of Cramer's V was recorded for the connection between migratory propensity and the state of environment. The Bulgarian data shows a connection between attitudes toward migrations and the assessment of the severity of specific social problems (V ranges from 0.085 to 0.137).

There is a relatively weak correlation between the perception of problems and internal migration intentions among Serbian students (V varies from 0.082 to 0.135). Cramer's V reaches the highest value for the connection between readiness for internal migration and perception of hate speech and unemployment, and the lowest value — for the connection between such intentions and the perception of corruption as a pronounced social problem, while a relatively weak connection — for the readiness for internal migration of Bulgarian students (from 0.102 to 0.143).

The biggest personal issues of Serbian students have a weak influence on the idea of permanent departure from the country (V ranges from 0.026 to 0.153). Most students mention difficulties in finding a job as a personal concern, but 34 % of them do not consider the possibility of leaving their country. Nearly a quarter of respondents who named corruption, the lack of general life security or of perspective as personal concerns have such plans (24 %, 22 % and 21 % respectively). The situation is similar for Bulgarian students (V ranges from 0.011 to 0.125): although the highest share of Bulgarian students consider corruption as their personal concern, for 95 % of them, this is not a reason for permanent departure from the country. The most common reasons for the permanent migration are difficulties in finding a job and the lack of perspective (27 % and 20 % respectively).

Serbian students' intentions for temporary emigration from Serbia are determined mainly by poor financial status (33 %) and the lack of perspective (33 %). The situation is similar for the Bulgarian subsample: of those who mentioned the lack of perspective, 36 % intend to temporarily go to work abroad (20 % is the average for the student sample), just as those concerned about the state of environment and corruption (33 %).

There is a weak correlation between ideas of external migration and attitudes towards work outside one's field ($V = 0.143$, $p = 0$): of those students who would migrate permanently or temporarily to another country, 47 % would do so if the salary or conditions are better, 27 % in case they cannot find a job in their field for a long time, 18 % — to work outside their field, and only 7 % would not work outside their field. In the Serbian subsample, there is a weak correlation between emigration attitudes and the willingness to work outside one's field ($V = 0.178$, $p = 0.001$), and mainly salary and/or better working conditions would make students (46 %) accept a job outside their field, regardless of whether they plan to leave the country temporarily or permanently. 29 % would only accept a job outside their field if they cannot find a job in their field for a long time, 20 % would definitely accept a job outside their field, and 6 % would not.

The greatest differences were identified among those who plan temporary and permanent departure from the country: almost twice as many students say that they would work outside their field and permanently leave Serbia (29 %) compared to those who would do it temporarily (15 %), which indicates a realistic assessment of students' chances to succeed in their profession. In fact, it is known that the labor market in most Western European countries does not need professionals of the students' profiles. Therefore, the findings may be somewhat different if the sample included students of in-demand professions. In the Bulgarian subsample, there is a relationship between emigration attitudes and willingness to work outside one's field of study ($V = 0.145$, $p = 0.04$). Bulgarian students willing to work in another country are more ready to change their field. The biggest differences were identified among those willing to work abroad temporarily: a little less than 50 % of respondents would work outside their field for a higher salary and better

conditions. The share of those willing to emigrate temporarily is 49 % and of those thinking of emigrating permanently 47 %. These results are rather doubtful, at least for students of social sciences, since the main reason for emigration is greater opportunities abroad for professional development. At the same time, we may question professional awareness of young people when choosing a field of study (future profession).

There are two main reasons preventing the generalization of the obtained results. First, the data on the perception of the biggest problems relates to the city of residence, although it is largely similar to the official data, especially on corruption. Second, only students of social sciences were questioned, and migratory intentions were examined only through statements about potential intentions, disregarding any specific steps to carry out such plans, which limits the generalization of the research findings. Nevertheless, it is clear that the student population in the field of social sciences and humanities in two neighboring countries in the Western Balkans (one is a EU member, the other is in the process of accession) have only slight similarities in the perception of social problems that can be defined as potential push factors for leaving the country. Students in both countries identify corruption as the biggest problem; however, a significantly larger share of Bulgarian students perceive it as such compared to Serbian students more dissatisfied with the state of environment and unemployment, while their Bulgarian peers are more concerned about healthcare and the use of hate speech. Students' attitudes towards problems marked as personal were somewhat different; however, regardless of the country, the lack of perspective is one of the strongest concerns together with poor financial status and the lack of general life security; while the biggest difference is that unemployment is the most significant personal problem for Serbian students, and for Bulgarian students it is again corruption.

Thereby, one in six students of social sciences and humanities in Serbia thinks of permanent emigration, as one in 18 students in Bulgaria. Certainly, such differences do not only stem from the students' recognition of the biggest social and personal problems in both countries — they are partly determined by the traditionally restrictive migration policies in Bulgaria and by the fact that Bulgaria joined the EU, which makes leaving for another European destination less desirable (attractive) for Bulgarian students. Of all students who would migrate to another country permanently or temporarily, almost a half would do so for higher income and better working conditions, while more than a quarter would leave only after being unemployed for a long time, and one in six potential migrants would agree to work outside their field. These data show that Serbia and Bulgaria are still potentially significant exporters of workforce due to the significant differences in the quality of offered jobs, low wages and lower standard for employees in Southeast Europe compared to the surrounding countries.

Funding

The article was prepared as a part of the research project “Personal and institutional strategies for preventing and managing risks: Specifics and determinants” funded by the Bulgarian Science Fund (Agreement KP-06 H55/9) and the Ministry of Education, Science and Technological Development of the Republic of Serbia (Agreements No. 451-03-68/2022-14/ 200148 and No. 451-03-66/2024-03).

References

1. Ardarenko M. *How Migration, Human Capital and the Labor Market Interact in Serbia*. European Training Foundation; 2021.
2. Bobić M., Vesković Anđelković M., Kokotović Kanazir V. *Study on External and Internal Migration of Serbia's Citizens with Particular Focus on the Youth*. Belgrade; 2016.
3. Bogdanov G., Rangelova P. *Social Impact of Emigration and Rural-Urban Migration in Central and Eastern Europe*. Final Country Report Bulgaria; 2012.
4. Commissariat for Refugees and Migration: *Migration Profile of the Republic of Serbia for 2015*. Belgrade; 2015.
5. Commissariat for Refugees and Migration: *Migration Profile of the Republic of Serbia for 2018*. Belgrade; 2018.
6. Corruption Perceptions Index, 2022. URL: <https://www.transparency.org/en/cpi/2022>.
7. Economic Migration Strategy of the Republic of Serbia for 2021–2027. URL: <https://www.pravno-informacioni-sistem.rs/SlGlasnikPortal/eli/rep/sgrs/vlada/strategija/2020/21/1>. (In Serbian).
8. Grečić V. *Serbian Creative Intelligence in the Diaspora*. Novi Sad; 2019. (In Serbian).
9. Ilieva N., Burdarov G. *Regional Demographic Imbalances in Bulgaria*. Sofia; 2021. (In Bulgarian).
10. Kalfin I. (Ed.) *Impact of Labor Migration on the Bulgarian Economy*. Sofia; 2018. (In Bulgarian).
11. Massey D.S. Patterns and processes of international migration in the 21st century. *Conference on African Migration in Comparative Perspective*. Johannesburg; 2003.
12. Miltojević V.D., Petrović J.S. Migration intentions of university students in Serbia: Escape from social problems or dream of professional accomplishment. Mantarova A. (Ed.). *Risk Prevention and Management*. Sofia; 2023.
13. Ministry of Environmental Protection — Environmental Protection Agency: Report on the State of Environment in the Republic of Serbia for 2021. URL: http://www.sepa.gov.rs/download/IZVESTAJ_2021.pdf (In Serbian).
14. Mirchev M. *Invitation to Sociology 2*. 2011. URL: <https://www.assa-m.com/katalog1111.php>. (In Bulgarian)
15. National Statistical Institute: External migration. URL: <https://www.nsi.bg/bg/content/3072>.
16. National Statistical Institute: Unemployment. URL: <https://www.nsi.bg/bg/content/4011>.
17. Panev G., Predojević-Despić J. Spatial aspects of emigration out of Serbia. Three ‘hot’ emigration zones. *Stanovništvo*. 2012; 2. (In Serbian).
18. Petrović J. Empirical evidence and different research approaches to the study of migrations: Key issues. Mitrović Lj. (Ed.). *Social-Cultural Aspects of Demographic Reproduction in Southeast Serbia and Possibilities for Devising a Pro-Natalist: Causes of Human Capital Educational Mobility and Its Impact on the Current and Future Development of Southeast Serbia*. Niš; 2023. (In Serbian).
19. Popova A. *Deficits in the Socialization of Children of Parents Working Abroad*. Sofia; 2020. (In Bulgarian).
20. Rangelova R. Sustainable development and intergenerational social-economic changes in Bulgaria. Mantarova A. (Ed.). *Sustainable Development: Intragenerational Aspects*. Sofia; 2020. (In Bulgarian).
21. Rašević M. *Migrations and Development in Serbia*. Belgrade; 2016. (In Serbian).
22. Stanković V. *Serbia's External Migrations*. Belgrade; 2014. (In Serbian).

23. Statistical Office of the Republic of Serbia: Labor Force Survey. 2022. URL: <https://publikacije.stat.gov.rs/G2023/Pdf/G20231047.pdf>. (In Serbian).
24. Statistical Office of the Republic of Serbia: Poverty and Social Inequality. 2022. URL: <https://www.stat.gov.rs/en-US/vesti/statisticalrelease/?p=13838>. (In Serbian).
25. Stoyanova P. Emigration from Bulgaria after 1989: Causes, structures and consequences. *Naselenie*. 2018; 36 (2). (In Bulgarian).
26. Šuvaković U.V., Narbut N.P., Trotsuk I.V. The youth of Russia and Serbia: Social trust and key generational problems. *RUDN Journal of Sociology*. 2016; 16 (4).
27. Trotsuk I.V. Some 'indicators' to 'measure' patriotism in the contemporary world. *Serbian Sociological Review*. 2017; LI (3).
28. Trotsuk I.V. Three approaches to the sociological study of the social well-being. *Serbian Sociological Review*. 2019; LIII (1).

DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-2-445-459
EDN: QEJFTN

Уехать или остаться: установки сербского и болгарского студенчества, определяющие этот выбор*

В. Мильтоевич¹, А. Мантарова², Я. Петрович¹

¹Нишский университет,
ул. Чарнойевича, 10а, Ниш, 18106; ул. Кирила и Методия, 2, Ниш, 18101, Сербия

²Институт философии и социологии БАН,
Московская ул, 13А, София, 1000, Болгария

(e-mail: vesna.miltojevic@znrfaq.ni.ac.rs; anna.mantarova@abv.bg;
jasmina.petrovic@filfak.ni.ac.rs)

Аннотация. Эмиграция высокообразованных когорт — распространенная черта менее развитых стран Юго-Восточной Европы. Болгария и Сербия давно столкнулись с проблемой интенсивного миграционного оттока своих самых молодых и образованных граждан. Авторы начинают статью с общего предположения, что социальные и личные проблемы (как их трактуют и оценивают потенциальные мигранты) позволяют предсказывать миграционные намерения молодых поколений, и задаются вопросом, насколько различается восприятие социальных и личных проблем студенческой молодежью в сербском и болгарском обществе, а также насколько это восприятие определяет намерение студентов покинуть родную страну в поисках возможностей лучшей жизни. Статья основана на эмпирических данных, полученных в ходе социологического опроса студентов об их отношении к наиболее релевантным для современного общества жизненным проблемам в городах их постоянного проживания и в частной сфере, а также об их планах в отношении внутренней и внешней миграции. Социологический опрос был проведен в октябре — декабре 2022 года на выборке в 587 респондентов (307 студентов из Сербии и 280 студентов из Болгарии). Исследование показало, что в обеих странах студенты считают коррупцию важнейшей социальной проблемой, за ней следуют трудности в поиске работы (трудоустройстве), однако наблюдаются статистически значимые различия

*© Мильтоевич В., Мантарова А., Петрович Я., 2024

Статья поступила в редакцию 24.04.2024 г. Статья принята к публикации 25.04.2024 г.

между двумя странами в том, как варьируют позиции важнейших проблем в условном студенческом рейтинге. Для сербских студентов важнейшая личностная проблема — поиск работы, тогда как болгарских студентов в большей степени беспокоит проблема коррупции. Оценивая личностные и социальные затруднения, с которыми они сталкиваются в своих странах (городах постоянного проживания), студенты упоминают, прежде всего, минимальные шансы трудоустройства по специальности, что мотивирует и даже заставляет их переехать в другой город или даже в другую страну. 1 из 9 опрошенных планирует покинуть родную страну, однако в Сербии существенно выше доля тех, кто хотел бы уехать на постоянное место жительства, найдя в эмиграции работу, тогда как различные соображения относительно временного отъезда примерно одинаково распределены в двух страновых выборках. 60 % опрошенных допускают для себя возможность внутренней миграции, однако среди сербских студентов таковых значительно больше, чем в болгарской выборке (70 % против 49 %).

Ключевые слова: Сербия; Болгария; студенты; миграции; постоянная и временная миграции; безработица; коррупция

DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-2-460-476

EDN: QCVLKC

Особенности восприятия и конструирования сакральных образов представителями поколения Z (на примере студентов технического вуза Республики Башкортостан)*

И.И. Еникеева

Уфимский государственный нефтяной технический университет,
ул. Чернышевского, 145, Уфа, 450078, Россия

(e-mail: zekrist@mail.ru)

Аннотация. Актуализация проблемы религиозности молодежи и характер ее научной интерпретации на примере студенчества, представителей поколения Z (центениалы, Gen Z), обусловили выбор проблематики статьи. Ее цель — охарактеризовать свойственные центениалам установки и оценки разных феноменов религиозного характера, которые воспроизводятся в молодежной среде, а также в интерпретации знаний о ней. Теоретической основой анализа послужили идеи социального конструкционизма, помогающие понять, как молодежь принимает участие в создании такого социального конструкта, как религия. В статье обобщены результаты социологического исследования представлений о религии у студенческой молодежи крупного регионального вуза — Уфимского государственного нефтяного технического университета (Республика Башкортостан). В опросе приняли участие студенты, рожденные после 1995 года, в возрасте от 18 до 26 лет (N = 1900); была использована анкета с закрытыми вопросами, нарративное интервью и фокус-группа со студентами направления «Восточное регионоведение». По результатам опроса были охарактеризованы молодежные представления о религии, соблюдение религиозных традиций и практик, их распространение в региональном сообществе, истоки религиозных настроений и установок современной молодежи, воспроизводимые и конструируемые в соответствующих сообществах. Автор отмечает отсутствие единства в разных аспектах отношения к религии, что свидетельствует о размытости и эклектичности религиозных представлений у поколения Z. Несмотря на то, что студенты декларируют самые разные проявления религиозности, просматривается взаимосвязь религии с бытийным представлением о мире независимо от характера вероисповедания. Образы сакрального выходят за контуры представлений студенческой молодежи о религиозном мировоззрении, что обусловлено способом конструирования знаний о реальности и потребностью индивида в сакрализации знания. Компаративистский анализ конструирования образа сакрального мусульманскими и православными центениалами показал региональную специфику — мусульмане более религиозны; преимущественно религиозная традиция транслируется из поколения в поколение мусульманской частью Gen Z, и, наоборот, конструируется православными студентами в контексте доступных социальных трендов. Однако сохраняется общая тенденция —

*© Еникеева И.И., 2024

Статья поступила в редакцию 13.06.2023 г. Статья принята к публикации 26.01.2024 г.

религиозная идентичность верующего не основывается жестко на определенной традиции, а конструируется при помощи доступного ему знания и изменяется при получении нового, что является характерной чертой поколения Z.

Ключевые слова: религия; студенческая молодежь; поколение Z; религиозные представления; социальное конструирование; социальная реальность; идентичность

Социокультурная ситуация как в масштабе отдельных стран, так и мира в целом характеризуется ростом «религиозно окрашенных» событий и происшествий, причем религия становится не только духовной, но и политической (или политизированной) переменной. Поэтому анализ религиозных установок, в частности, молодого поколения — одна из важнейших составляющих развития государства и обеспечения его национальной безопасности.

Традиционным дисциплинарным полем исследования проблем «молодежи и религии» выступает философия религии, однако, согласно Б. Тернеру, главной проблемой таких исследований оказывается недостаточное внимание к эмпирическим данным. Философское обсуждение кризиса религиозной веры и авторитета религиозных ценностей часто игнорирует эмпирические данные, полученные социологией [9]. Сегодняшняя ситуация в российской социологии религии рассматривается с позиции становления новой модели исследований (на фоне утраты модели советского типа) — самостоятельной социологической теории религии на основе широкого эмпирического изучения сложной религиозной ситуации в стране [12. С. 71–80]. Исследованию религиозности российского общества в целом и молодежи в частности посвящено множество работ отечественных социологов, однако не все эти работы отражают сравнительные характеристики верующих и неверующих россиян, социальный портрет современного верующего и не всегда преследуют цель рассмотрения проблем становления религиозности студенческой молодежи сквозь призму социального поведения и социологического измерения религиозности как социального феномена.

Среди исследований российских авторов, в которых в той или иной степени представлены религиозные ориентиры современной молодежи, можно назвать изучение стереотипизации в области этнорелигиозных отношений в молодежной среде [16], сравнительный анализ отношения к богу и веры в загробную жизнь [10; 11], оценку отношения молодежи к религии (религиозная самоидентификация студентов, гендерная специфика молодежной религиозности, мнение студентов о месте и роли религии в современном обществе) и т.д., хотя нередко авторы, используя результаты опроса и фиксируя рост религиозности среди российской молодежи, не приводят доказательств данного роста и высказывают весьма дискуссионные положения, однако, безусловно, у «атомизированного человека на первый план вышла терапевтическая функция веры, которую не надо отождествлять с компенсаторной, ориентирующей на загробное воздаяние». Другая особенность большинства работ — их коли-

чественно-эмпирический характер, т.е. попытка представить реальный срез общественного мнения. Недостаточное применение качественных методов не позволяют понять социальные, психологические и гносеологические детерминанты религиозности современной молодежи, определить колебания в религиозном сознании представителей молодого поколения, а главное — понять, как воспроизводятся смыслы и знания о религии, отношение к ней в привычной повседневности и в пока еще не освоенной ее части в рамках духовного роста и саморазвития, имманентно присущих молодым людям.

Что касается зарубежной социальной науки, то в последние десятилетия для нее также характерен повышенный интерес к проблеме «молодежи и религии». В частности, С. Коллинз-Майо, комментируя результаты международного эмпирического исследования, направленного на изучение религиозности европейской молодежи, отмечает «рост и социологическое значение религиозного разнообразия среди молодых людей» [24. С. 12], говорит о «субъективном повороте постсовременной культуры», порождающем вектор «индивидуализации и субъективности» молодого поколения Западной Европы. Такая тенденция подтверждает сформировавшуюся дифференциацию не только концептов веры, но и в целом духовности и религиозности, поэтому межпоколенная трансмиссия религиозных традиций становится все более затруднительной. Религиозное сознание как явление социокультурного порядка не может развиваться вне общества, как не может и транслироваться на личностном уровне: для любого субъекта религиозные истины вне религиозного общества будут «относительны» и «не важны» [24. С. 18].

Другие авторы также отмечают религиозные трансформации среди подростков, например, делая на основе эмпирических данных вывод о спаде религиозности среди американской молодежи и отмечая тенденцию ее идентификации с верующими, но не с религиозными людьми, а также разграничение веры и религии, что в целом осложняет «духовный путь, пролегающий через юность» [21. С. 23]. Корреляционный анализ между посещением церкви и законопослушным поведением молодежи показал, что те юноши, кто на постоянной основе посещали церковь, в будущем не становились наркоманами, асоциальными личностями и правонарушителями, т.е. исследователи смогли развенчать достаточно популярный на Западе миф, что во взаимоотношениях индивида религиозное сознание никоим образом не отражается [25]. Также была отмечена зависимость между активным развитием рынка цифровых продуктов и услуг и спадом социальной роли традиционных религиозных ценностей — духовность «не идет рука об руку с религиозностью» [28. С. 27].

Таким образом, анализ отечественных и зарубежных социологических исследований, актуализирующих проблемы образов сакрального в молодежном сознании, показал необходимость дальнейшего изучения «макета» социальной действительности, иллюстрирующего внутреннюю природу истоков религиозных настроений и установок современной молодежи, кото-

рые воспроизводятся в соответствующих сообществах. Еще более сложным выглядит дискурсивное воображаемое — описание сакрального в социальном пространстве поколением Z, особенно с учетом нехватки компаративных исследований конструирования образов сакрального у мусульманской и христианской (православной) молодежи, и этим обусловлен выбор социально-конструкционистского подхода П. Бергера и Т. Лукмана в качестве концептуального основания исследования [2].

Поскольку цель социального конструкционизма — выявление путей, с помощью которых индивиды и группы участвуют в создании воспринимаемой ими социальной реальности, то необходимо изучать, как воспроизводятся религиозные дискурсы среди молодежи в процессе совместного конструирования представлений и предположений о мир. Социальная конструкция — это значение, понятие или коннотация, приписываемые объекту или событию сообществом и принимаемые акторами этого сообщества как основа восприятия или отношения к объекту или событию. Социальная актуализация проблемы религиозности у поколения Z на примере студенческой молодежи Уфы требует изучения, потому что это поколение играет значительную роль в современной культуре как наиболее подверженное влиянию технологических изменений.

Положение поколения Z как будущих потребителей и производителей означает, что оно окажет существенное воздействие на разные аспекты социальной реальности, и необходимо понимать, как меняется восприятие соответствующих понятий поколением Z в разных контекстах.

Цель исследования — в процессе сбора и анализа социальных фактов соединить количественный анализ с качественным, что позволит понять природу мотивов поколения Z, его мнений и оценок в отношении разных феноменов религиозного характера. Опрос проводился в аудиториях Уфимского государственного нефтяного технического университета, крупного регионального вуза (Республика Башкортостан). Была использована простая случайная выборка (принцип механического отбора с равным интервалом): объем генеральной совокупности — 19000 человек, выборочной — 1900, статистическая погрешность — 3,7%. Возраст респондентов — 18–26 лет, 40% — юноши, 60% — девушки, провели большую часть детства в деревне 30%, в городе — 70%. Для отбора участников фокус-группы была использована анкета, которая отражала характер и квотные признаки потенциальных респондентов для формирования относительно однородного состава группы из 8 человек. Помимо онлайн-анкетирования на основе закрытых вопросов (выбор одного ответа по пятибалльной шкале), объединенных в три тематических блока (сущность религии, определение идентичности, перспективы религии), был использован метод нарративного рассказа в ходе фокус-группы (без наводящих вопросов и подсказок) для глубокого изучения мнений респондентов, понимания связей между понятийными доменами, внутренних противоре-

чий, распространенных в изучаемой среде мифологем и идеологем. Микро-нарративы повседневности, представленные отдельными индивидами поколения Z, показывают схемы понимания и поведения, особенности отношения к чужому и кризисы молодежной культуре, позволяют типологизировать выборку по изучаемым индикаторам и проводить контент-анализ лексических структур для выявления скрытых настроений и стереотипов. Результаты интервью были согласованы с данными, полученными в ходе анкетного опроса.

Первый вопрос был направлен на определение понимания молодыми людьми религии как таковой. Считается, что в наибольшей степени для Gen Z характерны две категории духовности: «экстра-теистическая» — связанная с имманентной религиозностью, поисками смысла жизни, благоговейным восприятием прекрасного — и «этическая» — правильное моральное поведение, помощь людям, преодоление эгоизма, добросердечие и т.д.) [23. С. 63]. Именно они приводят к «духовной, но не религиозной» позиции, которая становится важным индикатором (не) религиозности поколений Y и Z [23. С. 54]. Особое значение при этом обретают личная свобода, творческий потенциал, физическое благосостояние (здоровье), самореализация и обретение смысла жизни, единство и гармония с миром. Изменение перспективы от института к индивиду выражается в диаде «религия — духовность»: 64 % опрошенных считают, что религия — это «*комплекс психотерапии, который дает душевный комфорт*», «*инструмент, канал очищения от негативной эмоции*». 29 % опрошенных полагают, что религия — это вера и культ: «*вера — это то, в чем убеждены большие группы людей, и она иррациональна*»; «*это опиум народа*»; «*вера существует потому, что люди уходят от проблем, либо потому что тяжелые времена и нужно как-то справляться с проблемами*». Участники опроса также отметили, что религия — это особый вид знания (7 %), который «*дает ответы на вопросы, которые не может дать наука*».

Ответы респондентов на вопрос «Верно ли утверждение, что кто-то создал вселенную?» разделились, но все же большинство допускает, что вселенная была создана некими силами (60 %): «*на этот вопрос сложно дать ответ, потому что человек исследует его путем рационального познания, т.е. только так, как он может воспринимать в силу человеческой природы. Ну что, если вселенная была создана иначе, и человек не способен это познать?*». Те, кто предложил обратное — вселенная возникла в процессе материальной эволюции мира (40 %), объясняют свою позицию так: «*Сама по себе создалась благодаря законам физики. Если говорить научно, то ее создали просто какие-то физические силы, не когнитивные силы, а силы физические и химические*». Разброс оценок молодых респондентов, вероятно, связан с тем, что одним хочется верить в помощь высших сил (своеобразная жизненная опора или способ снять с человека ответственность за его действия), а другие верят в собственные силы как позволяющие добиться желаемого.

В вопросе о религиозности/нерелигиозности молодых людей почти половина опрошенных (47 %) назвала в качестве причины неверия то, что религия выступает и как миф, и как общий исторический тип мировоззрения, и как средство управления человеком и обществом. Более трети студентов (35 %) считают, что причина неверия в бога кроется в том, что нет убедительных доказательств его существования: *«Я раньше верила, а потом я услышала про случай, как священник в подвале держал детей... Религия сильно политизирована, это своего рода ресурс. И вот некие святые отцы учат вере, а, по существу, сами неверующие. А есть монахи — они живут оторвано от общества, возможно, они глубоко верующие, но открытой вере доверия нет»*. 18 % студентов ответили, что являются верующими, из них мусульманами назвали себя 69 %, православными христианами — 18 %, просто верующими в бога — 13 %.

Отметим, что в Уфе, как и в целом по региону, наблюдается благоприятная поликонфессиональная среда, которая способствует преемственности религиозных традиций, сложившихся в республике. По данным переписи населения 2021 года, на территории Республики Башкортостан проживают представители более 130 национальностей, народов и народностей разных конфессий. Верующие определяют свою религиозную идентичность, исходя из этнической принадлежности или пребывая в определенной культурной традиции. Этнических мусульман в республике более 2,3 млн, этнических православных — около 1,5 млн (население республики — 4 млн). Ислам и православие — ведущие конфессии, их объединения составляют 90 % религиозных организаций (71 % — исламские, 19 % — православные). Протестантские сообщества (баптисты, адвентисты, пятидесятники, мормоны т.д.) и нетрадиционные верования (старообрядцы, буддизм, неоязыческие верования) составляют около 10 %, еврейская община — 2 %. Религиозный выбор как у мусульманской части Gen Z опрошенных, так и у православной, в первую очередь определяется первичными агентами социализации — матерью и отцом, а также ближайшими родственниками, что подтверждается положительным ответом на вопрос «Разделяете ли Вы религиозную принадлежность одного или обоих родителей?» (64 %).

Под «сакральным образом» респонденты понимаются «комплекс представлений о чувственно-конкретной форме существования святого, Бога» (68 %), «воображаемое, которое предполагает существование истинного, ценного, воплощенного в каком-то конкретном образе, к примеру, особые слова, символы или аллегории, или неких особо ценных вещей» (21 %). Сравнение образа сакрального у респондентов-мусульман и респондентов-православных показал ряд различий, напрямую связанных с «корнями» (Рис. 1): мусульманская часть поколения Z провела большую часть детства в деревне (65 % против 36 % в селах), у православной это соотношение — 37 % и 63 %. Сельская и городская среды наложили свой отпечаток на дискурсивное вооб-

ражаемое, описывающее сакральное в социальном пространстве поколения Z. Для сельских зумеров, среди которых большинство мусульмане, характерна прилежность в намазе и чтении Корана, они гораздо ближе знакомы с шахадой, чем городские центениалы, среди которых большинство православных — с символом веры. Важной особенностью взглядов жителей сельских районов, на территории которых находятся священные места Башкирии, является то, что они имеют особые представления о божествах этих священных мест, легендах и сказаниях, проявляют уважение к природе через религиозные практики — посещали мусульманские святыни (гора Ауштау и родник Аулия; гора Нарыстау и святой источник; шиханы Торатау, Шахтау, Юрактау, Куштау; мавзолей Хаджа Хусейн-бека и др.).

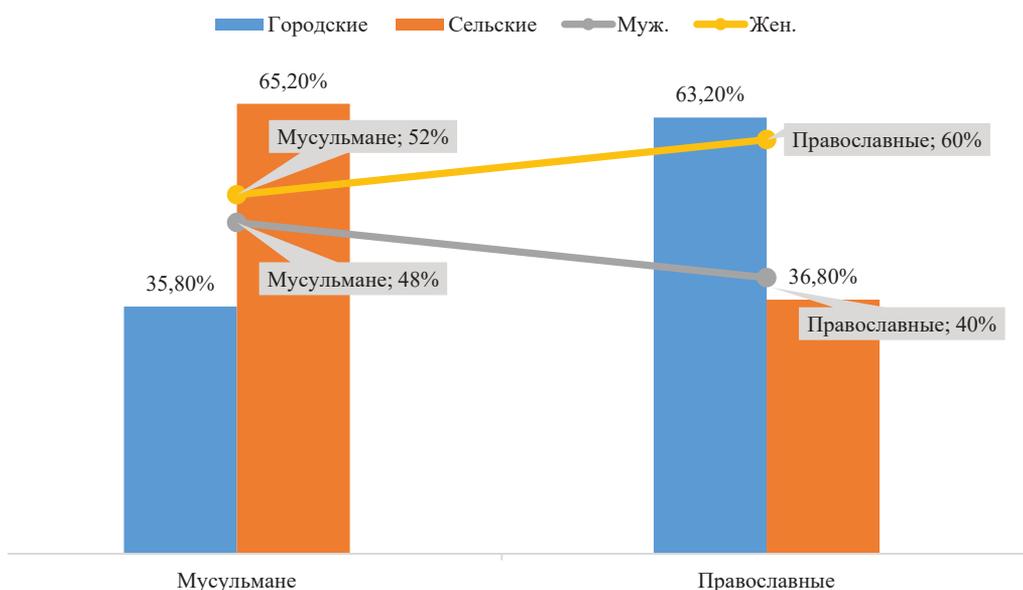

Рис. 1. Факторы дифференциации образа сакрального у мусульман и православных

Доля нерелигиозных мусульман, верящих в бога, выше, чем у православных (62 % против 38 %), однако православные центениалы гораздо чаще посещают храм, но реже читают Евангелие, хотя бы один раз посетили святыне места республики (Богородице-Табынский женский монастырь, Покрово-Эннатский мужской монастырь, Свято-Сергеевский кафедральный собор, Успенский Свято-Георгиевский мужской монастырь (Святыне кустики) и др.). Мусульмане — более сбалансированная по полу группа, чем православные (юноши — 48 %, девушки — 52 %), доля женщин выше у православных (60 %). Вероятно, религиозная традиция передается из поколения в поколение в большей степени у мусульманской части поколения Z и, напротив, зависит от социальных тенденций у православной части молодежи.

Принимая во внимание, что верующие составляют лишь пятую часть опрошенных, можно предположить, что формирование религиозной идентичности в современном постмодернистском обществе похоже на поиск ответа на вопрос, с которым сталкивается «бездомный бродяга», — «куда ведет мой путь земной?» [8]. Иными словами, человек в современном обществе, в отличие от традиционного, решает задачи, как «получить» религиозную идентичность и заставить других признать ее (например, быть и считаться православным), какая религиозная идентичность ему ближе, какая разновидность веры позволяет самореализоваться, как изменить ее после того, как ее привлекательность исчезнет, что закономерно приведет к тому, что верующие утратят веру в единственный выбор конфессии [6]. На вопрос о возможности смены вероисповедания, обусловленной международными событиями или миграцией, голодом или пандемией, техническими инновациями или политическими потрясениями, был получен однозначно отрицательный ответ — 96 % (затруднились ответить 4 %).

Таким образом, ответы респондентов демонстрируют высокий уровень первичной, во многом внешней религиозности, основой для которой служит особая роль ислама и православия на территории Республики Башкортостан: *«Да, мы не допускаем переход в другие конфессии. Вероисповедание изначально неосознанное, а потом осознанное. Но если кто-то изначально был осознанным христианином, а потом мусульманином стал, то появляются вопросы»*. Ответы респондентов соответствуют конструктивистской модели Бергера и Лукмана, выражающей субъективное ощущение взаимосвязи с религиозной группой и позицией значимой религиозной группы для формирования Я-образа. Среди респондентов распространен и так называемый поиск идентичности, критическое сомнение (Рис. 2): *«Я ходила в воскресную школу, и было время, когда я интересовалась, размышляла и пришла к вере»; «Были тяжелые времена, открылись внутренние душевные раны, и я находил поддержку в вере»; «Я не верю, но было желание порой прийти в церковь и свечку поставить»; «Я не верю, хотя все обряды знаю. У меня дедушка мулла. С ним беседую на религиозные темы, но не более»*. Такой подход в контексте современного «текущего» состояния российского общества, в котором религиозная идентичность конструируется не в жестких рамках определенной традиции, а выстраивается посредством знаний и трансформируется при получении нового знания, — характерная особенность представителей поколения Z.

Роль религии в обществе как инструмента поддержания морали и ответственности воспринимается большинством опрошенных неоднозначно. С одной стороны, религия формирует мировоззрение, массовое сознание, способствует укреплению порядка (62 %). С другой стороны, в обществе происходит разделение на верующих и неверующих, что может порождать социально-религиозные конфликты (38 %). Однако, несмотря на отсутствие четких религиозных представлений и неоднозначное восприятие проявлений религии

в современном обществе, большинство опрошенных уверены в необходимости религии, поскольку вера способна сплачивать общество, снижая степень жестокости и равнодушия: *«Я верю в силу, сплачивающую людей. Разве не чудо, что люди собираются вместе, в едином сообществе и разделяют единые нормы и авторитеты»; «Каждому нужно во что-то верить. Жить легче от того, что люди знают, что кто-то есть, кто поможет в решении проблем».* Но при этом *«вера не должна внушаться и навязываться, так как в свободном выборе вероисповедания скорее всего лежит залог доверия в соблюдение религиозных норм, а главное — искреннего чистосердечного принятия самой веры; чем чище сам человек, добродетелен, тем больше благ он получит».*

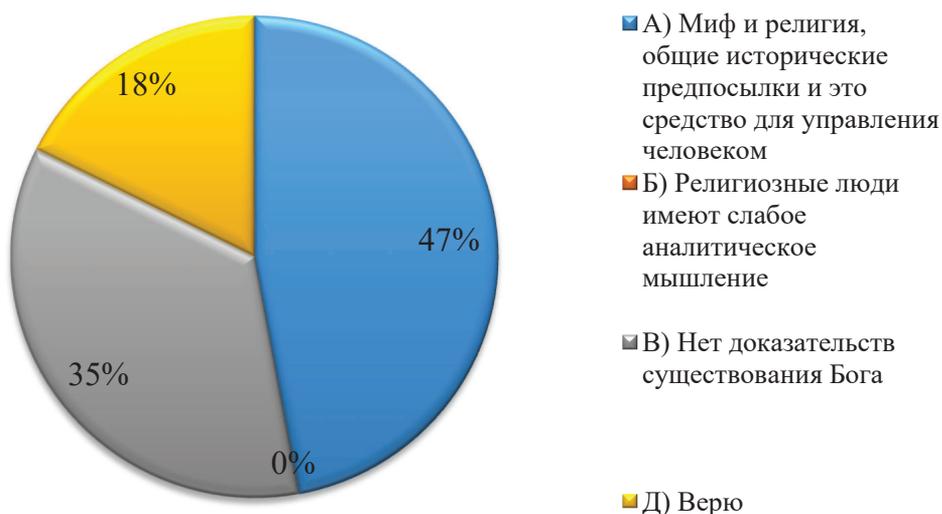

Рис. 2. «Почему вы не верите в Бога?»

Отвечая на вопрос, какой будет религия через сто лет, большинство (97%) назвали ее цифровой характер: *«Возможно какие-то религии останутся, типа христианства, буддизма, но пожертвования будут, например, в крипто-валюте, или храм построят не из бетона, а в виде голограммы»; «Появятся новые верования — вера в нейросети, вера в искусственный интеллект или иные существа. В будущем появятся новые люди — колонисты на других планетах, которые будут отделены от земной веры, и им, родившимся на других планетах, будут непонятны верования землян»; «религия будущего — это технологии».* Лишь 7% ответили, что религией будущего будет этика атеизма.

Полученные данные подтверждают сильную сторону конструктивистской идеи, что социальные феномены, особенно религиозные, не имеют иной независимой основы, кроме как ментальные и лингвистические представления, которые люди развивают вокруг этих феноменов на протяжении истории и делают своей общей реальностью. Опрос показал, что некоторые социальные конструкции очевидны (например, деньги или концепция крипто-валюты) в том смысле, что студенты согласились придать им важность/ценность, а другие противоречивы и горячо обсуждаются (например, религия будущего). Расхождения в представлениях студентов о современной религии можно интерпретировать как свободу от религиозных догматов, проявление «религиозного творчества» — в отсутствии религиозного воспитания и определенной культурной традиции, когда каждый создает собственную картину духовного мира. В этом отношении социология религии неслучайно фиксирует разрыв между религиозной традицией и индивидуальным духовным выбором, обозначаемый П. Бергером как «религиозная еретичность»: свободный выбор и конструирование духовной реальности из многих религиозных традиций и культов становится требованием времени — это «еретический императив» [2].

Достоверность анкеты оценивалась с помощью коэффициента Кронбаха: надежность анкеты была оценена в 0,94, что свидетельствует о высокой надежности. В ходе анализа данных баллы, связанные со всеми переменными, были проверены с помощью теста Колмогорова — Смирнова; убедившись, что баллы распределены правильно, была использована параметрическая статистика. Согласно данным в таблице 1, коэффициент различия между средними выборочными величинами по шкале «религиозная принадлежность» равен 2,1 при $p < 0,01$, по шкале «соблюдение религиозных обрядов и традиций» — 2,9 при $p < 0,05$, по шкале «разделяю религиозную принадлежность одного или обоих родителей» — 2,12 при $p < 0,01$, что подтверждает значимость коэффициентов и достоверность данных.

Таблица 1

Ответы на вопросы о религиозной идентичности (%)

Шкала	Да	Нет	Коэффициент различия
Верно ли утверждение, что кто-то создал вселенную?	20,3	25,8	2,7
Ваша религиозная принадлежность?	26	19,1	2,1
Разделяете ли Вы религиозную принадлежность одного или обоих родителей?	20,4	19,7	2,12
Вы соблюдаете религиозные обряды и традиции?	20,5	27,2	2,9
Считаете ли вы, что религию нужно сохранить, хотя бы за то, что она поддерживает нравственность и мораль?	26	18,2	2,87

На следующем этапе выяснялась структурная организация исследуемых показателей — тип взаимосвязи между религиозной идентичностью студентов и их родителей — при помощи коэффициента корреляции Пирсона: $-0,09$ статистически не значим ($p > 0,05$), т.е. нет связи между религиозной идентичностью студентов и их родителей. Соответствующие показатели между религиозной идентичностью и возможной сменой исповедания — $-0,16$ ($p < 0,05$), т.е. существует связь между текущей религиозной идентичностью и возможной сменой вероисповедания (молодые люди с выраженной идентичностью скорее всего не сменяют вероисповедание).

Что касается дискурсивной конструкции воображаемого сакрального у поколения *Z*, то, во-первых, теологические рассуждения встречаются не только у верующих в бога центениалов, но и у неверующих, в том числе ярых атеистов, которые самым решительным образом отвергали веру в бога. Более того, большая часть верующих, независимо от религии, допускают возможность не участвовать в религиозных практиках, т.е. теологические взгляды конструируются у поколения *Z* в зависимости от социальных условий. Во-вторых, эмпирические данные позволяют сравнивать образ сакрального у мусульманской и христианской (православной) молодежи, у которой религия и идентичность представлены как элементы конструирования собственного «Я» и трансляции смыслов. Религиозные традиции православия в большей степени, чем ислама, выстраиваются субъектами в контексте социальных тенденций, тогда как ислам, сохраняя требование жесткого следования традициям в регионах и странах своего влияния, смягчает религиозность за пределами мусульманских территорий, частично принимает ценности окружающей среды и сохраняет религиозную и культурную самобытность на индивидуальном уровне [12].

Вера в то, что жизненные события имеют глубокий смысл и происходят по какой-то причине, явно связана с религиозными убеждениями центениалов [1; 18]. Молодежь склонна интерпретировать события как вызванные метафизическими или сверхъестественными силами и обращается к Богу за объяснением, особенно когда важные жизненные события трудно поддаются логике и не подкрепляются материальными причинами. Однако мы считаем, что фокус теологических представлений — побочный продукт универсальных социальных и когнитивных искажений, которые трансформируются молодежью в религиозный дискурс и совместные представления о мире о действительности (вера в душу, божественное творение и загробную жизнь) с точки зрения свободы воли, цели и замысла [22; 26]. В то же время результаты исследования подтверждают, что поколение *Z* является наименее религиозным — отношение к религии у молодых поколений скорее прагматичное [19; 20], большинство центениалов называют себя неверующими и не принимают религиозных взглядов как основу своей духовной жизни.

Безусловно, религиозные ценности и семейное воспитание взаимосвязаны [29] и оказывают прямое влияние на конструирование социальной реальности. Более того, связи между религиозностью родителей [30] и семейными установками и предпочтениями поколения Z также важны в изучении конструирования идентичности. В раннем детстве родители выступают ключевыми социализирующими агентами в развитии представлений своих детей о воспитании и семье [27]. Большинство исследований показывают, что религиозность играет центральную роль в создании и укреплении традиционных представлений о роли семьи, однако некоторые работы подчеркивают особую роль отцов в развитии детей [30]. В нашем исследовании 80 % центениалов не разделяют религиозные убеждения своих отцов и самостоятельно конструируют образы сакрального в контексте своей культуры, а также идентифицируют себя с определенным религиозным сообществом на основе индивидуально-личностных черт и специфики участвующих социальных субъектов. В этом смысле поколение Z демонстрирует «радикальный разрыв с ожиданиями, поведением и моральными устоями отцов», однако представления данного поколения о том, какие категории-конструкты полезны для прогнозирования и понимания поведения людей, сильно различаются в зависимости от культурного контекста [4; 13], что указывает на значимость культурных сигналов в формировании этих убеждений, в том числе символического потребления NEET-молодежи [3].

Безусловно, результаты нашего социологического исследования носят ограниченный характер — регионально и кейсово специфичны, но могут дополнить понимание рассматриваемых вопросов в общем и сопоставительном контекстах, показывая неоднозначное отношение современного уфимского студенчества к вере, религии, религиозным практикам и феноменам религии. С одной стороны, мы видим сомнения, долю нетерпимости и резкость суждений, с другой — искренность, стремление понять «сложные вещи», интерес и равнодушие. Ключевыми факторами конструирования религиозной и внерелигиозной идентичности выступают этническая принадлежность, семейное воспитание, место рождения (город/село), а также сложившиеся региональные традиции дискурсивного конструирования религиозного воображаемого. Если религиозная идентичность верующих не основана на определенной традиции, а конструируется посредством доступного знания и меняется при получении нового, то не исключена возможность обращения к богу в жизненно важных для неверующих ситуациях.

Тем самым исследование показало наличие взаимосвязи религии с бытийным представлением о мире независимо от вопросов веры, что созвучно идее П. Бергера, что в каждой культуре формируются разные особенности восприятия религиозного опыта, но их механизмы для индивида схожи

с процессом легитимации субъект-объектных отношений [2. С. 45]. В свою очередь, Т. Лукман показал, что сакральное, священное и религиозное — нечто большее, чем часть религиозного мировоззрения, поскольку они укоренены не только в историко-культурном контексте, но и в самом способе конструирования реальности, а также в личностной потребности в сакрализации знания [2. С. 89].

Представители поколения Z духовно активны, они ищут свою религиозную идентичность и потому декларируют самые разные проявления религиозности в ходе опроса. Кроме того, сегодня религиозная идентичность верующего конструируется не в жестких рамках определенной традиции, а выстраивается и модифицируется посредством знаний, хотя прослеживаются и различия в трактовке и создании образа сакрального у представителей разных конфессий.

Благодарность

Автор выражает благодарность руководителю Лаборатории Digital future — М.Г. Бреслеру за участие в обсуждении результатов социологического опроса.

Информация о финансировании

Статья подготовлена в рамках программы «Приоритет 2030 — УГНТУ», стратегический проект «Новая среда жизни», научно-исследовательский проект «Социогуманитарное конструирование будущего: мегаполис для поколения Z (цифровая сервис технология MegaZ)». Регистрационный номер НИОКТР — 123050400001–6.

Библиографический список

1. *Батыршина Э.Н.* Соотношение атеистического и религиозного мировоззрения у групп студенческой молодежи (на примере Республики Башкортостан) // Социодинамика. 2017. № 12.
2. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995.
3. *Буланова М.Б., Артамонова Е.А.* NEET-молодежь: потребительское поведение в новой реальности // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2022. Т. 22. № 1.
4. *Ивлева М.Л., Курилов С.Н., Россман В.И.* Религиозные ценности глазами молодежи: опыт социологического исследования // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 3.
5. *Мертон Р., Фиске М., Кендалл П.* Фокусированное интервью. М., 1991.
6. *Нарбут Н.П., Троцук И.В.* Ценностные ориентации и социальное самочувствие студенчества (результаты исследовательского проекта). М., 2017.
7. *Нарбут Н.П., Троцук И.В.* Социальное самочувствие молодежи постсоциалистических стран (на примере России, Казахстана и Чехии): сравнительный анализ страхов, надежд и опасений (Часть 2) // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 2.
8. *Папаяни И.В.* Конструирование образа современного верующего в фильме Б. Дюмона «Хедевейх» // URL: [https:// elib.bsu.by/bitstream/123456789/85504/1/78-81.pdf?ysclid=ljlsxee16i563774569](https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/85504/1/78-81.pdf?ysclid=ljlsxee16i563774569).
9. *Руткевич Е.Д.* Молодые поколения и (не) религия // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2023. № 1.
10. *Савченко И.А.* Культурная интеграция иностранного студента в российскую социальную действительность: опыт исследования // Вестник НГУ им. Н.И. Лобачевского. Социальные науки. 2019. № 4.

11. Савченко И.А. Этнические стереотипы в студенческом сообществе // В мире научных открытий. 2021. № 3.1.
12. Смирнов М.Ю. Социология религии в Российской Федерации: два наблюдения Вестник ПСТГУ. Серия 1: Богословие. Философия. Религиоведение. 2014. № 3.
13. Тарасова Е.О. Семейные ценности в мировых религиозных конфессиях и их влияние на российскую семью // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2016. Т. 16. № 2.
14. Тернер Б. Религия в постсекулярном обществе // Государство. Религия. Церковь. 2012. № 2.
15. Троцук И.В., Цимбал М.В. О пользе мифологем для социологического воображения // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2023. Т. 23. № 3.
16. Устинкин С.В., Ваганов Р.Н., Ваганова Ф.Г. Потенциал организаций мусульманского духовенства в развитии социально-политических процессов в России. Н. Новгород, 2014.
17. Федорова М.В. Динамика религиозных ориентаций российской молодежи в условиях современного общества // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 11.
18. Широкалова Г.С., Шиманская О.К., Аникина А.В. Существуют ли гендерные особенности религиозности студенческой молодежи? // Социологические исследования. 2016. № 16.
19. Banerjee K., Bloom P. Why did this happen to me? Religious believers' and non-believers' teleological reasoning about life events // Cognition. 2014. Vol. 133. No. 1.
20. Berger P.L., Luckmann T. The Social Construction of Reality. A Treatise on Sociology of Knowledge. Anchor, 1966.
21. Bresler M., Galiullina S., Gerasimova D. Transformation of the values of Generation Z — residents of the digital society of sustainable development // E3S Web of Conferences. Vol. 208. Yekaterinburg, 2020.
22. Green J.M., Phillips L.M. Social threat perception and the evolution of paranoia // Neuroscience & Biobehavioral Reviews. 2004. Vol. 28. No. 3.
23. Denton M.L., Pearce L.D., Smith C. Religion and spirituality on the path through adolescence // Research Report. 2008. No. 8.
24. Evans E.M. Cognitive and contextual factors in the emergence of diverse belief systems: Creation versus evolution // Cognitive Psychology. 2001. Vol. 42. No. 3.
25. Everyday Religion: Observing Modern Religious Lives. Ammerman N. (Ed.). Oxford University Press, 2007.
26. Collins-Mayo S. Youth and religion: An international perspective // Theo-Web. Zeitschrift für Religionspädagogik. 2012. H. 1.
27. Pope B., Price J., Lillard D.R. The impact of religion on youth outcomes // Journal of Business Inquiry. 2014. Vol. 13.
28. Kelemen D. British and American children's preferences for teleo-functional explanations of the natural world // Cognition. 2003. Vol. 88. No. 2.
29. Lindsey L.L. Gender Roles: A Sociological Perspective. N.Y., 2015.
30. Lippman L.H., McIntosh H. The demographics of spirituality and religiosity among youth: International and U.S. patterns // URL: <http://www.childtrends.org/wp-content/uploads/01/Spirituality-and-Religiosity-Among-Youth.pdf>
31. Filimonau V., Kubal-Czerwińska M., Mika M., Zajadacz A. Religious values and family upbringing as antecedents of food waste avoidance // Global Environmental Change. 2022. Vol. 75. No. 6.
32. Trotsuk I. Eschatological conspiracy theories: Models and ways for identifying apocalyptic semantics and syntax // Russian Sociological Review. 2023. Vol. 22. No. 4.
33. Vries de E., Toshkov D.D., van der Pol, L., Groeneveld M. Fathers, faith, and family gender messages: Are religiosity and gender talk related to children's gender attitudes and preferences? // Early Childhood Research Quarterly. 2022. Vol. 21.

Features of the perception and construction of sacred images by the generation Z (on the example of the technical university in the Republic of Bashkortostan)*

I.I. Enikeeva

Ufa State Petroleum Technical University,
Chernyshevsky St., 145, Ufa, 450078, Russia

(e-mail: zekrist@mail.ru)

Abstract. The actualization of the issues of the youth's religiosity and of its scientific interpretation on the example of students, representatives of generation Z (centennials, Gen Z), determined the research questions of the article which aims at identifying centennials' estimates of various religious phenomena and their interpretation of knowledge about it. The theoretical basis of the article are the ideas of social constructionism, which help to understand how young people take part in the creation of such a social construct as religion. The article summarizes the results of the sociological study of ideas about religion among students of the large regional university — Ufa State Petroleum Technical University (Republic of Bashkortostan). The sample consisted of students born after 1995, aged 18 to 26 (N = 1900); the author used the questionnaire with closed questions, narrative interviews and focus groups with the Eastern Regional Studies' students. Based on the results of the survey, the author considers the youth's ideas about religion, religious traditions and practices, their spread in the regional community, and the origins of religious sentiments and attitudes reproduced and constructed by the youth. The author notes the lack of unity in various aspects of the youth's attitude towards religion, which indicates the blurring and eclecticism of religious ideas among the generation Z. Although students declare a wide variety of manifestations of religiosity, the relationship between religion and the existential understanding of the world is clear. Images of the sacred go beyond students' religious worldview, which is due to the way knowledge about reality is constructed and to the individual need to sacralize knowledge. The comparative analysis of the construction of the image of the sacred by Muslim and Orthodox centennials showed some differences: Muslims are more religious; religious tradition seems to be transmitted from generation to generation mainly by the Muslim part of the Gen Z, and, on the contrary, is constructed by Orthodox students in the current social context. However, there is a general trend — religious identity of the believer is not strictly based on a certain tradition but is constructed with available knowledge and changes with new information, which is a typical feature of the generation Z.

Key words: religion; student youth; Generation Z; religious representations; social construction; social reality; identity

References

1. Batyrshina E.N. Sootnoshenie ateisticheskogo i religioznogo mirovozzreniya u grupp studencheskoj molodyozhi (na primere Respubliki Bashkortostan) [Correlation of atheistic and religious outlook among the student youth (on the example of the Republic of Bashkortostan)]. *Sotsiodynamica*. 2017; 12. (In Russ.).

*© I.I. Enikeeva, 2024

The article was submitted on 13.06.2023. The article was accepted on 26.01.2024.

2. Berger P., Luckmann T. *Sotsialnoe konstruirovaniye real`osti. Traktat po sotsologii znaniya* [The Social Construction of Reality. A Treatise on Sociology of Knowledge]. Moscow; 1995. (In Russ.).
3. Bulanova M.B., Artamonova E.A. NEET-molodezh: potrebitelskoe povedenie v novoy realnosti [NEET-youth: Consumer behavior in the new reality]. *RUDN Journal of Sociology*. 2022; 22 (1). (In Russ.).
4. Ivleva M.L., Kurilov S.N., Rossman V.I. Religioznye tsennosti glazami molodezhi: opyt sotsiologicheskogo issledovaniya [The youth's perception of religious values: A sociological study]. *RUDN Journal of Sociology*. 2018; 18 (3). (In Russ.).
5. Merton R., Fiske M., Kendall P. *Fokusirovannoe intervyyu* [The Focused Interview]. Moscow; 1991. (In Russ.).
6. Narbut N.P., Trotsuk I.V. *Tsennostnye orientatsii i socialnoe samochuvstvie studenchestva (rezultaty issledovatel'skogo proekta)* [Value Orientations and Social Well-Being of the Student Youth (Results of the Empirical Study)]. Moscow; 2017. (In Russ.).
7. Narbut N.P., Trotsuk I.V. Sotsialnoe samochuvstvie molodezhi postsotsialisticheskikh stran (na primere Rossii, Kazakhstana i Chekhii): sravnitelnyy analiz strakhov, nadezhd i opaseniy (Chast 2) [The social well-being of the post-socialist countries' youth (on the example of Russia, Kazakhstan and Czech Republic): Comparative analysis of fears and hopes (Part 2)]. *RUDN Journal of Sociology*. 2018; 18 (2). (In Russ.).
8. Papayani I.V. Construction of the contemporary believer's image in Bruno Dumont's film "Hedwigh". URL: [https:// elib.bsu.by/bitstream/123456789/85504/1/78-81.pdf?ysclid=ljlsxeel6i563774569](https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/85504/1/78-81.pdf?ysclid=ljlsxeel6i563774569). (In Russ.).
9. Rutkevich, E.D. Molodye pokoleniya i (ne) religiya [Young generations and (non) religion]. *Vestnik LGU im. A.S. Pushkina*. 2023; 1. (In Russ.).
10. Savchenko I.A. Kulturnaya integratsiya inostrannogo studenta v rossijskuyu sotsialnyu dejstvitelnost: opyt issledovaniya [Cultural integration of the foreign student into the Russian social reality: A study]. *Vestnik NGU im. N.I. Lobachevskogo. Sotsialnye Nauki*. 2019; 4. (In Russ.).
11. Savchenko I.A. Etnicheskie stereotipy v studencheskom soobshchestve [Ethnic stereotypes in the student community]. *V Mire Nauchnyh Otkrytiy*. 2021; 3.1. (In Russ.).
12. Smirnov M.Yu. Sotsiologiya religii v Rossiyskoy Federatsii: dva nablyudeniya [Sociology of religion in the Russian Federation: Two observations]. *Vestnik PSTGU. Seriya 1: Bogoslovie. Filosofiya. Religiovedenie*. 2014; 3. (In Russ.).
13. Tarasova E.O. Semejnye tsennosti v mirovykh religioznykh konfessiyah i ih vliyanie na rossijskuyu semiyu [Family values in world religious denominations and their impact on the Russian family]. *RUDN Journal of Sociology*. 2016; 16 (2). (In Russ.).
14. Turner B. Religiya v postsekulyarnom obshchestve [Religion in the post-secular society]. *Gosudarstvo. Religiya. Tserkov*. 2012; 2. (In Russ.).
15. Trotsuk I.V., Tsimbal M.V. O polze mifologem dlya sotsiologicheskogo voobrazheniya [On the benefits of mythologies for sociological imagination]. *RUDN Journal of Sociology*. 2023; 23 (3).
16. Ustinkin S.V., Vagapov R.N., Vagapova F.G. *Potentsial organizatsij musulmanskogo dukhovenstva v razvitiy sotsialno-politicheskikh protsessov v Rossii* [Organizational Potential of the Muslim Clergy in the Development of Social-Political Processes in Russia]. Nizhny Novgorod; 2014. (In Russ.).
17. Fedorova M.V. Dinamika religioznykh orientatsiy rossijskoj molodezhi v usloviyah sovremennoogo obshchestva [Dynamics of the Russian youth's religious orientations in the contemporary society]. *Istoricheskie, Filosofskie, Politicheskie i Yuridicheskie Nauki, Kulturologiya i Iskusstvovedenie. Voprosy Teorii i Praktiki*. 2015; 11. (In Russ.).
18. Shirokalova G.S., Shimanskaya O.K., Anikina A.V. Sushchestvuyut li gendernye osobennosti religioznosti studencheskoj molodezhi? [Is there gender specifics in the religiosity of the student youth?]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2016; 16. (In Russ.).

19. Banerjee K., Bloom P. Why did this happen to me? Religious believers' and non-believers' teleological reasoning about life events. *Cognition*. 2014; 133 (1).
20. Berger P.L., Luckmann T. *The Social Construction of Reality. A Treatise on Sociology of Knowledge*. Anchor; 1966.
21. Bresler M., Galiullina S., Gerasimova D. Transformation of the values of Generation Z — residents of the digital society of sustainable development. *E3S Web of Conferences*. Vol. 208. Yekaterinburg; 2020.
22. Green J.M., Phillips L.M. Social threat perception and the evolution of paranoia. *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*. 2004; 28 (3).
23. Denton M.L., Pearce L.D., Smith C. Religion and spirituality on the path through adolescence. *Research Report*. 2008; 8.
24. Evans E.M. Cognitive and contextual factors in the emergence of diverse belief systems: Creation versus evolution. *Cognitive Psychology*. 2001; 42 (3).
25. *Everyday Religion: Observing Modern Religious Lives*. Ammerman N. (Ed.). Oxford University Press; 2007.
26. Collins-Mayo S. Youth and religion: An international perspective. *Theo-Web. Zeitschrift für Religionspädagogik*. 2012; 1.
27. Pope B., Price J., Lillard D.R. The impact of religion on youth outcomes. *Journal of Business Inquiry*. 2014; 13.
28. Kelemen D. British and American children's preferences for teleo-functional explanations of the natural world. *Cognition*. 2003; 88 (2).
29. Lindsey L.L. *Gender Roles: A Sociological Perspective*. New York; 2015.
30. Lippman L.H., McIntosh H. The demographics of spirituality and religiosity among youth: International and U.S. patterns. URL: <http://www.childtrends.org/wp-content/uploads/01/Spirituality-and-Religiosity-Among-Youth.pdf>
31. Filimonau V., Kubal-Czerwińska M., Mika M., Zajadacz A. Religious values and family upbringing as antecedents of food waste avoidance. *Global Environmental Change*. 2022; 75 (6).
32. Trotsuk I. Eschatological conspiracy theories: Models and ways for identifying apocalyptic semantics and syntax. *Russian Sociological Review*. 2023; 22 (4).
33. Vries de E., Toshkov D.D., van der Pol, L., Groeneveld M. Fathers, faith, and family gender messages: Are religiosity and gender talk related to children's gender attitudes and preferences? *Early Childhood Research Quarterly*. 2022; 21.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЛЕКТОРИЙ

SOCIOLOGICAL LECTURES

DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-2-477-492

EDN: RCVWHA

Татуировка как предмет социологического интереса: несколько функциональных особенностей в современном обществе*

И.В. Троцук^{1,2}, В.А. Воронина¹

¹Российский университет дружбы народов,
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия

²Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
ул. Мясницкая, 20, Москва, 101000, Россия

(e-mail: irina.trotsuk@yandex.ru; lera.rezanova.98@mail.ru)

Аннотация. Даже самым «невооруженным» глазом сложно не заметить все большее распространение татуировок в российском обществе (вне каких-либо поколенческих, гендерных, профессиональных и социальных границ), что делает татуирование важным объектом социологического анализа и требует очерчивания его предметного поля, поскольку татуировка — древний социальный феномен и давно попала в фокус междисциплинарного интереса (историков, антропологов, философов, искусствоведов, культурологов и др.). В статье тезисно обозначено данное предметное поле, которое включает в себя несколько тематических блоков. Во-первых, это причины популяризации татуирования в социальной истории последних столетий: результаты колониальной эпохи; интерес к другим культурам; «маркировка» субкультур; расширение перечисленных «нишевых» причин популярности татуировки за пределы определенных социальных/профессиональных групп и субкультур (массовое распространение тату в современном потребительской культуре). Во-вторых, концептуальные основания социологического изучения функционально-символических особенностей татуирования: «критическая теория»; концепции субкультур; модели идентичности; гендерный подход в русле исследований идентичности; социологические теории тела. Специфику социологического анализа тату определяет фокус на ее функциях в заданном социальном контексте, который задает массовая потребительская культура информационного общества и отчасти субкультурные и «элитарно»-референтные группы. В-третьих, возможности эмпирического изучения татуирования вне социально-антропологического (историко-визуального или семиотико-символического) поля — с точки зрения сложившихся социальных

*© Троцук И.В., Воронина В.А., 2024

Статья поступила в редакцию 30.08.2023 г. Статья принята к публикации 26.01.2024 г.

представлений. В распоряжении социолога есть два основных методических инструмента: массовые репрезентативные опросы и полужформализованные (экспертные в широком смысле слова) интервью. В статье представлены результаты общероссийского опроса, проведенного ВЦИОМ в 2019 году, и разведывательного онлайн-анкетирования, дополненного полужформализованными интервью и показавшего выраженную тенденцию социальной «нормализации» татуирования в российском обществе — как широко распространенного и нейтрально воспринимаемого способа (эстетико-декоративного) самовыражения.

Ключевые слова: татуировка; социологический анализ; массовая культура; субкультура; функции тату; самовыражение; социокультурный контекст; опрос; интервью; социальная нормализация; социальные представления

В последние годы татуирование обретает в российском обществе все большую популярность [см., напр.: 1; 56], оставаясь, по сути, вне сферы социологического анализа [см., напр.: 12; 24]. Судя по тому, как много людей вокруг каждого из нас имеют татуировки, желание нанести тату может возникнуть как у очень молодого человека, так и у достаточно зрелого и обладающего определенным общественным статусом, что явно свидетельствует о расширении функциональных возможностей татуировки скорее в художественной, чем в утилитарной плоскости, хотя правильнее было бы говорить о непрекращающихся на протяжении социальной истории «экспериментах» с трансформацией человеческого тела [см., напр.: 35] в интересах его разнообразного «участия» в общественной жизни. В ходе социализации наш внешний облик неизбежно меняется, подстраиваясь под нормы социокультурной действительности, следуя стандартам, диктуемым непосредственным социальным окружением и референтными группами, однако в последние десятилетия все активнее развиваются индустрии, связанные с модификацией телесного облика [см., напр.: 22] и телесных практик [см., напр.: 14]: потребительская культура предоставляет все больше технологических возможностей для преобразования тела, в том числе посредством татуирования.

С определенной долей условности можно выделить следующие причины популяризации татуирования в социальной истории последних столетий: результаты колониальной эпохи (например, мореплаватели привозили «дикарей» с татуировками для демонстрации просвещенной публике в качестве развлечения) [17. С. 53–58]; интерес к другим культурам (скажем, популяризация татуировок в японском стиле среди российской аристократии [17. С. 58–65]); «маркировка» субкультур (в частности, среди популярных музыкантов и байкеров [17. С. 77]); а с 1980-х годов наблюдается расширение перечисленных «нишевых» причин популярности татуировки за пределы определенных социальных/профессиональных групп и субкультур. Массовое распространение татуировки в современной потребительской культуре лишило исследователей возможности сводить ее функции к «маркировке» социального статуса, родовой принадлежности или магических обрядов — сегодня речь идет о психологических, исторических, культурологических и социологиче-

ских аспектах татуирования, причем лишеного прежней более или менее однозначной интерпретации в конкретных (со) обществах и культурах (позитивной или негативной). Претерпев множество трансформаций, татуировки сегодня вызывают самые разные и нередко противоречивые оценки в любом обществе — от практически произведений искусства до способа самовыражения и даже маркера аморальности, т.е. в нынешнем восприятии тату переплетаются ее многочисленные исторические значения (маркер возраста, показатель статуса, оберег и пр.).

Соответственно, возникает вопрос, в каких контекстуальных рамках татуирование может рассматриваться в социологии. Не претендуя на законченность предлагаемой схемы, попробуем обозначить основные концептуальные и эмпирические варианты социологического анализа татуировки. Теоретические исследования функционально-символических особенностей татуирования, как правило, опираются на один из концептуальных подходов: «критическую теорию» Франкфуртской школы [см., напр.: 69], прежде всего на понятия субкультурного эскапизма и протестного поведения как характеризующие главное противоречие современности (между автономией личности и диктатом социального в мире, пропущенном через жернова культурной индустрии [см., напр.: 52]), т.е. посредством татуировки человек может реализовать осознанную потребность в автономии и контролируемом конструировании личной идентичности вопреки социально санкционированным образцам); теории субкультур [см., напр.: 2; 4; 26; 57; 61] — подчеркивают не девиантный, а социально-конструктивистский потенциал татуировки как атрибута субкультур, пусть нередко и протестного характера [70], хотя сегодня подобный протест «из групповой идеологии превратился в личную философию» [7. С. 156]; теории идентичности [см., напр.: 64] как сочетания социального и личного модусов самоконструирования (татуирование способствует формированию идентичности посредством телесного маркирования принадлежности к определенной группе или своей уникальности); гендерный подход в русле исследований идентичности [см., напр.: 67; 72] (татуирование как инструмент визуального признания или отрицания гендерных стереотипов маскулинности и феминности, навязываемых массовой культурой и рекламной индустрией); социологические теории тела [см., напр.: 13; 32] — рассматривают татуировки в контексте социокультурной детерминации телесных практик [см., напр.: 11; 12; 15; 19; 41] (телесность как важный элемент социальной коммуникации, а татуировки — как один из ее «языков» наряду с иными вербальными и невербальными «языками», владение которыми способствует успешной социализации, повышает возможности социальной адаптации и снижает уровень социальной напряженности [1; 16; 21; 43]).

Иными словами, тело «есть первый и наиболее естественный инструмент человека или, если выразиться более точно и не говорить об инструменте... то первый и наиболее естественный технический объект и в то же время

техническое средство человека» [16. С. 311], а татуирование — инструмент/вид социального действия, поскольку «через свое отношение к телу мы можем выразить свою идентичность, репрезентировать себя в социальном мире» [20. С. 561]. В современном обществе оказывается, что «в наборе потребления есть объект более прекрасный, более драгоценный, более яркий, чем все другие, более нагруженный коннотациями, чем автомобиль, объект, который, однако, все их подытоживает: это — тело» [5. С. 89] как элемент социальной коммуникации и способ достижения разных целей. «Современное общество формирует в нас убеждение, что внешность, приближенная к существующим в данной культуре эталонам красоты, рассматривается лицами противоположного пола как сексуально привлекательная, что повышает шансы на успех в любовных отношениях, выборе наиболее привлекательного партнера, повышает конкурентоспособность в создании семьи» [20. С. 561]. В результате мы наблюдаем, с одной стороны, популяризацию практик татуирования для изменения своей телесности (чтобы выделиться из толпы или, напротив, слиться с ее стандартами); с другой стороны, татуировка как способ коммуникации и социокультурный феномен меняется под воздействием социальных запросов и требований. Последние могут быть жестко принудительными [48], особенно в таких закрытых институциях, как тюрьмы, больницы и армия, однако М. Фуко ввел и термин «биополитика» [49] для обозначения совокупности политических механизмов управления (включая контроль и манипуляцию) всеми жизненными практиками, включая телесные [50].

Таким образом, специфику социологического анализа татуирования определяет фокус на ее функциях в заданном социальном контексте. Например, если мы говорим о классическом теннисовском разделении (со) общества на традиционные (гемайншафтные) и современные (гезельшафтные) [44], то такой «контекст» татуирования позволяет проследить трансформацию его характера от преимущественно религиозно-культурного (символический «текст») и даже социально обязательного (маркирование статусных иерархий) в традиционных сообществах до выражено личностного (индивидуальные предпочтения эстетического или иного свойства) и по определению не столь функционального [71] в современных обществах, но при неизменном сохранении функций самодекорирования и социальной самопрезентации (пусть сегодня и не в таких масштабах, как в традиционных обществах, но тату демонстрирует факт «взросления» и обретения нового социального статуса).

В современных реалиях широким контекстуальным фреймом татуирования выступает массовая культура информационного общества, более «локализованным» контекстом — конкретная субкультура. В первом случае речь идет о массовом характере татуирования (по сравнению с предыдущими эпохами) вследствие изменений образа жизни, появления новых форм общения и развития информационных технологий (в частности, распространения социальных сетей, популяризирующих тату) [6; 8; 34; 40]. Массовость как таковая

неоднозначно оценивается в повседневном и научном дискурсах: критикуется за стандартизацию и унификацию (гомогенизацию вкусов, устранение разнообразия в культурном «производстве» и пассивное восприятие его продуктов, коммерциализацию и торжество стереотипов) [39; 53], но одобряется за широкий спектр возможностей самовыражения за пределами ограниченного элитарного круга [18] или же принимается как данность — социокультурная доминанта современности [30]. Именно массовость ответственна за очевидный даже обывателю расцвет тату-культуры [62], поэтому в последние десятилетия татуировка стала восприниматься как неотъемлемая часть культуры с многовековой историей [21], отражающая особенности современного мира, не являющаяся прерогативой исключительно молодых поколений и способная выполнять не только декоративную, но и знаково-символическую функцию социального «языка».

Во втором, субкультурном, контексте татуировка выступает как инструмент визуального опознавания «своих», однако опять же в несколько расширенном (по сравнению с предшествующими десятилетиями) смысле [25; 51]. Если первоначально понятие субкультуры (и ее радиально-протестной версии — контркультуры) было связано с молодежными движениями, которые характеризовались неформальностью, антиавторитарностью, несогласием с традиционными ценностями и образом жизни (прежде всего, взрослых поколений), то сегодня данное понятие применяется для описания практически любых относительно устойчивых групп, которые имеют общие интересы, ценности, нормы поведения и символику, несколько отличающиеся от аналогичных характеристик доминирующей культуры и тем самым способствующие одновременно индивидуальному самовыражению и групповой самоидентификации. В молодежных субкультурах «визуальный аспект (татуировка, пирсинг, скарификация и т.д.) является главным “опознавательным элементом” в среде приверженцев — так они отождествляют себя с группой и находят себе подобных в основной культуре» [29. С. 6–7]. Символика татуировок служит индикатором особой социокультурной и ценностно-нормативной среды, в которой функционирует субкультура, поэтому анализ этой символики может дать представление о мировоззрении и ценностях субкультуры, а также о ее социальном положении и степени социального (не) благополучия [23; 37; 38], и не следует сводить субкультуру к исключительно молодежному феномену (например, байкеры по возрастному разбросу совсем не молодежная, а многопоколенная маскулинно-ориентированная субкультура [9; 26; 31]).

Помимо попыток концептуального анализа татуирования социологи пытаются разработать и операциональное определение татуировки в интересах ее эмпирического изучения. Как и на теоретическом уровне, здесь мы опираемся на широкий междисциплинарный опыт, прежде всего социально-антропологические исследования татуирования в разных (суб) куль-

турах (не только радикально отличающихся образом жизни от современных постиндустриальных обществ), реализуемые методом включенного наблюдения (с включением элементов визуальной социологии). Например, татуировки играют важную роль в российской (и не только) тюремной субкультуре — как средство коммуникации для «своих» и своего рода «отметка» о принадлежности к этой среде даже за пределами тюремных стен. В криминальной субкультуре для ее членов тату отражают прошлые и настоящие криминальные связи и преступления своих носителей, а для исследователей выступают как особый «язык» конкретного сообщества (маркеры позиций в криминальной иерархии, социально-профессионального статуса в преступном сообществе, вида совершенного преступления, срока и места отбывания наказания и т.д.).

Конечно, в тюремные татуировки могут быть включены изображения с иным символическим смыслом, связанным с мистическими верованиями или личностными интересами. Кроме того, криминальная субкультура не статична, меняется со временем, проникает в широкие социальные слои и, в свою очередь, испытывает влияние новых массовых веяний, поэтому сегодня некоторые татуировки, которые прежде символизировали определенные преступные связи или принадлежность к криминальной группировке, либо изменили свое значение, либо обрели новые (контекстуально зависимые) трактовки. Была реконструирована следующая типология криминальных татуировок по критерию их содержания на стыке тюремной субкультуры и повседневности [42. С. 76]: информационно-иерархические тату (индикатор позиции в криминальной иерархии и инструмент контроля за поведением членов криминальной субкультуры); личностно-установочные (маркеры биографических событий и личного отношения татуированного к разным социальным группам, событиям или видам деятельности); сигнально-обособительные (средство коммуникации внутри преступной среды и опознавания «своих»); тюремные (свидетельствуют о пребывании в местах лишения свободы); памятные (наносятся в память о важных событиях, связанных с тюремным или внетюремным прошлым); сексуально-эротические (отражают мечтания о будущих сексуальных контактах и/или сексуальную идентичность).

Поскольку социологический анализ татуировок в массовой культуре фокусируется на них как маркере социокультурных изменений (в отношении тела, пола, идентичности и т.д.), необходимо понимать доминирующие/устойчивые социальные представления о татуировании, что требует проведения массовых социологических опросов. Один из наиболее показательных был реализован ВЦИОМ в 2019 году и показал [33]: татуировка (или несколько) были только у каждого десятого россиянина, причем чаще у мужчин, чем у женщин (18 % против 5 %), и затруднившихся с ответом на этот вопрос не было (т.е. он не имеет сензитивного характера); основными причинами татуирования оказались «глупость и молодость» (30 %) и «служба в армии» (29 %), каждый пятый «просто захотел сделать татуировку» (19 %), причем

глупостью и молодостью объясняют свою татуировку, прежде всего, люди старше 60 лет (59%), и каждый третий в этой возрастной группе сделал татуировку в армии, в следующей когорте — 45–59-летних — уже каждый второй, среди 35–44-летних таковых 38%, а затем доля сокращается до нуля у самых молодых, т.е. «традиция» набивать тату в память о службе в армии сходит на нет. Обратная тенденция наблюдается по двум другим причинам сделать татуировку: 18–24-летние объясняют этот порыв просто желанием иметь тату, 28% — тем, что считают это красивым; среди 25–34-летних соотношение меняется на, соответственно, 40% и 8%, т.е. личный выбор становится основной причиной нанесения тату. Как правило, россияне видят в татуировке реализацию стремления выделиться (43%) либо дань моде (41%), несколько реже (27%) считают татуировку маркером пребывания в заключении (хотя среди тех, кто имеет татуировку, данную причину указали только 2%), каждый пятый считает тату способом украсить себя, каждый десятый — символом принадлежности к какой-то группе. К людям с татуировками россияне относятся скорее безразлично (58%), чем негативно (не понимая — 15%, осуждая — 12%) или позитивно (понимая — 13%, поддерживая — 2%), но не затрудняясь выразить свою позицию.

Более поздних общероссийских опросов по проблематике татуирования мы не обнаружили, поэтому был проведен разведывательный онлайн опрос, не претендующий на генерализации, а призванный зафиксировать некие тренды отношения к татуировкам, к тем, кто их имеет, а также представления о мотивах и причинах сделать тату. В онлайн-анкетировании приняли участие менее 200 человек, преимущественно молодежь, а для уточнения реконструированной по результатам опроса картины было проведено три полуформализованных интервью — с женщиной и мужчиной, имеющими татуировки, и «экспертом» — тату-мастером. Как показали результаты онлайн-анкетирования, татуировку имеет каждый третий (32%), и чаще всего это девушки (42% против 15%). Среди тех, у кого нет татуировок, лишь у каждого десятого большинство знакомых татуированы, а у большинства (80%) лишь несколько, т.е. татуировка стала настолько распространенным явлением в российском обществе, что практически у каждого (уточним: молодого) человека без татуировок в окружении есть несколько человек с тату. 41% в этой группе хотели бы сделать тату (мужчины несколько чаще — 45% против 38%, но, видимо, реже решаются на данный шаг), и основной мотив татуирования (98%) — эстетический (декорирование тела), реже в память о важном событии (64%), чтобы подчеркнуть свою уникальность (37%), не дополнительно «украсить» себя, а напротив, скрыть некоторые телесные «изъяны» типа шрама (17%), т.е. доминируют личностные мотивы. Те, кто не имеет татуировок и категорически не хочет их делать, объясняют свое нежелание также эстетически-декоративными соображениями — татуировка может надоесть, и они будут жалеть, что ее сделали (84%), значительно реже

упоминается незаинтересованность в подобном способе модификации своего тела и нежелание делать тату в текущий момент времени, не исключая такую возможность в будущем (по 53 %), т.е. и в отказе от татуирования доминируют исключительно личностные причины.

Приоритетно личностное восприятие татуировки молодежью подтверждается и доминирующими ассоциациями с тату: более трети (37 %) видят в них некие символические, наполненные смыслом рисунки, 15 % ассоциируют их с эстетикой, красотой и искусством, 11 % — с инструментом свободного самовыражения и проявлением индивидуальности, причем примерно столько же опрошенных связывают татуировку с вредом, порчей внешности и грязью (10 %) или с субкультурами (12 %). Соответственно, и к людям с татуировками опрошенные относятся нейтрально (64 % — все равно, есть у человека тату или нет) или положительно (31 %; женщины чаще — 37 % против 24 %), причем мотивы положительного отношения предельно просты — внешняя привлекательность татуированных людей (90 % в этой группе) или же их необычность и смелость (74 %), хотя важно отметить, что все отвечавшие на этот вопрос имеют положительный опыт общения с людьми, у которых есть татуировки, т.е. такой опыт, видимо, устраняет любые негативные стереотипы в отношении татуировок (если таковые у человека были прежде).

Как правило, обладатели татуировок сделали первую тату в возрасте 18–22 лет (70 %), каждый пятый — в 14–17 лет, видимо, стремясь выразить свою индивидуальность и взрослость в обществе, где татуирование стало предельно доступным (очевидно, что подросткам нужно разрешение и финансовая поддержка родителей для татуирования, и многие родители соглашаются поддержать ребенка в этом решении). Кроме того, татуирование стало однозначно восприниматься как профессиональная индустрия — две трети татуированных сделали первую татуировку в тату-салоне, и только каждый четвертый — на дому (нередки случаи, когда человек набивает первое (и не только) тату «по знакомству»). Большинство (82 %) респондентов с татуировками планируют сделать еще тату в будущем и видят в них, в первую очередь, средство украшения тела, каждый второй — способ зафиксировать в телесной «памяти» значимое событие своей жизни, каждый пятый — возможность показать свою уникальность, самовыразиться, тогда как следование моде и демонстрация приверженности какой-либо субкультуре/идеологии — самые редкие причины татуирования (7 % и 3 % соответственно), т.е. очевидна скорее эмоциональная, чем рациональная его мотивация. Большинство опрошенных с татуировками считают свой опыт татуирования удачным, каждый седьмой время от времени сталкивается с некоторым непониманием/негативом, но «*в целом все в порядке*», причем никто из тех, кто сделал татуировку, не жалеет об этом и не хочет избавиться от тату. В значительной степени это может объясняться реакцией окружающих: 43 % полага-

ют, что большинству совершенно все равно, есть у человека татуировка или нет, 40 % неоднократно выслушивали комплименты в адрес своих татуировок, и только 13 % сталкивались с негативной реакцией.

Таким образом, по результатам онлайн-опроса, несмотря на его разведывательный характер, можно сделать вывод о тенденции социальной «нормализации» татуирования в российском обществе как варианта самовыражения посредством украшения тела. Проведенные полуформализованные интервью подтвердили этот вывод, как и «массовизацию» татуирования, поскольку не наблюдается никакой взаимосвязи между наличием тату и родом деятельности, хобби или семейным положением, возрастом или полом, и основная причина сделать татуировку — *«просто понравилась»*, *«просто захотелось»*, причем независимо от наличия или отсутствия в окружении людей с татуировками — у кого-то таких знакомых *«нет вообще»*, а у кого-то *«много друзей и много татуировок»*. Что касается стремления самоутвердиться с помощью татуировки, то и здесь мнения расходятся: у кого-то татуировка никак не повлияла на самовосприятие — *«не зависело от татуировок, наверно, они не влияли никак на самооценку»*; *«особо ничего не изменилось, но я знаю людей, которым это помогает самоутвердиться»*; *«насчет самоуважения, самооценки не знаю... вообще на эту тему не думал»*. Тот факт, что никто не жалеет ни об одной своей татуировке, говорит скорее об обдуманности, чем о спонтанности такого решения: *«никогда не сожалел ни об одной татуировке»*; *«не зря сделал и, разумеется, не хотел ничего переделывать, сделал то, что хотел»*. Столь же разнообразны и наблюдения информантов за окружающими с точки зрения отношения к тату: *«я знаю людей, которые набивают тату, потому что это модно... сегодняшние модные веяния»*, но *«есть профессии, где татуировки не допускаются»*, *«в основном татуировки делают женщины... и нынешняя молодежь»*. Однако, *«если ты набьешь что-то оскорбляющее... или свастику, которая в нашем обществе нарушает нормы морали... то тогда татушки не прокатят»* — вызовут негативную реакцию окружающих. Информанты категорически отрицают, что татуировки — некая социальная девиация: *«социальный порядок могут нарушать невоспитанные люди, но никак не наличие татуировки»*, поэтому ни в коем случае нельзя вводить санкции против тату: *«вводить санкции — не приведи Господь!»*.

Безусловно, можно говорить о тенденции рутинизации татуирования в современном российском обществе в соответствии с этапами конструирования социального феномена в социально-феноменологической перспективе: габитуализация — опривычивание тату как способа эстетически-символического декорирования человеческого тела; типизация — оформление функциональных детерминант татуирования в разных по широте социального охвата контекстах; институционализация — кодификация «языка» татуировок в рамках конкретных субкультур и формирование коммерчески успешной

и технологически оснащенной профессиональной тату-индустрии; легитимация — восприятие татуировок как социальной «нормы». В результате основным мотивом татуирования сегодня выступает самовыражение: «молодыми людьми движут не столько эстетические предпочтения, сколько мотивы, отражающие их личность и характер, стремление запечатлеть результат своего поиска как неотъемлемую часть себя и своей жизни» [55. С. 107]. Безусловно, массовая культура влияет на татуировки, формируя идеалы красоты, моды и стиля жизни, которые отражаются в выборе, технологиях и популярности татуировки. С другой стороны, и татуировки влияют на массовую культуру — выступая в качестве инструмента самовыражения и индивидуализации популярных личностей (в социологической терминологии это значимые другие или референтные группы), конкретные татуировки начинают тиражироваться их последователями, т.е. становятся частью (суб) культурной идентичности и групповой «маркировки своих», причем это может происходить и в протестном формате — отрицания норм и стереотипов массовой культуры посредством «телесных знаковых элементов внешнего облика».

Библиографический список

1. Антонова Н.Л., Меренков А.В. Тело как проект: практики конструирования // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2019. № 2.
2. Аппалонова Т.С. Практики телесного конструирования в субкультурах как способ презентации модели идентичности // Современный ученый. 2017. № 8.
3. Афанасьева Ю.О. Язык татуировок // Язык и социальная динамика. 2012. № 12–2.
4. Балдаев Д.С. Татуировки заключенных. СПб., 2006.
5. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М., 2006.
6. Волохова Е.П. Феномен массового сознания // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2008. № 2.
7. Воробьева Е.С. Татуирование как объект социологического исследования // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. № 3.
8. Воронов Ю.М., Ерова Т.В., Рожкова А.С. Мудрость толпы: дискурсивные стратегии и нарративы // Интеллигенция и мир. 2018. № 4.
9. Гаук А.В. Феномен социального символизма в байкерской субкультуре // Вестник ВятГУ. 2009. № 4.
10. Гольман Е.А. Телесный реализм как попытка преодоления проблемы структура/действие в социологии тела // Личность. Культура. Общество. 2014. Т. 16. № 3–4.
11. Гольман Е.А. Женская телесность: теоретические подходы и перспективы социологического исследования: Автореф. дисс. к.с.н. М., 2015.
12. Гольман Е.Т. Телесные практики женщин в зеркале феминистской дискуссии // Логос. 2018. № 4.
13. Долгов А.Ю. Социология тела в постгеномную эпоху // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология. 2022. № 3.
14. Дубинина И.С. Радикальные практики модификации тела в контексте современной культуры // Россия и запад: диалог культур. 2018. № 18.
15. Евсеева Я.В. Социология тела — актуальное направление социологических исследований: введение к тематическому разделу // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология. 2022. № 3.
16. Евсеева Я.В. Социология тела: новые исследования // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология. 2022. № 3.

17. Ельски А. Татуировка. Минск, 1997.
18. Ильин А.Н. Массовая культура и субкультура: общее и особенное // Социологические исследования. 2010. № 2.
19. Кон И.С. Мужское тело в истории культуры. М., 2003.
20. Коновалова А.А. Татуировка как способ самоидентификации: социологический анализ // Человек в мире. Мир в человеке: актуальные проблемы философии, социологии, политологии и психологии. Пермь, 2016.
21. Кораблева О.В. К вопросу об отношении общественности к татуировке // Карельский научный журнал. 2020. № 3.
22. Королева Э.О. Телесные практики как идентичность современных женщин // Актуальные проблемы социально-политической и философской мысли. Орел, 2022.
23. Крапотина Т.Г. Основные функции, принципы и ценности молодежных субкультур в современном обществе // Бизнес. Общество. Власть. 2015. № 22.
24. Кубанцева Д.И., Ростовская С.Р. Смысловое содержание татуировок для юношей и девушек в возрасте от 14 до 20 лет // Общество: социология, психология, педагогика. 2021. № 8.
25. Кузовенкова Ю.А. Парадигмальный подход в анализе российских и европейских молодежных субкультур // Вестник славянских культур. 2021. № 60.
26. Латышева Т.В. Феномен молодежной субкультуры: сущность, типы // Социологические исследования. 2010. № 6.
27. Макарова Е.А., Тищенко И.А. Татуировка как одна из модификаций тела и мотивационные установки для ее нанесения // Вестник ТИУиЭ. 2021. № 2.
28. Максименко А.В. Молодежная массовая культура как фактор выбора татуировки: социологический аспект вопроса // Перспективы развития сферы науки, техники и технологий в XXI веке. Белгород, 2022.
29. Мельникова Л.А. Символика нательных знаков (тату, пирсинг, скарификация) в контексте молодежных субкультур // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2012. № 6.
30. Минаков И.П., Ханова Р.В. Феномен массовой культуры // Социально-гуманитарные знания. 2019. № 10.
31. Морева Е.В. Развитие байк-культуры в современной Российской Федерации // Новая наука: от идеи к результату. 2017. № 1–3.
32. Мосс М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии. М., 2011.
33. На эту и на ту, зачем мы бьем тату? 2019 // URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/na-etu-i-na-tu-zachem-my-bem-tatu>.
34. Найдорф М. Толпа, масса и массовая культура // Вопросы культурологии. 2007. № 4.
35. Немцева А.В. Проблема человеческой телесности и ее символично-смысловое содержание // Приволжский научный вестник. 2014. № 4.
36. Овсянникова О.А. Татуировка как социокультурное явление // Наука. Общество. Государство. 2017. № 1.
37. Омельченко Е.Л. От субкультур к солидарностям и назад к субкультурам? Споры о терминах и этнография молодежной социальности // Этнографическое обозрение. 2014. № 1.
38. Омельченко Е.Л. Уникален ли российский случай трансформации молодежных культурных практик? // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 1.
39. Ортега-и-Гассет Х. Психология масс. Самара, 1998.
40. Роговец О.В. Телесность в масс-медиа образах // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. 2018. № 3.
41. Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Социология тела и социальной политики // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Т. 7. № 2.
42. Руденко И.Н. Татуировки в преступном мире и современной моде // Вестник магистратуры. 2018. № 1–2.

43. Русанова А.А., Лукьянова Н.А. Образы нетипичной телесности в визуальной культуре // Дискурс. 2017. № 4.
44. Теннис Ф. *Общность и общество*. СПб., 2002.
45. Тернер Б. *Современные направления развития теории тела* // Thesis. 1994. № 6.
46. Томпсон Б.Ю. Академия тату: мода в среде университетских преподавателей и ее противоречия // *Теория моды: одежда, тело, культура*. 2020. № 3.
47. Филатова С.В. *Энциклопедия татуировок*. М., 2013.
48. Фуко М. *Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы*. М., 1999.
49. Фуко М. *Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году*. СПб., 2010.
50. Фуко М. *Технологии себя* // *Логос*. 2008. № 2.
51. Хамукова Л.А. Обзор современных молодежных субкультур в России // *Глобальные социальные процессы 4.0: социокультурные трансформации в системе современных обществ*. СПб., 2023.
52. Хоркхаймер М., Адорно Т. *Диалектика Просвещения*. СПб., 1997.
53. Хорошкевич Н.Г. Неоднозначность массовой культуры // *Социологические исследования*. 2011. № 11.
54. Чаркина В.Б., Зубова М.В. Маргинализация культуры на примере распространения татуировки // *Abyss*. 2019. № 1.
55. Чернышева Е.В., Райманова Е.Р. Мотивация нанесения татуировок у молодежи // *Актуальные проблемы экстремальной и кризисной психологии*. Екатеринбург, 2022.
56. Шуляр Э.Ю. Мода на татуировку у современной молодежи // *Universum: филология и искусствоведение*. 2022. № 12.
57. Щепанская Т.Б. *Система: тексты и традиции субкультуры*. М., 2004.
58. Atkinson M. Pretty in ink: Conformity, resistance, and negotiation in women's tattooing // *Sex Roles*. 2022. Vol. 47.
59. Atkinson M. *Tattooed: The Sociogenesis of a Body Art*. L., 2003.
60. Broussard K.A., Harton H.C. Tattoo or taboo? Tattoo stigma and negative attitudes toward tattooed individuals // *Journal of Social Psychology*. 2017. Vol. 158. No. 5.
61. Caplan J. *Written on the Body: The Tattoo in European and American History*. L., 2000.
62. DeMello M. *Bodies of Inscription: A Cultural History of the Modern Tattoo Community*. Durham, 2000.
63. Dey A., Das K. Why we tattoo? Exploring the motivation and meaning // *Anthropology*. 2017. Vol. 5. No. 1.
64. Follett J.A. The consumption of tattoos and tattooing: The body as permanent text. 2012 // URL: https://www.researchgate.net/publication/40754269_The_consumption_of_tattoos_and_tattooing_the_body_as_permanent_text.
65. Kjeldgaard D., Bengtsson A. Consuming the fashion tattoo // *Advances in Consumer Research*. 2005. Vol. 32.
66. Kosut M. An ironic fad: The commodification and consumption of tattoos // *Journal of Popular Culture*. 2006. Vol. 39.
67. Mifflin M. *Bodies of Subversion: A Secret History of Women and Tattoo*. N.Y., 2001.
68. Naude L., Jordaan J., Bergh L. "My body is my journal, and my tattoos are my story": South African psychology students' reflections on tattoo practices // *Current Psychology*. 2019. Vol. 38. No. 1.
69. Sanders C. *Customizing the Body: The Art and Culture of Tattooing*. Philadelphia, 1989.
70. Sanders C.R. Marks of mischief: Becoming and being tattooed // *Journal of Contemporary Ethnography*. 1988. Vol. 16. No. 4.
71. Turner B. The possibility of primitiveness: Towards a sociology of body marks in cool societies // *Body & Society*. 1999. Vol. 5. No. 2–3.
72. Wroblewski C. *Tattooed Women*. L., 1992.

Tattoo as an object of sociological interest: Some functional features in the contemporary society *

I.V. Trotsuk^{1,2}, V.A. Voronina¹

¹RUDN University,

Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

²National Research University Higher School of Economics,

Myasnitskaya St., 20, Moscow, 101000, Russia

(e-mail: irina.trotsuk@yandex.ru; lera.rezanova.98@mail.ru)

Abstract. Even with the most “naked” eye it is difficult not to notice the growing prevalence of tattoos in the Russian society (beyond any generational, gender, professional or social boundaries), which makes tattooing an important object of sociological analysis and requires identifying its subject field, since tattooing is such an ancient social phenomenon that it has long been the focus of interdisciplinary research (historical, anthropological, philosophical, art-historical, cultural studies, etc.). The article outlines this subject field as consisting of several thematic blocks. First, these are reasons for the popularization of tattooing in the social history of recent centuries: the results of the colonial era; interest in other cultures; “labeling” of subcultures; expansion of the listed “niche” reasons beyond certain social/professional groups and subcultures (mass distribution of tattoos in the contemporary consumer culture). Second, the conceptual foundations of the sociological study of the functional-symbolic features of tattooing: the “critical theory”; theories of subcultures; identity theories; gender approach within identity research; sociological theories of the body. Undoubtedly, the specificity of the sociological analysis of tattooing is the focus on its functions in a given social context, which today is set by the mass consumer culture of the information society and, in part, by various subcultural and “elite”-reference groups. Third, the possibility of empirical study of tattooing outside the social-anthropological (historical-visual or semiotic-symbolic) field — in the perspective of highlighting existing/sustainable social representations about tattooing. Sociologists have two main methodological tools: mass representative surveys and semi-formalized (expert in the broad sense of the word) interviews. The article presents the results of the all-Russian survey conducted by WCIOM in 2019 and of the small online survey supplemented by semi-structured interviews, which showed a clearly expressed trend of social ‘normalization’ of tattooing in the Russian society as mainly a widespread and a generally neutrally perceived method of (aesthetic and decorative) self-expression.

Key words: tattoo; sociological analysis; mass culture; subculture; tattoo functions; self-expression; social-cultural context; survey; interview; social normalization; social representations

References

1. Antonova N.L., Merenkov A.V. Telo kak proekt: praktiki konstruirovaniya [Body as a project: Design practices]. *Vestnik PNIPU. Sotsialno-Ekonomicheskie Nauki*. 2019; 2. (In Russ.).
2. Appalonovala T.S. Praktiki telesnogo konstruirovaniya v subkulturah kak sposob prezentatsii modeli identichnosti [Practices of body construction in subcultures as a way of presenting an identity model]. *Sovremennyy Ucheny*. 2017; 8. (In Russ.).
3. Afanasieva Yu.O. Yazyk tatuirovok [The language of tattoos]. *Yazyk i Sotsialnaya Dinamika*. 2012; 12–2. (In Russ.).

*© I.V. Trotsuk, V.A. Voronina, 2024

The article was submitted on 16.02.2024. The article was accepted on 13.05.2024.

4. Baldaev D.S. *Tatuirovki zaklyuchennykh* [Prisoners' Tattoos]. Saint Petersburg; 2006. (In Russ.).
5. Baudrillard J. *Obshchestvo potrebleniya. Ego mify i struktury* [The Consumer Society: Myths and Structures]. Moscow; 2006. (In Russ.).
6. Volokhova E.P. Fenomen massovogo soznaniya [The phenomenon of mass consciousness]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. Sotsiologiya*. 2008; 2. (In Russ.).
7. Vorobieva E.S. Tatuirovanie kak ob'ekt sotsiologicheskogo issledovaniya [Tattooing as an object of sociological research]. *Zhurnal Sotsiologii i Sotsialnoy Antropologii*. 2016; 3. (In Russ.).
8. Voronov Yu.M., Erova T.V., Rozhkova A.S. Mudrost tolpy: diskursivnye strategii i narrativy [Crowd's wisdom: Discursive strategies and narratives]. *Intelligentsiya i Mir*. 2018; 4. (In Russ.).
9. Gauk A.V. Fenomen sotsialnogo simvolizma v baykerskoy subkulture [The phenomenon of social symbolism in the biker subculture]. *Vestnik VyatGU*. 2009; 4. (In Russ.).
10. Golman E.A. Telesny realizm kak popytka preodoleniya problemy struktura/deystvie v sotsiologii tela [Body realism as an attempt to overcome the structure/action problem in sociology of the body]. *Lichnost. Kultura. Obshchestvo*. 2014; 16 (3–4). (In Russ.).
11. Golman E.A. Zhenskaya telesnost: teoreticheskie podkhody i perspektivy sotsiologicheskogo issledovaniya [Female corporeality: Theoretical approaches and prospects for sociological research]. Avtoref. diss. k.s.n. Moscow; 2015. (In Russ.).
12. Golman E.T. Telesnye praktiki zhenshchin v zerkale feministskoy diskussii [Women's body practices in the mirror of feminist discussion]. *Logos*. 2018; 4. (In Russ.).
13. Dolgov A.Yu. Sotsiologiya tela v postgenomnuyu epokhu [Sociology of the body in the post-genomic era]. *Sotsialnye i Gumanitarnye Nauki. Otechestvennaya i Zarubezhnaya Literatura. Seriya II: Sotsiologiya*. 2022; 3. (In Russ.).
14. Dubinina I.S. Radikalnye praktiki modifikatsii tela v kontekste sovremennoy kultury [Radical practices of body modification in the context of contemporary culture]. *Rossiya i Zapad: Dialog Kultur*. 2018; 18. (In Russ.).
15. Evseeva Ya.V. Sotsiologiya tela — aktualnoe napravlenie sotsiologicheskikh issledovaniy: vvedenie k tematicheskomu razdelu [Sociology of the body as a current direction of sociological research: Introduction to the thematic section]. *Sotsialnye i Gumanitarnye Nauki. Otechestvennaya i Zarubezhnaya Literatura. Seriya II: Sotsiologiya*. 2022; 3. (In Russ.).
16. Evseeva Ya.V. Sotsiologiya tela: novye issledovaniya [Sociology of the body: New research]. *Sotsialnye i Gumanitarnye Nauki. Otechestvennaya i Zarubezhnaya Literatura. Seriya II: Sotsiologiya*. 2022; 3. (In Russ.).
17. Elski A. *Tatuirovka* [Tattoo]. Minsk; 1997. (In Russ.).
18. Il'yin A.N. Massovaya kultura i subkultura: obshchee i osobnoe [Mass culture and subculture: general and special]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2010; 2. (In Russ.).
19. Kon I.S. *Muzhskoe telo v istorii kultury* [Male Body in Cultural History]. Moscow; 2003. (In Russ.).
20. Konovalova A.A. Tatuirovka kak sposob samoidentifikatsii: sotsiologichesky analiz [Tattoo as a way of self-identification: Sociological analysis]. *Chelovek v mire. Mir v cheloveke: aktualnye problemy filosofii, sotsiologii, politologii i psikhologii*. Perm; 2016. (In Russ.).
21. Korableva O.V. K voprosu ob otnoshenii obshchestvennosti k tatuirovke [On the public attitude towards tattoos]. *Karelsky Nauchny Zhurnal*. 2020; 3. (In Russ.).
22. Koroleva E.O. Telesnye praktiki kak identichnost sovremennykh zhenshchin [Body practices as the identity of today's women]. *Aktualnye problemy sotsialno-politicheskoy i filosofskoy mysli*. Orel; 2022. (In Russ.).
23. Krapotina T.G. Osnovnye funktsii, printsipy i tsennosti molodezhnykh subkultur v sovremennom obshchestve [Basic functions, principles and values of youth subcultures in the contemporary society]. *Biznes. Obshchestvo. Vlast*. 2015; 22. (In Russ.).
24. Kubantseva D.I., Rostovskaya S.R. Smyslovoe sodержanie tatuirovok dlya yunoshey i devushek v vozraste ot 14 do 20 let [The semantic content of tattoos for boys and girls aged 14 to 20]. *Obshchestvo: Sotsiologiya, Psikhologiya, Pedagogika*. 2021; 8. (In Russ.).

25. Kuzovenkova Yu.A. Paradigmalny podkhod v analize rossiyskikh i evropeyskikh molodezhnykh subkultur [A paradigmatic approach to the analysis of Russian and European youth subcultures]. *Vestnik Slavyanskikh Kultur*. 2021; 60. (In Russ.).
26. Latysheva T.V. Fenomen molodezhnoy subkultury: sushchnost, tipy [The phenomenon of youth subculture: Essence, types]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2010; 6. (In Russ.).
27. Makarova E.A., Tishchenko I.A. Tatuirovka kak odna iz modifikatsiy tela i motivatsionnye ustanovki dlya ee naneseniya [Tattoo as a body modification and motives for getting it]. *Vestnik TIUE*. 2021; 2. (In Russ.).
28. Maksimenko A.V. Molodezhnaya massovaya kultura kak faktor vybora tatuirovki: sotsiologichesky aspekt voprosa [The youth mass culture as a factor in choosing a tattoo: The sociological aspect]. *Perspektivy razvitiya sfery nauki, tekhniki i tekhnologiy v 21 veke*. Belgorod; 2022. (In Russ.).
29. Melnikova L.A. Simvolika natelykh znakov (tatu, pirsing, skarifikatsiya) v kontekste molodezhnykh subkultur [Symbolism of body marks (tattoos, piercings, scarification) in youth subcultures]. *Interespo Geo-Sibir*. 2012; 6. (In Russ.).
30. Minakov I.P., Khanova R.V. Fenomen massovoy kultury [The phenomenon of mass culture]. *Sotsialno-Gumanitarnye Znaniya*. 2019; 10. (In Russ.).
31. Moreva E.V. Razvitiye bayk-kultury v sovremennoy Rossiyskoy Federatsii [Development of bike culture in contemporary Russia]. *Novaya Nauka: Ot Idei k Rezultatu*. 2017; 1–3. (In Russ.).
32. Mauss M. *Obshchestva. Obmen. Lichnost. Trudy po sotsialnoy antropologii* [Society. Exchange. Personality. Works on Social Anthropology]. Moscow; 2011. (In Russ.).
33. Na etu i na tu, zachem my byem tatu? [On this one and on that one, why do we get tattoos?] 2019. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/na-etu-i-na-tu-zachem-my-bem-tatu>. (In Russ.).
34. Naydorf M. Tolpa, massa i massovaya kultura [Crowd, mass and mass culture]. *Voprosy Kulturologii*. 2007; 4. (In Russ.).
35. Nemtseva A.V. Problema chelovecheskoy telesnosti i ee simvoliko-smyslovoe sodержanie [The problem of human corporeality and its symbolic-semantic content]. *Privolzhsky Nauchny Vestnik*. 2014; 4. (In Russ.).
36. Ovsyannikova O.A. Tatuirovka kak sotsiokulturnoe yavlenie [Tattoo as a sociocultural phenomenon]. *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo*. 2017; 1. (In Russ.).
37. Omelchenko E.L. Ot subkultur k solidarnostyam i nazad k subkulturam? Spory o terminah i etnografiya molodezhnoy sotsialnosti [From subcultures to solidarities and back to subcultures? Disputes about terms and ethnography of the youth sociality]. *Etnograficheskoe Obozrenie*. 2014; 1. (In Russ.).
38. Omelchenko E.L. Unikalen li rossiysky sluchay transformatsii molodezhnykh kulturnykh praktik? [Is the Russian case of transformation of youth cultural practices unique?]. *Monitoring Obshchestvennogo Mneniya: Ekonomicheskie i Sotsialnye Peremeny*. 2019; 1. (In Russ.).
39. Ortega y Gasset J. *Psikhologiya mass* [Psychology of the Masses]. Samara; 1998. (In Russ.).
40. Rogovets O.V. Telesnost v mass-media obrazah [Corporeality in the mass media images]. *Zhurnal Nauchnykh Publikatsiy Aspirantov i Doktorantov*. 2018; 3. (In Russ.).
41. Romanov P.V., Yarskaya-Smirnova E.R. Sotsiologiya tela i sotsialnoy politiki [Sociology of the body and social policy]. *Zhurnal Sotsiologii i Sotsialnoy Antropologii*. 2004; 7 (2). (In Russ.).
42. Rudenko I.N. Tatuirovki v prestupnom mire i sovremennoy mode [Tattoos in the criminal world and today's fashion]. *Vestnik Magistratury*. 2018; 1–2. (In Russ.).
43. Rusanova A.A., Lukiyanova N.A. Obrazy netipichnoy telesnosti v vizualnoy kulture [Images of atypical corporeality in visual culture]. *Diskurs*. 2017; 4. (In Russ.).
44. Tonnies F. *Obshchnost i obshchestvo* [Community and Society]. Saint Petersburg; 2002. (In Russ.).
45. Turner B. Sovremennye napravleniya razvitiya teorii tela [Contemporary directions in the theory of the body]. *Thesis*. 1994; 6. (In Russ.).

46. Thompson B.Yu. Akademiya tatu: moda v srede universitetskikh prepodavateley i ee protivorechiya [Tattoo academy: Fashion among university teachers and its contradictions]. *Teoriya Mody: Odezhda, Telo, Kultura*. 2020; 3. (In Russ.).
47. Filatova S.V. *Entsiklopediya tatuirovok* [Tattoo Encyclopedia]. Moscow; 2013. (In Russ.).
48. Foucault M. *Nadzirat i nakazyvat. Rozhdenie tyurmy* [Discipline and Punish. The Birth of the Prison]. Moscow; 1999. (In Russ.).
49. Foucault M. *Rozhdenie biopolitiki. Kurs lektsiy, pročitannyh v Kollezh de Frans v 1978–1979 uchebnom godu* [The Birth of Biopolitics. Lectures at the Collège de France, 1978–1979]. Saint Petersburg; 2010. (In Russ.).
50. Foucault M. Tekhnologii sebya [Technologies of the Self]. *Logos*. 2008; 2. (In Russ.).
51. Khamukova L.A. Obzor sovremennykh molodezhnykh subkultur v Rossii [A review of contemporary youth subcultures in Russia]. *Globalnye sotsialnye protsessy 4.0: sotsiokulturnye transformatsii v sisteme sovremennykh obshchestv*. Saint Petersburg; 2023. (In Russ.).
52. Horkheimer M., Adorno T. *Dialektika Prosveshcheniya* [Dialectic of Enlightenment]. Saint Petersburg; 1997. (In Russ.).
53. Khoroshkevich N.G. Neodnoznachnost massovoy kultury [Ambiguity of mass culture]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2011; 11. (In Russ.).
54. Charkina V.B., Zubova M.V. Marginalizatsiya kultury na primere rasprostraneniya tatuirovki [Marginalization of culture on the example of the spread of tattoos]. *Abyss*. 2019; 1. (In Russ.).
55. Chernysheva E.V., Raymanova E.R. Motivatsiya naneseniya tatuirovok u molodezhi [Youth's motives for tattooing]. *Aktualnye problemy ekstremalnoy i krizisnoy psikhologii*. Yekaterinburg; 2022. (In Russ.).
56. Shulyar E.Yu. Moda na tatuirovku u sovremennoy molodezhi [Tattoo fashion among the contemporary youth]. *Universum: Filologiya i Iskusstvovedenie*. 2022; 12. (In Russ.).
57. Shechepanskaya T.B. *Sistema: teksty i traditsii subkultury* [System: Texts and Traditions of Subculture]. Moscow; 2004. (In Russ.).
58. Atkinson M. Pretty in ink: Conformity, resistance, and negotiation in women's tattooing. *Sex Roles*. 2022; 47.
59. Atkinson M. *Tattooed: The Sociogenesis of a Body Art*. London; 2003.
60. Broussard K.A., Harton H.C. Tattoo or taboo? Tattoo stigma and negative attitudes toward tattooed individuals. *Journal of Social Psychology*. 2017; 158 (5).
61. Caplan J. *Written on the Body: The Tattoo in European and American History*. London; 2000.
62. DeMello M. *Bodies of Inscription: A Cultural History of the Modern Tattoo Community*. Durham; 2000.
63. Dey A., Das K. Why we tattoo? Exploring the motivation and meaning. *Anthropology*. 2017; 5 (1).
64. Follett J.A. The consumption of tattoos and tattooing: The body as permanent text. 2012. URL: https://www.researchgate.net/publication/40754269_The_consumption_of_tattoos_and_tattooing_the_body_as_permanent_text.
65. Kjeldgaard D., Bengtsson A. Consuming the fashion tattoo. *Advances in Consumer Research*. 2005; 32.
66. Kosut M. An ironic fad: The commodification and consumption of tattoos. *Journal of Popular Culture*. 2006; 39.
67. Mifflin M. *Bodies of Subversion: A Secret History of Women and Tattoo*. New York; 2001.
68. Naude L., Jordaan J., Bergh L. "My body is my journal, and my tattoos are my story": South African psychology students' reflections on tattoo practices. *Current Psychology*. 2019; 38 (1).
69. Sanders C. *Customizing the Body: The Art and Culture of Tattooing*. Philadelphia; 1989.
70. Sanders C.R. Marks of mischief: Becoming and being tattooed. *Journal of Contemporary Ethnography*. 1988; 16 (4).
71. Turner B. The possibility of primitiveness: Towards a sociology of body marks in cool societies. *Body & Society*. 1999; 5 (2–3).
72. Wroblewski C. *Tattooed Women*. London; 1992.

DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-2-493-509

EDN: SAJIFL

Высокопоставленные чиновники министерств социального блока российского правительства: каналы рекрутирования и карьера*

Д.Б. Тев

Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН,
ул. 7-я Красноармейская, 25/14, Санкт-Петербург, 190005, Россия

(e-mail: denis_tev@mail.ru)

Аннотация. В статье рассмотрены каналы рекрутирования и карьерные траектории ключевых чиновников министерств социального блока российского правительства на основе биографической базы данных (104 заместителей министров и директоров департаментов шести министерств). Исследование показало, что важнейшая характеристика карьеры чиновника — бюрократическая профессионализация, а главный канал рекрутирования — федеральная администрация, причем большинство перед назначением на нынешнюю должность работали в своем министерстве, что (хотя и необязательно) говорит о важности меритократического отбора, основанного на компетентности. Впрочем, чиновников с карьерой преимущественно в федеральной администрации, особенно в одном министерстве, меньшинство (в социальных министерствах внутриведомственное рекрутирование выражено слабее, чем в более влиятельных и престижных экономических министерствах, что может говорить об их меньшей автономии). Наблюдается межведомственная мобильность, причем ряд чиновников вышел из финансовых министерств, что может усиливать их влияние на социальный блок, способствуя формированию неолиберальной политики. Самый значимый после административной сферы «поставщик» чиновников — подведомственные министерствам социальные организации (учреждения науки, образования, здравоохранения, социального обеспечения, культуры и спорта). Бизнес занимает относительно скромное место в качестве канала рекрутирования руководителей социальных министерств. Поскольку большинство таких министерств регулируют в основном не компании, а некоммерческие учреждения, бизнес слабо заинтересован в «колонизации» ключевых позиций в них; его профессиональные компетенции менее востребованы, а функциональное взаимодействие с чиновниками, которое могло бы способствовать формированию знакомств и связей, облегчающих обмен кадрами, не столь развито. При этом опыт работы в бизнесе, региональных администрациях и социальных организациях встречается чаще, а внутриведомственный опыт реже среди заместителей министров. Выделяются министерства с особенно выраженным внутриведомственным рекрутированием и министерства с относительно развитым рекрутированием из бизнеса, в некоторых министерствах имеют место пересечения между министрами и их подчиненными в предшествующей карьере, что может указывать на патримониальный характер отбора.

*© Тев Д.Б., 2024

Статья поступила в редакцию 13.11.2023 г. Статья принята к публикации 25.04.2024 г.

Ключевые слова: социальные министерства; карьера; каналы рекрутирования; администрация; бизнес; социальные организации; чиновники

Карьеру и каналы рекрутирования федеральной административной элиты, включая руководителей социальных министерств, следует изучать по ряду соображений. Во-первых, иначе трудно понять критерии отбора чиновников (например, имеет ли отбор меритократический характер, основываясь на компетентности, или, напротив, важнейшую роль играют личные связи) и определить тип бюрократии («веберовская», неопатримониальная и пр.). Во-вторых, такой анализ «выявляет» структуру социально-политической власти, которая лежит в основе рекрутирования элит. Речь идет о специфике взаимоотношений властных институтов (административных, политических, экономических), которые могут проявляться в карьерных траекториях и одновременно закрепляться ими. В-третьих, социально-профессиональный опыт и карьера чиновников интересны еще и потому, что могут влиять на их установки и поведение [12], а следовательно, на политику государства в разных сферах, включая социальную. Например, сверхпредставленность в административной элите выходцев из тех или иных социально-профессиональных категорий может обуславливать склонность чиновников к преимущественному учету их интересов за счет других групп. Кроме того, предшествующий карьерный опыт во многом определяет особенности компетенций чиновников, тем самым влияя на качество и эффективность работы административных органов.

Наиболее изучены источники рекрутирования и карьерные траектории административной элиты, в том числе руководителей социальных министерств в развитых капиталистических странах, между которыми обнаружены значительные различия. Так, к закрытому, гильдейскому способу рекрутирования тяготеют Япония и Италия [7. С. 70–72; 8. С. 24; 9; 20. С. 288–289; 21. С. 222–224; 26]: для их административных элит характерны пожизненная занятость в одном министерстве, низкая межведомственная мобильность и незначительный приток в высшую министерскую бюрократию извне (из коммерческого сектора, политической сферы и пр.). Иная ситуация в США: хотя карьерная гражданская служба здесь развита, и многие ключевые чиновники являются выходцами из федеральных исполнительных органов, их внешнее рекрутирование весьма распространено [13; 22; 23; 24]. Частный сектор (коммерческий и некоммерческий) — важный (нередко прямой) поставщик чиновников, а вот опыт работы в федеральном парламенте (Конгрессе) имеют немногие. При этом отдельные министерства характеризуются своими особенностями: так, для Министерства труда характерно рекрутирование чиновников из числа функционеров крупнейших профсоюзов, а для экономических министерств — из бизнеса [22. С. 90–92; 23. С. 222–224]. Другую картину мы наблюдаем в Германии

и Великобритании: хотя более или менее непосредственное рекрутирование извне (например, из бизнеса) на ключевые бюрократические посты встречается редко, в начале карьеры многие высшие чиновники были заняты за пределами административной сферы и государственного сектора [10; 17; 28], и распространена межведомственная мобильность. В последние десятилетия межсекторная мобильность и рекрутирование в административную элиту извне бюрократического аппарата, в том числе из бизнеса, растут, а доля чиновников с непрерывными бюрократическими карьерами снижается [11. С. 407–408; 15. С. 54; 16. С. 25–29; 27. С. 746, 748; 29. С. 96–97], что связано с реформой гражданской службы в духе парадигмы нового государственного менеджмента.

В России исследования каналов рекрутирования и карьер руководящих деятелей федеральных министерств [1; 3; 4; 5; 14; 19; 25] показали, что административные структуры, прежде всего федерального уровня, служат основным их поставщиком, и существенная доля чиновников провела всю или основную часть карьеры в одном министерстве (особенно это типично для Министерства здравоохранения) [19. С. 364]. В целом карьерных бюрократов много в рядах ключевых чиновников, но их доля варьирует по министерствам (например, они преобладают в руководстве Министерства труда [1. С. 92]). Главный источник высших кадров министерств за пределами системы административной власти — подведомственные им отрасли (особенно в Министерстве образования и науки и Министерстве здравоохранения [1. С. 92]). Для экономических министерств характерна практика назначения на руководящие посты выходцев из регулируемых компаний [5]. Напротив, роль представительных органов, включая федеральную легислатуру, как поставщика руководящих деятелей министерств незначительна. Кроме того, имеют место (хотя не очень распространены) пересечения между министрами и их подчиненными в карьере, предшествующей вхождению в нынешнюю должность, что может говорить о важности личных связей в отборе кадров [14].

Несмотря на значимость проведенных исследований, ни одно из них не было посвящено федеральным министерствам социального блока, а охватывало и другие исполнительные органы общенационального уровня. Отдельное исследование социальных министерств необходимо, чтобы детально рассмотреть важнейшие тенденции и факторы рекрутирования их руководящего состава, сравнить карьеры чиновников, относящихся к разным министерствам и категориям должностных лиц, а также «бассейны» рекрутирования чиновников социальных министерств и руководства экономических министерств (последнее было изучено в 2021 году [5]), что позволит выявить специфику рекрутирования чиновников в зависимости от функциональной специализации федеральных органов исполнительной власти.

Объект нашего исследования — высокопоставленные чиновники шести министерств социального блока российского правительства: Министерство науки и высшего образования, Министерство просвещения, Министерство здравоохранения, Министерство труда и социальной защиты, Министерство культуры и Министерство спорта. В исследуемую совокупность включены чиновники, которые занимают в аппарате министерств позиции (за исключением временно исполняющих обязанности) заместителей министра (ЗМ) и директоров департаментов (ДД), т.е. высшая группа должностей государственной гражданской службы в категории «руководители» (1). Биографическая анкета, заполненная на каждого из них по состоянию на август 2023 года, включает сведения о карьере, предшествующей назначению на нынешнюю должность. В качестве источников информации использовались сайты органов власти, коммерческих и других организаций, документы компаний, биографические интернет-порталы, материалы СМИ. Поскольку не на всех чиновников удалось найти биографическую информацию, то, как показывает таблица 1, исследуемая совокупность составила 94 % генеральной (100 % ЗМ и 90 % ДД).

Таблица 1

Генеральная совокупность (ГС) и исследуемая совокупность (ИС) (чел.)

Министерство	ЗМ		ДД		Все чиновники	Все чиновники
	ГС	ИС	ГС	ИС	ГС	ИС
Минтруда	5	5	12	12	17	17
Минобрнауки	8	8	19	19	27	27
Минпросвещения	6	6	11	10	17	16
Минкультуры	4	4	8	5	12	9
Минспорта	5	5	9	8	14	13
Минздрав	10	10	14	12	24	22
Всего	38	38	73	66	111	104

В таблице 2 представлены каналы рекрутирования высокопоставленных чиновников социальных министерств: у чиновников доминирует опыт работы в административных органах, в меньшей степени распространена работа в организациях социальной сферы, опыт в бизнесе встречается гораздо реже, а органы представительной власти малозначимы в качестве поставщиков чиновников. Лишь в некоторых ведомствах есть

руководители с законодательным опытом, например, бывший председатель комитета Государственной Думы по труду, социальной политике и делам ветеранов О.Ю. Баталина — заместитель министра труда и социальной защиты; также опыт членства в региональных парламентах имеют по одному заместителю министра науки и высшего образования и министра просвещения. Кстати, и среди министров нет тех, кто имеет федеральный парламентский опыт (только министр науки и высшего образования В.Н. Фальков ранее был региональным депутатом). Эта тенденция понятна: в рамках сложившейся персоналистской автократии федеральная легислатура — слабый орган, полностью контролируемый президентом, и подотчетность ему исполнительной власти практически не наблюдается. Кроме того, логика функционирования законодательных и исполнительных органов и, соответственно, компетенции, необходимые для эффективной работы в них, различаются, что, вероятно, объясняет слабую востребованность депутатов в рядах министерской бюрократии.

Таблица 2

Каналы рекрутирования чиновников социальных министерств, в %

Институциональный канал	Наличие опыта работы	Должность		
		Предшественствующая нынешней должности*	Предшественствующая нынешней должности*	Предшественствующая первой элитной должности* в ФА**
Постсоветские административные органы	88	70	80	73
Коммерческие организации***	24	6	5	5
Организации социальной сферы (науки, образования, здравоохранения, соцобеспечения, культуры и спорта)	59	17	12	15
Постсоветские представительные органы	3	0	2	2

*Здесь и последующих таблицах для наличия опыта и предшественствующей должности N = 104, для предшественствующей должности N = 94, для предэлитной должности N = 103.

**Здесь и в последующих таблицах — федеральная администрация. К элитным должностям государственной службы отнесены те, что принадлежат к высшей группе должностей категории «руководители», но не ниже уровня главы основного структурного подразделения административного органа: департамента — в министерствах и аппарате правительства, управления — в администрации президента (АП) и федеральных агентствах.

***Здесь и далее без учета чиновников, входивших по должности в советы директоров компаний.

Опыт работы в административных органах и бюрократическая профессионализация

Большинство (88 %) высокопоставленных чиновников социальных министерств имеют предшествующий постсоветский опыт работы в административных структурах (Табл. 3), и позиция в них обычно служила трамплином к нынешней должности, т.е. важнейшая тенденция рекрутирования и карьеры этих должностных лиц — административная (бюрократическая) профессионализация. Как видно из таблицы 3, большинство чиновников имеет опыт работы в федеральной администрации (81 %, в экономических министерствах — 83 %), впрочем, только у меньшинства (почти трети) такой опыт доминирует в предшествующей карьере. У большинства (70 %) федеральный административный пост стал трамплином к ныне занимаемой позиции (в экономических министерствах чаще — 76 %). Реже, но тоже в большинстве случаев, чиновники занимали в федеральной администрации предпредшествующую и предэлитную должности. Иными словами, хотя большинство руководителей обладают опытом занятости вне федеральной административной системы и «чистых» федеральных бюрократов явное меньшинство, на предшествующих этапах карьеры чиновники чаще всего были заняты именно в ней. Распространенность опыта работы в администрации федерального уровня примерно одинакова в обеих должностных категориях, но ДД чаще занимали в ней предшествующую и предэлитную должности, т.е. чем выше должность министерского руководителя, тем реже он напрямую приходит из федеральных административных органов.

Существенны и межведомственные различия: больше всего выходцев из федеральной администрации в Минздраве (91 %), глава которого до вхождения в должность восемь лет работал в федеральных органах исполнительной власти, а меньше всего в Минкультуры (56 %), руководитель которого основную карьеру сделала в коммерческих СМИ. Чиновники Минкультуры наименее укоренены в федеральной администрации: лишь треть занимала в ней предшествующую позицию (против 86 % в Минздраве). В целом рекрутирование руководящей страты министерств из федеральной бюрократии может быть показателем [см.: 6. С. 40] и в то же время фактором ее автономии от других властных институтов и групп. Такая автономия нужна, чтобы чиновники могли обуздывать эгоизм особенных интересов в подведомственных им сферах, регулировать и агрегировать их, исходя из общегосударственной рациональности, однако автономия может приводить к отчуждению от общества, слабой осведомленности о потребностях других институциональных секторов и недостаточной восприимчивости к ним.

Таблица 3

**Опыт работы в административных органах до вхождения
в нынешнюю должность, по категориям чиновников, в %**

Административные органы	Наличие опыта работы			Должность								
				Предшествующая нынешней должности		Предшествующая нынешней должности		Предшествующая первой элитной должности в ФА				
	ЗМ*	ДД*	Все	ЗМ*	ДД*	Все	ЗМ*	ДД*	Все			
Федеральные	79	82	81	61	57	58	63	74	70	66	60	
В том числе:												
Данное министерство, его предшественники, родственные и подведомственные ему ФОИВ	58	65	62,5	40	34	36	45	59	54	32	48	42
Другие органы	29	26	27	21	23	22	18	15	16	18	18	
Региональные	50	24	34	5	14	11	11	8	9	16	11	13
Местные	8	3	5	0	2	1	0	1	1	0	0	0
Всего**	87	89	88	66	73	70	74	83	80	66	77	73

*В этой и последующих таблицах N = 38 для наличия опыта и всех должностей у ЗМ, а у ДД для наличия опыта и предшествующей должности N = 66, для предшествующей должности N = 56, для предэлитной должности N = 65.

**Сумма в строке меньше суммы цифр в предыдущих строках, поскольку человек мог работать в разных органах.

Среди министерских руководителей выражена бюрократическая профессионализация в узком смысле: согласно данным в таблице 3, у большинства чиновников есть предшествующий опыт работы внутри того министерства, где они занимают нынешнюю должность, или в родственных министерствах, министерствах-предшественниках и подведомственных министерству агентствах и службах, однако этот показатель ниже, чем в среднем в экономических министерствах (74 %). Для половины (54 %) социальных чиновников позиция в данном министерстве (и родственных ему исполнительных органах) служила трамплином к нынешней должности (в экономических министерствах — для двух третей), и только у меньшинства была предпредшествующая и предэлитная должность (в экономических министерствах чаще), и продолжительность такого опыта работы варьирует — у каждого седьмого руководителей социальных министерств он составляет 10 и более лет, и у такой же доли доминирует в предшествующей карьере. В целом рекрутирование (особенно непосредственное) из своего министерства на нынешнюю должность довольно распространено, но преимущественно внутриминистерские карьеры редки.

Заметна вариация внутриминистерского рекрутирования по должностным категориям: чем выше уровень администратора, тем чаще он приходит напрямую извне министерства, в котором работает [1. С. 89; 5. С. 72]. ДД чаще ЗМ имеют опыт работы в своем ведомстве и чаще занимали в нем предшествующую и предэлитную должность. Вместе с тем среди ЗМ с опытом работы в своем ведомстве выше доля работавших там 10 и более лет: 23 % против 9 % у ДД. Наблюдаются и различия между министерствами, хотя во всех большинство руководителей ранее работали в своем министерстве (и родственных или подведомственных ему органах). Министерство с наиболее развитым внутриведомственным рекрутированием — Минздрав (его глава до назначения восемь лет работал в подведомственном министерству Росздравнадзоре): 73 % чиновников имеет соответствующий опыт, 68 % пришли из данного министерства и родственных органов. Напротив, в Минкультуре только треть руководителей до вхождения в нынешнюю должность работала в данном ведомстве.

В целом наличие у чиновников предшествующего опыта работы в данном министерстве может (но необязательно) свидетельствовать о важности специализированной компетентности как критерия меритократического (и технократического) отбора (в ряде министерств, например в Минздраве, она особенно значима). С другой стороны, длительная внутриведомственная карьера благоприятствует накоплению социальных связей и складыванию патрон-клиентских отношений с вышестоящими чиновниками, которые могут служить вытягивающим фактором рекрутирования, что характерно для патримониального типа отбора [2; 14]. Кроме того, более или менее продолжительная карьера в одном министерстве может способствовать развитию у чиновников самоидентификации с ним (а не с внешними институтами

и группами), лояльности ведомству, корпоративного духа, что позитивно влияет на эффективность функционирования административного органа. Такое внутреннее рекрутирование может быть фактором (и важным показателем) ведомственной автономии, и его заметно меньшая распространенность в социальных министерствах, видимо, говорит о том, что их автономия слабее, чем у более влиятельных и престижных экономических министерств. В свою очередь, распространенность рекрутирования вышестоящих бюрократов (ЗМ) извне своих министерств, уменьшая возможности карьерного продвижения для нижестоящих (ДД), может подрывать их приверженность организации, моральный дух и эффективность работы [14. С. 19]. Однако нельзя забывать и о негативных следствиях ведомственности карьер, которая может формировать «бункерный менталитет» и узковедомственный эгоизм, благоприятствовать соперничеству министерств, препятствовать координации их деятельности, подрывать сплоченность и фрагментировать федеральную административную элиту [5. С. 74; 18. С. 262; 19].

Противоположная внутриведомственному рекрутированию тенденция — обмен кадрами между органами федеральной администрации, или межведомственная карьерная мобильность. Согласно данным в таблице 3, 27% чиновников ранее работали в другом федеральном ведомстве: органах исполнительной власти (не считая родственных и подведомственных данному министерству), администрации Президента и аппарате Правительства (ниже показателя экономических министерств — 34%). Однако прямые переходы из этих органов на ключевые позиции в социальных министерствах происходят нечасто: примерно каждый шестой руководитель (почти в равной степени ЗМ и ДД) занимал там предшествующий пост (вдвое выше, чем в экономических министерствах — 9%). В число министерств, ключевые позиции которых относительно доступны для прямых выходцев из других федеральных органов, входит Минспорт (31%), но не Минкультуры. Больше всего в социальных министерствах выходцев из финансово-экономических ведомств — Минфина (отчасти это связано с тем, что в нем перед назначением работал министр труда и социальной защиты А.О. Котяков), Минэкономики и Федерального казначейства. Эта тенденция может усиливать влияние финансово-экономического блока правительства на его социальный блок, способствуя формированию социальной политики нелиберального типа. Межведомственная карьерная мобильность может вести к более широкой лояльности и компетентности чиновников и самоидентификации со всей федеральной бюрократией, тем самым способствуя превосходящей ведомственные границы сплоченности административной элиты.

При всей значимости федеральной власти как источника рекрутирования таблица 3 показывает существенное присутствие среди чиновников социальных министерств выходцев из региональных администраций — примерно треть (в экономических министерствах около одной пятой). В целом центра-

лизация власти при В.В. Путине способствовала движению кадров с регионального уровня на федеральный (и обратно). В плане распространенности регионального административного опыта велики различия между должностными стратами: среди ЗМ он встречается примерно вдвое чаще, чем у ДД. Среди министерств лидеры по укорененности в администрациях субъектов Российской Федерации — Минпросвещения и Минкультуры: для большинства (56 %) их руководителей характерен такой опыт. Также высока доля выходцев из этих структур в Минтруда (41 %), глава которого большую часть карьеры провел в региональных администрациях. Напротив, в Минобрнауки, чей глава не имеет административного опыта, лишь каждый шестой чиновник работал в региональной исполнительной власти.

Должности в региональных администрациях, на которых ранее работали госслужащие социальных министерств, различны: заместители губернаторов (председателей правительств), руководители органов исполнительной власти (министры) и др. Наблюдается тенденция к соответствию их функций в региональной власти специализации федеральных министерств, в которых они работают в настоящее время. Для таких региональных чиновников характерна компетентность (включая знание региональной специфики), востребованная в соответствующих в министерствах. По роду своей деятельности они могут находиться в тесном контакте с руководством соответствующих федеральных министерств, что благоприятствует знакомствам и связям, вытягивающим наверх. Тот факт, что, в отличие от МИДа и силовых ведомств, социальные министерства имеют аналоги в системе региональной исполнительной власти, благоприятствует переходам региональных чиновников в федеральную администрацию.

Наиболее широко представлены в министерствах выходцы из администраций Москвы и Московской области. Территориальная близость этих органов власти к центральному аппарату министерств, видимо, способствует такому рекрутированию. Кроме того, иногда выходцы из региональной исполнительной власти, став министрами, приводили с собой бывших коллег. Прежде всего, это министр труда А.О. Котяков, работавший в исполнительных органах Московской области (министром финансов и министром экономики и финансов), откуда в Минтруда пришло еще четыре чиновника. Глава Минздрава М.А. Мурашко ранее был министром здравоохранения Республики Коми, а одна из его заместителей — заместителем министра здравоохранения республики. Такие карьерные пересечения могут указывать на важность личных связей как вытягивающего фактора рекрутирования и значимость лояльности как критерия отбора (что характерно для патримониализма). Видимо, можно говорить о наличии в ряде социальных министерств «управленческих команд», сформированных на патрон-клиентской основе. Впрочем, отбор чиновников по личным связям и совместной работе не нивелирует значение деловых качеств, о которых министру

(или иному руководителю) легче судить, если он мог наблюдать трудовую деятельность подчиненного в течение более или менее продолжительного периода времени.

Организации социальной сферы как поставщики министерских чиновников

Организации (в основном некоммерческие) социальной сферы (науки, образования, здравоохранения, социального обеспечения, культуры и спорта) — второй по значимости источник рекрутирования чиновников социальных министерств. Как показывает таблица 4, предшествующий опыт работы в них имеют более половины руководителей, особенно широко распространен опыт в образовательной сфере, что неудивительно, учитывая, что ее курируют два из шести министерств. При этом примерно каждый восьмой чиновник вышел непосредственно из учреждений социальной сферы, каждый шестой занимал в них предпредшествующую должность, в карьере каждого четвертого (23 %) опыт работы в таких организациях доминирует (Табл. 5). Важность организаций социальной сферы как источника рекрутирования высших должностных лиц социальных министерств очевидна при сравнении с экономическими министерствами: в социальных министерствах опыт работы в научно-образовательной сфере имеют 37 % чиновников, в экономических министерствах — всего 21 %. В социальных министерствах ЗМ гораздо чаще, чем ДД, имеют опыт работы в учреждениях социальной сферы, чаще приходят из них и чаще провели в них основную часть предшествующей карьеры. При этом ЗМ реже имеют опыт работы в том же министерстве, где сегодня занимают ключевой пост. Иными словами, чем выше уровень руководителя, тем чаще он приходит извне данного министерства, прежде всего из подведомственных ему социальных учреждений (в экономических министерствах — из бизнеса).

Таблица 4

Опыт работы в организациях науки, образования, культуры, спорта и социального обеспечения до вхождения в должность, в %

Тип организации	Категория чиновников		
	ЗМ	ДД	Все
Наука	11	14	12
Образование	39	23	29
Культура	3	3	3
Социальное обеспечение	8	9	9
Здравоохранение	18	12	13
Спорт	11	5	7
Всего*	74	53	59

*Сумма меньше суммы цифр в строках, поскольку человек мог работать в разных учреждениях.

**Предшествующая, предпредшествующая и предэлитная
должности в организациях науки, образования, культуры, спорта
и социального обеспечения, в %**

Тип должности	Категория чиновников		
	ЗМ	ДД	Всего
Предпредшествующая	24	13	17
Предшествующая	18	8	12
Предэлитная	21	11	15

Говоря об отдельных министерствах, следует отметить, что распространенность опыта работы в неадминистративных учреждениях социальной сферы варьирует от почти половины в Минкультуры и Минспорта до двух третей в Минпросвещения и Минобрнауки. Причем в Минобрнауки, вся карьера главы которого прошла в учреждениях образования, шире всего представлены чиновники, проводшие в них основную часть карьеры — более 40 % (в остальных министерствах — от 9 % до 25 %). Отраслевая принадлежность социального учреждения, в котором прежде работали чиновники, тесно связана с функциональной специализацией их министерства: они обычно приходят из подведомственных ему организаций, например, в Минздрав из медицинских учреждений, в Минкультуры — из учреждений культуры и т.д. Выходцы из социальных организаций обладают рядом ресурсов и компетенций, которые способствуют переходу в руководство соответствующих министерств: управленческие навыки (в министерства обычно приходят лица, занимавшие управленческие позиции), знание специфики отраслей, курируемых министерством и авторитет в соответствующем профессиональном сообществе важны для эффективного руководства. Кроме того, обмен кадрами облегчается интенсивным функциональным взаимодействием (в том числе в совещательных и координационных органах при министерствах) чиновников с руководителями социальных учреждений, способствующим формированию знакомств и доверия между ними.

**Коммерческая сфера
как источник рекрутирования чиновников**

В сравнении с административными органами и социальными учреждениями бизнес — гораздо менее значимый поставщик высокопоставленных должностных лиц социальных министерств. Как показывает таблица 6, в постсоветский период опыт работы в коммерческой сфере имели около четверти администраторов (менее 10 % занимали в компаниях ключевые посты).

Таблица 6

Постсоветский опыт работы в коммерческих организациях, в %

Тип позиции	Наличие опыта работы			Должность								
				Предшествовавшая нынешней должности			Предшествовавшая нынешней должности			Предшествовавшая первой элитной должности в ФА		
	ЗМ	ДД	Все	ЗМ	ДД	Все	ЗМ	ДД	Все	ЗМ	ДД	Все
Ключевая*	8	8	8	3	2	2	3	5	4	3	5	4
Любая	37	20	24	5	7	6	3	6	5	3	6	5

*К ключевым были отнесены позиции президентов, генеральных директоров, председателей правления и их заместителей, членов советов директоров, директоров по направлениям, индивидуальных предпринимателей.

Важно отметить, что рекрутирование из бизнеса оказывается в основном косвенным: очень редко чиновники работали в компаниях на момент вхождения в нынешнюю должность. Об ограниченной роли коммерческого опыта говорит и то, что только у 8% он доминирует в постсоветской карьере. ЗМ гораздо чаще имеют предшествовавший опыт работы в коммерции, чем ДД, однако последние чаще занимали в бизнесе предшествовавшую, предпредшествовавшую и предэлитную должности и чаще сделали преимущественно в бизнесе предшествовавшую карьеру (13% против 3%). Что касается различий между министерствами, то наиболее «плутократизированны» Минтруда и Минкультуры (его глава долгое время работала в коммерческих медиа): соответственно, 35% и 33% их чиновников имели опыт работы в коммерческой сфере (2). Непосредственное рекрутирование из бизнеса наиболее развито в Минкультуры и Минобрнауки — по 11% их руководителей занимали в бизнесе предшествовавшую позицию, тогда как в Минпросвещения, Минспорта и Минздраве таких случаев нет. Как правило, распространен опыт работы как в государственных, так и в частных компаниях, причем 6% чиновников ранее работали в крупнейших фирмах, входящих в рейтинг журнала «Эксперт» («Аэрофлот», «Северсталь», «Газпром», «Уралсиб», «РАО ЕЭС»), или в крупных транснациональных корпорациях.

Ограниченность роли бизнеса как источника рекрутирования руководства социальных министерств очевидна при сравнении с экономическими министерствами: в социальных министерствах распространенность опыта работы в коммерции почти втрое меньше (24% против 64%), и социальные чиновники вдвое реже занимали в этой сфере предшествовавшую (5% против 10%) и вчетверо реже — предпредшествовавшую (6% против 25%) позицию; примерно в два с половиной раза реже провели в бизнесе половину или более предшествовавшей карьеры (8% против примерно четверти).

Тот факт, что бизнес играет довольно скромную роль в качестве поставщика чиновников социальных министерств, неудивителен. Большинство таких министерств непосредственно регулируют не компании, а некоммерческие учреждения (здравоохранения, образования, культуры, спорта и социального

обеспечения), что, видимо, способствует относительно слабой заинтересованности бизнеса в «колонизации» ключевых позиций в них, меньшей востребованности профессиональных компетенций бизнесменов и менеджеров в социальных ведомствах (в сравнении с экономическими) и меньшей интенсивности функционального взаимодействия их чиновников с бизнесом, которое могло бы способствовать формированию связей, облегчающих обмен кадрами.

Однако не следует недооценивать влияние социальных министерств на коммерческую сферу: не только некоммерческие, но и многие коммерческие организации курируются социальными министерствами (например, аптечные сети и другие медицинские компании — Минздравом, кинокомпании — Минкультуры и т.д.). Особенно выделяется Минтруда, отвечающий за регулирование трудовых отношений как в некоммерческой сфере, так и в бизнесе. Важно и то, что социальные министерства, например, курирующие здравоохранение, образование и социальную защиту, по сути, регулируют процесс воспроизводства рабочей силы — важнейшего условия накопления капитала. Поэтому бизнес все же может быть заинтересован в продвижении «своих» людей в социальные министерства — для обеспечения более благоприятной ему политики. Кроме того, здесь важны не только интересы компаний, но и личные карьерные амбиции. Поскольку ключевые позиции в федеральных министерствах престижны, хорошо вознаграждаются и дают значительную власть, они могут привлекать выходцев из бизнес-структур, особенно работающих в некрупных компаниях, занимающих неключевые позиции или потерпевших неудачу в коммерции. С другой стороны, компетенции бизнесменов и менеджеров могут быть востребованы в этих ведомствах — как общий управленческий опыт, так и специфические знания и навыки. Примечательно, что в ряде случаев отраслевая принадлежность компании или функции нынешнего чиновника в ней соответствовали специализации министерства, в которое он был рекрутирован, или занимаемой в нем должности. Например, директором департамента условий охраны труда Минтруда стал бывший начальник отдела труда, промышленной и пожарной безопасности «Газпрома», заместителем министра науки и высшего образования работает бывший директор корпоративного университета «Северсталь», в Минкультуры есть выходцы из продюсерских фирм и кинокомпаний, в Минздраве — бывший сотрудник компании медицинского страхования. Некоторые социальные министерства (прежде всего Минтруда) активно взаимодействуют с бизнесом посредством функционирующих при них совещательных и координационных органов, что способствует связям между чиновниками и менеджерами, что облегчает обмен кадрами.

Примечания

- (1) Указ Президента РФ от 31.12.2005 г. № 1574 (ред. от 26.10.2023) «О Реестре должностей федеральной государственной гражданской службы» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_57545.
- (2) При этом в руководстве Минтруда только один бывший профсоюзный функционер.

Библиографический список/References

1. Борщевский Г.А. Высшие государственные служащие как политико-административная элита современной России // *Полития*. 2018. №1 / Borshchevsky G. Vysshie gosudarstvennye sluzhashchie kak politiko-administrativnaja elita sovremennoj Rossii [Senior civil servants as the Russian political-administrative elite]. *Politija*. 2018; 1. (In Russ.).
2. Гимпельсон В.Е., Магун В.С. На службе государства российского: перспективы и ограничения карьеры молодых чиновников // *Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии*. 2004. №5 / Gimpelson V.E., Magun V.S. Na sluzhbe gosudarstva rossijskogo: perspektivy i ogranichenija kariery molodyh chinovnikov [In the service of the Russian state: Prospects and limitations of the young officials' career]. *Vestnik Obshchestvennogo Mnenija. Dannye. Analiz. Diskussii*. 2004; 5. (In Russ.).
3. Крыштановская О.В. Основные тренды формирования управленческой элиты России 2020–2030 гг. // *Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки*. 2020. №5 / Kryshtanovskaya O. Osnovnye trendy formirovanija upravlencheskoj elity Rossii 2020–2030 gg. [Key trends in the development of the Russian governing elite in 2020–2030]. *Vestnik RFFI. Gumanitarnye i Obshchestvennye Nauki*. 2020; 5. (In Russ.).
4. Тев Д.Б. Федеральная административная элита: карьерные пути и каналы рекрутирования // *Политические исследования*. 2016. №4 / Tev D.B. Federalnaja administrativnaja elita Rossii: kariernye puti i kanaly rekrutirovanija [Russia's federal administrative elite: Career paths and channels of recruitment]. *Political Studies*. 2016; 4. (In Russ.).
5. Тев Д.Б. Высокопоставленные чиновники федеральных экономических министерств России: основные каналы рекрутирования и карьера // *Власть и элиты*. 2022. Т. 9. №1 / Tev D.B. Vysokopostavlennye chinovniki federalnyh ekonomicheskikh ministerstv Rossii: osnovnye kanaly rekrutirovanija i kariera [High-ranking officials of Russia's federal economic ministries: Main recruitment channels and careers]. *Vlast' i Elity*. 2022; 9 (1). (In Russ.).
6. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М., 2004 / Huntington S. *Politichesky porjadok v menjajushhchihhsja obshhestvah* [Political Order in Changing Societies]. Moscow; 2004. (In Russ.).
7. Aberbach J.D., Putnam R.D., Rockman B.A. *Bureaucrats and Politicians in Western Democracies*. Cambridge–London; 1981.
8. Brown Jr. J.R. *The Ministry of Finance: Bureaucratic Practices and the Transformation of the Japanese Economy*. Westport–London; 1999.
9. Cassese S. Italy's senior civil service: An ossified world. Page E.C., Wright V. (Eds.). *Bureaucratic Elites in Western European States. A Comparative Analysis of Top Officials*. Oxford; 1999.
10. Derlien Y-U. Repercussions of government change on the career in civil service in West Germany: The cases of 1969 and 1982. *Governance: An International Journal of Policy and Administration*. 1988; 1 (1).
11. Derlien H-U. Mandarins or managers? The bureaucratic elite in Bonn, 1970 to 1987 and beyond. *Governance: An International Journal of Policy and Administration*. 2003; 6 (3).
12. Edinger L., Searing D. Social background in elite analysis: A methodological inquiry. *American Political Science Review*. 1967; 61 (2).
13. Etzion D., Davis G.F. Revolving doors? A network analysis of corporate officers and U.S. Government officials. *Journal of Management Inquiry*. 2008; 17 (3).
14. Fortescue S. Russia's civil service: Professional or patrimonial? Executive-level officials in five federal ministries. *Post-Soviet Affairs*. 2020; 36 (4).
15. Goetz K.H. The development and current features of the German civil service system. Van der Meer F.M. (Ed.). *Civil Service Systems in Western Europe*. Cheltenham; 2011.
16. Greer S.L., Jarman H. The British civil service system. Van der Meer F.M. (Ed.). *Civil Service Systems in Western Europe*. Cheltenham; 2011.
17. Harris J.S., Garcia T.V. The permanent secretaries: Britain's top administrators. *Public Administration Review*. 1966; 26 (1).

18. Huskey E. The politics-administration nexus in post-communist Russia. Rowney D.K., Huskey E. (Eds.). *Russian Bureaucracy and the State: Officialdom from Alexander III to Vladimir Putin*. Basingstoke–New York; 2009.
19. Huskey E. Elite recruitment and state-society relations in technocratic authoritarian regimes: The Russian case. *Communist and Post-Communist Studies*. 2010; 43 (4).
20. Koh B.C. Stability and change in Japan's higher civil service. *Comparative Politics*. 1979; 11 (3).
21. Lewanski R., Toth F. The Italian civil service system. Van der Meer F.M. (Ed.). *Civil Service Systems in Western Europe*. Cheltenham; 2011.
22. Mann D.E. The selection of federal political executives. *American Political Science Review*. 1964; 58 (1).
23. Mann D.E., Smith Z.A. The selection of U.S. Cabinet officers and other political executives. *International Political Science Review*. 1981; 2 (2).
24. Martin J.M. An examination of executive branch appointments in the Reagan administration by background and gender. *Western Political Quarterly*. 1991; 44 (1).
25. Ogushi A. Russian bureaucratic elites: Patrimonial or technocratic? *ICCEES VIII World Congress*. Stockholm; 2010.
26. Schmidt C. Japan's circle of power: Legitimacy and integration of a national elite. *ASIEN — German Journal on Contemporary Asia*. 2005; 96.
27. Talbot C. The British administrative elite. The art of change without changing? *Revue française d'administration publique*. 2014; 3–4.
28. Theakston K., Fry G.K. Britain's administrative elite: Permanent secretaries 1900–1986. *Public Administration*. 1989; 67 (2).
29. Van Thiel S., Steijn B., Allix M. 'New public managers' in Europe: Changes and trends. Pollitt C., Van Thiel S., Homburg, V. (Eds.). *New Public Management in Europe: Adaptation and Alternatives*. Basingstoke; 2007.

DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-2-493-509

EDN: SAJIFL

High-ranking officials of Russia's social ministries: Recruitment channels and careers*

D.B. Tev

Sociological Institute of RAS — Branch of FCTAS of RAS,
7th Krasnoarmejskaya St., 25/14, Saint Petersburg, 190005, Russia

(e-mail: denis_tev@mail.ru)

Abstract. The article considers recruitment channels and careers of high-ranking officials of social ministries of the Russian government. The study is based on the biographical database of 104 deputy ministers and department directors from six ministries and shows that bureaucratic professionalization is the key feature of the officials' career, and federal administration is the main channel for their recruitment, since the majority have already worked in their ministry for some time before taking their current position. These trends may indicate the importance of meritocratic selection based on competence. However, officials with a career primarily in the federal administration,

*© D.B. Tev, 2024

The article was submitted on 13.11.2023. The article was accepted on 25.14.2024.

especially in one ministry, are a minority. There is interdepartmental mobility in social ministries, with a number of officials coming from financial ministries, which can increase their influence on the social bloc, contributing to the formation of its policies in a neoliberal spirit. After the administrative sphere, the most significant supplier of officials are social organizations subordinate to ministries (institutions of science, education, health care, social security, culture and sports). Business plays a relatively modest role as a channel for recruiting officials for social ministries, especially compared to economic ministries. In general, work experience in business, regional administrations and social organizations is more widespread, while intradepartmental recruitment is less common among deputy ministers. Moreover, there are ministries with pronounced intradepartmental recruitment and ministries with relatively developed recruitment from business; in some ministries there are intersections between ministers and their subordinates in previous careers, which may indicate a patrimonial nature of selection.

Key words: social ministries; career; recruitment channels; administration; business; social organizations; officials

DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-2-510-522

EDN: RWUOQG

Уровни и компоненты социальной идентичности современного российского общества*

К.В. Ракова

Институт философии РАН,
ул. Гончарная, 12/1, Москва, 109240, Россия

(e-mail: rakova@iphras.ru)

Аннотация. Актуальность проблематики статьи обусловлена необходимостью поиска путей консолидации и объединения полицентричного, полинационального и поликультурного российского общества в контексте новейших вызовов современности. Автор опирается на комплексный теоретико-методологический аппарат, включающий теорию социальной идентичности (Г. Тэджфел и Дж.Ч. Тернер), концепции «самости» (Дж. Мид) и «кризиса личности» (Э. Эриксон), феноменологический подход (А. Шюц) и теорию культурной травмы (Дж. Александер). В статье предложена четырехуровневая структура социальной идентичности, которая объединяет индивидуальный, групповой, государственный и глобальный (мировой) уровни, и на каждом обозначены отдельные типы социальной идентичности. Так, на индивидуальном уровне раскрыты свойства субъективной и объективной идентичностей; на групповом — региональной, культурной, национальной, языковой, религиозной, профессиональной и социально-классовой; на государственном — государственно-гражданской, исторической, территориальной и политической; на глобальном — постсоветской, азиатской, европейской и космополитической. Предложены эмпирические инструменты выявления аффилиативной составляющей социальной идентичности на индивидуальном, групповом, государственном и глобальном (мировом) уровнях. Обоснована актуальность поиска ответов на исследовательские вопросы о российской идентичности в целом, социокультурных различиях жителей России и других стран, территориальных особенностях России как государства и его континентальной принадлежности, влиянии Запада и Востока на российскую культуру, а также о воздействии глобальной открытости и «текущей современности» (З. Бауман) на социальную идентичность россиян. Рассмотрен механизм проявления в обществе «триггеров» трансформации социальной идентичности, которые первоначально возникают как на индивидуальном уровне, так и на глобальном — в зависимости от контекста и социального источника. Автор полагает, что изучение социокультурного ядра российской идентичности в условиях крайнего динамизма и нелинейности социальных процессов, затрагивающих ключевые сферы жизнедеятельности общества, будет способствовать разработке стратегии улучшения социального благосостояния и поиску эффективных способов консолидации российского общества с учетом его полицентричности и поликультурности.

*© Ракова К.В., 2024

Статья поступила в редакцию 22.06.2023 г. Статья принята к публикации 26.01.2024 г.

Ключевые слова: глобальная идентичность; государственная идентичность; групповая идентичность; индивидуальная идентичность; культурная травма; поликультурность; полицентричность; российское общество; социокультурное ядро; уровни социальной идентичности

Социокультурное ядро современного российского общества гетерогенно и дифференцировано, поэтому для изучения его содержания и природы необходимы междисциплинарные теоретико-методологические подходы, с помощью которых научное сообщество могло бы выявить ключевые особенности полинационального населения нашей страны, найдя точки соприкосновения и разъединения социальных групп внутри одного государства. В последние годы в российском научном сообществе проблематика социальной идентичности рассматривается сквозь призму новейших вызовов становления новой России и сочетания разных типов российской идентичности [3; 5–8; 14–17].

Одно из ключевых понятий в изучении социокультурного ядра российского общества — социальная идентичность: она представляет собой комплексный когнитивный феномен, для исследования которого востребован междисциплинарный подход с использованием теоретико-методологических положений социологии, социальной психологии и философии (теория социальной идентичности Г. Тэджфела и Дж.Ч. Тернера, концепции «самости» Дж. Мида и «кризиса личности» Э. Эриксона, феноменологический подход А. Шюца и модель культурной травмы Дж. Александера). Цель статьи — попытаться выделить уровни и основные компоненты социальной идентичности российского общества с опорой на релевантные концептуальные построения.

Теоретико-методологические истоки анализа социальной идентичности в контексте социального взаимодействия внутри и между группами можно обнаружить в работах одного из основоположников теории социальной идентичности Г. Тэджфела, который со своим коллегой Дж.Ч. Тернером разработал теорию социальной идентичности (на индивидуальном и групповом уровнях), опираясь на многолетние исследования межгруппового поведения и природы межгруппового конфликта [21]. Представители социальной психологии, социологии и философии на протяжении последних десятилетий неизменно обращаются к теории социальной идентичности Тэджфела и Тернера для понимания характера социального взаимодействия между индивидами, социальными группами, внутри организаций и общества в целом. Наиболее ценным и релевантным положением их теории в контексте рассматриваемой проблематики выступает определение социальной группы как «совокупности индивидов, которые воспринимают себя как представителей одной и той же социальной категории, разделяют некоторую эмоциональную вовлеченность в это общее определение самих себя и достигают определенной степени социального консенсуса относительно оценки своей группы и своего член-

ства в ней» [21. С. 283]. Важнейшим компонентом является «эмоциональная вовлеченность» членов группы в свою самоидентификацию, поскольку таковая определяет консолидацию членов в единую социальную группу или сообщество. Соответственно, мы понимаем под социальной идентичностью «аспекты индивидуального самосознания, проистекающие из принадлежности к социальным категориям и идентификации с ними, становящиеся заметными в тех контекстах, где эти социальные категории принимают важное значение» [4. С. 228]. Исходя из данного определения, представляется целесообразным рассматривать феномен социальной идентичности на четырех взаимосвязанных уровнях — индивидуальном, групповом, государственном и глобальном (мировом).

На первом, *индивидуальном*, уровне человек формирует, поддерживает и трансформирует свою самоидентичность, т.е. ценностные установки, нормы и правила общества, которые разделяет и которыми руководствуется в социальном взаимодействии. Здесь следует поставить знак тождества между индивидуальным уровнем социальной идентичности и феноменом «самости» Дж. Мида, в структуре которой он выделял два ключевых компонента: «Я» (I) и «меня» (me). Если «Я» представляет собой «реакцию организма [человека] на установки других», то «меня» — «организованный набор установок других [членов общества], которые он сам принимает» [11. С. 166]. Важно подчеркнуть, что «меня»-компонент предполагает набор ценностных ориентаций, правил и норм, которые приняты в той или иной социальной группе и рассматриваются в качестве ценностно-нормативного ориентира социального взаимодействия (объективная идентичность), т.е. что поведение индивида в рамках «меня»-компонента относительно определено и предсказуемо. Социальные действия «Я» не могут быть спрогнозированы и предопределены заранее, так как этот компонент индивидуальной идентичности обладает инновационно-творческой природой непредсказуемого толка, ему свойственны присущие конкретной личности паттерны поведения, обусловленные ее психологическим и социальным портретом (субъективная идентичность). Иными словами, «меня» представляет собой некий морально-ценностный ориентир, а «Я» — стремящееся к данному ориентиру самосознание индивида.

Рассматривая социальную идентичность российского общества на индивидуальном уровне через призму двухкомпонентной самости Мида, следует отметить, что все те ценностные установки, черты характера и особенности поведения, которые свойственны россиянину и разделяются большинством населения, представляют собой «меня»-компонент, а вариативный характер социального взаимодействия членов общества, хаотически проявляющийся в разных нелинейных контекстах, — множественный «Я»-компонент индивидуальной идентичности, которые способны непредсказуемо меняться в зависимости от социальных условий. Аффiliationная составляющая ин-

дивидуального уровня социальной идентичности может быть выявлена с помощью ответов на вопросы о ценностных установках индивида, которые отражают нормативно-ценностную составляющую мировоззрения человека и систему его социального взаимодействия с окружающими — все то, что содержит в себе «меня»-компонент индивидуальной социальной идентичности. Как отмечал А. Шюц: «Мир повседневной жизни изначально является также и социокультурным миром, в котором я связан множеством отношений с другими людьми, более или менее мне знакомыми» [18. С. 62], из чего вытекает необходимость исследовательского перехода от индивидуального уровня к групповому.

На втором, *групповом*, уровне социальная идентичность проявляется в принадлежности индивида к социальной группе, с которой он себя отождествляет, членов которой считает своими единомышленниками, обладающими наиболее схожим набором социальных статусов, а также в осознании существования иных социальных групп, члены которых разделяют иные ценностные установки, правила поведения и нормы. На групповом уровне социальной идентичности актуализируется противопоставление «мы-» и «они-групп». Принимая во внимание утверждение Тэджфела и Тернера, что социальная идентичность тесно связана со стремлением индивида к позитивной самоидентификации, обладанию положительным, социально одобряемым статусом и образом [21. С. 283–284], следует учитывать принцип, сформулированный британскими психологами: «когда социальная идентичность неудовлетворительна, индивиды будут стремиться либо покинуть свою группу и присоединиться к какой-либо более позитивной группе, и/или сделать свою группу более позитивной». Иными словами, речь идет как о перспективе изменения «мы-группы», к которой принадлежит индивид, так и о его переходе в «они-группу», более близкую по ценностным ориентациям и социокультурным особенностям. В этом смысле противопоставление «мы-» и «они-групп» — проявление социальной дифференциации, лежащей в основе групповой идентичности, вне контекста столкновения или конфликта социальных групп.

Групповая социальная идентичность включает в себя ряд компонент: набор социальных статусов и ролей; чувство близости с жителями населенного пункта, области, края, республики (региональная идентичность); принадлежность к определенному социальному классу, этносу (культурная, национальная, языковая идентичности); место рождения и место жительства; историческое сознание как многообразные представления о прошлом народа и родного края [7. С. 342]; принадлежность к общественным организациям; вероисповедание (религиозная идентичность); к профессиональному сообществу (профессиональная идентичность); социальному классу по уровню дохода (социальная-классовая идентичность) и др. Данные компоненты — референтные точки при проведении индивидом сравнения между своей и другими социальными группами.

Поскольку «локальная идентичность далеко не тождественна региональной, если под регионом, как в нашем российском случае, иметь в виду область, край или республику» [7. С. 342], при рассмотрении групповой идентичности российского общества следует выделить ее локальный и региональный подуровни: первый характеризуется высокой степенью гетерогенности, так как на этом подуровне конструируются разные виды групповой идентичности, соответствующие вышеперечисленным компонентам. Аффiliationная составляющая локального подуровня групповой идентичности может быть выявлена с помощью ответов на вопросы о членстве в сообществах и организациях; уровне взаимопонимания с родственниками, друзьями, соседями, коллегами, жителями своего поселения, единоверцами и др. Региональный подуровень групповой идентичности проявляется в виде чувства принадлежности к тому или ному населенному пункту, области, краю, республике или региону, поэтому он относительно гомогенен — проявляется в более крупном «социальном масштабе». Многогранная локальная групповая идентичность может быть дифференцирована с помощью ответов на вопрос о взаимопонимании и чувстве близости с представителями малых и больших социальных групп (семья, друзья, соседи, коллеги, люди с одинаковым социальным положением и достатком, представители одной национальности, единоверцы). Аффiliationная составляющая регионального подуровня групповой идентичности может быть раскрыта с помощью ответов на вопрос о степени близости с жителями области, края или республики, в которой проживает респондент, и целевая категория здесь — индивиды, воспринимающие жителей своей области, края или республики как «своих», близких по духу, и испытывающие по отношению к ним чувство сильной эмоциональной привязанности.

Третий, *государственный*, уровень социальной идентичности включает в себя такие компоненты, как: чувство близости с населением своей страны, эмоциональная привязанность к государству как к «социальному целому, значимому объекту самоотнесения, логической предпосылке идентификационной цепочки “дом–поселение–регион–страна”» [16. С. 34] и представления о системе отношений между государством и гражданином (государственно-гражданская идентичность); восприятие государства в контексте современности и исторического прошлого (историческая идентичность); восприятие территориальной целостности страны (территориальная идентичность); принадлежность к политической организации, партии, группе (политическая идентичность).

Одна из ключевых проблем современного российского общества заключается в том, что в контексте глобализации в полинациональных государствах, в которых процветают формы ценностно-культурного плюрализма, наблюдается игнорирование универсальности и всеобщности ценностных ориентиров и социокультурных норм: «глобализация парадоксальным, на первый взгляд, образом значительно повысила — в случае новых объединений любого формата, любых новых общественных договоров — именно ценности самобытности,

специфики, неповторимости каждой из объединяющихся “единиц”» [12. С. 19]. Вторая проблема связана с постепенным ростом числа российских граждан, имеющих второе гражданство. Согласно данным переписей 2010 и 2020 годов, на 2010 год доля граждан России, имеющих двойное гражданство, составляла 0,06 % (1), а в 2020 году — уже 0,1 % (2). Третья проблема — постоянный приток мигрантов и их ассимиляция: «масштабное присутствие в России иностранных граждан, выходцев из социумов с иными традициями и культурами, нормами поведения, зачастую впервые сталкивающихся с высокоурбанизированной средой, не слишком образованных, чревато серьезными вызовами дестабилизации социально-экономической и социально-политической обстановки, особенно на локальном уровне, обусловленными ростом напряженности между местным населением и мигрантами» [13. С. 7]. Этот фактор также способствует элиминации консолидирующего большинство населения России ценностей, норм и правил, входящих в государственную идентичность, а также стиранию единой для большинства россиян социальной реальности.

Государственно-гражданская идентичность — один из факторов, объединяющих гетерогенное общество посредством «коалиций и механизмов, способствующих восприятию мира и жизни в условиях разнообразия культур и человеческих связей» [5. С. 24]. Как отмечает А. Вендт, «важно то, что люди принимают на себя обязательство действовать сообща от имени коллективных убеждений, независимо от того, разделяют они их лично или нет» [24. С. 219]. Исходя из природы социальной идентичности, члены общества могут отличаться по разделяемым ими ценностям и нормам, принадлежности к этнической группе, месту проживания, вероисповеданию, классу и др., но, будучи гражданами одного государства, испытывать чувство эмоциональной привязанности к одной территории, разделять одно историческое прошлое, одну коллективную память и идентичность, а также иметь горизонтальные связи друг с другом — «идентичность основана на социальных взаимодействиях, глубине связей с окружающими и новых способах коммуникации» [23. С. 7]. Главенствующая роль принадлежит коллективным нормам, правилам, ценностным установкам, «понятиям коллективных структур», которые превалируют над индивидуальными, «производят огромное, часто решающее каузальное действие на поведение реальных лиц» [2. С. 76]. Аффилиативная составляющая государственной-гражданской идентичности может быть выявлена с помощью ответов на вопросы о чувстве близости с жителями и/или гражданами России, т.е. речь идет о тех, кто воспринимает жителей России как «своих», близких по духу людей, испытывающих чувство сильной близости с ними, об эмоциональной привязанности к России и гордости достижениями страны в разных областях и др.

И, наконец, четвертый, *глобальный* или *мировой*, уровень социальной идентичности представляет собой идентификацию личности с мировым обществом и человечеством. В последнее десятилетие глобальная идентич-

ность российского общества в контексте гибридной социоцифроприродной реальности [22] подвергается трансформациям, вызванным крайним динамизмом и нелинейностью социальных процессов мирового масштаба: глобализация, природно-эпидемиологические и климатические вызовы и угрозы, цифровизация, изменения в системе международных отношений и т.д. — все то, что способствует возникновению «опасных общественных метаморфоз», когда «повседневные нормы жизни ставятся с ног на голову» [1. С. 3]. Социальная идентичность российского общества на глобальном уровне включает в себя четыре компонента: постсоветская (свойственна индивидам, отождествляющим себя с населением стран СНГ), азиатская (индивиды, отождествляющие себя с населением стран Азии и/или являющие выходцами из азиатских стран, которые получили ВНЖ или гражданство в России), европейская (отождествление с населением европейских стран) и космополитическая (с жителями всего мира) идентичности. Аффiliationная составляющая глобальной идентичности может быть выявлена с помощью ответов на вопрос о степени близости с жителями бывших республик СССР, Европы, Азии и всей Земли, т.е. речь идет о тех, кто отождествляет себя с социальными группами за пределами нашего государства.

Однако важно провести черту между отождествлением с жителями бывших республик СССР и стран Азии (постсоветская и азиатская идентичности), часть которых проживает на территории России (граждане или мигранты) и в связи с общим историческим прошлым имеют схожие ценностные установки и паттерны поведения, и отождествлением с жителями Европы (европейская идентичность) и всей Земли (космополитическая идентичность). Не все ценности и нормы, лежащие в основе европейской идентичности, разделяются российским обществом: «по одной группе ценностей («открытость изменениям — сохранение») Россия сегодня близка широкому кругу европейских стран, а по другой группе ценностей («выход за пределы своего “Я” — самоутверждение») — заметно отличается от большинства из них» [10. С. 57]. Космополитическая идентичность, в свою очередь, характеризуется относительно универсальным набором ценностных установок, норм и правил, которых придерживаются космополиты, и этот набор имеет меньший консолидирующий потенциал, нежели тот, что разделяют представители «патриотической категории» с ярко выраженной государственно-гражданской идентичностью третьего уровня. Социальная идентичность на глобальном уровне обладает слабой объединяющей силой ввиду того, что поведенческие паттерны ее представителей относительно «размыты» кросс-культурными ценностными установками.

В Таблице 1 представлена авторская структура социальной идентичности российского общества, которая включает в себя четыре уровня с соответствующими им по своему содержанию компонентами, которые проявляются в форме той или иной доминанты социальной идентичности человека.

Структура социальной идентичности российского общества

Уровни	Компоненты
Индивидуальный	субъективная идентичность («Я»-компонент) объективная идентичность («меня»-компонент)
Групповой	региональная идентичность культурная идентичность национальная идентичность языковая идентичность религиозная идентичность профессиональная идентичность социальная-классовая идентичность
Государственный	государственно-гражданская идентичность историческая идентичность территориальная идентичность политическая идентичность
Глобальный (мировой)	постсоветская идентичность азиатская идентичность европейская идентичность космополитическая идентичность

Рассматривая социальную идентичность человека в контексте глобальных вызовов современности, приходится признать неизбежность «кризиса личности» (Э. Эриксон) на четырех уровнях в восходящем и нисходящем направлениях. Иными словами, «триггер» трансформации социальной идентичности может сработать как с индивидуального уровня, так и с глобального — в зависимости от контекста и иницилирующего агента. Так, за изменением восприятия государства на международной арене другими странами следует изменение социальной идентичности его населения на мировом, государственном, групповом и индивидуальном уровнях. Примером нисходящей цепочки изменения социальной идентичности могут послужить действия западных стран по отношению к России и ее гражданам в 2022–2023 годы (санкционный режим коллективного Запада). И, наоборот, социальный акт одного индивида может вызвать общественный резонанс и перейти с индивидуального на последующие три уровня социальной идентичности. Примером восходящей цепочки изменения социальной идентичности может послужить общественное движение «Black Lives Matter», одно из крупнейших в истории США, которое обрело национальный масштаб в 2013–2014 годы и вышло за пределы страны (во многом благодаря интернет-каналам) в 2020 году, получив поддержку в Австралии, Индонезии, Германии, Франции и других странах.

Таким образом, наблюдается следующая закономерность: кризису социальной идентичности, как правило, предшествует социальный акт или факт (Э. Дюркгейм), нередко имеющий форму «культурной травмы» (Дж. Александер), которая оказывает воздействие на коллективную социальную идентичность, вызывая ее кризис и последующую трансформацию в соответствии с реалиями: «Культурная травма возникает, когда члены кол-

лектива чувствуют, что подверглись ужасному событию, которое оставляет неизгладимые следы в их групповом сознании, навсегда отмечая их воспоминания и фундаментальным и бесповоротным образом меняя их будущую идентичность» [20. С. 1]. Как справедливо отмечал Эриксон, «Слово “кризис” больше не вызывает в представлении неминуемую катастрофу, что в свое время затрудняло его понимание. Кризис теперь понимается как неизбежный поворотный пункт, критический момент, после которого развитие повернет в ту или иную сторону, используя возможности роста, способность к выздоровлению и дальнейшей дифференциации» [19. С. 25].

Социальный акт, не соответствующий принятым и разделяемым ценностным установкам, нормам морали или правилам поведения, выступает социальным «триггером» кризиса коллективной идентичности, за которым следует точка бифуркации, характеризующаяся неустойчивостью и амбивалентностью перспектив дальнейшего развития событий. Открываются два возможных пути: на первом коллективная идентичность претерпевает трансформацию в соответствии с изменившейся социальной реальностью, если исходный социальный акт получает поддержку общественности; на втором происходит укрепление коллективной идентичности, которое проявляется в социальном неодобрении общественности и в устранении последствий исходного социального акта, вызвавшего общественный резонанс. Однако «даже если существует сопротивление принятию нового основного нарратива национальной идентичности... и хранители традиционных нарративов выступают против него, новая модель коллективной идентичности принимается более современными обществами» [20. С. 150].

Принимая во внимание полинациональность, полирелигиозность и поликультурность российского общества, которые обуславливают комплексное переплетение его социальной идентичности на четырех уровнях, а также нелинейные и всеобъемлющие изменения, затрагивающие локальные, социальные и глобальные структуры, следует признать особую актуальность социологического исследования содержания социальной идентичности современного российского общества как переплетения и пересечения идентичностей индивидуального, группового, государственного и глобального уровней. «Идентичности современных людей множественные. Их значимость для конкретных людей в различных условиях меняется, но важно, что чаще всего они являются не взаимоисключающими» [6. С. 13]. Выявление особенностей социальной идентичности российского общества в условиях «структурного плюрализма социокультурного пространства» [9. С. 4] тесно связано с поиском ответов на вопросы, что означает для человека быть россиянином; что отличает россиянина от жителей других стран; является ли Россия частью Азии или Европы или принадлежит континенту Евразия и воплощает смешение соседних культур; какая часть света — Запад или Восток — оказала наибольшее влияние на формирование российской идентичности, а какая — наименьшее;

каким образом «текущая современность» (З. Бауман) и глобальная открытость интернет-коммуникаций повлияли на российскую идентичность; различаются ли социокультурные нормы и ценности россиян, живущих в центральной части России, и тех, кто проживает в других регионах и на периферии страны; как трансформируется социальная идентичность российского общества с течением времени. На эти и многие другие вопросы Центр изучения социокультурных изменений Института философии РАН планирует найти ответы в рамках восьмой волны всероссийского мониторинга, призванного выявить содержание многокомпонентной социальной идентичности российского общества и изменения, произошедшие в сознании и самоопределении граждан России с 1990-х годов. Изучение социальной идентичности позволяет разработать такую стратегию улучшения жизни населения, которая соответствовала бы его ожиданиям и потребностям и одновременно способствовала бы повышению социальной сплоченности — чем гомогеннее социальная идентичность общества на всех четырех уровнях, тем крепче социальные связи между его членами и меньше ценностно-нормативная дифференциация.

Информация о финансировании

Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда. Проект № 23-28-00539 «Ценности и интересы населения России в условиях цивилизационных вызовов (восьмая волна всероссийского мониторинга)».

Примечания

- (1) Всероссийская перепись населения 2010 года. Т. 4: Национальный состав и владение языками, гражданство. Табл. 17: Население по гражданству и возрастным группам // URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/vol4pdf-m.html.
- (2) Всероссийская перепись населения 2020 года. Т. 4: Гражданство. Табл. 1: Население по гражданству и возрастным группам // URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul.

Библиографический список

1. Бек У. Общество риска: на пути к другому модерну. М., 2000.
2. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. Т. I: Социология. М., 2016.
3. Горшков М.К., Тюрина И.О. Консолидация российского общества в условиях современных вызовов: историко-социологический и ценностно-мировоззренческий контексты // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2023. № 4.
4. Джери Д., Джери Дж. Большой толковый социологический словарь. М., 1999.
5. Дробижева Л.М., Арутюнова Е.М., Евсеева М.А. и др. Российская идентичность и межэтнические отношения. Публичный дискурс и социальная практика / Отв. ред. И.М. Кузнецов, С.В. Рыжова. М., 2022.
6. Дробижева Л.М., Рыжова С.В. Гражданская и этническая идентичность и образ желаемого государства в России // Политические исследования. 2015. № 5.
7. Историческая память и российская идентичность / Отв. ред. В.А. Тишков, Е.А. Пивнева. М., 2018.
8. Историческое сознание россиян: оценки прошлого, память, символы (опыт социологического измерения) / Отв. ред. М.К. Горшков. М., 2022.
9. Лапин Н.И. Статус регионов России и разбалансированность их социокультурных функций // Мир России. 2010. № 15.

10. Магун В.С., Руднев М.Г. Жизненные ценности российского населения: сходства и отличия в сравнении с другими европейскими странами // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2008. № 1.
11. Мид Дж.Г. Избранное. М., 2009.
12. Мотрошилова Н.В. Глобализация и критическое обновление универсальных ценностей разума, просвещения и общественного договора // Мораль и универсальность. Вып. 1. М., 2018.
13. Мукомель В.И., Григорьева К.С., Монусова Г.А. и др. Адаптация и интеграция мигрантов в России: вызовы, реалии, индикаторы / Отв. ред. В.И. Мукомель, К.С. Григорьева. М., 2022.
14. Омельченко Д.А., Омельченко Е.Л. В поисках дома. Региональная идентичность молодых калининградцев: жизненные стратегии и миграционные намерения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 6.
15. Раитина М.Ю., Зиновьева В.И., Покровская Е.М. Характеристика типов этнической идентичности в студенческом сообществе (по материалам опроса в Томском университете систем управления и радиоэлектроники) // Русин. 2023. № 73.
16. Санина А.Г., Павлов А.В. Государственная идентичность: содержание понятия и постановка проблемы // Управленческое консультирование. 2015. № 9.
17. Шергалиева М.Т. Этническая идентичность как вид социальной идентичности // Вестник Саратовского государственного технического университета. 2014. № 1.
18. Шюц А. Избранное: мир, светящийся смыслом. М., 2004.
19. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996.
20. Alexander J.C. (Ed.). *Cultural Trauma and Collective Identity*. California, 2004.
21. Tajfel H., Turner J.C. The social identity theory of intergroup behavior // Jost J.T., Sidanius J. (Eds.). *Political Psychology*. N.Y., 2004.
22. Urry J. *Global Complexity*. Cambridge, 2003.
23. Wearing M. (Ed.). *Social Identity*. N.Y., 2011.
24. Wendt A. *Social Theory of International Politics*. Cambridge, 1999.

DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-2-510-522

EDN: RWUOQG

Levels and components of the social identity of the contemporary Russian society*

K.V. Rakova

Institute of Philosophy of RAS,
Goncharnaya St., 12/1, Moscow, 109240, Russia

(e-mail: rakova@iphras.ru)

Abstract. The relevance of the research is determined by the need to find ways for the consolidation and unification of the polycentric, multinational and multicultural Russian society under contemporary challenges. The author uses a complex theoretical-methodological approach combining the theory of social identity (H. Tajfel and J.C. Turner), the concepts of “self” (G. Mead) and “personality crisis” (E. Erikson), the phenomenological paradigm

*© K.V. Rakova, 2024

The article was submitted on 22.06.2023. The article was accepted on 26.01.2024.

(A. Schutz) and the theory of cultural trauma (J. Alexander). The article presents a four-level structure of social identity, which includes individual, group, state and global (world) levels, and different types of social identity at each. Thus, the features of subjective and objective identities are shown at the individual level; regional, cultural, national, linguistic, professional and social-class identities — at the group level; state-civil, historical, territorial and political — at the state level; post-Soviet, Asian, European and cosmopolitan — at the global level. The author provides some empirical tools for identifying the affiliative component of social identity at the individual, group, state and global (world) levels and insists on the need to search for answers to research questions about the Russian identity in general, social-cultural differences between residents of Russia and other countries, territorial features of Russia as a state and its continent, the influence of the West and East on the Russian culture, and the impact of global openness and “liquid modernity” (Z. Bauman) on the Russian social identity. The article considers “triggers” for the transformation of social identity, which initially appear either at the individual or global level, depending on the context and social source. The author argues that the study of the social-cultural core of the heterogeneous Russian identity under the extremely dynamic and nonlinear social processes affecting the key areas of Russian life can contribute to the development of a strategy for improving social well-being in the Russian society and to the search for effective ways of its consolidation given its polycentricity and multiculturalism.

Key words: global identity; state identity; group identity; individual identity; cultural trauma; multiculturalism; polycentricity; Russian society; social-cultural core; levels of social identity

Funding

The study was funded by the Russian Science Foundation. Project No. 23-28-00539.

References

1. Beck U. *Obshchestvo riska: Na puti k drugomu modernu* [Risk Society: Towards a New Modernity]. Moscow; 2000. (In Russ.).
2. Weber M. *Khozjajstvo i obshchestvo: ocherki ponimajushchej sotsiologii* [Economy and Society: Essays on Interpretive Sociology]. Vol. I: Sociology. Moscow; 2016. (In Russ.).
3. Gorshkov M.K., Tyurina I.O. Konsolidatsija rossijskogo obshchestva v usloviyah sovremennyh vyzovov: istoriko-sotsiologicheskij i tsennostno-mirovozzrencheskij konteksty [Consolidation of the Russian society under contemporary challenges: Historical, sociological and value-worldview contexts]. *RUDN Journal of Sociology*. 2023; 23 (4). (In Russ.).
4. Jeri D., Jeri J. *Bolshoj tolkovy sotsiologicheskij slovar* [Large Explanatory Sociological Dictionary]. Moscow; 1999. (In Russ.).
5. Drobizheva L.M., Arutyunova E.M., Evseeva M.A. et al. *Rossijskaja identichnost i mezhetnicheskie otnoshenija. Publichny diskurs i sotsialnaja praktika* [Russian Identity and Interethnic Relations. Public Discourse and Social Practice]. I.M. Kuznetsov, S.V. Ryzhova (Eds.). Moscow; 2022. (In Russ.).
6. Drobizheva L.M., Ryzhova S.V. Grazhdanskaja i etnicheskaja identichnost i obraz zhelaemogo gosudarstva v Rossii [Civil and ethnic identity and the image of the desired state in Russia]. *Political Studies*. 2015; 5. (In Russ.).
7. *Istoricheskaja pamjat i rossijskaja identichnost* [Historical Memory and Russian Identity]. V.A. Tishkov, E.A. Pivneva (Eds.). Moscow; 2018. (In Russ.).
8. *Istoricheskoe soznanie rossijan: otsenki proshlogo, pamjat, simvoly (opyt sotsiologicheskogo izmerenija)* [Historical Consciousness of Russians: Assessments of the Past, Memory, Symbols (Sociological Measurement)]. M.K. Gorshkov (Ed.). Moscow; 2022. (In Russ.).
9. Lapin N.I. Status regionov Rossii i razbalansirovannost ih sotsiokulturnyh funktsij [The status of Russian regions and the imbalance of their social-cultural functions]. *Universe of Russia*. 2010; 15 (2). (In Russ.).

10. Magun V.S., Rudnev M.G. Zhiznennye tsennosti rossijskogo naselenija: skhodstva i otlichija v sravnenii s drugimi evropejskimi stranami [Vital values of Russians: Similarities and differences compared to other European countries]. *Vestnik Obshhestvennogo Mnenija. Dannye. Analiz. Diskussii*. 2008; 1. (In Russ.).
11. Mead G.H. *Izbrannoe* [Selected Works]. Moscow; 2009. (In Russ.).
12. Motroshilova N.V. Globalizatsija i kriticheskoe obnovenie universalnyh tsennostej razuma, prosveshchenija i obshhestvennogo dogovora [Globalization and critical renewal of the universal values of reason, enlightenment and social contract]. *Moral i Universalnost*. Issue 1. Moscow; 2018. (In Russ.).
13. Mukomel V.I., Grigorieva K.S., Monusova G.A. et al. *Adaptatsija i integratsija migrantov v Rossii: vyzovy, realii, indikatory* [Adaptation and Integration of Migrants in Russia: Challenges, Realities, Indicators]. V.I. Mukomel, K.S. Grigorieva (Eds.). Moscow; 2022. (In Russ.).
14. Omelchenko D.A., Omelchenko E.L. V poiskah doma. Regionalnaja identichnost molodyh kaliningradtsev: zhiznennye strategii i migratsionnye namerenija [In search of home. Regional identity of the Kaliningrad youth: Life strategies and migration intentions]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2022; 6. (In Russ.).
15. Raitina M.Yu., Zinovieva V.I., Pokrovskaja E.M. Kharakteristika tipov etnicheskoi identichnosti v studencheskom soobshchestve (po materialam oprosa v Tomskom universitete sistem upravlenija i radioelektroniki) [Characteristics of the types of ethnic identity in the student community (based on the survey at the Tomsk University of Control Systems and Radio Electronics)]. *Rusin*. 2023; 73. (In Russ.).
16. Sanina A.G., Pavlov A.V. Gosudarstvennaja identichnost: sodержanie ponjatija i postanovka problemy [State identity: Content of the concept and the research problem]. *Upravlencheskoe Konsultirovanie*. 2015; 9. (In Russ.).
17. Shergalieva M.T. Etnicheskaja identichnost kak vid sotsialnoj identichnosti [Ethnic identity as a type of social identity]. *Vestnik Saratovskogo Gosudarstvennogo Tekhnicheskogo Universiteta*. 2014; 1. (In Russ.).
18. Schutz A. *Izbrannoe: Mir, svetjashchij smyslom* [Selected Works: A World Glowing with Meaning]. Moscow; 2004. (In Russ.).
19. Erikson E. *Identichnost: junost i krizis* [Identity: Youth and Crisis]. Moscow; 1996. (In Russ.).
20. Alexander J.C. (Ed.). *Cultural Trauma and Collective Identity*. California; 2004.
21. Tajfel H., Turner J.C. The social identity theory of intergroup behavior. Jost J.T., Sidanius J. (Eds.). *Political Psychology*. New York; 2004.
22. Urry J. *Global Complexity*. Cambridge; 2003.
23. Wearing M. (Ed.). *Social Identity*. New York; 2011.
24. Wendt A. *Social Theory of International Politics*. Cambridge; 1999.

DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-2-523-538

EDN: RNNFMK

Опыт исследования влияния коучинговых методов на повышение эффективности образовательного процесса в высшей школе*

М.Л. Ивлева¹, Е.В. Нежникова¹, Н.Б. Сафронова²

¹Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия,

²Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
просп. Вернадского, 86, Москва, 119517, Россия

(e-mail: ivleva-ml@rudn.ru; nezchnikova_ev@rudn.ru; safronova@ranepa.ru)

Аннотация. В статье представлены результаты социологического изучения влияния коучингового подхода на образовательный процесс в высшей школе. На основе теории коучинга, изложенной в работах Т. Гэллви и Дж. Уитмора, авторы разработали методику повышения личностной и профессиональной компетентности студентов в области менеджмента. Методика основана на фундаментальных техниках коучинга: постановке личных целей, выявлении существующих ресурсов, активном слушании, предоставлении обратной связи и других составляющих. Общие принципы методики также включают стандарты образовательного процесса, принятые в российских высших учебных заведениях. Методика была внедрена в образовательный процесс в Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС) и в Российском университете дружбы народов имени Патриса Лумумбы (РУДН). Эффективность методики оценивалась по результатам социологического исследования, которое было проведено в форме мониторинга социального поведения и активности студентов бакалавриата и магистратуры в период с 2017 по 2022 годы (N = 564 студента бакалавриата и магистратуры и 361 аспирант). В качестве контрольной группы были отобраны студенты бакалавриата и магистратуры за 2017, 2018 и 2019 годы, в общей сложности 448 человек. Внедрение методики началось в 2020 году, в эксперименте приняли участие 477 учащихся. Для оценки эффективности методики интеграции коучинга в образовательный процесс были выбраны такие показатели, как посещаемость занятий и вовлеченность в классную деятельность. Они оценивались на каждой сессии как в офлайн, так и в онлайн режиме (в период пандемии). Полученные данные позволяют сделать вывод, что предложенная методика оказывает положительное влияние на поведенческую и когнитивную вовлеченность студентов и, как следствие, способствует повышению качества человеческого капитала у выпускников направления «Менеджмент».

Ключевые слова: методика; коучинг; мотивация; образовательный процесс; количественное исследование; мониторинг; оценка, человеческий капитал

*© Ивлева М.Л., Нежникова Е.В., Сафронова Н.Б., 2024

Статья поступила в редакцию 28.01.2024 г. Статья принята к публикации 25.04.2024 г.

Цель статьи — описать методику внедрения коучингового подхода в образовательный процесс на уровне высшей школы и оценить его влияние на показатели развития социального капитала обучающихся. Это актуальная для современного общества задача — по поиску механизмов формирования потребности в непрерывном образовании. Современный хрупкий, беспокойный, нелинейный и непостижимый мир [11] предъявляет все новые требования к компетенциям эффективного руководителя, и от его умения создать культуру высокой эффективности как никогда зависит стратегическое конкурентное преимущество компании [2]. Культура высокой эффективности в управлении проявляется в сотрудничестве и создании возможностей для максимального раскрытия потенциала персонала через принятие и осознание целей организации, готовность брать ответственность и находить нестандартные решения на основе творческого подхода, что обеспечивает готовность к инновациям и преимущество в конкурентной борьбе.

В постиндустриальную эпоху фокус конкуренции смещается с промышленного и финансового капитала, где ни одна из сторон не может получить существенного преимущества, на социальный капитал. Это один из четырех видов капитала, определяющих современное состояние экономики, которые выделены в социально-конструктивистской парадигме социолога П. Бурдье [6]: экономический капитал — владение материальными благами, культурный — владение образовательным и культурным потенциалом, символический — имидж и репутация, социальный — уровень взаимоотношений и взаимодействий внутри социальной группы, причем роль материальных факторов снижается при существенном преобладании интеллектуальных и социальных параметров в экономических процессах. Последователь теории социального капитала Р. Патнэм уточнил и конкретизировал его определение — «сети, нормы и социальное доверие, которые способствуют координации и кооперации в интересах общественной цели» [14. С. 19]. Обобщая подходы к пониманию социального капитала Д. Тернера [16] и других исследователей, мы трактуем его как систему потенциальных и актуальных связей между участниками экономических и социальных процессов, обеспечивающую достижение общих целей.

Выявление данного вида капитала и описание его характеристик и условий использования породило в 1980-е годы потребность в инструменте его формирования и увеличения. Такой инструмент появился на стыке когнитивно-поведенческой терапии, проектного менеджмента и теории эмоционального интеллекта и получил название коучинга. Идеологом коучинга считается Т. Голви — бизнес-тренер [10], создатель метода повышения личной и профессиональной эффективности путем снятия внутренних барьеров и устранения страха для обеспечения успешности и удовлетворенности. В основе его метода «The Inner Game» лежит модель успеха как функции личного потенциала после устранения внутренних барьеров. Метод коучинга разработал

в 1992 году Дж. Уитмор, ученик и последователь Голви, в книге «Коучинг высокой эффективности» [18], где он обосновал влияние коучинга на эффективность работы людей и дал практические советы. Быстрое распространение коучинга как методики личностного развития подтвердило наличие потребности в инструментах увеличения социального капитала и сформировало такое новое направление консультационных услуг, как коучинг. Согласно определению Международной федерации коучинга (ICF), коучинг включает в себя такие понятия, как партнерство, стимулирование мышления и творчества, раскрытие личного и профессионального потенциала.

Таким образом, формирование социального капитала на основе коучинг-подхода основано на развитии в личности таких социальных качеств, как доверие, готовность к взаимодействию и постоянному обучению для достижения целей. Сегодня эти «soft skills» стали почти обязательными для успешного выполнения менеджером своих профессиональных обязанностей независимости от сферы деятельности. Наличие перечисленных компетенций (на уровне личностных ценностей) порождает у менеджера потребность в новом знании, разработке и внедрении инноваций, создании творческой атмосферы в коллективе, что в совокупности приводит к росту социального капитала как личности, так и организации [5]. Но для активации данных ценностей необходим социальный запрос на такие качества, который может быть сформирован в образовательной культуре, если она построена на таких принципах, как активное взаимодействие, доверие, ясное целеполагание, ответственность за результат и преодоление препятствий [4]. Освоение этих компетенций через коучинговый подход обеспечивает личности ценный навык непрерывного обучения на всю жизнь — как осознанной потребности, востребованной в организации и обществе в целом, поскольку она определяет рост социального капитала и повышение конкурентоспособности.

Применение коучинг-подхода в обучении студентов стало широко обсуждаемой темой в научных кругах: исследователи рассматривают разные аспекты применения коучинга в университетском образовании (для улучшения учебных результатов студентов, развития их личностных качеств и профессиональных навыков, повышения мотивации и уверенности в своих способностях) [13]; оценивают разные подходы к коучингу (индивидуальный коучинг, групповой и коучинг) [12]; представляют эмпирические подтверждения того, что применение коучинга в университетском образовании приводит к улучшению учебных результатов (особенно у студентов с низкими оценками) и повышению мотивации студентов и их уверенности в себе (самоконтроль, саморегуляция, управление временем и проектами), увеличивает удовлетворенность студентов учебным процессом и их лояльность университету; показывают, какие конкретные методы коучинга (формулировка целей и путей их достижения; признание достижений и положительная обратная связь; самоконтроль и самоанализ; визуализация

учебного материала для упрощения процесса запоминания; формирование чувства уверенности в собственных силах и навыках) наиболее эффективны для улучшения учебных результатов студентов (с использованием контрольных и экспериментальных групп) [7; 8; 13]; систематизируют опыт применения коучинга в высшем образовании (оправдано ли применение коучинга в высшем образовании; является ли он заменой или дополнением педагогических методик; помогает ли в достижении профессиональных и личных целей обучающихся; как лучше и точнее изменить результаты внедрения коучинга в учебный процесс, и т.д.) [13]; подтверждают влияние коучингового взаимодействия между преподавателем и студентом на развитие их компетенций и мотивации к профессиональной деятельности [15]; разрабатывают практические руководства для коучей и их руководителей в образовательных учреждениях [12].

Многие авторы призывают менеджмент образовательных учреждений к более масштабному, а не только экспериментальному внедрению коучинга в практику образовательных учреждений разного уровня, отмечая, что наибольшую пользу этот метод принесет, если будет интегрирован как в постановку целей учебного процесса, так и в его реализацию [12], т.е. коучинг рассматривается как средство повышения эффективности работы учителей и администраторов, что приведет к улучшению результатов учащихся. Однако коучинг в образовании не может использоваться в качестве оценочного инструмента — это прием, развивающий профессионализм и ответственность, поэтому участие коуча в образовательном процессе требует специальных компетенций и подготовки, а возможно, даже дополнительной сертификации.

Коучинг дает положительные результаты как для обучающихся, так и для преподавателей, но эффективность его внедрения зависит от квалификации коуча, контекста взаимодействия и организационной поддержки со стороны коллег и администрации. Мы предлагаем методику применения коучинга для достижения высокой мотивации обучающихся, формирования доверительных отношений между студентом и преподавателем, раскрытия творческого и проектного потенциала студентов при прохождении образовательных программ в высшей школе, опираясь на «Национальные стандарты наставничества и коучинга», разработанные в Великобритании [17]. Данные стандарты основаны на трактовке коучинга как инструмента, стимулирующего обучающихся самостоятельно и ответственно контролировать обучение при поддержке наставника в атмосфере доверия, вдохновляющего вопрошания и активного слушания в рамках проектной деятельности и активных методов обучения [6].

Традиционный процесс обучения складывается из следующих этапов: преподаватель оценивает уровень знаний обучающегося, ставит перед ним задачу; подготавливает задания и поручает обучающемуся их выполнение

для закрепления материала; контролирует выполнение задания, т.е. преподаватель берет на себе функции менеджера учебного процесса, на котором лежит ответственность за все его этапы — от постановки цели и выбора средств ее достижения до контроля выполнения [1]. «Умение учиться» как ключевой навык в модели «обучение на протяжении всей жизни» способствует росту социального капитала, но для этого необходимо перейти к другому типу обучения [10]: четкое понимание личных целей, которые могут быть достигнуты в процессе обучения; определение имеющихся резервов и возможностей для достижения целей; принятие личной ответственности за достижение целей обучения и использование своих ресурсов для преодоления препятствий (подход «осознание, доверие и выбор»).

Для реализации данного подхода мы разработали методику применения преподавателями высшей школы коучинга при построении и реализации образовательного процесса, опираясь на гипотезу Патнема [14. С. 19] о наличии связи между показателями активности большинства обучающихся и социальным капиталом, сформированным у выпускников. Оценить эффективность коучинговых методов в обучении студентов можно следующими способами:

1. Механизм обратной связи — можно использовать анонимные опросы, интервью или другие методы для сбора мнений студентов о том, как они оценивают эффективность коучинговых методов и что могут предложить для улучшения.
2. Измерение изменения управляемого показателя — качества обучения. Традиционно в высшей школе этот параметр измеряется на основе разработанного в учебной программе фонда оценочных средств, тестирования остаточных знаний, экзаменов и зачетов. Если среднее значение оценок экспериментальной группы, в которой применялись коучинговые методы, растёт по сравнению с контрольной группой, где они не применялись, то можно предположить влияние коучингового подхода на качества обучения, но одного этого показателя для обоснованных выводов недостаточно.
3. Сравнение средних баллов учебной группы в семестре, когда коучинг не применялся, со средними баллами в том семестре, когда коучинг был включен в арсенал методических приемов обучения.
4. Важным фактором, влияющим на усвоение учебного материала и овладение профессиональными компетенциями, является участие обучающегося в аудиторных занятиях. Работа в офлайн режиме, как показал опыт пандемии, активизирует познавательные функции, создает установку на соревновательность, поэтому, несмотря на наличие технологий онлайн обучения, ведущие вузы почти полностью прекратили эту практику в постпандемийный период. Посещение занятий — один из показателей академической успеваемости, и его изменение, выражающееся в увеличении числа студентов на занятиях после внедрения коучингового подхода, служит показателем роста вовлеченности студентов в изучение дисциплины

и усвоения учебного материала. Увеличение среднего балла в учебных группах по результатам промежуточной аттестации, сокращение числа пропусков занятий и рост активности студентов при выполнении аудиторных и домашних заданий рассматриваются как результат внедрения коучингового подхода учебный процесс.

Используя возможности по организации долгосрочного наблюдения за количественными и качественными показателями вовлеченности в учебный процесс, преподаватели РАНХиГС и РУДН в течение шести лет фиксировали показатели вовлеченности как до, так и в процессе внедрения коучингового подхода, чтобы ответить на следующие исследовательские вопросы: какие показатели подвержены влиянию; могут ли они быть измерены без специальной сложной и трудоемкой процедуры; насколько объективно показатели отражают влияние коучинга на отношение студентов к образовательному процессу; насколько устойчивы достигнутые изменения; как исключить влияние преподавателя на результаты. Традиционный метод социологических исследований — анкетный опрос — не может исключить искажения картины за счет социально ожидаемых ответов, хотя во многих учебных заведениях раз в семестр проводятся опросы об удовлетворенности организацией учебного процесса и работой преподавателей. Поэтому для сбора данных был выбран метод наблюдения за работой учебных групп и изменением показателей посещаемости и активности по аналогии с экспериментом по определению влияния командных ролей на эффективность проектной работы [13]. Посещаемость отмечалась как факт присутствия на занятиях учебной группы (в период пандемии — онлайн присутствие), активность — как участие (вопросы, комментарии, выполнение задания) более двух раз за два академических часа.

В исследовании участвовали студенты бакалавриата и магистратуры — 42 группы и 870 человек. Данные о структуре выборки представлены в таблицах 1–4. Доля студентов бакалавриата составила 61 %, магистратуры — 39 %.

Таблица 1

Количество студентов бакалавриата, включенных в выборку

Группа/год	2017	2018	2019	2020	2021	2022
1	23	24	23	24	25	23
2	25	24	25	22	25	24
3	22	27	22	23	24	24
4	20	23	21	20	25	26
Итого	90	98	91	89	99	97

Таблица 2

Количество студентов магистратуры, включенных в выборку

Группа/год	2017	2018	2019	2020	2021	2022
1	20	17	18	20	21	23
2	19	20	17	21	19	25
3	19	21	18	20	19	24
Итого	58	58	53	61	59	72

Таблица 3

Распределение респондентов по полу

Уровень подготовки/пол	Мужской	Женский
Бакалавриат	29 %	71 %
Магистратура	48 %	52 %

Таблица 4

Распределение респондентов по возрасту

Уровень подготовки/возраст	17	18	19	20	21	22	23	24	25 +
Бакалавриат	7 %	24 %	31 %	21 %	12 %	5 %			
Магистратура				9 %	14 %	12 %	30 %	21 %	4 %

Замер показателей посещаемости и активности проводился регулярно, в форме текущего контроля, стандартного для вузов. Для студентов бакалавриата замеры проводились при изучении курса «Business English» (4 учебные группы) в РАНХиГС, для студентов уровня магистратуры — при проведении учебных занятий по курсу «Методология научных исследований» (3 учебные группы) в РУДН.

С 2020 года авторы начали активно внедрять методику организации учебного процесса на основе коучингового подхода, основные положения которого сводятся к следующему: большинство преподавателей согласны, что характер отношений между преподавателем и обучающимся — ключ к успеху; доверие и уважение к наставнику переносится на содержание учебного материала и повышает уровень его усвоения; преподаватель, применяющий коучинговый подход, создает атмосферу взаимного доверия, уважения и взаимопонимания, сохраняя авторитет и не нарушая стандарты поведения в академической среде. Навык создания и поддержки доверительных отношений со студентом включает в себя такие обязательные компетенции, как искренняя заинтересованность в достижении студентом образовательных и социальных результатов; целостность личности, искренность

и честность; соблюдение всех достигнутых со студентом договоренностей; уважение к личности студента, его ценностям и целям; стимулирование и поддержка перехода студента на следующий уровень профессионального роста; помощь и поддержка студента в переходе на новый уровень использования полученных знаний или отработки навыков, особенно когда студент должен принять внутренний вызов или боится неудачи; обратная связь в уважительной манере.

Профессиональное доверие невозможно без понимания и принятия ценностей коллеги, без четкого и ясного механизма выстраивания границ при сохранении взаимного контакта, выполнения обещаний и безоценочного общения. Если причина проблем в коммуникации в несовпадении ценностей преподавателя и студента, то требуется работа над установками преподавателя — ему необходимо принять, что каждый индивид имеет право на ценности, к которым не применимы категории правильные/неправильные. Преподаватели часто отмечают, что умение слышать не только то, о чем говорит студент, но и то, о чем он умалчивает (чувства, страхи, невысказанные желания, амбиции), а также умение задавать «сильные» и эффективные вопросы, которые вдохновляют на действия, помогают, особенно в деликатных ситуациях (например, когда студенты считают себя достаточно опытными и не видят необходимости в изменении или дальнейшем развитии). В этих ситуациях навык активного слушания обеспечивает контакт между преподавателем и студентом, который в этом случае может довериться и раскрыть свои чувства. Навык активного слушания проявляется следующим образом: преподаватель концентрирует внимание на студенте (что он говорит, на его чувствах, мыслях, убеждениях, ценностях), повторяет сказанное студентом, чтобы убедиться в правильной его понимании, в случае несовпадений точек зрения дает студенту возможность уточнить свою позицию, не давая оценок и не принимая чью-либо сторону. Именно навык активного слушания создает пространство доверия и партнерства, где поощряется свобода самовыражения.

Сильные, или, как они называются в коучинге, эффективные, вопросы позволяют студенту осознать собственный потенциал, задуматься и найти ответ, что для обучения более значимо, чем ответ, услышанный от преподавателя. Умение задавать эффективные вопросы проистекает из навыка активного слушания и глубокого понимания собеседника. Техника эффективных вопросов включает такой обязательный элемент, как пауза, молчание после вопроса, что дает собеседнику возможность сконцентрировать свое внимание на сути вопроса и подумать над его содержанием и возможным ответом. Эффективные вопросы стимулируют не только мышление, но и поиск новых, альтернативных путей решения задачи, принятие на себя ответственности за реализацию высказанной идеи. Когда у студента возникает собственное решение проблемы, его не надо «подталкивать» к дей-

ствию. Когда студент осознает ценность своих действий для достижения цели, у него формируется мотивация взять ответственность и самостоятельно решить задачу.

Умение преподавателя задавать эффективные вопросы связано с наличием следующих компетенций: предварительное понимание и повторение позиции собеседника; стимулирование самостоятельного поиска решения на основе целеустремленности и ответственности; умение формулировать открытые вопросы, требующие развернутых ответов и четких обоснований; постановка вопросов, продвигающих студента к намеченной цели; избегания вопросов, требующих оправдания и защиты. Прямая коммуникация — важная коучинговая компетенция, основанная на ясной, однозначной формулировке мысли, выраженной в уважительной к собеседнику форме.

Инструмент развивающей обратной связи строится на навыке прямой коммуникации. Обратная связь возможна, когда у собеседника есть намерение и желание ее получить. Важно, чтобы разрешение на обратную связь было предоставлено предварительно — для установления доверия и партнерств. Если преподаватель проявляет уважение и спрашивает разрешения, а затем использует навык безоценочной прямой коммуникации, то возникший со студентом контакт обеспечивает «безбарьерное» восприятие обратной связи и позволяет скорректировать поведение. Обратная связь должна содержать позитивное намерение; быть описательной, а не оценочной; быть конкретной; основываться на фактах или поведении, а не на интерпретации; быть конструктивной и полезной.

Таким образом, овладение преподавателем коучинговых приемов направлено на прохождение студентом в процессе обучения следующих этапов: осознание проблемы; планирование и постановка цели; проектирование действий; отслеживание прогресса и повышение чувства ответственности за результат. Данные навыки можно объединить в один блок — фасилитация обучения и достижения результатов.

Количественные показатели, характеризующие эффективность разработанной авторами методики внедрения коучинга в образовательный процесс, — это средние значения посещаемости занятий и активности студентов, обобщенные за период с 2017 по 2022 годы. С 2019 года в образовательный процесс внедрялся коучинговый подход, поэтому для проверки гипотезы о его влиянии на формирование социального капитала обучающихся данные, полученные с 2017 по 2019 годы, сравнивались с данными, полученными с 2020 по 2022 годы. На рисунке 1 представлены результаты замера уровня посещаемости (среднее значение для списочного состава учебных групп 1–4) за исследуемый период. Начиная с 2019 года наблюдается рост посещаемости: состав групп менялся, но общий тренд роста посещаемости сохранялся.

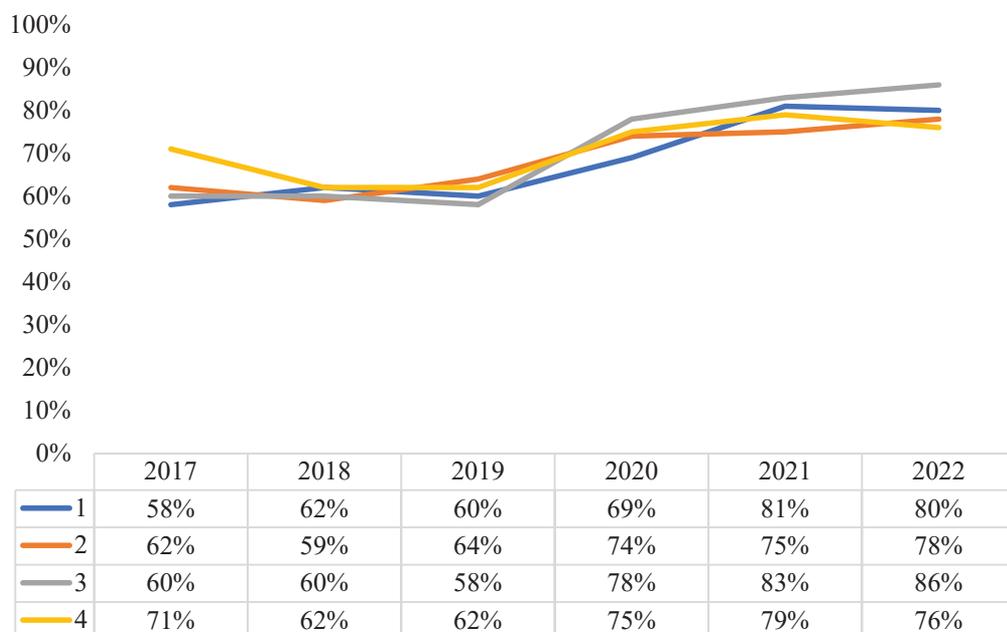

Рис. 1. Среднее значение посещаемости занятий для четырех групп бакалавриата

С введением коучингового подхода в преподавание английского языка посещаемость студентов 2 курса выросла с 14 % до 20 %, и это в условиях постоянного перехода между онлайн и офлайн форматами в период пандемии. Насколько существенен этот рост: если взять количество часов в годовом учебном плане, то 20 % дадут нам дополнительные 32 академических часа, а это более месяца регулярных занятий. Несколько иная картина наблюдается у студентов магистратуры (Рис. 2): менее выраженный рост посещаемости связан с традиционным для этого уровня подготовки совмещением учебы и работы. Возможности роста посещаемости ограничены внешними объективными факторами и не превышают 12 % за период, но факт роста этого показателя свидетельствует о большей мотивации к учебе на фоне внедрения коучингового подхода.

Второй показатель, который измерялся в ходе исследования, — активность на занятии, включенность в учебный процесс, вовлеченность в аудиторную работу, на которую должна была воздействовать предложенная методика занятий с применением коучингового подхода. Сравнение результатов экспериментального периода с 2020 по 2022 год с контрольным периодом 2017–2019 показало положительное влияние коучинга на активность студентов (Рис. 3).

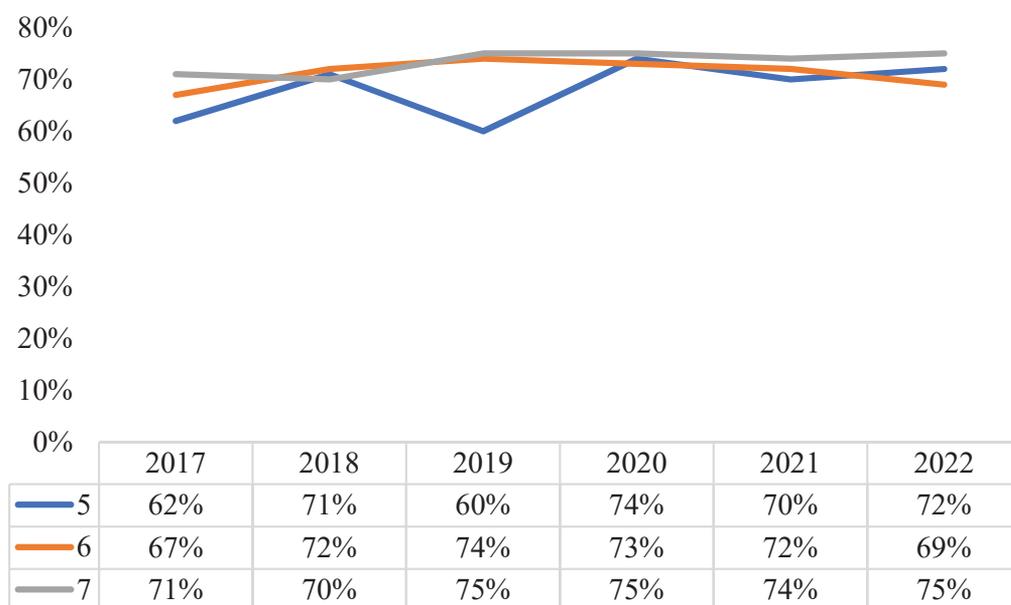

Рис. 2. Среднее значение посещаемости занятий для трех групп магистратуры

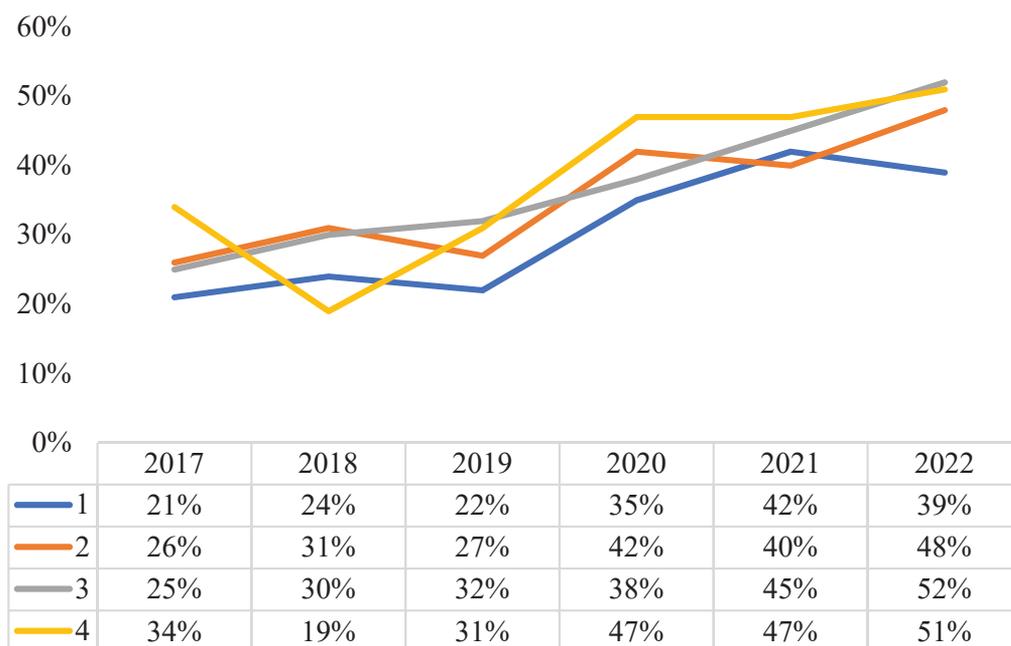

Рис. 3. Среднее значение активности на занятиях для четырех групп бакалавриата

Анализ результатов позволяет сделать вывод об устойчивой положительной динамике показателя активности после внедрения коучингового подхода в образовательный процесс. Рост составил 20 % и более, т.е. количество вовлеченных в усвоение материала студентов выросло с 20 % до 50 %, и та же картина наблюдается у студентов магистратуры (Рис. 4).

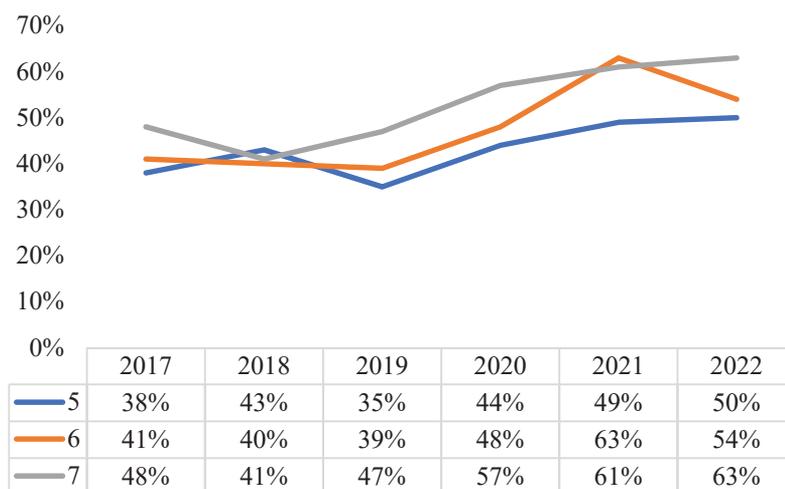

Рис. 4. Среднее значение активности на занятиях для трех групп магистратуры

Независимо от уровня активности в контрольный период (2017–2019), рост активности сразу после внедрения коучингового подхода составил не менее 10 % и сохранился в последующем, т.е. внедрение авторской методики обеспечивает устойчивое положительное влияние на оба измеряемых показателя. Для подтверждения были рассчитаны трендовые зависимости на основе усредненных показателей по бакалаврам и магистрам (Рис. 5, 6), показавшие различия в посещаемости бакалавров и магистров: внедрение коучинга в меньшей степени влияет на магистрантов, совмещающих работу и учебу, чем на бакалавров, у которых отмечается устойчивый рост посещаемости с 2020 года. В свою очередь, показатель активности в среднем по магистрантам выше и более подвержен влиянию коучингового подхода, чем у бакалавров. При этом общий рост активности после внедрения коучинга наблюдается у студентов обеих групп.

Прокомментируем показатель роста активности: занятия становятся более живыми, не приходится настойчиво просить студента прокомментировать или высказаться по теме — у студента исчезает страх сделать ошибку, появляется желание выразить свою мысль; студенты в ходе занятий охотно делятся своим мнением, активны в групповой работе, с готовностью участвуют в дискуссиях, обсуждают глобальные концепции и выполняют большинство заданий. Применение коучингового подхода в преподавании повлияло

и на уровень усвоения материала, обеспечив более глубокое понимание тем, понятий и концепций, формирование связей с уже полученными знаниями — студенты понимают логику развития навыков и могут предложить эффективный метод самообучения и саморазвития. На занятиях формируются навыки, которые лежат в основе концепции обучения в течение всей жизни и обеспечивает рост социального капитала: перевод и удержание информации в долговременной памяти; демонстрация системного и критического мышления; повышение успеваемости. Использование коучингового подхода создает развивающую образовательную культуру, трансформирует отношение студента к учебному процессу, делая его более осознанным. Студент самостоятельно управляет полученными знаниями и собой, строит собственные траектории развития, что необходимо для перехода к модели «обучения через всю жизнь».

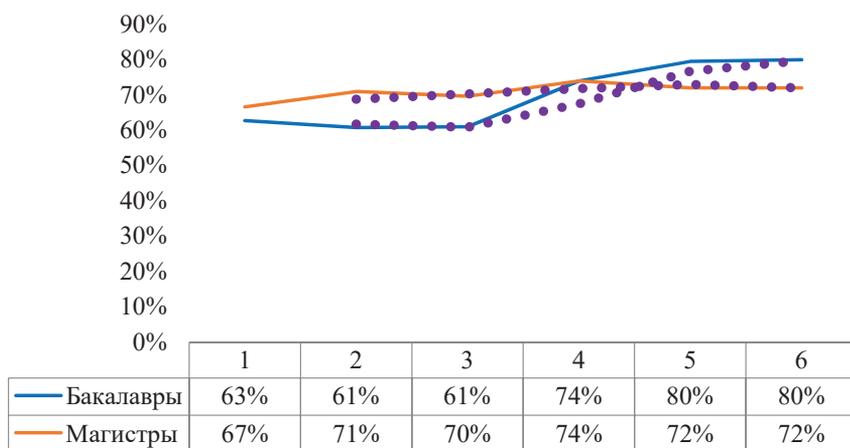

Рис. 5. Тренды изменения средних показателей посещаемости по годам

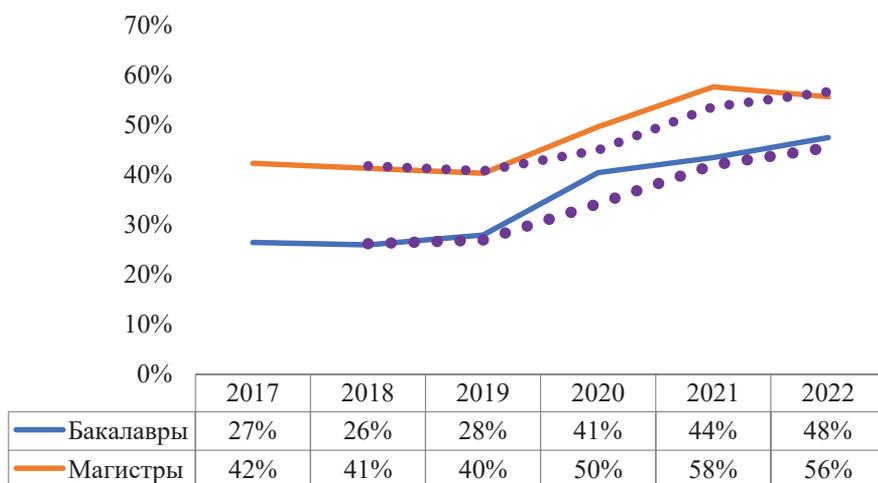

Рис. 6. Тренды изменения средних показателей активности по годам

Таким образом, можно сделать вывод о полезности и необходимости внедрения коучингового подхода в учебный процесс для повышения вовлеченности, мотивации, личной ответственности студента и, как следствие, человеческого капитала выпускников учебных заведений. Образовательные методики на основе коучингового подхода включают ряд обязательных элементов, только комплексное применение которых может обеспечить ожидаемые результаты: техника эффективных вопросов стимулирует обучающихся к аналитической деятельности, развивает критическое мышление; правильная постановка личных целей повышает заинтересованность в решении учебных задач и в организации своего времени; активное слушание как форма установления и реализации обратной связи позволяет понять индивидуальные цели каждого студента и учесть их при проведении занятий; внедрение приемов саморефлексии поддерживает индивидуальный прогресс студента, помогая ему признавать как успехи, так и неудачи; внимание к индивидуальным достижениям и усилиям в решении учебных задач обеспечивает положительную мотивацию и развитие; постоянная конструктивная обратная связь становится для преподавателя дополнительной нагрузкой, но выступает важным источником информации, позволяющим обучающемуся исправлять ошибки и корректировать свое участие в учебном процессе.

В целом приведенные в статье и многие другие исследования подтверждают, что коучинг может быть эффективным инструментом улучшения учебных результатов студентов, но эффективность коучинга зависит от многих факторов (квалификация коуча, качество взаимодействия между коучем и студентом, контекст и др.). В нашем проекте были использованы следующие коучинговые приемы воздействия на показатели посещаемости и активности студентов: навыки создания профессиональных отношений между преподавателем и студентами, основанных на доверии, партнерстве и прозрачном «соглашении», регламентирующем эти отношения; навыки выстраивания эффективной коммуникации, которые помогают через сильные вопросы открыть студенту его внутренние мотивы, ценности и убеждения, а через прямую коммуникацию — осознать, насколько эти убеждения продвигают его к цели или же, наоборот, ограничивают реализацию его потенциала.

Библиографический список/References

1. *Абаев А.Л., Маслевич Т.П., Сафронова Н.Б.* Вопросы внедрения процессного управления в практику высших учебных заведений текстильной отрасли // *Технология текстильной промышленности: Известия высших учебных заведений*. 2019. №2 / *Abaev A.L., Maslevich T.P., Safronova N.B.* Voprosy vnedreniya protsessnogo upravleniya v praktiku vysshih uchebnyh zavedeniy tekstilnoy otrasli [Issues of implementing process management in the higher educational institutions of textile industry]. *Tekhnologiya Tekstilnoy Promyshlennosti: Izvestiya vysshih uchebnyh zavedeniy*. 2019; 2. (In Russ.).

2. Ивлева М.Л., Курилов С.Н. Проблема формирования социальной парадигмы экоцентризма: опыт философского осмысления социологического исследования в вузе // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2019. Т. 19. № 4 / Ivleva M.L., Kurilov S.N. Problema formirovaniya sotsialnoy paradigmy ekotsentrizma: opyt filosofskogo osmysleniya sotsiologicheskogo issledovaniya v vuze [The development of the social paradigm of eco-centrism: A philosophical interpretation of the sociological research in university]. *RUDN Journal of Sociology*. 2019; 19 (4). (In Russ.).
3. Сафронова Н.Б., Урубков А.Р., Маслевич Т.П., Минаева Н.Л. Результативная команда: количественные методы формирования. М., 2022 / Safronova N.B., Urubkov A.R., Maslevich T.P., Minaeva N.L. *Rezultativnaya proektnaya komanda: kolichestvenny podkhod k formirovaniyu* [Productive Project Team: Quantitative Approach to Formation]. Moscow; 2022. (In Russ.).
4. Шайхитдинова С.К., Арсентьева Ю.С., Нежникова Е.В., Симкачева М.В. Студенческая группа как пространство социализации: условия благоприятной среды. Казанский социально-гуманитарный вестник. 2022. № 4 / Shaykhitdinova S.K., Arsentieva Yu.S., Nezhnikova E.V., Simkacheva M.V. *Studencheskaya gruppa kak prostranstvo sotsializatsii: usloviya blagopriyatnoy sredy* [Student group as a space of socialization: Favorable conditions]. *Kazansky Sotsialno-Gumanitarny Vestnik*. 2022; 4. (In Russ.).
5. Bagnasco A. Trust and social capital. Nash K., Scott A. (Eds.). *The Blackwell Companion to Political Sociology*. Oxford; 2004.
6. Bourdieu P. La représentation politique (Éléments pour une théorie du champ politique). *Actes de la recherche en sciences sociales*. 1981; 36 (1).
7. Centre for the Use of Research and Evidence in Education: Statement of Values // URL: <http://www.curee.co.uk/files/shared/CUREE%20Values%202014.pdf>.
8. Cook D.A., Artino Jr. A.R. Motivation to learn: An overview of contemporary theories. *Medical Education*. 2016; 50 (10).
9. Crisp P., Raybould R., Holdich K. The role of coaching in vocational education and training. *Education and Training*. 2013; 55 (1).
10. Gallwey W.T. *The Inner Game of Work*. New York; 2000.
11. Grabmeier St. BANI versus VUCA: A new acronym to describe the world // URL: <https://stephangrabmeier.de/bani-versus-vuca>.
12. Katsikis D., Kassapis S., Kostogiannis C., Bernard M.E. Coaching in schools. Bernard M.E., David O. (Eds.). *Coaching for Rational Living*. Cham; 2018.
13. Passmore J. Coaching psychology: Exploring definitions and contribution to coaching research and practice. *International Coaching Psychology Review*. 2019; 14 (2).
14. Putnam R.D. *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. New York; 2000.
15. Suvakovic U.V., Narbut N.P., Trotsuk I.V. The youth of Russia and Serbia: social trust and key generational problems. *RUDN Journal of Sociology*. 2016; 16 (4).
16. Trotsuk I. “To trust or not to trust” is not the question; “How to study trust” is much more challenging task. *Russian Sociological Review*. 2016; 15 (4).
17. Tokuda Y., Jimba M., Yanai H., Fujii S., Inoguchi T. Interpersonal trust and quality-of-life: A cross-sectional study in Japan. *PLOS One*. 2008; 3 (10).
18. Turner J. *The Formation of Social Capital: A Multifaceted Perspective*. Washington; 2000.
19. UNESCO International Bureau of Education: Guiding Principle for Learning in the Twenty-First Century. 2017 // URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000262678>.
20. Whitmore J. *Coaching for Performance*. London; 1996.

The study of the impact of coaching on the efficiency of learning in the higher education*

M.L. Ivleva¹, E.V. Nezhnikova¹, N.B. Safronova²

¹RUDN University,
Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

²Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Vernadskogo Prosp., 86, Moscow, 119571, Russia

(e-mail: ivleva-ml@rudn.ru; nezhnikova_ev@rudn.ru; safronova@ranepa.ru)

Abstract. The article presents the results of the sociological study of the impact of the coaching approach in the educational process in higher education. Based on the theory of coaching by T. Gallwey and J. Whitmore, the authors developed a methodology for improving personal and professional competences of students in the field of management. This methodology consists of fundamental coaching techniques: setting personal goals, identifying existing resources, active listening, providing feedback, and so on. The general principles of this methodology meet the educational standards adopted in Russia's higher educational institutions. This methodology was tested at the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA) and RUDN University. The efficiency of this methodology was assessed with the results of the sociological study conducted as a monitoring of social behavior and activity of students of Bachelor's and Master's levels in 2017–2022 (N = 564 undergraduate and Master's students and 361 PhD students). Undergraduate and graduate students from 2017, 2018 and 2019 courses were selected as a control group (448 students). The coaching method was introduced in 2020, and 477 students took part in the experiment. To assess the efficiency of the proposed methodology of introducing the coaching approach in the higher education system, the authors chose such indicators as attendance and involvement in classroom activities, which were evaluated during both offline and online (under the pandemic) courses. The results allowed the authors to conclude that the proposed methodology has a positive effect on the behavioral and cognitive involvement of students, thus, contributing to the quality of human capital of graduates in the field of management.

Key words: methodology; coaching; motivation; educational process; quantitative research; monitoring; evaluation; human capital

DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-2-539-554

EDN: RJMUPL

Поляризация информационного общества: цифровая перезагрузка*

Е.И. Дюдикова, Н.Н. Куницына

Северо-Кавказский федеральный университет,
ул. Пушкина, 1, Ставрополь, 355017, Россия

(e-mail: dudikova.e@gmail.com; nkunitcyna@ncfu.ru)

Аннотация. Цифровая сингулярность, позиционируемая комплексом сенсационных, иногда парадоксальных коллабораций и инновационных сущностей, выступает этапом генерации нового цивилизационного уклада, находящегося сегодня за пределами человеческого понимания. Современное поколение становится строителем и интегратором цифровых технологий шестого уклада, возникающих в связке метавселенной и Web 4.0. В условиях политических рисков, постпандемийного восстановления, санкционного давления, торговых и информационных войн, нарастания уровня киберугроз, внутренней космополитизации в векторе многополярного мира решающее значение для страны имеет лидерство в освоении киберпространства наряду с гармоничным развитием информационного общества. Безусловно, в современных реалиях требуется фундаментально новый подход к развитию социально-экономического пространства и обеспечению суверенитета принимаемых решений. Цель исследования — выявление причин поляризации общества в его сетевом и цифровом сегментах и принципов национальной доверенной среды метавселенной в свете модификации социально-экономического пространства. Авторы провели исследование восприятия прорывных инноваций и результатов информационно-цифровой революции: были опрошены 21 348 жителей ряда регионов Северо-Кавказского и Южного федеральных округов. Результатом стала матрица поляризации информационного общества и концепция его цифровой трансформации под воздействием рекурсивности и генеративности интенсивно дополняющих и сменяющих друг друга новшеств. Стратегический ориентир концепции — метавселенная в парадигме тесной связи экономического развития и социального регулирования за счет интеграции цифрового пространства и физического мира с позиции уникальных возможностей информационно-коммуникационного взаимодействия в единой доверенной среде на базе высокотехнологичных решений эпохи Web 4.0. В новых реалиях цифровая трансформация общественного строя неизбежна: диссонанс в восприятии информационным обществом прорывных инноваций и результатов информационно-цифровой революции свидетельствуют о неотвратимости грядущих перемен.

Ключевые слова: информационное общество; матрица поляризации; доверенная среда; метавселенная; цифровая трансформация; цифровое опциональное сопровождение; Web 4.0

*© Дюдикова Е.И., Куницына Н.Н., 2024

Статья поступила 10.01.2024 г. Статья принята к публикации 25.04.2024 г.

Наблюдаемое с середины XX столетия бурное развитие технологий и переход к шестому технологическому укладу [8] обуславливают смену социально-экономической формации в парадигме четвертой промышленной революции [30]. В результате оформилась теория о зарождении нового типа общества (суперинтеллектуального, общества 5.0) [2; 15; 20; 24] — впервые она официально упоминается в японской национальной стратегии инновационного развития, где очерчивается наиболее предпочтительный из возможных путей в цифровое будущее — за счет превращения информационного общества 4.0 в суперинтеллектуальное [19] и симбиоза физического мира и виртуального пространства, неотъемлемой частью которого является Индустрия 5.0.

Ряд исследователей [3; 5; 6; 9; 13; 16; 17; 29] видит развитие информационного общества в парадигме суперинтеллектуального — как нового технологического уклада, когда информация, коммуникации и инновации превращаются в единую конструкцию, движущую силу глобальной общественной трансформации. Расширяется роль информации в жизни социума; возрастает доля высоких технологий, продуктов и услуг в ВВП; формируется глобальное информационно-коммуникационное доверенное пространство, обеспечивающее эффективное взаимодействие экономических субъектов, их доступ к мировым информационным ресурсам; удовлетворяются потребности в информационных продуктах и услугах с повышением качества жизни [1; 10; 12; 18; 21; 23; 26; 28].

Безусловно, становление информационного общества в цифровой экономике возможно исключительно за счет промышленной эксплуатации высокотехнологичных решений нового поколения, выступающих новой социальной нормальностью. Конструктивным ответом с учетом мирового мейнстрима и глобальных тенденций (1) представляется формирование единой доверенной среды национальной метавселенной, стержнем которой выступают web-технологии четвертого поколения — Web 4.0 (2). Метавселенная и Web 4.0 не едины, но тесно взаимосвязаны: Web 4.0 — четвертое поколение интернет-пространства, объединяющее передовые технологии (искусственный интеллект, распределенные реестры, виртуальные миры и др.) для создания достоверной, открытой, взаимосвязанной интеллектуальной цифровой среды; метавселенная как часть Web 4.0 — концепция виртуальных миров, интегрирующая физический мир и виртуальную реальность в режиме реального времени. Преимущества такого подхода «связаны с возможностью создания организованной экономики, позволяющей преодолевать кризисы перепроизводства, системно балансировать экономический рост с решением социальных проблем за счет глубокого и высокотехнологичного проникновения киберструктур в окружающий мир» [24. С. 158].

Поскольку технологические новации развиваются в единстве с социокультурной средой, формирование национальной доверенной среды — задача

из области бизнеса и коммуникаций, маскирующаяся под технологическую. Тенденции оцифровки личности и все большей готовности человечества к обмену конфиденциальности на удобства [22; 31] указывают на готовность к признанию и принятию метавселенной в случае полноценного многогранного воплощения ею уникальных ценностей и преодоления ряда ограничений криптоиндустрии [7; 25; 27; 32]. Сегодня метавселенная в симбиозе с Web 4.0 выступает не более чем эфемерной идеей, а не конкретным осязаемым продуктом, что делает невозможным доказательство или опровержение конкретных утверждений, но требует расширения горизонтов познания ее специфики как результата цифровой трансформации экономического пространства. На первых этапах становления метавселенная выступала как «широкомасштабная интероперабельная сеть трехмерных виртуальных миров, визуализируемых в реальном времени, в которой фактически неограниченное число одновременных пользователей могут получать синхронный и персистентный опыт с ощущением личного присутствия и с непрерывностью данных, таких как идентичность, история, права, объекты, коммуникации и платежи» [4]. Она стала новой точкой экономического роста, не воспринимается как хайп или угроза, а рассматривается в контексте потенциальных возможностей ее цифрового пространства. Web 4.0 — устойчивая виртуальная доверенная среда в тесной взаимосвязи с физическим миром, выходящая за рамки привычного восприятия киберпространства и оказывающая влияние на все аспекты человеческого существования. Ее определяющие характеристики — децентрализация на распределенных реестрах, интеллектуальные алгоритмы, синергическое взаимодействие человека и машины, вездесущность, разумная открытость и свобода.

История развития интернет-технологий и информационный взрыв на фоне изменения характера онлайн-сообществ, все большей реалистичности онлайн-опыта и влияния виртуализации на культуру и поведение подтверждают, что человечество находится в поиске цифровых моделей, наиболее близко имитирующих реальный мир. Вместе с тем уже сегодня отчетливо ощущается полярность мнений в отношении технологических инноваций и возможностей информационно-цифровой революции: «мгновенность и автоматизация многих повседневных практик за счет индивидуализированного контента в связи с развитием технологий Web 3.0 и Web 4.0 ускоряют ритм жизни, расширяют доступ к информации и знаниям, увеличивают список способов коммуникации, технологий потребления и производства, приводят к прозрачности процессов, что не может не изменять повседневную жизнь человека» [11. С. 117]. Однако наблюдаются также неопределенность и диссонанс в восприятии высокотехнологичных инноваций и грядущих прорывных перемен применительно к экономическому пространству — цифровое неравенство представителей разных поколений и разное социально-экономическое положение регионов.

Это обусловило выбор для исследования Северо-Кавказского и Южного федеральных округов, в которых отмечается высокий уровень скрытой (неформальной) экономической деятельности, низкий интегральный рейтинг социально-экономического положения и невысокий уровень проникновения цифровых сервисов. Была построена матрица поляризации информационного общества по результатам опроса разных возрастных групп: анкетирование проводилось с декабря 2022 года по май 2023 года (N = 21348; выборка квотная). Неоднородность восприятия цифровых инноваций представителями разных поколений способствовала группировке респондентов в три категории: поколения бэби-бумеров (3) и X (4) — 28,7 %, поколения Y (5) — 37,1 %, поколения Z (6) — 34,2 %. Вопросы анкеты были распределены по блокам (в каждом присутствуют пункты, позволяющие отнести респондента к одному из сегментов матрицы): а) теоретический — общее представление о криптоиндустрии и блокчейн-культуре; б) практический — реальный опыт работы с DeFi вне правового поля; в) блок восприятия формального цифрового сегмента — отношение к легитимным средствам (цифровому рублю и цифровым финансовым активам); г) блок знания цифровых инноваций (образовательно-новостной) — обучение работе с цифровыми инструментами и отслеживание новостных лент. Перед анкетированием никаких дополнительных разъяснений респондентам не давалось.

Парадоксы поляризации общества в восприятии цифровой реальности

Отсутствие целостного, определенного и понятного видения будущего, формирующегося под влиянием рекурсивности [14] и генеративности (7), обусловило поляризацию восприятия прорывных инноваций. Сегменты построенной матрицы поляризации информационного общества (Рис. 1) демонстрируют разное восприятие цифровой реальности и информационно-коммуникационной среды взаимодействия в едином экономическом пространстве. Шестой технологический уклад и приближение к цифровой сингулярности породили необратимую поляризацию информационного общества, условно разделив его на сетевое и цифровое сообщества с диаметрально-противоположным восприятием изменений, вызываемых высокими технологиями эпохи web 4.0 (Табл. 1). Сетевое сообщество (42,4 % респондентов) представлено беби-бумерами (8) и поколением X (21,2 % респондентов), а также поколениями Y и Z (16,5 % и 4,7 % соответственно). Они признают электронное экономическое пространство как совокупность разрозненных автономных информационных систем с «закрытым» контуром, требующим обмена информацией не в автоматизированном виде. Переходной автоматизации свойственны множественность, обособленность, раздробленность, непостоянство, скрытость и изменчивость (9).

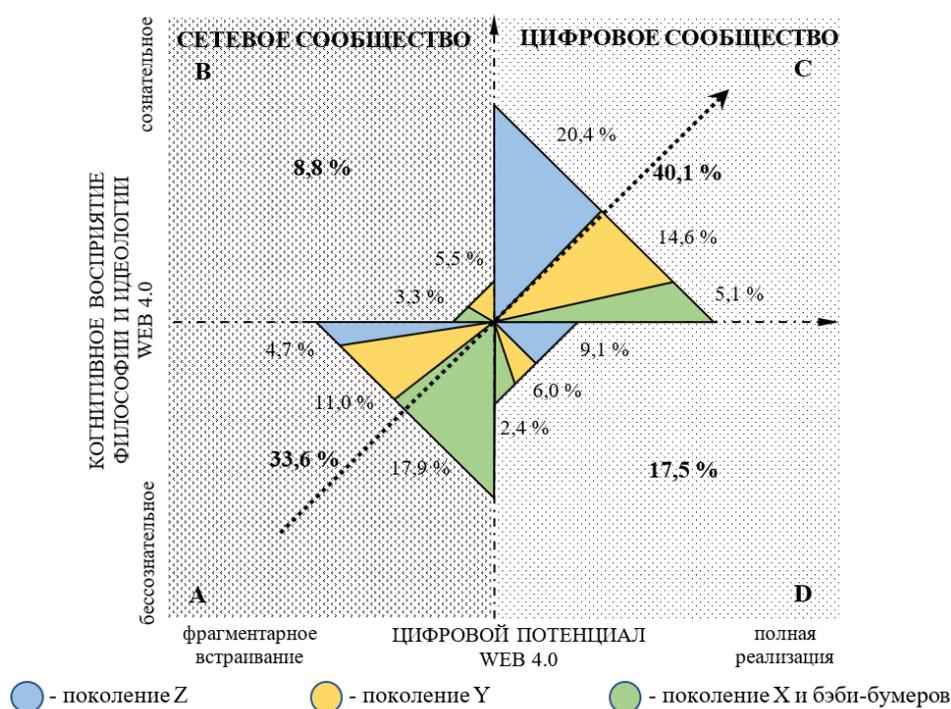

Рис. 1. Матрица поляризации информационного общества

Представители сетевого сообщества признают целесообразность цифровизации отдельных процессов при условии идеального инкорпорирования перемен в существующий миропорядок, т.е. встраивания новых технологий в имеющиеся процессы. Так, консерваторы сегмента А (беби-бумеры и поколение X — 53,3 %, а также поколение Z — 14 %) воспринимают новые технологии как мимолетную игрушку, считая, что интерес к ней исчезнет в скором времени. Ограничиваясь стереотипами и предубеждениями, они не признают философию и идеологию крипто-индустрии, но готовы применять привычные продукты, в том числе прошедшие цифровую модификацию. Реформаторы сегмента В (8,8 % респондентов, нет представителей поколения Z) поверхностно осмысливают потенциал новых технологических решений в рамках классического восприятия мира. Они поддерживают частичное воплощение в жизнь возможностей Web 4.0, ограничивая его потенциал в правовом поле, стремясь сохранить привычную действительность и экономический уклад. Сетевое сообщество принимает решения по принципу «экономической византийщины» — поддерживая властные интересы в ущерб поступательному экономическому развитию. Сетевому сообществу свойственно групповое мышление в области прорывных инноваций — конформистские проявления, стремление избежать ответственности за изменения и эскалацию разногласий, мотивация не столько на поиск истины, сколько на организационное решение.

Отличительные характеристики информационного общества: сопоставление сетевого и цифрового сообществ

Сетевое сообщество (контур А+В)	Цифровое сообщество (контур С+D)
простые и консервативные взгляды, предубеждения и стереотипы	новаторские взгляды, креативное мышление без шаблонов и ограничений
примитивные ИКТ (характерные для пятого технологического уклада «безлюдные» технологии)	передовые ИКТ (характерные для шестого технологического уклада «безлюдных» технологий)
индивидуальная оптимизация через ИКТ	оптимизация через интеграцию цифровой реальности и физического пространства
отсутствие подчинения технологиям, их второстепенная роль	зависимость от виртуальной среды, ставшей новой нормальностью
фрагментированное электронное пространство, формируемое совокупностью разрозненных информационных систем	единая доверенная среда, обеспечивающая прозрачность, неотрекаемость, независимость, достоверность и надежность виртуального пространства
эволюционный подход к развитию отдельных аспектов общественной жизни без разрушения основ социального строя и смены экономического уклада	революционный подход к развитию всех аспектов общественной жизни в их тесной взаимосвязи
тождественность процессов: оцифровка = цифровизация = цифровая трансформация	различие масштабов и глубины процессов: оцифровка → цифровизация → цифровая трансформация
концепция цифровизации единицы (операции, продукта, процесса) в интересах конкретного экономического субъекта, реализуемая им обособленно	концепция тотальной цифровой трансформации социума с созданием равных возможностей для всех
поиск решений индивидуальных проблем и поддержание отдельных отраслей	решение комплекса социальных проблем и обеспечение благополучия общества в целом, выход за рамки отраслевых проблем

В то же время цифровое сообщество (57,6 %), формируемое в основном поколениями, благосклонно относящимися к технологиям и их бурному развитию (51,2 % — Z; 35,8 % — Y; 13 % — X) видит цифровую трансформацию как более глубокий и масштабный процесс, комплексно преобразующий действительность за счет перехода из одного технологического уклада в другой и полномасштабного использования новых технологий и процессов, которые без цифровых инноваций не могут быть воплощены в жизнь. Активисты «цифрового движения» приоритизируют всеобъемлющую высокотехнологичную опциональную метавселенную (национальную цифровую экосистему как единый организм) со встроенным механизмом оборота цифровых валют, позволяющую исключить функцию посредничества при передаче информации, но дающую права

полного доступа и контроля личного кабинета, в котором хранятся все сведения о владельце персональных данных. В новой парадигме Web 4.0 исчезают ограничения классических решений, объединяются системы с разными типами информации и повсеместно реализуется принцип отказа от дублирования ручного труда (локально) — автоматизации и взаимосвязки информационных процессов (тотально).

Как и сетевое, цифровое сообщество включает два сегмента, выражающих готовность к грядущим изменениям в связи с переходом к новой общественно-экономической формации. Революционеры сегмента С — в основном поколения Y+Z (94,9 % контура) — понимают природу и потенциал новаций, заблаговременно выдвигая гипотезы и предлагая реальные альтернативы существующим решениям, предвидя и ожидая появление масштабных и фантастических изобретений. Отличающиеся новаторскими взглядами и разделяющие философию цифровой трансформации активисты допускают развитие крипто-индустрии с сохранением ее идеологического базиса в контексте баланса интересов государства, бизнеса и человека. Большая их часть не просто оказывает теоретико-методологическую поддержку, но и непосредственно вовлечена в создание инфраструктуры цифрового цивилизационного уклада.

Представители сегмента D (17,5 % респондентов: 51,2 % — Z; 35,8 % — Y; 13 % — X), будучи пассивными сторонниками цифрового движения, видят потенциал, но не природу новшеств Web 4.0. Они активно интересуются инновациями, признавая возможность реальной работы в модифицированной цифровой среде с атрибутами криптоиндустрии в рамках официальной юрисдикции. По их мнению, только под эгидой регулятора прорывная инновация может привлечь внимание пользователей. Они приспособляются к результатам цифровой трансформации экономического пространства, открыты к экспериментам с новациями в случае их правовой определенности. Преимущественно представители цифрового сообщества отличаются коллективным мышлением (10) (сознательной и рациональной активностью в поиске истины, обеспечивающей интеллектуальный прорыв), ориентированы на стремительные темпы становления цифровой индустрии (всего несколько десятилетий занял переход от криптобанкнот к метавселенным) и блокчейн-культуры (многие ее ответвления не достигли стадии массового проникновения), подтверждая заинтересованность большей части поколения Y и Z в Web 4.0 в решении обостряющихся проблем информационного общества.

Таким образом, полярность мнений представителей информационного общества отражает классический конфликт «отцов (X и бэби-бумеры) и детей (поколение Z)» в восприятии нововведений цифровой трансформации экономики, тогда как миллениалы примерно одинаково представлены в цифровых и сетевых сообществах (20,6 % и 16,5 %). Вероятно,

со временем цифровое сообщество будет включать больше амбассадоров и приверженцев новой формации без нарастания социального конфликта (пассивное неявное противостояние в виртуальном пространстве между электронным частным (централизацией) и цифровым честным (децентрализацией) в результате реализации взаимоисключающих форматов информационно-коммуникационного взаимодействия). Иными словами, актуализируется проблема консенсуса в российском экономическом пространстве, достижение которого требует взаимных уступок: прослеживается зарождение криптовалютной индустрии, однако формальные рынки требуют структуризации.

**Комплекс принципов
доверенной среды метавселенной Web 4.0
как консенсус в модификации
социально-экономического пространства**

Трансформация общественного строя неизбежна: специфика цифровой реальности не позволяет уклониться от грядущих перемен, итогом которых станет единое цифровое экономическое пространство, формируемое путем замены автономно функционирующих электронных систем цифровой многофункциональной платформой (11) как базиса метавселенной. Ее привлекательность обусловлена не обеспечением анонимных транзакций и исключением централизованного оператора, а уникальным потенциалом Web 4.0 — это эксклюзивные возможности принятия осознанных экономических решений в правовом поле, не мотивирующих неформальную (теневую) деятельность, которые обеспечены концепцией доверенного цифрового пространства (среды).

Концепция Web 4.0 формирует уверенность в надежности всех компонентов цифрового взаимодействия. В формальном экономическом пространстве основной характеристикой цифровой платформы выступает не параметр «разные владельцы равноправных серверов», а инновационный механизм распределенных реестров с децентрализованной территориально-распределенной структурой полноценных копий реестра. Принципиальна не принадлежность равноправных серверов одному или нескольким центрам (в национальных масштабах критически значимо условие не менее трех неаффилированных суверенных центров), а привлекательность территориальной независимости, которую можно реализовать только за счет размещения равноправных серверов на значительном расстоянии друг от друга, что и обеспечит децентрализацию платформы. Несовместимость философии и принципов централизованных и децентрализованных систем не позволяет организовать их гибридное эквивалентное применение в рамках конкретной информационной системы.

Концепция национальной доверенной среды на Web 4.0 должна базироваться на следующих принципах: *принцип единого источника (разового ввода информации)* — на смену многочисленным автономным электронным системам с разным типом информации идет единая цифровая платформа с подстраиваемым уровнем доступности и открытости данных за счет гранулярного механизма разграничения доступа к информации, в разы превосходящая уровень обеспечения конфиденциальности в электронном пространстве. Подобные изменения влекут цифровую трансформацию не только денежного оборота или иного отдельного контура, но всей информационно-коммуникационной среды за счет превращения ее в глобальную метавселенную (цифровую экосистему, объединяющую государство, бизнес и некоммерческий сектор). Пользователь получает такие выгоды, как простота поиска информации, гарантии идентичности и непротиворечивости сведений, решение проблемы с интероперабельностью, отсутствие обязанности передачи одних и тех же данных в разные ведомства. Правила цифровой среды распространяются на территории всей страны, обеспечивая взаимодействие субъектов независимо от региона регистрации или нахождения, что способствует масштабной финансовой интеграции и защите от фрагментации экономического пространства.

Принцип межведомственного взаимодействия и оперативности — в доверенной среде предполагается моментальное взаимодействие экономических субъектов между собой и государством с обеспечением доступа к информации в рамках их полномочий и без дополнительных запросов. Всем уполномоченным лицам предоставляется доступ к сведениям как первоисточнику, что избавляет от необходимости дублирования информации разными организациями, увеличивает скорость ее обработки, устраняет временной лаг, исключает возможность фальсификаций, позволяет реализовать креативные опции Web 4.0. Субъект персональных данных в режиме реального времени имеет доступ к своим данным, отраженным в доверенной среде, и становится участником всех операций с его персональными данными, выполняя роли от инициатора до контролера.

Принцип достоверности и неизменяемости предполагает невозможность оспаривания точности отражения информации в системе по субъективным причинам за счет использования методов криптографической защиты данных для недопущения их фальсификации и обеспечения неотрекаемости и целостности. Пользователь может быть абсолютно уверен в верности сведений в виртуальном мире, имеет доступ к ним для ознакомления и предъявления претензий в режиме онлайн в случае выявления несогласованных действий, неточностей и ошибок. Исправления и коррективы вносятся последовательно и сохраняются в распределенных реестрах, исключая скрытое изменение данных.

Принцип доверия позволяет избежать безосновательного влияния уполномоченных органов или анонимных/псевдонимных операций независимо от статуса и роли участника метавселенной.

Принцип открытости и простоты обеспечивает, с одной стороны, доступность информации для свободного беспрепятственного восприятия пользователем; с другой стороны, понятность и выполнимость процедур работы в цифровой среде.

Принцип равенства предполагает отсутствие дискриминации по расовому, национальному, гендерному, религиозному признаку или общественному положению при получении доступа к метавселенной и совершению цифровых действий.

Принцип финансовой инклюзивности — результат широкого включения субъектов рынка в операции с финансовыми продуктами и услугами при соблюдении границ финансовой инклюзии и защиты прав потребителей финансовых услуг.

Принцип непрерывности функционирования платформы — результат своевременного выявления возможных источников неблагоприятных последствий и устранения/ослабления их влияния при одновременном отсутствии единой точки отказа системы и наличии избыточных резервных подсистем, что обеспечивает уверенность пользователя в бесперебойности и надежности работы цифровой системы.

Принцип обязательности применения реализуется за счет обязательного отражения информации в единой доверенной среде всех ведомств и государственных организаций (впоследствии всех экономических субъектов), что повышает прозрачность действий, эффективность выявления правонарушений и противостояния правовому нигилизму, снижает коррупционную составляющую, гарантирует цепной характер добавления данных и обеспечивает социально-экономическую справедливость.

Принцип экономичности позволяет оптимизировать уровень издержек за счет минимизации эксплуатационных расходов путем совокупного применения энергоэффективных алгоритмов, автоматизации потоков, транзакций и механизмов.

Эвентуальная национальная доверенная среда метавселенной, учитывающая интересы государства, бизнеса и человека, способна решить обостряющиеся проблемы информационного общества за счет прорывных перемен в отраслях, которые сопротивляются цифровой революции. Уникальный потенциал заложен в масштабной финансовой инклюзивности и опциональном цифровом сопровождении — смарт-контракты, токенизация, SSI (12), LLM (13), тонкая кастомизация, устранение информационной асимметрии, обеспечение социально-экономической справедливости за счет автоматизации и взаимосвязки потоков информации, реализация проактивного режима, «окрашивание» счетных единиц, безоговорочное и объективное соблюдение

ние разных ковенант, обеспечение атомарности операций, защита от инфраструктурных рисков, накапливаемая и неуничтожимая статистика, обрабатываемая нейронными сетями и искусственным интеллектом и т.д. способны обеспечить социальное благополучие населения, экономический и технологический суверенитет государства, структурную адаптацию экономики.

Создание национальной платформы для обеспечения цифрового экономического взаимодействия в пределах метавселенной должно начаться с цифровой трансформации денежного обращения путем создания единой системы оборота цифрового рубля, выступающего не в роли компонента платежного суверенитета, близкого безналичным расчетам, а как базовый структурный элемент Web 4.0 с постепенным отказом от идеи многочисленных национальных платежных средств и обособленно-равноправного функционирования множества информационных систем, которая приводит к расслоению экономического пространства.

Таким образом, безграничность, многогранность и содержательность прорывных инноваций можно обеспечить только в рамках единой доверенной среды метавселенной, предусматривающей технически взаимоувязанные потоки информации и исключаяющей признаки переходной автоматизации электронного экономического пространства. Формальная доверенная среда метавселенной позволит обеспечить принципиально иной подход к организации информационных процессов, повысить качество взаимодействия экономических субъектов, гарантируя экономическую свободу действий, и поменять отношение к системе денежного обращения в результате интеграции адаптированного инклюзивного механизма оборота цифровых валют с опциональным сопровождением, что приведет к трансформации всех сторон социально-экономической действительности в интересах цифрового сообщества как новой формации.

Информация о финансировании

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00283, <https://rscf.ru/project/24-28-00283>.

Примечания

- (1) Virtual Worlds and Web 4.0 — Factsheet. 2023. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/virtual-worlds-and-web-40-factsheet>; 10 крупнейших японских компаний, создающих экономическую зону метавселенной Японии. 2023 // URL: <https://coinclab.com/2023/03/01/10-krupnejshih-yaponskih-kompanij-sozdayushhhik-ekonomicheskuyu-zonu-metavselennoj-yaponii>; В Китае запустили государственную платформу для развития метавселенной. 2023 // URL: <https://forklog.com/news/v-kitae-zapustili-gosudarstvennyu-platformu-dlya-razvitiya-metavselennoj>; Южная Корея представила стратегию развития Web 3.0 и метавселенных. 2022 // URL: <https://bits.media/yuzhnaya-koreya-predstavila-strategiyu-razvitiya-web3-i-metavselennykh>.
- (2) Web 1.0 — Интернет-среда по типу библиотеки (исключительно для чтения); Web 2.0 — соцсети, переход от статичных страниц к web-приложениям, человек влияет на контент; Web 3.0 — технологии распределенных реестров и больших данных, искусственный интеллект и облачные сервисы, интернет-среда — семантическая сеть, единая

- децентрализованная база данных, управляемая сообществами пользователей; Web 4.0 (нейронет) — симбиотическая сеть равноправного взаимодействия между человеком и машиной (виртуальный мир смешивается с реальным). См.: Что такое Web 4.0. И что бизнесу нужно знать об интернете будущего. 2023 // URL: <https://sber.pro/digital/publication/chto-takoe-web-4-0-i-chto-biznesu-nuzhno-znat-ob-internete-budushhego>.
- (3) Поколение бэби-бумеров (1966 года рождения и старше) — консерваторы, тяжело переживающие глобальные перемены, неактивные пользователи мессенджеров, недоверчиво относящиеся к современным технологиям.
 - (4) Поколение X (1967–1984 годы рождения) — придерживаются простых и консервативных взглядов во многих вопросах и стремятся к стабильности; недоверчивы к изменениям в окружающей действительности, но достаточно адаптивны к экономическим и политическим переменам, за исключением изменений в мире технологий.
 - (5) Поколение Y — миллениалы (1985–1999 годы рождения) — одобряют быстрое развитие инноваций и проявляют повышенный интерес к новаторским решениям как дополняющим социальную действительность.
 - (6) Поколение Z — зумеры (2000 года рождения и моложе) — креативное мышление без шаблонов и ограничений; их образ жизни зависит от виртуальной среды, где симуляция повседневных процессов становится новой нормальностью.
 - (7) Общая способность технологии производить непредсказуемые изменения, обусловленные большой, разнообразной и несоординированной аудиторией [33].
 - (8) Все опрошенные беби-бумеры включены в сегмент А.
 - (9) Недостатки электронного экономического пространства обнажились и в результате эксплуатации единого налогового счета, призванного упростить и облегчить исполнение налоговых обязательств, но перемены только усугубили ситуацию.
 - (10) Участники, взаимодействуя, думают не только о предмете, но и о том, как другие воспринимают цифровую трансформацию; что каждый из них может сделать в данном направлении; как продуктивнее организовать процесс; какие мотивы двигают обществом и отдельными личностями; каковы точки роста и уязвимостей и др.
 - (11) Цифровая платформа основана на технологии распределенных реестров, предназначена для соединения людей, организаций, ведомств и ресурсов в интерактивную экосистему. См.: Eastwood B. The return of platforms (and how to not fail at building one). 2016. URL: <http://mitsloan.mit.edu/ideas-made-to-matter/return-platforms-and-how-to-not-fail-building-one>.
 - (12) Self-Sovereign Identity — архитектура программного обеспечения, при которой данные пользователя хранятся децентрализованно и полностью контролируются им в метавселенной, т.е. пользователь может самостоятельно управлять и контролировать личные сведения, включая предоставление и отзыв доступа к ним.
 - (13) Large Language Model (большие языковые модели) — нейросетевые модели, использующие алгоритмы машинного обучения

Библиографический список

1. *Артюхин В.В.* Информационное общество и общество знаний — реальность, формации или концепции? // Прикладная информатика. 2007. № 6.
2. *Бекецкая Ю.М., Осипян М.М., Терехова Ю.А., Кошокова С.Я.* Цифровое общество как новый этап информационного общества // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. № 1.
3. *Белл Д.* Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе. М., 1986.
4. *Болл М.* Метавселенная: как она меняет наш мир. М., 2023.
5. *Вольфсон Ю.Р., Вольчина А.Е.* Проблема классификации теорий информационного общества // Современные исследования социальных проблем. 2017. Т. 8. № 3.
6. *Ворожихин В.В.* «Общество 5.0» как ответ человечества на вызовы глобального развития // Россия: Тенденции и перспективы развития. Вып. 14. Ч. 1. М., 2019.

7. Генкин А., Михеев А. Блокчейн для всех: как работают криптовалюты, ВааS, NFT, DeFi и другие новые финансовые технологии. М., 2023.
8. Глазьев С.Ю. Информационно-цифровая революция // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2018. № 1.
9. Добринская Д.Е., Мартыненко Т.С. Перспективы российского информационного общества: уровни цифрового разрыва // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2019. Т. 19. № 1.
10. Жукова М.В., Крюков Д.В. Современный тренд развития экономики и общества: цифровое общество как особая стадия информационного общества // Society and Security Insights. 2022. Т. 5. № 2.
11. Лисенкова А.А. Новые медиа: от Web 1.0 к семантической паутине Web 4.0 // Вестник МГУКИ. 2018. № 1.
12. Негодаев И.А. На путях к информационному обществу. Ростов-на-Дону, 1999.
13. Нестеров А.Ю., Дорошин А.В., Никоноров А.В., Сойфер В.А. Эволюция общества в свете философии техники // Философские науки. 2022. Т. 65. № 2.
14. Рассказов С.В. Рекурсивность в платформах цифрового сотрудничества // Политическая экспертиза. 2022. Т. 18. № 1.
15. Силкина Г.Ю., Кутузов А.Л., Шевченко С.Ю. Интеллектуальные технологии перехода к интеллектуальному обществу // Наука и бизнес: пути развития. 2022. № 5.
16. Смирнов А.В. Цифровое общество: теоретическая модель и российская действительность // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 1.
17. Стоуньер Т. Информационное богатство: профиль постиндустриальной экономики // Новая технократическая волна на Западе. М., 1986.
18. Тоффлер Э. Третья волна. М., 2004.
19. Уэмура Н. Общество 5.0: взгляд Mitsubishi Electric // Экономические стратегии. 2017. № 4.
20. Чеснюкова Л.К., Купцова С.Н., Ярославцева Н.В. Информационные технологии как основа для трансформации в цифровое общество и индустрию 5.0 // Заметки ученого. 2023. № 4.
21. Чудин А.А., Гуляев С.В. Принципы построения информационного общества в России и мире // Креативная экономика. 2023. Т. 17. № 4.
22. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М., 2017.
23. Шиллер Г. Манипуляторы сознанием. М., 1980.
24. Щелкунов М.Д., Каримов А.Р. Общество 5.0 в технологическом, социальном и антропологическом измерениях // Вестник экономики, права и социологии. 2019. № 3.
25. Arner D., Auer R., Frost J. Stablecoins: Risks, Potential and Regulation. 2020. URL: <https://www.bis.org/publ/work905.pdf>.
26. Brzezinski Zb. Between two ages // America's Role in the Technetronic Era. N.Y., 1971.
27. Bullmann D., Klemm J., Pinna A. In Search for Stability in Crypto Assets: Are Stablecoins the Solution? 2019. URL: <https://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/scpops/ecb.op230~d57946be3b.en.pdf>.
28. Dahrendorf R. Class and Class Conflict in Industrial Society. California, 1959.
29. Masuda Y. The Information Society as Post-Industrial Society. Washington, 1981.
30. Schwab K., Malleret T. Covid-19: The Great Reset. 2020. URL: <https://books.google.ru/books?id=kruwzQEACAAJ>.
31. Segrán E. The Ethical Quandaries You Should Think about the Next Time You Look at Your Phone. 2015. URL: <https://www.fastcompany.com/3051786/the-ethical-quandaries-you-should-think-about-the-next-time-you-look-at>.
32. Yuneline M.H. Analysis of cryptocurrency's characteristics in four perspectives // Journal of Asian Business and Economic Studies. 2019. Vol. 26. No. 2.
33. Zittrain J. The Generative Internet // Harvard Law Review. 2006. Vol. 119.

Polarization of the information society: Digital reset*

E.I. Dyudikova, N.N. Kunitsyna

North-Caucasus Federal University,
Pushkina St., 1, Stavropol, 355017, Russia

(e-mail: dudikova.e@gmail.com; nkunitcyna@ncfu.ru)

Abstract. The digital singularity, positioned as a complex of sensational, sometimes paradoxical collaborations and innovations, is a stage in the new civilizational structure, which today is beyond human understanding. The contemporary generation becomes a builder and integrator of digital technologies of the sixth order that develops in combination with the metaverse and Web 4.0. Under the current political risks, post-pandemic recovery, sanction pressure, trade and information wars, increasing levels of cyber threats, and internal cosmopolitanization towards a multipolar world, leadership in the cyberspace development and the harmonious development of the information society become decisive for every country. Certainly, contemporary realities require a fundamentally new approach to developing the social-economic space and to ensuring the sovereignty of decisions. The study aims at identifying reasons for social polarization into network and digital segments and principles of the national trusted metaverse in the light of the social-economic space modifications. The authors conducted a study of the social perception of breakthrough innovations and the information and digital revolutions in Russia's North Caucasus and Southern Federal Districts (N = 21,348). The result of this survey is a polarization matrix of the information society and the concept of its digital transformation under the recursiveness and generativity of intensively complementary and successive innovations. The strategic guideline of this concept is the metaverse in the paradigm of the close connection between economic development and social regulation through the integration of digital space and physical world in the perspective of unique opportunities for the information-communication interaction in a single trusted environment based on high-tech solutions of the Web 4.0 era. In the new realities, the digital transformation of the social system is inevitable: the dissonance in the information society's perception of breakthrough innovations and the results of the information and digital revolutions indicate the inevitability of future changes.

Key words: information society; polarization matrix; trusted environment; metaverse; digital transformation; digital optional support; Web 4.0

Funding

The research is supported by Russian Science Foundation, project No 24-28-00283, <https://rscf.ru/en/project/24-28-00283>.

References

1. Artyukhin V.V. Informatsionnoe obshchestvo i obshchestvo znaniy — realnost, formatsii ili kontseptsii? [Are information society and knowledge society reality, formations or concepts?]. *Prikladnaya Informatika*. 2007; 6. (In Russ.).
2. Beketskaya Yu.M., Osipyan M.M., Terekhova Yu.A., Koshokova S.Ya. Tsifrovoe obshchestvo kak novy etap informatsionnogo obshchestva [Digital society as a new stage of the information

*© E.I. Dyudikova, N.N. Kunitsyna, 2024

The article was submitted 10.01.2024. The article was accepted on 25.04.2024.

- society]. *Gumanitarnye, Sotsialno-Ekonomicheskie i Obshchestvennye Nauki*. 2023; 1. (In Russ.).
3. Bell D. Sotsialnye ramki informatsionnogo obshchestva [The social framework of the information society]. *Novaya Tekhnokraticeskaya Volna na Zapade*. Moscow; 1986. (In Russ.).
 4. Ball M. *Metavseleonnaya: Kak ona menyaet nash mir* [The Metaverse: How it changes our world]. Moscow; 2023. (In Russ.).
 5. Wolfson Yu.R., Volchina A.E. Problema klassifikatsii teorij informatsionnogo obshchestva [The difficulty of the information society theories classification]. *Sovremennye Issledovaniya Sotsialnyh Problem*. 2017; 8 (3). (In Russ.).
 6. Vorozhikhin V.V. “Obshchestvo 5.0” kak otvet chelovechestva na vyzovy globalnogo razvitiya [“Society 5.0” as humanity’s response to challenges of the global development]. *Rossiya: Tendentsi i Perspektivy Razvitiya*. 2019; 14 (1). (In Russ.).
 7. Genkin A., Mikheev A. *Blokchejn dlya vseh: kak rabotayut kriptovalyuty, BaaS, NFT, DeFi i drugie novye finansovye tekhnologii* [Blockchain for Everyone: How Cryptocurrencies, BaaS, NFT, DeFi and Other New Financial Technologies Work]. Moscow; 2023. (In Russ.).
 8. Glazyev S.Yu. Informatsionno-tsifrovaya revolyutsiya [Information-digital revolution]. *Evraziyskaya Integratsiya: Ekonomika, Pravo, Politika*. 2018; 1. (In Russ.).
 9. Dobrinskaya D.E., Martynenko T.S. Perspektivy rossijskogo informatsionnogo obshchestva: urovni tsifrovogo razryva [Perspectives of the Russian information society: Digital divide levels]. *RUDN Journal of Sociology*. 2019; 19 (1). (In Russ.).
 10. Zhukova M.V., Kryukov D.V. Sovremenny trend razvitiya ekonomiki i obshchestva: tsifrovoe obshchestvo kak osobaya stadiya informatsionnogo obshchestva [Contemporary trend in the social-economic development: Digital society as a special stage of the information society]. *Society and Security Insights*. 2022; 5 (2). (In Russ.).
 11. Lisenkova A.A. Novye media: ot Web 1.0 k semanticheskoy pautine Web 4.0 [New media: from Web 1.0 to the semantic Web 4.0]. *Vestnik MGUKI*. 2018; 1. (In Russ.).
 12. Negodaev I.A. *Na putyah k informatsionnomu obshchestvu* [On the Way to the Information Society]. Rostov-on-Don; 1999. (In Russ.).
 13. Nesterov A.Yu., Doroshin A.V., Nikonorov A.V., Soifer V.A. Evolyutsiya obshchestva v svete filosofii tekhniki [Social evolution in the light of philosophy of technology]. *Filosofskie Nauki*. 2022; 65 (2). (In Russ.).
 14. Rasskazov S.V. Rekursivnost v platformah tsifrovogo sotrudnichestva [Recursiveness on digital collaboration platforms]. *Politicheskaya Ekspertiza*. 2022; 18 (1). (In Russ.).
 15. Silkina G.Yu., Kutuzov A.L., Shevchenko S.Yu. Intellektualnye tekhnologii perekhoda k intellektualnomu obshchestvu [Smart technologies of transition to the intellectual society]. *Nauka i Biznes: Puti Razvitiya*. 2022; 5. (In Russ.).
 16. Smirnov A.V. Tsifrovoe obshchestvo: teoreticheskaya model i rossijskaya dejstvitelnost [Digital society: Theoretical model and Russian reality]. *Monitoring Obshchestvennogo Mneniya: Ekonomicheskie i Sotsialnye Peremeny*. 2021; 1. (In Russ.).
 17. Stonier T. Informatsionnoe bogatstvo: profil postindustrialnoj ekonomiki [The wealth of information: A profile of the post-industrial economy]. *Novaya Tekhnokraticeskaya Volna na Zapade*. Moscow; 1986. (In Russ.).
 18. Toffler A. *Tretiya volna* [The Third Wave]. Moscow; 2004. (In Russ.).
 19. Uemura N. Obshchestvo 5.0: vzglyad Mitsubishi Electric [Society 5.0: The view of Mitsubishi Electric]. *Ekonomicheskie Strategii*. 2017; 4. (In Russ.).
 20. Chesnyukova L.K., Kuptsova S.N., Yaroslavtseva N.V. Informatsionnye tekhnologii kak osnova dlya transformatsii v tsifrovoe obshchestvo i industriyu 5.0 [Information technologies as a basis for transformation into a digital society and industry 5.0]. *Zametki Uchenogo*. 2023; 4. (In Russ.).
 21. Chudin A.A., Gulyaev S.V. Printsipy postroeniya informatsionnogo obshchestva v Rossii i mire [Principles of building an information society in Russia and the world]. *Kreativnaya Ekonomika*. 2023; 17 (4). (In Russ.).

22. Schwab K. *Chetvertaya promyshlennaya revolyutsiya* [The Fourth Industrial Revolution]. Moscow; 2017. (In Russ.).
23. Schiller H. *Manipulyatory soznaniem* [Mind Manipulators]. Moscow; 1980. (In Russ.).
24. Shchelkunov M.D., Karimov A.R. Obshchestvo 5.0 v tekhnologicheskom, sotsialnom i antropologicheskom izmereniyah [Society 5.0 in technological, social and anthropological dimensions]. *Vestnik Ekonomiki, Prava i Sotsiologii*. 2019; 3. (In Russ.).
25. Arner D., Auer R., Frost J. Stablecoins: Risks, Potential and Regulation. 2020. URL: <https://www.bis.org/publ/work905.pdf>.
26. Brzezinski Z. *Between Two Ages. America's Role in the Technetronic Era*. New York; 1971.
27. Bullmann D., Klemm J., Pinna A. In Search for Stability in Crypto Assets: Are Stablecoins the Solution? 2019. URL: <https://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/scpops/ecb.op230~d57946be3b.en.pdf>.
28. Dahrendorf R. *Class and Class Conflict in Industrial Society*. California; 1959.
29. Masuda Y. *The Information Society as Post-Industrial Society*. Washington; 1981.
30. Schwab K., Malleret T. Covid-19: The great reset. World Economic Forum. 2020. URL: <https://books.google.ru/books?id=kruwzQEACAAJ>.
31. Segran E. The Ethical Quandaries You Should Think about the Next Time You Look at Your Phone. 2015. URL: <https://www.fastcompany.com/3051786/the-ethical-quandaries-you-should-think-about-the-next-time-you-look-at>.
32. Yuneline M.H. Analysis of cryptocurrency's characteristics in four perspectives. *Journal of Asian Business and Economic Studies*. 2019; 26 (2).
33. Zittrain J. The Generative Internet. *Harvard Law Review*. 2006; 119.

НАШИ АВТОРЫ

Алешковский Иван Андреевич — кандидат экономических наук, заместитель декана факультета глобальных процессов Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (e-mail: aleshkovski@yandex.ru).

Бараш Раиса Эдуардовна — кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (e-mail: raisabarash@gmail.com).

Барков Сергей Александрович — доктор социологических наук, заведующий кафедрой экономической социологии и менеджмента Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (e-mail: barkserg@live.ru).

Болякова Иева — магистр педагогики, лектор кафедры окружающей среды и технологий факультета естественных наук и здравоохранения Даугавпилсского университета (e-mail: ieva.bolakova@du.lv).

Бродский Владимир Игоревич — старший преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; преподаватель факультета социальных наук Московской высшей школы социальных и экономических наук (e-mail: brodskiy@bk.ru).

Великая Наталия Михайловна — доктор политических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Института социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (e-mail: natalivelikaya@gmail.com).

Воронина Валерия Андреевна — магистрант кафедры социологии Российского университета дружбы народов (e-mail: lera.rezanova.98@mail.ru).

Гаспаришвили Александр Тенгизович — кандидат философских наук, заместитель директора Центра стратегии развития образования Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; доцент кафедры

социологии Российского университета дружбы народов; старший научный сотрудник Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (e-mail: gasparishvili@yandex.ru).

Давыдов Сергей Анатольевич — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и управления персоналом Санкт-Петербургского государственного экономического университета (e-mail: licurg@inbox.ru).

Дюдикова Екатерина Ивановна — доктор экономических наук, профессор кафедры финансов и кредита Института экономики и управления Северо-Кавказского федерального университета (e-mail: dudikova.e@gmail.com).

Еникеева Ирида Ирековна — доктор философских наук, профессор кафедры международных отношений, истории и востоковедения Уфимского государственного нефтяного технического университета (e-mail: zekrist@mail.ru)

Иванов Вилен Николаевич — доктор философских наук, член-корреспондент и советник Российской академии наук; главный научный сотрудник Института социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук; профессор кафедры социологии Российского университета дружбы народов (e-mail: vilen_ivanov@bk.ru).

Ивлева Марина Левенбертовна — доктор философских наук, заведующая кафедрой социальной философии Российского университета дружбы народов (e-mail: ivleva-ml@rudn.ru).

Ирсетская Елена Александровна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (e-mail: e.irs@rggu.ru).

Кильдюшов Олег Васильевич — научный сотрудник Центра фундаментальной социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (e-mail: okildyushov@hse.ru).

Комарова Вера — доктор экономики, ведущий исследователь Института гуманитарных и социальных наук Даугавпилсского университета (e-mail: vera.komarova@du.lv).

Крухмалева Оксана Валерьевна — кандидат социологических наук, заведующая отделом Центра стратегии развития образования Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; доцент кафедры социологии Российского университета дружбы народов (e-mail: kruhoks@yandex.ru).

Куницына Наталья Николаевна — доктор экономических наук, заведующая кафедрой финансов и кредита Института экономики и управления Северо-Кавказского федерального университета (e-mail: nkunitcyna@ncfu.ru).

Мантарова Анна — доктор социологических наук, профессор Института философии и социологии Болгарской академии наук (e-mail: anna.mantarova@abv.bg).

Меньшиков Владимир — доктор социологии, профессор Института гуманитарных и социальных наук Даугавпилсского университета (e-mail: vladimirs.mensikovs@du.lv).

Милошевич Шошо Биляна — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии философского факультета Университета Восточного Сараево (Республика Сербская) (e-mail: milosevic_biljana@yahoo.com).

Мильтоевич Весна — доктор социологических наук, профессор факультета охраны труда Нишского университета (Сербия) (e-mail: vesna.miltojevic@znr fak.ni.ac.rs).

Назаров Михаил Михайлович — доктор политических наук, главный научный сотрудник Института социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (e-mail: vy175867@yandex.ru).

Нарбут Николай Петрович — доктор социологических наук, заведующий кафедрой социологии Российского университета дружбы народов; главный научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (e-mail: narbut-np@rudn.ru).

Нежникова Екатерина Владимировна — доктор экономических наук, профессор кафедры национальной экономики Российского университета дружбы народов (e-mail: nezchnikova_ev@rudn.ru).

Перич Ромич Ранка — доктор социологических наук, декан факультета политических наук Бая-Лукского университета (Республика Сербская) (e-mail: ranka.peric-romic@fpn.unibl.org).

Петрович Ясмينا — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии факультета философии Нишского университета (Сербия) (e-mail: jasmina.petrovic@filfak.ni.ac.rs).

Ракова Кристина Викторовна — кандидат социологических наук, младший научный сотрудник Центра изучения социокультурных изменений Института философии Российской академии наук (e-mail: rakova@iphgas.ru).

Руза Алексей — доктор психологии, ассоциированный профессор кафедры педагогики и психологии факультета гуманитарных и социальных наук Даугавпилсского университета (e-mail: aleksejs.ruza@du.lv).

Руза Оксана — доктор экономики, ведущий исследователь Института гуманитарных и социальных наук Даугавпилсского университета (e-mail: oksana.ruza@du.lv).

Савина Наталья Евгеньевна — научный сотрудник Центра стратегии развития образования Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (e-mail: savina.opinio@yandex.ru).

Сафронова Наталья Борисовна — кандидат технических наук, доцент Института отраслевого менеджмента Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (e-mail: safronova@ganepa.ru).

Тев Денис Борисович — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник сектора социологии власти и гражданского общества Социологического института Российской академии наук — филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (e-mail: denis_tev@mail.ru).

Троцук Ирина Владимировна — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Российского университета дружбы народов; ведущий научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации и Центра фундаментальной социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (e-mail: irina.trotsuk@yandex.ru).

Тюрина Ирина Олеговна — кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (e-mail: irinal-tiourina@yandex.ru).

Чжан Цзе — преподаватель Института гуманитарных наук и права Хэнаньского университета животноводства и экономики (КНР) (e-mail: galya66888@mail.ru).

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

В журнале публикуются статьи по методологии, истории и теории социологии, статьи по результатам социологических и междисциплинарных исследований по широкому кругу вопросов социально-гуманитарного знания на русском и английском языках, а также реферативные обзоры и рецензии.

Редакция принимает к рассмотрению статьи, оформленные в строгом соответствии со следующими правилами:

1. **Объем рукописи** — от 30 до 50 тысяч знаков (с пробелами) для статей, от 20 до 30 тысяч знаков — для рецензий. Формат страницы — А4, шрифт — Times New Roman, размер шрифта — 12, межстрочный интервал — полуторный, нумерация страниц не проставляется. Отступ первой строки абзаца — 1,25, поля на странице — 30 мм слева, 20 мм справа, сверху и снизу. Ссылки даются в тексте в квадратных скобках, внутри которых первая цифра указывает на номер источника в библиографическом списке, вторая, стоящая после прописной буквы «С», — на номер страницы в источнике (например, [1. С. 26]; ссылка на несколько источников — [1. С. 126; 4. С. 43]). Ссылки на примечания даются в круглых скобках, например, (1).
2. **Все таблицы, схемы, графики и рисунки** встраиваются непосредственно в текст статьи. Они должны быть пронумерованы и озаглавлены. Таблицы должны иметь заголовки, размещаемый над табличным полем, рисунки — подрисуночные подписи. При использовании в статье нескольких таблиц и/или рисунков их нумерация обязательна.
3. **Формулы** размечаются, поясняются и снабжаются библиографическими ссылками.
4. В рукописях необходимо приводить два списка ссылок на использованные в работе источники — «**Библиографический список**» и «**References**». Ссылки на источники в Библиографическом списке следует оформлять в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008; References — в стиле Vancouver в версии АМА. Требования к оформлению Библиографического списка и References приведены на сайте журнала: http://journals.rudn.ru/index.php/index/pages/view/References_guidelines.
5. К статье обязательно прилагаются:
 - ♦ **аннотация** (резюме) объемом 250–300 слов на русском и английском языках;

- ◆ **список 7–8 ключевых слов** на русском и английском языках; каждое ключевое слово или словосочетание отделяется от другого точкой с запятой;
- ◆ **авторская справка** на русском и английском языках, где указываются: Ф.И.О. (полностью), официальное наименование места работы, должность, ученая степень, а также **данные для связи с автором** — адрес места работы, включая почтовый индекс, номер телефона (служебный, мобильный), электронный адрес; **в статье допускается не более четырех соавторов.**

Срок рассмотрения и принятия решения о публикации составляет не менее **шести** месяцев со дня регистрации рукописи в редакции. Материалы, не принятые к изданию, не возвращаются. Редколлегия не вступает с авторами в переписку в случае отказа от публикации их материалов.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений.

Публикуемые материалы могут не отражать точки зрения редколлегии.

Представляя в редакцию рукопись, автор берет на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редколлегии.

С содержанием вышедших номеров и аннотациями статей можно ознакомиться на сайте журнала в сети Интернет: <http://journals.rudn.ru/sociology/index>.

Для отправки статьи в редакцию необходимо заполнить форму на сайте журнала <http://journals.rudn.ru/sociology/information/authors>, где также приведена подробная информация для авторов.

AUTHORS' GUIDELINES

The journal publishes articles on the methodology, history and theory of sociology, articles on the results of sociological and interdisciplinary studies covering a wide range of issues in social sciences and humanities written in Russian and English, as well as brief surveys and book reviews.

The editors will consider articles strictly complying with the following standards:

1. **The size of the manuscript** — from 30 to 50 thousand symbols for articles; from 20 to 30 thousand symbols for reviews. References are to be given in the text in square brackets, inside of which the first figure indicates the number of the source in the references list, the second one, following the capital letter “P”, indicates the page number in the source (for example, [1. P. 126]; references to several sources — [1. P. 126; 4. P. 43]). References to footnotes are to be given in round brackets, for example, (1).
2. All the **tables, diagrams, graphs, and drawings** are to be incorporated in the text of the article. They are to be numbered and supplied with a title. Tables are to be given a title placed above the table, drawings are to have captions. When several tables and/or drawings are used in the article, their numeration is obligatory.
3. **Formulas** are to be marked out, explained and provided with references.
4. The manuscript must include a list of references submitted in accordance with the Vancouver style of the AMA version. Requirements to ‘References’ can be found on the journal’s website: http://journals.rudn.ru/index.php/index/pages/view/References_guidelines.
5. **It is obligatory to attach** the following to the manuscript:
 - ◆ **abstract (summary)** of 250–300 words in Russian and English;
 - ◆ **a list of 7–8 key terms** in Russian and English; each key term or word-combination is to be separated from another one with a semicolon;
 - ◆ **information about the author** in Russian and English, including: the author’s full name, the official name of the place of employment, position, scientific degree, as well as the **author’s contact data** — mailing address, telephone number (office, mobile), electronic address; **the number of co-authors cannot be more than four.**

The decision as to publication is made no less than within **six** months from the day the manuscript is registered at the editorial office. Materials which are not accepted for publication will not be returned. The editors will not enter into correspondence with the authors in case of refusal to publish the articles submitted by them.

The authors will bear full responsibility for the selection and authenticity of the given facts, quotations, statistical and sociological data, proper names, geographical names and other information.

The published materials may not reflect the viewpoint of the editorial board and the editors.

The author, submitting a manuscript to the editors, undertakes not to have it published, either in full or partially, in any other publication without the editors' consent.

The published issues and abstracts of the articles are available on the website of the journal: <http://journals.rudn.ru/sociology/index>.

To send the article to the editors the author need to fill in a form on the website <http://journals.rudn.ru/sociology/information/authors>, which also provides the detailed information for authors.

ДЛЯ ЗАМЕТОК
